Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

ОТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СЛАВЯНИНА К СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Коллективная монография

Магнитогорск
2007

УДК
ББК

Рецензенты:
Доктор филологических наук, профессор
Магнитогорского государственного университета
Л. Н. Чурилина

Доктор филологических наук, профессор
Челябинского государственного педагогического университета
Л. А. Глинкина

От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллектив. монография / под ред. ***С. Г. Шулежковой***: в 2-х ч. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – Ч. I. – 241 с.

Монография подготовлена коллективом учёных, работающих над проблемой формирования русской языковой картины мира. Она содержит три раздела. В первом («Взгляд в прошлое: фрагменты языковой картины мира средневекового славянина») по материалам древнейших славянских памятников описываются представления наших предков о реальном мире, их взгляды на мученичество, отношение к веселью. Во втором разделе («Вербализаторы ряда ключевых концептов русской картины мира XVII–XIX вв.») на материале старообрядческих источников анализируются фразеосемантические поля концептов XVII в. «Состояние» и «Слово», на материале допросных речей Ем. Пугачёва – лексико-фразеологическое поле концепта XVIII в. «Время». В третьем разделе двумя концептами («Развитие» и «Смерть») представлены важные фрагменты современной русской концептосферы; русская национальная картина мира сопоставляется с индивидуальной художественной картиной мира (на примере творчества Д. С. Мережковского); сюда же включены этюды, отражающие судьбы вербализаторов древнеславянского происхождения, сохранившиеся в современном русском языке.

Монография адресована специалистам-филологам, студентам гуманитарных факультетов, а также всем, кого интересует история русского языка и русской культуры.

Художник-дизайнер: член Союза дизайнеров России **А. Г. Куликов**

© Магнитогорский государственный
университет, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

I. Взгляд в прошлое. Фрагменты языковой картины мира средневекового славянина 7

Л. Н. Мишина
Устойчивые словесные комплексы фразеосемантического поля «Мука» в тексте Супрасльской рукописи как материал для воссоздания языковой картины мира средневекового славянина 8

А. Н. Климова
Устойчивые словесные комплексы, характеризующие реальный мир средневекового славянина в Зографском евангелии, памятнике XI века ... 23

О. В. Франчук
Представление о веселье в языковой картине мира древних славян (игры, песни, пляски) 35

II. Вербализаторы ряда ключевых концептов русской картины мира XVII–XIX вв..... 43

М. А. Коротенко
Устойчивые словесные комплексы фразеосемантического поля «Слово» как вербализаторы фрагментов картины мира проповедника XVII столетия (на материале сочинений Ивана Неронова)..... 44

И. В. Петрова
Фразеосемантическое поле «Состояние» (на материале старообрядческих сочинений второй половины XVII века)..... 72

Н. В. Меркулова
«Время» в языковой картине мира носителей русского языка второй половины xviii столетия (на материале следственного дела Емельяна Пугачева)..... 81

О. А. Арапов
Устойчивые словесные комплексы библейского и фольклорного происхождения как средство отражения отдельных фрагментов русского менталитета в народных духовных стихах XIX века 116

III. Современная русская языковая картина мира. Опыт лексикографического и художественно-эстетического осмысления 123

А. А. Осипова
Концепт как элемент картины мира, воссоздаваемый по лексикографическим источникам (на примере концепта «Смерть» современной русской картины мира) 124

С. А. Анохина
Концепт «Развитие» в русской концептосфере (по материалам лексикографических источников)..... 156

А. Н. Михин
Русская национальная картина мира и принципы создания художественной картины мира в творчестве Д. С. Мережковского 187

О. В. Гневэк, М. В. Мусийчук
Роль иронии в освоении евангельских крылатых выражений 212

С. Г. Шулежкова
Судьба сверхсловных языковых единиц с компонентом *прах* (от старославянских устойчивых комплексов X–XI вв. к фразеологизмам современного русского языка) 224

Литература. . . . . .

Словари. . . . . .

От редактора

Языковая картина мира (ЯКМ) – одна из актуальнейших проблем современной лингвистики, которая уже в 1960-е годы осознала, что выход из постструктурального кризиса возможен лишь в том случае, если в фокусе внимания исследователя окажется «сам говорящий субъект, производящий и толкующий смыслы в конкретном социальном окружении, образующем его естественную среду» [Ажеж К. 2003]. Человек стал центром координат, определяющих предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики. Через полтора столетия после выхода в свет трудов В. фон Гумбольдта, который писал о языке как о «мире, лежащем между миром внешних явлений и внутренним миром человека», лингвисты вернулись к «вечным проблемам» языкознания. И сегодня об этом мире, называемом разными терминами, существует, по словам Ю. Д. Апресяна, одного из первых отечественных лингвистов, заговоривших о языковой картине мира [Апресян Ю. Д. 1969], огромная литература. Достойное место в этой сфере научных достижений занимают труды этнолингвистической школы Н. И. и С. М. Толстых (особенно их многотомный словарь славянских древностей), польского исследователя Е. Бартминского [Językowy obraz świata 1990]; цикл работ А. Вежбицкой о семантических универсалиях (1992, 1997, 1999); описание отдельных фрагментов русской концептосферы учёными разных школ; фундаментальный труд Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997); теоретические штудии Н. Д. Арутюновой (1988, 1998, 1999), В. В. Красных (2000), Анны Зализняк (2003, 2005) и, наконец, масштабное исследование «Языковая картина мира и системная лексикография», выполненное в ходе разработки Нового объяснительного словаря синонимов русского языка Московской семантической школой интегрального описания языка и системной лексикографии под руководством Ю. Д. Апресяна (2006).

Картина мира, или концептосфера, любого народа отражается, прежде всего, в его языке. «Реально “особый способ мировидения” проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [Апресян Ю. Д. 2006: 35]. В предлагаемой монографии авторы, занимающиеся проблемой формирования русской ЯКМ, исходили из того, что ключевые идеи, или семантические лейтмотивы, пронизывают концептосферу этноса и входят в составляющие её концепты, а лексико-фразеологические единицы в качестве вербализаторов этих концептов обладают наибольшей информативностью.

Книга состоит из трёх разделов. В первом разделе по материалам древнейших славянских памятников описываются представления наших предков о реальном мире (Климова А. Н.), их взгляды на мученичество (Мишина Л. Н.), отношение к веселью (Франчук О. В.). Во втором разделе

по старообрядческим источникам анализируются фразеосемантические поля концептов XVII в. «Состояние» (Петрова И. В.) и «Слово» (Коротенко М. А.). Здесь же на основании анализа допросных речей Ем. Пугачёва воссоздаётся лексико-фразеологическое поле концепта XVIII в. «Время» (Меркулова Н. В.), а по языку духовных стихов делаются выводы о важнейших фрагментах ЯКМ носителей русского языка XIX столетия (Арапов О. А.). В третьем разделе двумя фразеосемантическими полями – «Развитие» (Анохина С. А.) и «Смерть» (Осипова А. А.) – представлены два ключевых концепта современного русского «мировидения»; русская национальная картина мира сопоставляется с индивидуальной художественной картиной мира (на примере творчества Д. С. Мережковского (Михин А. Н.); сюда же включены этюды, отражающие судьбы евангельских крылатых выражений, отмеченных печатью иронии (Гневэк О. В., Мусейчук М. В.), и фразеологизмов с компонентом *прах* (Шулежкова С. Г.) в истории русского языка. Монография отражает лишь первый этап работы, цель которой – выявление закономерностей формирования русской языковой картины мира.

I. Взгляд в прошлое. Фрагменты языковой картины мира средневекового славянина

Л. Н. Мишина

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МУКА» В ТЕКСТЕ СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СЛАВЯНИНА

Понятие мученичества является одним из центральных понятий христианства, а мученики представляют собой древнейший разряд святых, прославляемых христианской церковью [Живов http]. По словам В. В. Акимова, «сегодня невозможно представить себе историю христианской Церкви без таких явлений, как мученичество и монашество» [Акимов http]. Подобное отношение к мученичеству объясняется историей возникновения и распространения христианства. Первообразом мученика является Иисус Христос, который засвидетельствовал истинность провозглашаемой им веры собственной кровью, одиннадцать из двенадцати апостолов (кроме Иоанна Богослова) закончили свои жизни, приняв мученическую смерть за распространяемую ими веру. В ранний период существования христианства, когда последователи новой религии сталкивались с враждебностью Римской империи, именно мученичество более всего способствовало распространению новой религии: мученичество выступало как сильнейшее свидетельство веры, силы и славы настоящего Бога, которое позволяло торжествовать внешне бессильному и бесславному человеку над своими противниками. По словам одного из раннехристианских теологов Тертуллиана, кровь христиан была тем семенем, из которого произрастала вера [Живов http]. Почитание мучеников в качестве божественных избранников стало одним из центральных элементов религиозности в период поздней античности и средневековья [Парамонова 2003: 331], причём первоначально почитание мучеников было явлением стихийным: в годовщину смерти верующие собирались на могиле мученика, служили литургию и раздавали милостыню нищим. Позже (в IV–V вв. н. э.) поминовение мучеников было канонизировано официальной церковью, а дни их памяти были объединены в годовой цикл, зафиксированный в мартирологах, и вошли в круг годичных церковных богослужений [Живов http].

Концепция мученичества была воспринята средневековым религиозным сознанием. Средневековое общество унаследовало почитание раннехристианских мучеников, а также породило своих мучеников, что привело к появлению как в церковном учении, так и в массовом сознании новых моделей мученичества как формы религиозной избранности. Наконец, теология мученичества оказала существенное воздействие на развитие представлений о религиозном подвижничестве и образцовом благочестии [Парамонова 2003: 334]. Таким образом, мученичество в сознании средневекового христианина являлось одним из базовых, основополагающих понятий. Представления о мученичестве отразились и в языковой картине мира

средневекового славянина, зафиксированной в текстах, созданных на старославянском языке. Естественно, что в первую очередь представления о мученичестве должны быть представлены в текстах житий мучеников и страстотерпцев, и в частности – в текстах мартовской минеи, вошедшей в состав Супрасльской рукописи.

Понятие мученичества существует в религиозном сознании наряду с понятиями праведности, святости и веры, с каждым из которых оно частично пересекается: мучеником в христианстве является святой (праведник, канонизированный официальной церковью, признанный небесным покровителем верующих), принявший муки и смерть за веру. Соответственно, в структуру концепта «МУЧЕНИЧЕСТВО» входят фрагменты представлений о категориях праведности, святости и веры: представление о жизни мученика с точки зрения соответствия её нормам христианской праведности, о его посмертном существовании в качестве покровителя верующих, а также понятие веры, прославление и утверждение которой было целью жизни мученика. Основополагающим для понятия мученичества, характерным только для него является категория муки, мучения. Славянскому религиозному сознанию свойственно особое внимание к этой стороне жизни мученика, что проявилось, в частности, в выборе лексемы, используемой для обозначения данного разряда святых. В греческом языке для наименования мученика используется слово μάρτυς, ‘*свидетель*’, то есть в византийской религиозной традиции мученик выступает как человек, своей жизнью свидетельствующий об истинности веры; физические страдания же, которым подвергали христианских мучеников, с точки зрения первых христиан, знакомых с правовыми нормами Римской империи, «были явлением обычным. Истязанию в известных случаях подвергался всякий <…> преступник, был ли то язычник или христианин. Пред римским трибуналом христиане <…> являлись как подсудимые, <…> прежде всего подлежащие самому серьезному допросу. Пытки на римском суде являлись обыкновенным законным средством дознания. <…> Таким образом, то, в чем мы видим жестокость, тогда было обыкновенною подробностью судопроизводства» [Болотов http]. На старославянский язык слово μάρτυς было переведено лексемами **мѫченикъ, старастоносьць** и **страстотрьпьць**, имевшими прозрачные словообразовательные связи с лексемами **мѫка** (‘му́ка, му́ки, мучение’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 343]) и **страстьѣ** (‘страдание, лишение’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 628]). Такой перевод указывает, что при знакомстве с новой религией славянские народы больше всего были поражены истязаниями мучеников, а не их свидетельством за веру [Болотов http]. Поэтому, на наш взгляд, для адекватного воссоздания представлений о мученичестве, зафиксированных в языковой картине мира средневекового славянина, необходимо прежде всего рассмотреть, как в старославянском языке отразилось понятие муки, мучения. Материалом для анализа являются 78 устойчивых словесных комплексов (УСК) в 641

употреблении, извлечённых из текста Супрасльской рукописи. Эти УСК образуют фразеосемантическое поле (ФСП) «Мука».

Названием ФСП является лексема mOka, имевшая в старославянском языке значение ‘му́ка, му́ки, мучение’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 343]. Понятие муки определяется словарями как ‘мучение физическое и нравственное’ [Сл. др.-р. яз. XI–XIV вып. 9: 321], ‘всякое сильное и длительное т@лесное и духовное страданье или боль, томленье, истязанье’ [Даль т. 2: 363], ‘сильное физическое или нравственное страдание’ [МАС т. 2: 315]. В текстах житий мучеников, входящих в состав Супрасльской рукописи, описываются только физические страдания, перенесённые христианами, поэтому в качестве интегральной семы, являющейся основанием для включения того или иного УСК во ФСП «Мука», нами выбрана сема ‘боль, физическое страдание’.

Ядром ФСП «Мука» является блок из шести УСК, в состав которых входит лексема, давшая название исследуемому полю. Они построены по модели П* + mOkQ: velikQ mOkQ, l%tQ mOkQ, ZestokQ mOkQ, straS$nQE mOkQ, gor$kQ mOkQ, neClov@C$skQ mOkQ. Все они имеют в своём значении сему ‘боль, физическое страдание’, на основании чего данные УСК отнесены к ядру рассматриваемого ФСП. Помимо интегральной семы ‘боль, физическое страдание’, в структуре значений данных УСК можно выделить сему интенсивности страдания, которая позволяет градуировать рассматриваемые УСК по шкале возрастания тяжести пыток. Сема интенсивности мучения заключена в структуре значения имён прилагательных, входящих в состав рассматриваемых УСК. На нижней ступени находятся муки, охарактеризованные при помощи УСК velikQ mOkQ. Прилагательное velik& имело в старославянском языке значение ‘сильный’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 110]; таким образом, данный УСК характеризовал муки как интенсивные, но не указывал на степень их переносимости/непереносимости для человека: *vedom& Ze mOCenik& xristosov& . k& koman@ . v)$ velic@ mOc@ sQ naC\ p@ti sv\t&i* [СР: 17, 25–27]. Далее на шкале интенсивности мучений находятся УСК l%tQ mOkQ, ZestokQ mOkQ, straS$nQE mOkQ, gor$kQ mOkQ. Входящие в их состав прилагательные являются синонимами и имеют значение ‘жестокий, внушающий страх, ужас’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 216, 318, 629, 634]: *gor)$c@ pr@t\Stu c@saru na boZi)E rabQ . l%to Ze Ç&lo d@la~jOStem& po v$sa m@sta kn\Çem& . (i novQ (i l%tQ iÇobr@ta~jOSte mOkQ* [СР: 209, 25–30]; *pokloniSi s\ sl)$n)$cu . (i (ogn% (i vod@ . (i s&kon$Ca(jeSi povel@nije c@sare . (aSte . li to v&ÇloZim& na t\ mOkQ ZestokQ (i l%tQ Ç@lo* [СР: 258, 27–30]; *povel@ (imati (i nuditi E Zr&ti . (i povinovati s*

* П – прилагательное

popom& . povinu~jOSt\E Ze s\ (i Z$rOSt\E . na velikQ sanQ (i C)$sti v&Çvoditi . nepovinu~jOSt\E Ze s\ gor)$kam& (i raÇliC)$nam& mOkam& pr@da(jati [CP: 255, 4–9]; (*i posl@d)$n~e(je dosaZdenije (ot& nas& pri(im&Se negodujete . (i straS$nQimi simi mOkami pr@tite . gr@x& na nQ nosESt'* [CP: 88, 18–20]. Наконец, на вершине шкалы интенсивности мучений расположены пытки, для наименования которых используется УСК neClov@C$skQ mOkQ. Компонент neClov@C$skQ имеет значение 'бесчеловечный' [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 378], (бесчеловечный – 'крайне жестокий, безжалостный' [МАС т. 1: 88]), то есть находящийся на следующем после «жестокого» уровне мучений: *((i ras@daE s\ (jarosti~jO s&padaaSe s& pr@stola . neClov@C)$st@ povel@vaE nanositi na n~$ mOkQ* [CP: 109, 6–9].

Околоядерную зону ФСП «Мука» составляют группы УСК, объединённые следующими семами:

1) 'испытывать боль, физические страдания';

'человек, испытывающий боль, физические страдания';

'причинить кому-либо боль, подвергнуть физическому страданию';

4) 'человек, причиняющий кому-либо боль, подвергающий кого-либо физическому страданию'.

Первая группа УСК, объединённая семой 'испытывать боль, физические страдания', состоит из 13 УСК: mOCiti sE mOkami, v& skr&bi bQti, mOkO tr$p@ti, s&vr$Siti mOCenije, pakosti prijEti, skr&bi prijEti, mOCenije prijEti, obraÇ& mOkQ prijEti, iskuSenije mOk& prijEti, podviÇati sE na mOCenije, postradati s& svEtQimi, v&niti v& podvig& и s&vr$Senije mOCenija.

8 УСК этой группы напрямую соотносятся с ядром ФСП «Мука», имея в своём значении дополнительную сему 'состояние терпящего страдание лица, субъекта мучений': mOCiti sE mOkami, mOkO tr$p@ti, iskuSenije mOk& prijEti, skr&bi prijEti, mOCenije prijEti, obraÇ& mOkQ prijEti, pakosti prijEti, prijEti ranQ, v& skr&bi bQti. Они называют состояние мученика, которого подвергают физическим истязаниям: *v)$l@Ç&Sa Ze (obr@tosta dev\t$ mOZ)$ kr)$stijanQ ÇatvorenQ . (i vid@v&Sa E v& mnoÇ@ skr&bi sOSt\ c@lovav&Sa E* [CP: 255, 25–28]; *si)i ~ubo mOCeni byS\ t&gda skr&bi pri(im&Se mnogQ* [CP: 256, 14–16]; *dobl~i(i Ze mOCenik& xristov& takovO~jO mOkO tr)$p@(@Se . vid\ v)$s\ ~udQ prot\ZenQ . (i v)$s\ kosti svoE s&kruSa(jemQ* [CP: 159, 6–10]; *aleXandr& reCe ne raÇum@(jeSi li neraÇum)$ne . (jako b@s& nikoliZe ne mOCit& s\ tac@mi mOkami . n& Zr&tv& (i skvar& tr@bujet& neposp@S&n& Zr&tv&* [CP: 158, 19–25];

gospodi boZe (iÇbavivQi . svEtQE tri (otrokQ tvoE (ot& peSti (ogn~$nQE <…>. (i ne dav& (im 'pakosti pri(Eti* [CP: 79, 3–7]; *C'to mQsliSi varaxisije . Z&reSi li (i pokloniSi s\ sl)$n$cu (i (ogn% (i vod@ . (jakoZe posluSav& pokloni s\ (i brat& tvoi "I~wna . (ili pri(imeSi ranQ na t@lesi svo(jem& [CP: 261, 18–22].

Три УСК рассматриваемой группы – podviÇati sE na mOCenije, s&vr$Siti mOCenije, s&vr$Senije mOCenija – имеют в структуре значения сему сознательности и могут быть объединены в подгруппу со значением ‘сознательно принимать боль, физические страдания’. Сема сознательности выбора мученичества содержится в структуре значений глагольных компонентов УСК podviÇati sE и s&vr$Siti, а также отглагольного существительного s&vr$Senije. Глагол podviÇati sE в X–XI вв. имел значение ‘стремиться, стараться’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 462], ‘проявлять усердие, старание в чём-л.; стремиться сделать что-л.’ [Сл. др.-р. яз. XI-XIV вып. 6: 529–530]; глагол s&vr$Siti – значение ‘создать, исполнить’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 641], ‘сделать, осуществить что-л.’ и оттенок значения ‘претворить в жизнь (замысел, обещание и т.п.)’ [СРЯ XI–XVII вып. 23: 120]. Значение осознанности принятия физических страданий подкреплено контекстом употребления данных УСК: мученик сознательно, опираясь на поддержку высшего христианского божества или своих близких, принимает решение о принятии мучений и пыток: *gospod)$ Ze pomagaaSe v)$s@m& podviÇa~jOSti(im& s\ na mOCeni)je* [CP: 210, 5–7]; *potom$ Ze i (otca svo(jego (ar'xag'g~elovQ radi blagod@ti . (obrativ blaga ~ugod)$nika pokaÇa bogu . (jakoZe (i xrista radi mOCenije s&vr&Si* [CP: 26, 3–7]; *i drug& druga (akQ blagod@t)$nQim& maslom& . na tr$p@nije mOkQ (i na s&vr)$Senije mOCenija . pomaÇa~jOSte ~ukr@p)$jaxO* [CP: 256, 7–10].

Два УСК, помимо интегральной для всей группы семы ‘испытывать боль, физические страдания’, имеют в структуре значения сему ‘во имя веры’ и указывают, таким образом, на цель, во имя которой человек принимает страдания. Это УСК postradati s& svEtQimi и v&niti v& podvig& (svEtQi – ‘святой’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 598], ‘проведший жизнь в служении богу и церкви или пострадавший за христианскую веру’ [МАС т. 4: 59]; podvig& – ‘подвиг’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 461], ‘религиозный подвиг, подвижничество’ [Сл. др.-р. яз. XI–XIV вып. 6: 523]): *potom& Ze povel@S\ slugam& (i prinesoS\ p)cl& gor\St& . (i v&li(jaS\ v& ~usta (jemu . (i tako pr@dast& duSO sv\tQi varaxisii . (i tako postrada s& v)$s@mi sv\tQimi* [CP: 270, 17–21]; *Cetyre des\te v$nidoxom& v& podvig& s$. !m v@n$Cani bOd@m&* [CP: 92, 3–5].

УСК первой группы, объединённой семой ‘испытывать боль, физические страдания’, таким образом, не только указывают на состояние принятие мучений, но и косвенно характеризуют человека, принимающего боль. Мученик сознательно испытывает страдания, зная, что таким образом он проявляет стойкость в своих убеждениях и приверженность своей вере.

Во **вторую группу**, объединённую общей семой ‘человек, испытывающий боль, физические страдания’, входит девять УСК-наименований мучеников: svEtQi mOCenik&, mOCenik& xristo(so)v&/boZii, (pr@)blaZenQi mOCenik&, slav$nQi mOCenik&, doblii mOCenik&, dobrQi mOCenik& (blagoveri%), strast$nik& xristo(so)v&/boZii, xristo(so)v& strastotr$p$c$, strastotr$pc i dobropob@d$nQi mOCenik& и различные их комбинации (например, svEtQi xristo(so)v& mOCenik&, svEtQi boZii strast$nik&, и т.д.). Сему ‘человек, испытывающий боль, физические страдания’, вносят в состав значения компонентов УСК mOCenik&, strastotr$p$c$ и strast$nik&: strastotr$pc – ‘страдалец, мученик’, strast$nik& – ‘мученик, подвижник’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 628], mOCenik& – ‘мученик, тот, кто принял мучения за христианскую веру или погиб насильственной смертью и причислен к лику святых’ [Сл. др.-р. яз. XI– XIV вып. 5: 46]. Сема ‘за христианскую веру’, вносимая в значение УСК существительными-компонентами, может дополнительно усиливаться значениями второго и третьего компонентов, входящих в состав УСК рассматриваемой группы. Этими компонентами являются притяжательные прилагательные boZii и xristo(so)v&, качественное прилагательное svEtQi и его синоним blaZenQi (blaZenQi – ‘наименование святых’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 91]), а также существительное blagoverije (‘набожность, благочестие’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 85]) в составе УСК dobrQi mOCenik& blagoveri%. Называя человека, который испытывал физические страдания, древние авторы указывали, во имя чего он переносил эти страдания. Таким образом, анализ УСК данной группы позволяет утверждать, что, несмотря на повышенное внимание непосредственно к процессу страдания, для средневекового славянина было важно, во имя чего претерпевалось это страдание, и мучеником для него был не любой человек, испытывающий боль, а только тот, который терпел мучения во имя веры.

В состав УСК doblii mOCenik& и dobrQi mOCenik& (blagoveri%) входят качественные прилагательные, характеризующие душевные качества человека, принявшего муки за христианскую веру. Прилагательное doblii (в тексте памятника зафиксирована также форма dobii) имело значение ‘доблестный, мужественный’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 190] и указывало на твёрдость убеждений христианина, его готовность

принять мучения: *dobl~i(i Ze mOCenik& kodrat& . reCe k n~emu . ne pr@d&laga(i mi Çmi"In& umySljai . (i di(javol~$ ne prolivai sl&Ç& . p)$se (i v&sxQSt)$niCe . ne (imaSi bo mene pr@l)$stiti . raba boZija* [CP: 102, 7–11]. Прилагательное dobrQi характеризует отношение мученика к окружающим его людям и противопоставляет его мучителю, который, как правило, изображён в тексте жития как человек, вообще не имеющий положительных качеств: *(i vr@m\ pris@Steni~% prosv)$t@ste s\ paCe sl)$neC)$nQE sv@t$losti . pon~eZe blagod@ti (i v@rO pr@mOdrosti . posr@d@ pakost$nik& . dobri"I mOCenici propov@daste . (i togo radi v)$ v@kQ veselite s* [CP: 68, 3–8]. Твёрдость в убеждениях и доброта по отношению к людям, в отличие от жестокости противников христианства, обеспечивают победу христиан над язычниками, что позволяет назвать их dobropob@d$nQimi mOCenikami, т. е. победоносными [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 191]: *sii (jedin na des\te strastotr&p$ci . (i dobropob@d)$nii mOCenici . trudiS\ s\ doZi (i do kon$ca xristosa radi* [CP: 271, 8–11]; а также делает их достойными славы и почтения, о чём свидетельствует прилагательное slav$nQi в составе УСК slav$nQi mOCenik&: *gospod)$ Ze pomagaaSe v)$s@m& podviÇa~jOSti(im& s\ na mOCeni)je . (jakoZe byst& (o slav)$nu% mOCeniku. trofim@ (i (eUkarpiwn@ . sija ~ubo sv\taja mOCenika . vo(ina b@(asta* [CP: 210, 5–10].

Анализ УСК второй подгруппы, в состав значения которых входит сема ‘человек, испытывающий боль, физические страдания’, позволяет утверждать, что в сознании средневекового славянина понятие муки было непосредственно связано с понятием мученичества как особой разновидности святости, а ценность принятия мучений заключалась не только в стойком перенесении страданий, но и в осознании цели, ради которой христианин их переносил, – в прославлении и утверждении христианской веры.

Третью группу УСК околоядерной зоны ФСП «Мука» составляют 44 УСК, объединённые семой ‘причинять/причинить кому-либо боль, подвергать/подвергнуть кого-либо физическому страданию’. УСК, входящие в эту группу, можно разделить на несколько подгрупп.

Первую подгруппу составляют УСК, являющиеся родовыми понятиями для всей рассматриваемой фразеосемантической группы. Это УСК pos&lati (na kr$stijanQ) mOCiti, tvoriti mOkQ, v&ÇloZiti mOkQ, pr@dati mOkam&, nasilije s&tvoriti. Они называют процесс причинения мучений, но не конкретизируют его с точки зрения способа осуществления этого процесса, интенсивности действия и т.д.: *trwfim& (i (eUkar'pi~wn& . slovOStaja pri l~utosti (i*

pri dr&Çosti . (i kn\Çem$ pos&lana na kr)$sti(jany mOCit&* [CP: 212, 12–16]; *doSed&Sem& Ze (im& na ~utr)$ja v& komanO . slySaaxO (ot& mnog& . (jeZe tvor@Se vojevoda mOkQ kr$sti(janom&* [CP: 19, 27–20, 1]; *tQ Ze povel@no(je ti s&tvori . prov& reCe s&v@Stava~jO ti ~%noSe poZr&ti . da ne raÇliC)$nQ(im& mOkam& pr@dam& t [CP: 253, 21–24]; *aSte ~ubo C)$teSi (i pokloniSi s\ sl)$n)$cu . (i (ogn% (i vod@ . (i s&kon$Ca(jeSi povel@nije c@sare . (aSte . li to v&ÇloZim& na t\ mOkQ* [CP: 258, 26–30]; *oni Ze pr@byva(axO beÇoku~jOSte . nev@r)$stvi"Im& <…> (i nasIl$je s&tvoriS\ jemu* [CP: 32, 26–33, 2].

УСК obraÇi mOk& primQsliti, mOkami mOCiti/umoriti также, на наш взгляд, являются родовыми обозначениями процесса мучения. Несмотря на то, что они регулярно употреблялись с определением raÇliC$n& и таким образом указывали на то, что причинение боли и страданий могло совершаться различными способами, данные УСК не называли конкретных способов мучений: *(i mnoga (jarost)$ Çv@rIn&ska dviÇaaSe s\. (ot& nepravednQ(ix& na blagov@r)$nQE <…> (i raÇliC)$ni (obraÇi mOk& primQSl~eni bQva(axO . (i mOCimi(i neoslabimI* [CP: 85, 9–14]; *vo(jevoda glagola povel@no (je sv\tQimi (i C$st&nQimi ÇakonQ raÇliC)$nQ(imi mOkami mOCiti t* [CP: 148, 22–24); *tQ raÇliC$nQ(imi mOkami pr@StaaSe ~umoriti m* [CP: 253, 30–254, 1].

Помимо УСК, дающих родовую характеристику процессу причинения боли и физических страданий, в тексте Супрасльской рукописи зафиксированы УСК, называющие конкретные виды мучений, значение которых формирует сложная сема ‘причинять/причинить кому-либо боль, подвергать/подвергнуть кого-либо физическому страданию определённым способом’, и УСК, характеризующие интенсивность причинения мучений, в состав значения которых входит сложная сема ‘причинять/причинить кому-либо сильную боль, подвергать/подвергнуть кого-либо сильному физическому страданию’.

Во **вторую подгруппу** входит 39 УСК, объединённых семой ‘причинять/причинить кому-либо боль, подвергать/подвергнуть кого-либо физическому страданию определённым способом’. Анализ УСК данной подгруппы позволяет установить, какие именно виды пыток существовали и применялись по отношению к христианам в период становления и распространения новой религии.

Первоначально к христианам применялся такой вид наказания, как заключение под стражу (изоляция). Данный вид наказания обозначен в тексте Супрасльской рукописи при помощи УСК v&saditi/v&vr@qi v& t$m$nicO, Çatvoriti v& t$m$nici. Данные УСК выявлены

нами во всех пятнадцати житиях святых, входящих в состав исследуемого памятника, а одно из них, житие святого Кондрата, начинается непосредственно с сообщения о том, что по повелению цесаря были заключены в темницу все христиане: *ot& mnog& (i raÇliCen& grad& . poxQStenom& byv&Sem& kr$sti(janom& . v)$ vr@mena dek~ija c@sara i ~u(aleri(jana . (i vedomom& byv&Sem& v$ nikomidiiskQi grad& vUTiniE . (i v$ t)$mnicO v&vr&Zenom& bQv&Sem&* [CP: 97, 26–98, 1]. Видимо, изначально заключение под стражу не предполагало каких-либо дополнительных воздействий на заключённого, правителю достаточно было изолировать христианина от окружающих, не позволив ему, таким образом, проповедовать новую веру, причём содержание под стражей было не очень строгим, а тюремщики даже позволяли заключённым общаться с единоверцами. Об этом свидетельствует следующее употребление УСК Çatvoriti v& t$m$nici: *bQv&Sema Ze (ima v& v)$si vard'(axov& . (i pribliZiv&Sa s\ k& t$mnici . (ideZe v$si kr)$sti(jani Çatvoreni b@(axO . (i pripad&Sa k& t)$mniC)$nu~umu straZu moljasta)i . da v)$nideta v& t)$mnicO* [CP: 255, 20-25].

Следующим видом наказания, применявшимся по отношению к последователям христианства, было заключение в оковы. Значение ‘заключить в оковы’ в тексте исследуемого памятника имеют единицы Zel@ÇQ okovati, s&vEÇati rOc@ (i noÇ@), verigQ naloZiti, s&vEÇati verigami, nositi OÇQ. В двух УСК данной подгруппы данное значение содержится в глагольном компоненте: okovati – ‘заковать’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 409], s&vEÇati –‘заключить в оковы’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 646]; в двух – в значении имени существительного: veriga – ‘цепь, оковы’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 112], OÇa – ‘оковы, кандалы, узы’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 805]; в УСК s&vEÇati verigami оно присутствует как в семантике глагола, так и в семантике существительного. Заключение в кандалы, по-видимому, не было отдельным видом наказания, а применялось параллельно с заключением в тюрьму или какими-либо пытками: во всех случаях употребления, зафиксированных в тексте Супрасльской рукописи, УСК данной подгруппы использованы одновременно с описанием тюремного заключения или каких-либо физических истязаний. Наложение оков являлось способом заставить человека выполнять определённые действия или помешать ему избавиться от пыток: *(i s&v\Çav&Se (im& rOc@ (i noÇ@ . povel@S\ pustiti k& stran@ sracin$st@ . Çatvoriti i v& t)$mnici . (i bl%sti Ç@lo* [CP: 57, 20–23]; *slQSav& Ze to kn\Ç& povel@ v&sadIti ja v& temnicO . (i verigQ naloZIti (ima na vQjO . (i na rOc@ (i na noÇ@ . i tako bl%sti (je~%* [CP: 181, 22–25]; *Çatvorita i v)$ temnici s& v)$s@ko~jO skr&b)$~jO . (i verigQ*

naloZita na vQ~jO (jemu . don$deZe (obraSt)$ s\ ~umorO)i [CP: 195, 21–24]; *povel@v& br)$selije tl&Ceno pod& xr$b$t& blaZena(ago mOCenika podosQpati . (i kamQ velik& v&ÇloZiti na pr)$si (jemu . (i noÇ@ (jemu v& gladO v&loZiti . Zel@Çy Ze (okovati i v&sOdu* [CP: 104, 25–30]; *i povel@ <...> i paUlu s&v\zati rOc@ (i noÇ@ . (i kol& Zel@Çn& v&vr@ti meZdu rOkama (i nogama* [CP: 2, 19–23]; *v&praSav&Se Ze kto (jest& (ot& n~ix& . (iskomQi (imi savin& . (i ~uvd@v&Se po(im'Se (jednogo s&v\zaS\ . verigami dvo(imi . (i koÇ&l& t\Z$k& v&ÇloZiv&Se (jemu privedoS\ (jego k& vojevod@* [CP: 146, 2–3].

Еще одним видом наказания, которому подвергались христианские мученики, было применение пыток, наносивших непосредственный ущерб физическому здоровью человека. Эти пытки могли осуществляться при помощи специальных приспособлений или без них.

Пытки, для осуществления которых не использовались специальные приспособления, называют УСК следующей **подгруппы** nan@sti ranQ, prolijati kr&v$, kr&v$m& prolijanije, s&lomiti kosti (s&lomiSE sE kosti), EÇQk& ur@Çati. УСК nan@sti ranQ, prolijati kr&v$, krov$m& prolijanije являются родовыми понятиями, не называющими конкретных пыток, а лишь дающими их общее обозначение: *ona Ze (i nanesenQ\ (ima ranQ dob)$je s&tr$p@v&Sa* [CP: 213, 15–16]; *slQSav& Ze komis& (jako v)$si kr)$sti(jani s&brali s\ sOt& v& cr&k'vi kupno s& (episkupom& . povel@ vo(inom& svo(im& (osed&lati (jemu kon~$ c@sar)$sk& . da v&S&d& v& (orOZi svo(jem& v& cr$k&ve . kr&v)$m& proli(jani)je s&tvorit& kr&sti(janom&* [CP: 221, 14–20].

УСК s&lomiti kosti (s&lomiSE sE kosti), EÇQk& ur@Çati называют конкретные муки, которым были подвергнуты христианские святые: i (jarosti (ispl)$niv&Se s\ povel@S\ v&Çvariti pcl& v& konob@ . (i povel@S\ slugam& da (oderOt& grOgom$ v)$sO glavO (jego . ~jOduZe vlasi sOt& . k tomu Ze i EÇyk& (jemu ~ur@Çati [CP: 268, 15–20]; povel@S\ prinesti vrat& (i v&loZiti)i v$ n~$. (i s&t\gnOti (i Çaviti Ç@lo . (i s&tvoriS\ tako slugQ . (i s&lomiS\ s\ kosti (jego v$s\ [CP: 269, 2–5]; (i vloZiS\ (i v& vrat& (iZde (i sv\taago "I~wnO . i tu s&lomiS\ v)$s\ kosti (jemu [CP: 270, 14–16]. УСК s&lomiti kosti (s&lomiSE sE kosti) отнесён к подгруппе УСК, называющих пытки, при которых не применялись специальные орудия мучений, на основании того, что, хотя данная пытка происходит с применением специального

орудия (ворота), в составе самого УСК нет компонентов, указывающих на использование каких-либо приспособлений пытки.

На периферии подгруппы, называющей конкретные способы мучений, находятся четыре УСК – studen$ velika, godina vr@mene Çim$na, Çimnoje vr@mE, l%taja studen$. Они не содержат в структуре значения семы ‘боль, физическое страдание’ и не являются названиями каких-либо физических воздействий на человека, а обозначают время года или погодные условия, которые были использованы мучителями как средство истязания: (*obr@te Ze ~umySl~eni)je . s&motrite Ze kako (jest& l%to . s&motriv& bo (jest&stvo toE Çem$E . (jako studen)$ velika (jest& v$ n~ei . (i godina vr@mene (jako Çimna . noSt)$ s&gl\dav& v)$ n~e(iZe paCe l%tost)$ byva(jet& . n& (i s@veru t&gda v& tO noSt)$ v@~jOStu . povel@ v)$s@x& (obnaZ$Se . na (jasn@ posr@d@ grada s&mr)$Ç&Sem& s\ ~umr@ti* [CP: 89, 1–10]; *si slQSav&Se star@(iSinQ vl)SskQE . povel@S\ (OZem& Ça nogO povr&Ç&Se i vl@Sti . v&n& na mraÇ& . (i pr@bQti (jemu na led@ v$sO noSt$. b@(aSe bo Çimnoje vr@m\ . (i bl%sti (jego Cto s&tvorit& ledu* [CP: 261, 6–11]; *priS&d&Su Ze (jemu glagolaS\ k n~emu vl)$svi . C'to (jest& "I~wna . kako (jest& pl$t$ vid@ti ti . (i kako pr@by noSt& (onO v&sO stojav& vr&xu leda . (i na l%t@i studeni* [CP: 265, 2–7].

Подгруппа, называющая пытки, которые осуществлялись при помощи специальных приспособлений, состоит из семи УСК, в состав значения которых входит сема ‘орудие причинения боли, физических страданий’, – s&sOd& mOCil$nQi, Zila govEZda/surova, Z$Çlije sOkato, dr@vo sOkato, tr$ÇOb$c$ Zel@Ç$nQ, kamenijem$ biti/pobiti и kamenije metati. УСК s&sOd& mOCil$nQi является гиперонимом по отношению к остальным четырём УСК, имеет общее значение ‘орудие пытки’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 670]; оставшиеся УСК, будучи гипонимами, конкретизируют это значение, называя конкретные приспособления, применявшиеся для мучения христиан. УСК s&sOd& mOCil$nQi встречается в тексте Супрасльской рукописи дважды, в пределах одного синтаксического целого, и используется не для описания конкретных мук, а для характеристики процесса устрашения христиан: *i pri(im& kn\Ç& kn~igQ c@sar\ <…> povel@vaaSe narod& grad&skQ(ix& privoditI (jeml~OSte . (i s&sOdQ mOCil$nQE pr@d& n~imi polagati . (i reCe k n~im& glagol~\ . poZ)$r@te bogom& . (aSte li ni to Ç$l@ (imate (iÇm)$r@ti . mnoÇi Ze (ot& naroda vid@v&Se mO-Cil&nQE s&sOdQ . ~ubo(jav&Se s\ pr@Stenija . poslu-*

SaSE kn\Ça . (i (ot&stOpiS\ (ot& v@rQ xristosovQ [CP: 174, 26 –175, 7]. Для описания конкретных пыток используются наименования конкретных орудий мучения: *t&gda (anTUpat& raÇgn@vav& s\ povel@ i s$vl@Sti . (i na d)$st@ prot\g&Se biti i Zilami surovamI* [CP: 100, 28–30]; *kan'did& glagola v)$Ç$mi (i po(jasy naS\ (i t@lesa . niCtoZe bo nam& xrista Cest)$n@(iSe . t&gda duk's& povel@ kameni)im)$ lica (im& biti* [CP: 73, 30 – 74, 2]; *i povel@ tu sOStaja v& rov@ kameni(jem& pobiti* [CP: 6, 13–14]. Как правило, чтобы подчеркнуть жестокость мук, указывается, что святых истязали, используя одновременно несколько орудий пыток, которые могли быть названы как при помощи УСК, так и при помощи лексем: *kn\Ç& reCe ne posluSa(jete li mene mol\Stu mi s\ vam& . to nudite m\ povel@noje (ot& c@sara s&tvoriti . (i (inako vam& nanesti . (i povel@ biti E . sOkatom& ZeÇli(jem& . (i Zilami gov\Zdami* [CP: 178, 1–7]; *bi(jemom& Ze sv\tQ(im& . kon)$CaS\ s\ tini (i Z)$Çlije . t&gda v)$Çb@siv& s\ povel@ dr@vesQ sOkatQ biti E* [CP: 178, 15–16].

В тех случаях, когда было необходимо подчеркнуть особую жестокость мучений, которые испытывали христианские святые, авторы житий указывали, что были использованы сразу несколько видов пытки – заключение в тюрьму, наложение оков и применение орудий мучений: *slQSav& Ze to kn\Ç& povel@ v&sadIti ja v& temnicO . (i verigQ naloZIti (ima na vQjO . (i na rOc@ (i na noÇ@ . (i tako bl%sti (je~% . (i s&tvoriS\ slugQ jakoZe (im& povel@no byst' . pove Ze (i tr&ÇOb)$c\ Zel@ÇnQ pod&st&lati (ima* [CP: 181, 22–28].

Последнюю подгруппу УСК, в структуру значения которых входит сема ‘причинять/причинить кому-либо боль, подвергать/подвергнуть кого-либо физическому страданию’, составляют УСК mOCiti surov@, mOCiti gor$c@, Ç&lo Ç&l@ mOCiti, kr&v$ teCaaSe r@kami, rOc@ kr&ve ispl&n@n@, kr&vi Çem$jO polijati. В структуре значения этих УСК содержится сема интенсивности (‘причинять/причинить кому-либо сильную боль, подвергать/подвергнуть кого-либо сильному физическому страданию’), которая позволяет охарактеризовать степень жестокости процесса мучений и градуировать их по шкале возрастания данного признака.

Сема интенсивности мучения может быть внесена в значение УСК одним из его компонентов. Таким компонентом может быть качественное обстоятельство, как в УСК mOCiti surov@, mOCiti gor$c@, Ç&lo Ç&l@ mOCiti: surov@ – ‘жестоко’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 634], gor$c@ – жестоко [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 174], Ç&lo Ç&l@ – ‘очень жестоко’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 241]. Последний УСК (Ç&lo Ç&l@ mOCiti) называет

более жестокие мучения, чем УСК mOCiti surov@ и mOCiti gor$c@, находящиеся почти на самой высокой точке шкалы интенсивности мучений (самые сильные мучения охарактеризованы при помощи УСК neClov@C$skQ mOkQ ядерной зоны ФСП «Мука»). Именно этот УСК обозначает муки, которые способны погубить человека, довести до смерти, то есть муки, которые являются непереносимыми: *sQne di(javol~$. podruZe (ogn% . (OZiko t)$m@ . poC'to mOCiSi tako surov@ . raba boZija (artemona* [CP: 233, 8–11]; *(i posl@d)$n~e(je dosaZdenije (ot& nas& pri(im&Se negodujete . (i straS$nQimi simi mOkami pr@tite . gr@x& na nQ nos\St'* [CP: 88, 18–20]; *pristOpiv& poZ)$ri bogom& . (aSte li ni . to Ç$lo Ç$l@ pogub$~jO va* [CP: 12, 13–15].

Второй способ характеристики интенсивности мучений заключался не в прямой оценке жестокости процесса мучений, а в описании внешних проявлений этого процесса. УСК kr&v$ teCaaSe r@kami, rOc@ kr&ve ispl&n@n@, kr&vi Çem$jO polijati указывают на крайнюю степень жестокости мучений или мучителей, причём картина крови, текущей ptками и запачкавшей руки мучителей, не является аллегорической. Мучители действительно были настолько жестокими, что проливали реки крови, что позволяет утверждать контекст, в котором используются данные УСК: описание кровотечения следует непосредственно за описанием нанесения ран, и иногда мученик лишался не только своей крови, но и плоти: *(i ni (jedin& (ot& vas& da ne s&gr@Sit& . velikQim& gr@xom& (i xulo~jO (jaZe na sv\tQi dux& . ne bOd@te kupno s$ n~imi kn\Çi sodom)$sti"I . (i l%dije gomor)$sti)i . (imZe rOc@ kr&ve (ispl$n)$. mQ Ze ni proroka ~ubixom& . ni xristosa pr@daxom& ni rasp\xom&* [CP: 136, 30–137, 6]; *kr&v)$ teCaaSe r@kami (i s& pl)$ti~jO . (ot& blaZenaago mOCenika* [CP: 103, 27–28]; *oni Ze S&d'Se)ES\ sv\taago vasiliska . (i s&v\Çav&Se (jego s&tvoriS\ (jemu (onuStO . (i gvoÇdiE ostrQ v&noÇiS\ v& (onuStO . (i (obuS\ )i . (i bi~jOSte (jego Zen@(axO . (jakoZe kr)&vi jego Çem)$~jO poli(jati . gvoÇdi"I bo v&nidoS\ do kosti (jego* [CP: 17, 17–23].

Фразеосемантическая группа УСК, объединённых семой ‘причинить кому-либо боль, подвергнуть физическому страданию’, является самой многочисленной в структуре ФСП «Мука». УСК данной группы не только называют процесс причинения мучений, но и характеризуют этот процесс с различных позиций – интенсивности, способа, внешних проявлений этого процесса. Помимо непосредственной характеристики процесса причинения физического ущерба, УСК данной группы позволяют косвенно оха-

рактеризовать и человека, который наносит муки, то есть мучителя (как не очень жестокого в тех случаях, когда он выбирает в качестве наказания заключение в тюрьму, или как крайне жестокого в случае применения трудноперенос имых пыток, нескольких способов мучения одновременно). Многочисленность УСК, составляющих данную подгруппу, свидетельствует о том, что страдание в сознании средневекового славянина было ценностью, свидетельствующей о незаурядности подвергаемой мучениям личности, выделяющей её в обществе [Вендина 2002: 288]. Соответственно, чем большее количество страданий высокой степени тяжести способен перенести человек, тем более высокими являются его душевные качества, тем твёрже его религиозные убеждения.

Четвёртую группу УСК околоядерной зоны ФСП «Мука» составляют два УСК, объединённых сложной семой ‘человек, причиняющий кому-либо боль, подвергающий кого-либо физическому страданию’, – mOCEi sluga ‘палач’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 344] и t$m$niC$nQi straZ$ ‘тюремщик, тюремный надзиратель’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 627]. Эти УСК называют не непосредственных инициаторов мучений, а исполнителей, причем употребление данных УСК в тексте Супрасльской рукописи свидетельствует о том, что это были пассивные исполнители, не очень тщательно выполнявшие свои обязанности. Так, тюремщики даже позволяли заключённым под стражу христианам общаться со своими единоверцами: *bQv&Sema Ze (ima v& v)$si vard'(axov& . (i pribliZiv&Sa s\ k& t$mnici . (ideZe v$si kr)$sti(jani Çatvoreni b@(axO . (i pripad&Sa k& t)$mniC)$nu~umu straZu moljasta)i . da v)$nideta v& t)$mnicO* [CP: 255, 20–25]; *blaZenQi kodrat& /.../ prixod\ k& t&mniC$nu~umu . straZu . (i k& vo(inom& daE (im& mnogo Çlato . beÇ& sum)$n@nija Çatvoren@)i tu bratii sluZa(aSe . komuZdo (ix& potr@b&noje prinos* [CP: 98, 14–21]. Инициаторы мучений, истинные мучители, называются в тексте Супрасльской рукописи в основном при помощи лексем, имён нарицательных или собственных – c@sar$, vojevoda, anfUpat& и т. д. На наш взгляд, незначительное количество УСК, называющих мучителей, связано с тем, что мучитель в тексте жития выступает всегда как человек, имеющий только одну личностную характеристику, – крайне жестокий, нетерпимый по отношению к христианам, а эта характеристика достаточно полно реализуется в описании его действий, процесса мучения, который осуществляется по его приказанию.

На периферии ФСП «Мука» находится незначительная группа УСК, состоящая из двух единиц в трёх употреблениях, объединённых семой ‘избавиться от боли, физических страданий’ – otr@Siti ot& OÇ&, ot& mOk& iÇbaviti: *i vo(jevodinQ slugQ v@rovaS\ k& gospodu . (i (otr@SiS\ (jego (ot& (OÇ&* [CP: 18, 28–29]; *sv\tQ)i*

savin& reCe . nadeZdO (imam& k& bogu svo(jemU "Isu xr&stu . (jako moSten& (jest& (ot& mOk& tvo(ix& su(jet&nQix& (iÇbaviti mene [CP: 153, 13–15]; *gor@v&Se Ze sv\tii na nebo jako (edn@mi usty r@S\ . % gospodi boZe (iÇbavivQi . sv\tQE tri (otrokQ tvoE (ot& peSti (ogn~$nQE* [CP: 179, 2–5]. Страдание осмыслялось средневековым славянином как благо, путь к нравственному совершенствованию, к величию духа [Вендина 2002: 288], а избавление от страданий являлось чудом, знаком особой милости верховного христианского божества по отношению к человеку, знаком того, что человек достиг высшей степени совершенства. Однако страдание, мучение было также средством, способствующим распространению христианской религии, доказательством истинности Бога, который помогал своим последователям перенести любые страдания. Следовательно, избавление от страданий не могло быть достаточно частым явлением: страдая, христианин спасал свою душу, приближался к Богу и тем самым прославлял свою веру и своего Бога среди язычников.

Анализ УСК ЛФП «Мука» позволяет сделать следующие выводы. Понятие муки являлось одним из центральных в религиозном сознании средневекового славянина. В картине мира, отражённой в древнейших славянских памятниках, речь не идёт о мучениях, страданиях как таковых: представление о мучении всегда связывалось с представлениями о цели, во имя которой претерпевается мучение, – прославление и утверждение истинной веры (об этом свидетельствует наличие дополнительной семы ‘за христианскую веру’ в значении УСК подгрупп ‘испытывать боль, физические страдания’ и ‘человек, испытывающий боль, физические страдания’). Мучение, страдание, с точки зрения средневекового славянина, являлось средством совершенствования человека и утверждения христианской веры, поэтому, чем более жестокими и многочисленными были страдания, тем большую ценность они имели, что объясняет наличие в старославянском языке значительного количества УСК, называющих мучения, различающиеся способом и интенсивностью их совершения. Анализ УСК ФСП «Мука» позволил выделить черты характера, которые разделяли мучеников и мучителей (доброта, твёрдость в убеждениях, душевная стойкость с одной стороны и крайняя, слепая жестокость с другой).

Источники

CP: Северьяновъ, С. Супрасльская рукопись / С. Северьяновъ; Изд. отд. рус. яз. и словесности Император. Акад. наукъ: т. 1 – Ксерокоп. – СПб., 1904.

А. Н. Климова

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ РЕАЛЬНЫЙ МИР СРЕДНЕВЕКОВОГО СЛАВЯНИНА В ЗОГРАФСКОМ ЕВАНГЕЛИИ, ПАМЯТНИКЕ XI ВЕКА

В течение длительного времени библейская символика закреплялась в сознании людей, устойчивые словесные комплексы, афоризмы формировались на базе библейского текста или библейских сюжетов.

Библия оказала мощное воздействие на мировоззрение многих поколений. Основная причина этого кроется в том, что она проповедовала общечеловеческие идеалы добра и справедливости, бесконечной ценности человеческой личности, равенства всех людей перед Богом, примат духовного начала над материальным. Эти ценности остаются незыблемыми уже около двух тысячелетий; трансформируясь, видоизменяясь, они продолжают питать духовную жизнь христианских народов.

История складывания картины мира носителей русского языка немыслима без обращения к библейским истокам. Богатый материал в этом плане представляют древнейшие славянские памятники, так как старославянский язык был общим языком литературы и вероисповедания всех древних славян, в том числе средневековых русичей.

Объектом нашего исследования стали устойчивые словесные комплексы (УСК) в старославянском памятнике XI в. Зографское евангелие. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что до сих пор язык Зографского евангелия не был подвергнут специальному лингвистическому анализу.

Зографское евангелие − это неполная глаголическая рукопись четвероевангелия, датируемая концом X в. или началом XI в.

В данной статье предпринята попытка описать реальный мир средневекового славянина, который называется в Зографском евангелии **сьи вѣкъ** ‘век, вечность’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 164], **вьсь миръ** ‘весь мир, вселенная, свет’ [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 328]: **А иже речетъ на доухъ сватыи не отъпоуститъ сѧ емоу ни вь сь вѣкъ ни въ граджштии** (XII, 32); **Никътоже бо въ таинѣ ничесоже творитъ и иштетъ самъ ѣвѣ бытии аштє си (всѣ) твориши ѣви сѧ вьсемоу мироу** (VII, 4).

Реальный мир наполнен в представлении средневекового человека испытаниями и страданиями, преодолев которые, он либо заслуживал покоя и мира в царстве Бога, либо претерпевал муки вечные в геенне огненной. В этом мире отчетливо противопоставлялись верх и низ. Верх – это небо, где находятся истинные ценности человеческой жизни: **Съкрываитє себѣ съкровишта на небесє идеже ни чрьвь ни тьлѣ тьлить земла** (X, 36). Низ – это земля, причём разная (**земла содомьскаа, земла ѣенисаретьскаа, земла добраа**).

Жизнь средневекового человека предопределялась его выбором земного пути к спасению, т.е. выбором между добром и злом. Человек мог избрать **правьдьныи пѫть,** или **тѣсьныи пѫть**, который предполагает ограничение во всех земных благах. Но он же мог сбиться с истинного пути, то есть избрать **пѫть широкыи,** ведущий не в **царьство небєськоѥ,** а в **царьство тьмы.** Средневековое представление о добре было персонифицированным, ибо оно соотносилось прежде всего с Богом. Поэтому пойти по пути праведному – это значит, избрать **пѫть божии.**

Неслучайно в Зографском евангелии три раза употребляется УСК **пѫть божии: И въспросиша и глаголѫштє оучитєлю вѣмъ ѣко правъ глаголєши и нє на лице зьриши нъ въ истинѫ пѫти божию оучиши достоитъ ли намъ кєсареви дань даѣти или ни** (XX, 21); **Посылаѫтъ къ нємоу оученикы своа съ иродиѣны глаголѫше оучитєлю вѣмъ ѣко истинєнъ єси и пѫти божию въ истинѫ оучиши** (XXII, 16); **вѣмъ ѣко истинъ нь єси и нє родиши ни о комь же нє зьриши бо на лице человѣкомь нъ въ истинѫ пѫти божью оучиши** XII, 14).

Кроме того, здесь встречаются УСК **пѫть правьдьныи** (1 раз), **тѣсьныи пѫть** (1 раз), и противоположный им по значению УСК **широкыи пѫть** (1 раз): **Придє бо къ вамъ иоанъ крьститєль пѫтємь праведъномь** (XXI, 32); **Коль ѫзыка врата и тѣснъ пѫть въводѧи въ животъ** (VII, 14); **вьнидѣтє ѫзыками враты ѣко пространа врата и широкъ пѫть въводѧи въ пагоубѫ и мнози сѫтъ въходѧшти имь**(VII, 13).

1. УСК, характеризующие обитателей реального мира по их социальному положению

Судя по материалам древнейших старославянских памятников, чувственная, физическая природа человека не представляла особого интереса для верующего: интерес проявлялся, прежде всего, к оценке человека как личности социальной и духовной. «Это отсутствие портрета человека в лексиконе древнейших старославянских памятников объясняется не столько их лексическим своеобразием, сколько семантико-аксиологическими константами Средневековья, тяготевшего к воплощению вечных истин и непреходящих ценностей» [Вендина 2002: 24].

Человек как физическое существо представлен лишь четырьмя УСК: **хромыи и слѣпыи, слѣпыи и нѣмыи, слѣпъ и глоухъ,** – указывающих на физическую ущербность человека: **Тогда привѣсѧ ємоу бѣсъноуѫшть сѧ слѣпъ и нѣмъ и ицѣли** (XII, 22); **Пристѫпишѧ к нємоу хроми и слѣпи въ цркъви** (XXI, 14); **ѣко слѣпъ и глоухъ и глаголаше и гладаашє** (XII, 22).

Такая странная, с точки зрения современного человека, ситуация, связанная с интересом к фиксации свойств человека, отражающих его физическую ущербность, представляется, по мнению Т. И. Вендиной, не слу-

чайной, а вполне закономерной, если вспомнить, что «главным регулятивным принципом Средневековья была сопричастность к Богу, калеки же и убогие считались людьми, отмеченными Богом, а следовательно, с точки зрения средневекового сознания, – почитаемыми» [Вендина 2002: 26].

Т. И. Вендина, осуществив тезаурусный подход к лексике старославянского языка, пришла к выводу, что средневековое общество в социальном отношении делилось на несколько групп – «властвующих и управляющих», «сражающихся», «молящихся», «трудящихся». Это свидетельствует о том, что «средневековый человек выделял себя из группы, противопоставлял себя одним её членам и отождествлял с другими, осознавал иерархию отношений в группе…» [Вендина 2002: 28]. Эта мысль исследователя подтверждается во многом и извлечёнными из Зографского евангелия УСК, которые также называют людей по их социальному положению. Напр., **царь июдеискыи** (в 5-ти употреблениях), **кнѧзь июдеискыи** (в одном употреблении) представляют власть имущих: **Написа же и титьлъ пилатъ и положи и на крстѣ бѣ жена написано исоусъ назарѣи царь июдѣискъ глаголахѫ же пилатови архиереи июдеисци не пиши царь июдеискъ** (XIX, 21); **И глагола си исоуса и рече емоу ты ти еси царь июдеискъ** (XVIII, 23); **Бѣ човѣкъ отъ фарисѣи никодимъ има емоу кънѧзъ июдеискъ** (III, 1).

УСК **имѣти власть** (в 3-х употреблениях), **дати власть и силѫ** (в одном употреблении), **имѫштыи власть** (в одном употреблении) отражают наличие власти в чьих-либо руках: **Нъ да оувѣсте ѣко власть имать сынъ човѣчьскы на земи отъпоуштати грѣхы** (IX, 6); **Нъ да оувѣсте ѣко власть иматъ сынъ човѣчьскы на земи отъпоуштати грѣхы рече же ослабленоумоу** (V, 24); **Съзъвавъ же оба на десѧте дастъ имъ силѫ и власть на всѣхъ бѣсѣхъ и недѫгы цѣлити** (IX, 1); **Съказаю же вамъ кого сѧ оубоите оубоите сѧ имѫштаго власть** (XII, 5).

Группа «сражающихся», как замечено Т. И. Вендиной, довольно немногочисленна. Представляют её в основном единичные общие названия воинов [Вендина 2002: 32].

Таким образом, следует сделать вывод, что наиболее представлен в Зографском евангелии разряд «властвующих», а остальные разряды представлены УСК **рабъ божии,** значение которого трактуется в Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.), как ‘духовное лицо, священник’ [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 564]. Однако, судя по контексту, в Зографском евангелии, **раби божии** – это не только служители церкви, но и верующие вообще: **Повръже себе прѣдъ ногама рабъ божии** (XX, 43).

Ещё один УСК характеризует Богочеловека – как личность социальную, а точнее – как жителя определённой местности – **исоусъ назарѣнинъ** ’Иисус житель Назарета’ [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 347]. Данный УСК употребляется в тексте Зографского евангелия восемь раз: **Онъ де рече имъ не оужасаите сѧ исоуса иштете назарѣнина пропѧтаего въста**

нѣстъ сьде се мѣсто идє же бѣ положенъ (XVI, 6); **Повѣдаша же ємоу ѣко исоусъ назарѣнинъ мимо ходитъ** (XVIII, 37) и др.

2. УСК, называющие Церковь и её атрибуты

2. 1 УСК, называющие церковь

Представления средневекового славянина о Боге, о царстве небесном были весьма туманными, но так как вся его жизнь «освещалась» божьим светом, то единственным способом приблизиться к Богу была связь с Церковью, которая мыслилась домом Бога на земле и обществом людей, объединённых верой в Христа. *Церковь* «есть установленное отъ Бога общество людей, соединённыхъ Православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами» [Библейская энциклопедия 1891: 778].

«Слово «Церковь» значит дом Господень <…> Церковью называется и храм, в котором для служения Господу собираются христиане, составляющие из себя Церковь <…> Она имеет единого главу Христа, её Основателя, составляя Его тело; под действием духа Божия сохраняет непогрешительным учение Христово, переданное ей святыми апостолами и подтверждённое на семи вселенских соборах, и освящает всех православных верующих посредством таинств, благодатью Божией, преданной ей от Основателя. Единство вселенской Церкви состоит в одинаковом исповедании её членами вероучения, в признании единого Главы её Иисуса Христа и единого Духа, действующего на верующих через таинства, и во взаимном общении» [Христианство т. 2: 218].

В Зографском евангелии функционируют пять УСК, построенных по модели С + П*, которые называют Церковь: **домъ божии** (в одном употреблении), **храмъ божии** (в двух употреблениях), **црькы божиа** в двух употреблениях), **црькы господьнѧ** (в одном употреблении), **зданиѥ црьковьноѥ** (в одном употреблении), **црькы нержкотворена: Како вьнидє въ домъ божии и хлѣбы прѣдъложеньѣ ѣстъ и дастъ сѫштємъ съ нимъ** (VI, 4); **Како вьнидє въ храмъ божии и хлѣбы прѣдъложенїѣ сънъстъ** (XII, 4); **Рѣстє сь рече могѫ разорити цръковь божиѭ и трьми дьми съзъдати ѭ** (XXVI, 61); **И вьнидє исоусъ въ цръкъвъ божиѭ изгъна всѧ продаѭmѧѧ и коупаѭmѧѧ въ цркъви** (XXI, 12); **По обычаю єрѣискоумоу ключи сѧ ємоу покадити въшьдъшю въ црковь господьнѭ** (I, 9); **И ишъдъ исоусъ изъ цръкъвє идѣашє и пристѫпиша оученици єго показати ємоу зъданиѣ цркъвънаѣ** (XXIII, 1); **ѣко азъ разорѭ цръковь сиѭ рѫкотворенѭѭ и трьми дьны ино нержкотворенѭ съзиждѫ** (XIV, 58).

Также здесь встречаются УСК, обозначающие атрибуты Церкви: **крило цръкъвьноѥ** ‘крыша церковная’ [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 293], **олътарь кадильныи** ‘жертвенник’ [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 411]**: Ави же сѧ**

* С – имя существительное, П – имя прилагательное

емоу анѣлъ господьнь стоѧ о десняѭ олтарѣ кадильнааго (I, 11); **Тъгда поѩтъ и диѣволъ въ сѧты градъ и постави на крилѣ цръкьвьнѣемь** (IV, 5).

2. 2 УСК, называющие христианские праздники

Среди УСК, извлечённых из Зографского евангелия, имеются три, которые обозначают праздники христианских народов. Главным из них является Пасха, в евангелии называемая иногда **дьнь великыи** ‘праздник Пасха’ [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 114]**: Na всѣкъ же –дьнь великъ обычаи бѣ иѣемоноу отъпоуштати народоу** (XXVI, 18). В другом случае это же понятие обозначается в тексте как праздьникъ пасха: Prhжде же праздьника пасцh вhды исоусъ hко приде емоу година (XIII, 1); И хождаашете родителh его по вьсh лhта въ ироусалимъ въ праздьникъ пасцh (II, 41).

С тем же значением употребляется УСК **великыи праздьникъ**: **Въ послѣдьни дє дьнь великы праздьникъ стоѣашє исоусъ и зъваашє глаголѧ** (VII, 37).

Непосредственно с этим же понятием связан УСК **сътворити пасхѫ: Оучитєлъ глаголєтъ врѣмѧ моє близъ єстъ оу тєбє сътворѫ пасхѫ съ оученикы своими** (XXVI, 18).

Как указано в Библейской энциклопедии, *Пасха* – ‘высочайший, радостнѣйшій и вмѣстѣ с тѣмъ древнѣйшій Христіанскій праздникъ – Воскресеніе Христово’ [Библейская энциклопедия 1891: 554].

3. УСК, характеризующие взаимоотношения христианина с Богом

Бог – это центральное звено в духовной жизни средневекового славянина. Поэтому поведение человека рассматривалось, главным образом, как соответствующее заветам Христа или же противоречащее им.

3. 1. УСК, характеризующие богоугодные и греховные действия верующих христиан

Данная фразеосемантическая группа включает 48 единиц, которые можно разделить на шесть подгрупп.

1. Наиболее многочисленной оказалась подгруппа УСК, обозначающих безоговорочную веру в Бога и следование основным законам христианства: **имѣти вѣрѫ** (в 16-ти употреблениях), **възлюбити господа бога** (в одном употреблении), **хвалѫ въздавати** <Богу> (в 14-ти употреблениях), **проповѣдовати єванѣлиѥ** (в 6-ти употреблениях), **славити бога** (в 8-ми употреблениях), **заповѣди съблюдати** (в 4-х употреблениях), **давати блага просѧштиимъ** (в одном употреблении), **даѭньѥ благоѥ давати** (в одном употреблении), **давати милостынѫ** (в 2-х употреблениях), **творити милость** (в 4-х употреблениях), **съзидати цръкъвь** (в одном употреблении), **творити волѭ отьца** (в одном употреблении), **вѣровати въ бога** (в одном употреблении): **Єштє оубо вь неправьдьнѣмь житии нє бистє вѣрьни въ истиннѣмь къто вамъ вѣрѫ имєтъ** (XVI, 11); **Рєчє**

же емоу аште мисѣа и пророкъ не послоушаѭтъ ни аште къто отъ мрътвыхъ въскръснетъ не имѫтъ вѣры (XVI, 31); Онъ же отъвѣштавъ рече възлюбиши господа бога своего (X, 27); Въ слѣдъ его градѣаше слава бога и вси людье видѣвъше въздаша хвалѫ благослови (XVIII, 43); Рече имъ шедъше въ весь миръ проповѣдите евангѣлие вьсеи твари (XV, 15); Видѣвъше же народи чюдиша са и прославиша бога давъшааго власть такѫ човѣкомъ (IX, 8); Никтоже естъ благъ тъкъмо единъ богъ аше ли хотеши въ животъ вънити съблюдати заповѣди (XIX, 17); Колми паче отьць вашь ижь естъ на небехъ дастъ благаѣ просѫштиимъ оу него (I, 35); Аште оубо вы зьли сѫште оумѣете дааньѣ блага даати чадомъ вашимъ (XI, 13); Обаче сѫштаа дадите милостыню и вса чиста вамъ сѫтъ (XI, 41); глаголѭ вамъ ѣко сътворитъ милость ихъ въ скорѣ (XVII, 8); И азъ же тебѣ глаголѭ ѣко ты еси петръ и на семь камене съзиждѫ цръковь (XVI, 18); Иже бо аште творитъ волѭ отьца моего иже естъ на небесехъ(XII, 50); Да не съмѫштаетъ са ваше сръдьце вѣроуите въ бога и въ ма вѣроуите (XIV, 1).

2-я подгруппа объединяет УСК, значение которых можно трактовать как заповеди или формулы поведения средневекового славянина: Вѣкомоу просѫштюмоу оу тебе даи и отѥмлѭштааго твоѣ не истѧзаи (VI, 30); И не сѫдите да не сѫдѧтъ вамъ и не осѫждаите да не осѫдѧтъ васъ отъпоустите и отъпоустѧтъ вы даите и дастъ са вамъ (VI, 37-38); Тою бо мѣроѭ еѭ же мѣрите възмѣрѧтъ вамъ (VI, 38); Имъ же бо сѫдомъ сѫдите сѫдѧтъ вамъ (VII, 2); възлюбити подроуга своего ѩко самъ са (X, 15); Азъ же глаголѭ вамъ любите врагы ваша (V, 44);

3-я подгруппа включает УСК, которые обозначают отступление от веры или вообще от праведной жизни: прѣстѫпати слово божиѥ (в одном употреблении), заповѣдь прѣстѫпити ‘преступить, нарушить заповедь’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин:552] (в 3-х употреблениях), осѫдити неповиньыхъ ’осудить невиновных’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 432, 370] (в одном употреблении), отъвръгнѫти съвѣтъ божии (в одном употреблении), прѣлюбы сътворити ‘прелюбодействовать, совершать прелюбодеяние’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 545] (в 9-ти употреблениях), зъло сътворити ‘ совершать зло, злое дело, дурной поступок’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 241] (в 6-ти употреблениях), съѫжати злато и сьребро ‘удержать, сохранить богатство’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 673] (в одном употреблении), творити безакониѥ (в одном употреблении), дѣлати безакониѥ в значении ‘совершать действие противное хритианской этике, законам церкви; безверие, иноверие, нечестивость’ [Сл. XI-XVII вып. 1: 110] (в одном употреблении): Прѣстѫпаѭште слово божье прѣданиемь вашимь еже прѣдасте и подобьна такова многа творите (VII, 13); Рече отьцю своемоу се коли-

ко лѣтъ работаѭ тебѣ и николи же заповѣди твоеѭ не прѣстѫпихъ (XV, 29); Почьто вы прѣстѫпаете заповѣдь божиѭ за прѣданиє ваше (XV, 4); Аште ли бисте вѣдѣли чьто естъ милости хоштѫ а не жрътвѣ николиже оубо бисте осѫдили неповиныхъ (XII, 7); Слышасте ѣко речено бысть древьнимъ не прѣлюбы сътвориши (V, 27); И глаголи имъ достои ли въ сѫботы добро творити ли зъло творити (III, 4); Иѣмонъ же рече имъ чьто зъло сътвори они излиха въпиѣхѫ глаголѭште да распѧтъ бѫдетъ (XXVII, 24); Не сътажите злато ни съребра ни мѣди при поѣсѣхъ вашихъ (X, 9); Посълетъ сынъ человѣчьскы анѣлъ своѭ и съберѫтъ отъ цѣсарсиѣ его вса съблазны и творѫштѧѭ безаконие (XIII, 41); И тогда исповѣмь имъ ѣко николиже знахъ васъ отидѣте отъ мене дѣлаѭштии безаконие (VII, 23).

УСК 4-й подгруппы называют акты прощения грешников. К ним относятся **отъпоустити грѣхы** (в 12-ти употреблениях), **отъпоущениѥ грѣховъ** (в 5-ти употреблениях), **отъпоустити съгрѣшениѥ** ‘прощать, отпускать грех, проступок’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 433, 179] (в 2-х употреблениях): **Тако глаголетъ власвимиѭ къто можетъ отъпоуштати грѣхы тъкъмо единъ богъ** (II, 7); **Рече ослабленоумоу емоу дръзаи чѧдо отъпоуштаѭтъ ти сѧ грѣси твои** (IX, 2); **Проповѣдаѭ крьштениє на покаанье въ отъпоуштенье грѣховъ** (III, 3); **Аште бо отъпоуштаете человѣкомъ съгрѣшениѣ ихъ** (VI, 14) и др.

Средневековый человек воспринимал себя как существо греховное от рождения, потому в евангельском тексте встречаются УСК **человѣкъ грѣшьнъ** (в 2-х употреблениях)**: Възгласиша же въторицеѭ человѣка иже бѣ слѣпъ и рѣша емоу даждь славѫ богу мы вѣмъ ѣко человѣкъ сь грѣшьнъ** (IX, 24); **глаголахѫ де отъ фарисѣи етери нѣстъ сь отъ бога человѣкъ ѣко сѫботы не хранитъ ови глаголахѫ како можетъ человѣкъ грѣшьнъ сицѣ знамениѣ творити** (IX, 16).

В 5-ю подгруппу вошли УСК, обозначающие процесс покаяния ‘раскаяться, признаться, повиниться в грехах; исповедаться’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 467], ибо, согрешив, средневековый славянин обычно каялся в своих грехах, надеясь на милость Бога и прощение. Этим объясняется двукратное употребление УСК **грѣшьникъ каѭштии сѧ: Тако глаголѭ вамъ радость бываетъ прѣдъ анѣлы божии о единомь грѣшьницѣ каѭштеимь сѧ** (XV, 10); **глаголѭ вамъ ѣко тако радость бѫдетъ на небе о единомь грѣшьницѣ каѭшти сѧ** (XV, 7).

Помимо этих УСК, в евангелии имеются две единицы, обозначающие покаяние как процесс: **покаѧти сѧ въ проповѣдь, покаѧти сѧ проповѣдиѭ: ѣко покаашѧ сѧ проповѣдиѭ ионинуѭ и се боле ионы сьде** (XII, 41); **Мѫжи нинѣ вьѣитьсци въскръснѫтъ на сѫдъ съ родомь симь и осѫдѧтъ и ѣко покаашѧ сѧ въ проповѣдь ионинѫ и се мъножае сьде ионы** (XI, 32).

УСК 6-й подгруппы обозначают формы обращения верующих к Богу, прежде всего, - молитвенные, т.к. привычным способом общения с Богом и обретения утешения была именно молитва. Поэтому в евангельском тексте довольно часто встречаются УСК со значением ‘молиться’. Таковы УСК **молитвы творити** (в 3-х употреблениях), **молити сѧ господоу** (в одном употреблении), **обратити сѧ къ господоу богоу** (в одном употреблении), **помолити сѧ отьцоу** (в одном употреблении), которые отражают обращение к Богу с молитвой. Напр., **Горє вамъ кънигъчиѧ и фарисеи и оупокрити ѣко сънѣдаєтє домъ въдовиць и виноѭ далечє молитвиѭ творѧшє** (XXIII, 13); **И бы єгда богъ въ єдиномъ отъ градъ и сє мѫжь исплънъ прокаженьѣ и видѣвъ исоуса паде ницъ молѧ сѧ господоу** (V, 12); **Многы сыновъ илевъ обратитъ къ господю богу ихъ** (I, 16); **Помолити сѧ отьцю твоємоу въ таинѣ** (VI, 6).

3. 2. УСК, характеризующие формы наказания за грехи

Мир отношений между людьми в Средневековье был довольно жесток, поэтому за любую провинность человек нёс наказания. Своеобразным наказанием для нарушающих нормы поведения в церкви стал поступок Христа, о котором повествуют евангелисты, – **изгнаниє из храма,** или ‘отлучение от церкви’: **И въниде исоусъ въ цръкъвъ божиѭ и изгъна вса продаѭщиѧ и коупоуѭщиѧ въ цркъви** (XXI, 12).

Одним из видов наказания Средневековья было забивание камнями – **побити/побивати камениѥмь**: **глаголашѧ ємоу оученици равви нынѣ искахѫ тєбє камениѥмь побити** иудеи (XI, 8); **Въ законѣ намъ моси повѣлѣ таковыѭ камениѥмь побивати ты же чьто глаголеши** (VIII, 5).

Самое жестокое наказание Средневековья – распятие пришлось испытать на себе Иисусу Христу. Крик толпы **Пропьни и** (‘Пропни его!’) в ответ на предложение Пилата освободить невинного Христа, стал символом жестокости не верующих в истинного Бога: **Пилатъ же отъвѣштавъ пакы рече чьто оубо хоштетє створиѭ єгожє глаголетє царѣ иудєиска они же пачє възъпишѧ пропьни и пилатъ же глаголєшє имъ чьто лишє възъпишѧ пропьни и** (XV, 14).

В Зографском евангелии встречается пять УСК со значениями ‘осудить на смерть’, ‘предать смерти’, ‘повинен смерти’, ‘предать на распятие’: **Сынъ чловѣчьскы прѣданъ бѫдєтъ архиєрєомъ и кънижьникомъ и осѫдѧтъ и на съмрътъ** (X, 33); **Прѣдастъ же братъ братра на съмрътъ и отьць чѧда на родитєлѧ и оубиѭтъ ѭ** (XIII, 12); **Слышастє власвимиѭ чьто вамъ сѧ авлѣєтъ они же вси осѫдишѧ и повиньноу быти съмрътьи** (XIV, 64); **И сынъ чловѣчъскъ прѣданъ бѫдєтъ архиєрєомъ и кънижъникомъ и осѫдѧтъ и на съмрътъ и прѣдадѫтъ и языкомъ на порѭганиє и тєпєниє и пропѧтиє и в дьнъ въскръснєтъ** (XX, 19).

Однако самым страшным наказанием представлялось то, что ожидало грешного человека после его смерти. Оно отражено в УСК **въвръгнѫти въ ѣеонѫ** (в 4-х употреблениях), **въвръженыи въ огнь вѣчьныи** (в одном употреблении), **приѩти мѫкы** (в одном употреблении): **И аштє нога твоѣ съблажнѣєтъ тѧ отъсѣци ѩ дєбрѣє ти єстъ вънити въ животъ хромоу нежє двѣ нозѣ имѫштю** <u>**въвръженоу**</u> **быти** <u>**въ ѣеонѫ**</u> (IX, 45); **Аштє ли рѫка твоѣ ли нога твоѣ съблажнѣєтъ тѧ отсѣци и отвръзи от себє добрѣє ти єстъ вънити въ животъ хромоу ли бѣдъноу нежє обѣ рѭцѣ и нозѣ имѫштю** <u>**въвръженоу**</u> **бытии** <u>**въ огнъ**</u> <u>**вѣчънои**</u> (XVIII, 8); **И рєчє къ нимъ жєлѣньємь сє вьжделѣхъ пасха ѣсти съ вами прѣжде даже нє** <u>**приимѫ мѫкы**</u> (XXII, 15).

Смерть могла стать избавлением от мучений и испытаний, посланных человеку в мире земном. В этом случае Царство Божие (или рай) являлось поощрением славянина за его праведно прожитую жизнь. Однако УСК эти поощрения в Зографском евангелии не характеризуют. Объясняется это, по-видимому, тем, что средневековый человек даже не смел предположить, что может ждать его в Царстве Бога.

3. 3. УСК, характеризующие взаимоотношения средневековых людей

Средневековый человек, оказываясь в весьма жестких условиях жизни, должен был стараться сохранить своё добро, нажитое с большим трудом. Во многом его участь осложнялась ещё и тем, что приходилось выплачивать господину мзду. Этот процесс характеризует УСК **мъздѫ давати: Вєчєроу жє бывъшоу глагола господинъ винограда къ приставъникоу съвоємоу призови дѣлатєлѧ и** <u>**даждъ**</u> **имъ** <u>**мъздѭ**</u> (XX, 8).

Вместе с тем средневековый человек отчётливо осознавал, что, помимо социальных законов, существует Вечный Закон, имя которому Бог. Эта соотнесённость закона с Богом ярче всего выражена в УСК **завѣтъ божии, законъ божии** и **новыи завѣтъ**: **Нъ сє что сътворимъ ѩко** <u>**завѣтъ божии**</u> **прѣстѫпихомъ** (X, 3); **Иже колижьдо отъ мєнє пользєвалъ сѧ єси иже нє почьтєтъ отьца ли матєрє своєѩ и разорите** <u>**законъ божии**</u> (XV, 5-6); **Сє єстъ кръвь моѣ** <u>**новаєго завѣта**</u> **проливаємаѣ за многы въ отъпоуштєниє грѣхомъ** (XXVI, 28).

Межличностные отношения средневекового общества представлены в УСК **творити зъло** (в 6-ти употреблениях), **прѣдавати порѫганию** ‘предать осмеянию, поруганию’ (в одном употреблении) [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 481], **хоулѫ възводити** ‘оскорблять, ругать, обвинять’ [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 768], **враждѫ имѣти междѫ собою** ‘враждовать, питать вражду, злобу, ненависть’ (в одном употреблении) [Ст.–сл. сл. Цейтлин: 122] , **прѣдати съмьрти** ‘убить’ (в 2-х употреблениях): **И вѣ оубо въ правъдѫ достоинаа бо дѣломь наю въсприємлевѣ а сь ничьсоже** <u>**зъла**</u> **нє**

сътвори (XXIII, 41); **И сынъ человѣчъскъ преданъ бѫдетъ архиереомъ и кънижъникомъ и осѫдятъ и языкомъ на порѫганиє** (XX, 19); **И бысте же си дроуга иродъ же и пилатъ въ тъ дьнь съ собоѭ прѣжде бо бѣашете враждѫ имѫшта междю собоѭ** (XXIII, 12).

Наличие УСК, связанных с обозначением зла в межличностных отношениях, не может не свидетельствовать о существовавшей в средневековом обществе определённой моральной концепции этих отношений, главным принципом которой были недоверие и осторожность [Вендина 2002: 130].

Однако, несмотря на обилие УСК, рисующих отношения людей Средневековья в тёмном свете, в языке Зографского евангелия встречаются УСК, характеризующие средневекового человека как личность, способную простить все обиды и покаяться в совершённых грехах, что связано, прежде всего, с заветами христианства, проповедуемыми Христом: **творити добро** (в 6-ти употреблениях), **отъпоустити грѣхы** (в 19-ти употреблениях), **покаѧти сѧ въ грѣсѣ** (в 2-х употреблениях), **хвалѫ въздавати** (в 14-ти употреблениях), **отъпоустити длъгъ** (в одном употреблении): **Нъ вамъ глаголѭ слышѫштиимъ любитє врагы ваша добро творитє ненавидѫштиимъ васъ** (VI, 27); **Кольми оубо лоучии єстъ человѣкъ овьчѧтє тѣм же достоинъ въ сѫботѫ добро творити** (XII, 12); **глаголѭ ослабленоуємоу чѧдо отъпоуштаѭтъ сѧ тєбѣ грѣси твои** (II, 5); **ѣко покаашѧ сѧ прповѣдиѭ ониноѭ и сє болє оны сьде** (XII, 41); **И примъ чашѫ и хвалѫ въздавъ дастъ имъ сє єстъ кръвь моѣ** (XXVI, 27-28); **Милосръдовавъ же господинъ раба того поусти и и длъгъ отъпоусти ємоу** (XVIII, 26).

Для обозначения человека праведного в Зографском евангелии используется УСК **человѣкъ правьдьныи и чьтивыи: И бѣ человѣкъ въ ироусалимѣ ємоу же има семьонъ и человѣкъ сь правьдьнъ и чьтивъ** (II, 25); **Тако и вы внѣѭждоуѣ вѣстє сѧ человѣкомъ правъдъни въ нѭтръѭждоу же естє плъни лицє мѣръствиѣ и безакониѣ** (XXIII, 28).

Для обозначения человека грешного используется УСК **человѣкъ грѣшьнъ** (в 2-х употреблениях): **глагохѫ же отъ фарисѣи єтєри нѣстъ сь отъ бога человѣкъ ѣко сѫботы не хранитъ ови глаголахѫ како можетъ человѣкъ грѣшьнъ сицѣ знамениѣ творити** (IX, 16); **Възгласишѧ же вѣторицеѭ человѣка иже бѣ слѣпъ и рѣшѧ ємоу даждъ славѫ богу мы вѣмъ ѣко человѣкъ сь грѣшънъ єстъ** (IX, 24).

Семейные отношения в средневековом обществе представлены УСК **въстанѫтъ чѧда на родитєлѧ: Прѣдастъ же братъ братра на съмръть и отьць чѧдо и въстанѫтъ чѧда на родитѣлѧ и оубиѭтъ ѭ** (XIII, 12); **Иже колижьдо отъ мєнє пользевалъ сѧ єси иже нє почьтєтъ отьца ли матєрє своєѭ и разоритє законъ божии** (XV, 5-6).

Особо следует заметить, что средневековый славянин был способен ‘любить сердцем’ представителя другого пола, однако плотская любовь

вне брака осуждалась, даже если она возникала лишь в помыслах: **Азъ же глаголѭ вамъ ѣко вьсѣкъ иже възьритъ на женѫ съ похотиѭ оуже любы сътвори съ неѭ въ сръдьци своемь** (V, 28).

Не часты в Зографском евангелии УСК, описывающие гигиену средневекового человека: **не оумъвенама рѫкама ѣсти хлѣбъ: И видѣшѧ етерии отъ оученикъ его нечистама рѫкама сирѣчь не омъвенама ѣдѫштѧ хлѣбы** (VII, 2).

УСК **оумыти рѫцѣ** говорит о существовавшем в Средневековье обряде публичного омовения рук как свидетельстве невиновности человека: **Приимъ водѫ оумы рѫцѣ прѣдъ народомь глаголѧ неповиньнъ есмъ отъ кръвє сего правьдьника** (X, 6); **Видѣвъ же пилатъ ѣко ничьсоже оуспѣетъ нъ паче мльва бываетъ приимъ водѫ оумы рѫцѣ прѣдъ народомь** (XXVII, 24).

Таким образом, в Зографском евангелии существует блок УСК, которые отражают представления средневекового славянина о реальном, земном мире. Из 678 УСК 94 являются вербализаторами представлений картины реального мира в сознании средневекового человека. В этом мире довольно чётко противопоставлялись *верх* и *низ*, т. е. небо и земля. И жизнь средневекового славянина также могла быть положительной, праведной, с точки зрения христианской морали, или же, напротив, грешной.

Эту противопоставленность можно обнаружить в выделенных нами тематических группах:

– УСК, характеризующие обитателей реального мира по их социальному положению. Так, в средневековом обществе выделялся класс «властвующих и управляющих» (по Т. И. Вендиной), который в Зографском евангелии представлен 5 УСК в 23-х употреблениях. Остальные же социальные классы средневекового общества представлены 1 УСК;

– УСК, называющие церковь, её атрибуты и христианские праздники. Эта группа представлена, по данным нашей картотеки, 10-ю УСК в 12-ти употреблениях;

– УСК, характеризующие взаимоотношения истинного христианина с Богом. Эта группа наиболее многочисленна, она насчитывает около 50 УСК, одни из которых характеризуют богоугодные поступки (15 единиц в 66-ти употреблениях), другие обозначают отступления от веры или вообще от праведной жизни (10 единиц в 25-ти употреблениях), третьи характеризуют средневекового славянина как человека, способного прощать грехи и каяться в совершённых проступках (7 единиц в 24-х употреблениях). Также имеются УСК, характеризующие формы обращения к Богу средневекового славянина (5 единиц в 6-ти употреблениях). 7 УСК (в 16-ти употреблениях) из Зографского евангелия позволяют составить представление о формах наказания за грехи, существовавших в Средневековье.

И, наконец, в данной статье были рассмотрены УСК, характеризующие взаимоотношения средневековых людей, которые были весьма слож-

ными. Рассмотрев УСК этой группы, можно сказать, что средневековый славянин жил в жестких условиях. С одной стороны, он должен был беспрекословно следовать социальным законам, с другой стороны – быть послушным главному закону его жизни – Закону Божьему, или же покаяться, если таковой закон был им нарушен.

Межличностные отношения в средневековом обществе, представленные в Зографском евангелии посредством УСК, характеризуют эти отношения чаще с негативной точки зрения (10 единиц в 53-х употреблениях). Во многом это объясняется тем, что средневековому человеку, чтобы выжить в условиях постоянной опасности, не потерять здоровье и даже жизнь, приходилось самому быть порой недоверчивым и осторожным, иногда жестоким.

Однако в то же время истинный христианин был человеком, способным бескорыстно совершать добро, а также любить Бога, посвятив всю свою жизнь служению Ему. Эту мысль доказывают в Зографском евангелии пять УСК. Частое употребление УСК, обозначающих добрые действия христиан (51 раз), связано, по-видимому, с тем, что авторы данного памятника проповедовали заветы христианства, сущность которых состоит в любви к ближнему.

Картина реального мира средневекового славянина, вербализованная в Зографском евангелии фразеологическими средствами, представляет собой бинарную оппозицию, одной стороной в которой являются земля, земная жизнь, взаимоотношения людей, а другой – небо, Бог, церковь.

Источники

Ягич, В. Зографское Евангеліе / В. Ягич. – Ксерокоп. – Б. м., Б. г.

О. В. Франчук

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВЕСЕЛЬЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН (игры, песни, пляски)

И Х(ристос)оу зовѫщю пр(оро)къи і (а)п(осто)лъ и єѵ(г)стъи • т(-) же из' м'ноѕа мало чѧди приходитъ • а диѣволъ зовєтъ гѫсльми и плѧсьци пѣ(с)ми неприѣзнинами • то же м'ноѕи събираѭт'ся на то • ч(ловѣколю)б(ь)ць же б(ог)ъ призъиваєтъ и гл(аголє)т • придѣтє къ мнѣ вси • то нѣ к'то ндъи • нѣ к'то ся подвижѧ • а ненавидѧи чка дьѣволъ • аще наречєтъ съборъ какъ то м'ноѕи съберѫт ся, – говорится в поучении Ефрема Сирина, написанном в XI в. [Рыльс. листки: 25–26]. Именно с дьявольским научением ассоциировались народные игры, песни и пляски в средние века, и именно поэтому с ними боролась Православная церковь.

Древнейшей религией славян, их мировосприятием и мироощущением было язычество. Оно охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной, так как, по словам Н. И. Толстого, вся культура была проникнута убежденностью ее носителей в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех процессах: «Славянское язычество содержало в себе не только свойственные ранней стадии религиозного развития анимативные верования (убежденность, что все в природе живое – и огонь, и дерево, и молнии и т.п.), но и анимические (то есть представления о душе), сочетающиеся с, вероятно, более поздними, воззрениями о трансцендентности души (то есть способности переходить в другую плоть) и о способности сверхъестественной силы к различным метаморфозам, обращениям то в козла, то в собаку, кота, копну сена, черный клубок, младенца и т. п.» [Толстой 1996: 145]. По убеждению древнего славянина-язычника, этой силой была наделена вся вселенная, с нею приходилось иметь дело, и она была опасна. Эту силу можно было умилостивить и даже отпугнуть, что и совершалось неоднократно при помощи особых обрядов и традиций.

Известно, что у древних славян обряд отличался синкретизмом: в нем были неразрывно связаны поэзия, магия, музыкальное, словесное и хореографическое исполнение.

Древнейшая пляска у многих народов была тесно связана с магией. Примером могут служить массовые танцы вокруг дерева, связанные с культом мирового древа, танцы вокруг огня в ночь на Ивана Купалу, первобытные пляски вокруг убитого зверя, круговые танцы-обереги при первом выгоне скота в поле, во время мора, засухи, на крестинах, свадьбах и т. д. У всех славян для заклинания плодородия полей использовались особые обряды – русалии. В частности, болгарские русальные игрища состояли из разнообразных танцев и прыжков, причем танцы велись в очень быстром темпе, сопровождались вскриками и восклицаниями, а заканчива-

лись тем, что их участники доходили до исступления и падали без чувств на землю. У чешских и словацких крестьян было распространено поверье, «как высоко девицы на масленицу подскакивают, так высоко у них вырастает лен <…> Каждая бабушка, даже высохшая, как виноградная лоза, на масленицу подпрыгивает, чтобы выросла высокая конопля» [Богатырев 1958: 428]. В Польше танцы *на лен* и *на коноплю* были чисто женскими, так как именно женщины убирали эти культуры, сушили, трепали и ткали из их волокон. Другой обрядовый танец *на овес* был мужским: мужчины, танцуя, подскакивали, чтобы высоким вырос овес (основной корм для лошадей). В Вармии и на Мазурах танцевали еще и *на картофель* [Ганцкая 1977: 205– 206].

Сегодня достаточно сложно описать самые древние славянские обрядовые танцы с песнями. Для их обозначения использовался общеславянский термин **plęsati* (ср.: словен. *plesati*, слвц. *plesať*, польс. *plasać*, полаб. *pl'osat*, ст.-сл. **плѧсати**) [Фасмер т. 3: 291]. П. Я. Черных указывает, что «бесспорно родственных образований в других индоевропейских языках не обнаружено, а готс. *plinsjan* ‘танцевать’ заимствовано из праславянского» [Черных т. 2: 46]. А. Брюкнер считает глагол *plęsati* родственным словам с корнем *plesk-, plēsk-* (плескать, плеснуть): серб. *pljeskáti*, рус. *плескать*, лит. *pleszkēti, płaskoti* [Brücner 1970: 417].

Характерно, что проанализированные нами письменные памятники как старославянского, так и древнерусского происхождения фиксируют глагол **плѧсати / плясати** только в значении ‘совершать обрядовый языческий танец’. К примеру, в Лаврентьевской летописи читаем: **Радимичи и вятичи и сѣверъ • wдинъ wбычаи имѧхоу • схожахоуса • на игрища на плѧсанье • и на вса бѣсовьскаа игрища • и тоу оумыкахоу жены собѣ** [Лавр. летопись: 5]. В связи с этим, остается неясным, исполняли ли древние славяне другие (необрядовые) танцы, и какими были эти танцы.

В настоящее время в некоторых славянских языках глагол *плясать* в привычном для нас значении не используется, а на его месте можно встретить заимствованное из немецкого слово *танцевать*. Так, в чешском *plesati* – ‘радоваться, ликовать’, но в значении ‘плясать’ – *tancovati, ples* – ‘бал’. Болгарское диалектное *плèша* ‘пляшу’, тогда как общеболгарское – *танцýвам.* В украинском и белорусском языках глагол *плясать* отсутствует, а в том же значении употребляется укр. *танцювати* и белорус. *скакаць, танцаваць* [Черных т. 2: 46].

Впервые глагол **плѧсати** зафиксирован в старославянских текстах XI в. Так, в Мариинском Евангелии сказано: **дьни же бывъшоу розьства иродова • плѧса дъшти иродиѣдина по срѣдѣ и оугоди иродови** [Мар.: 48]. Согласно библейской легенде, Иоанн Предтеча стал жертвой злобы галилейского царя Ирода Антипы и танцовщицы Иродиады, обличаемых им за незаконную связь. В народе было распространено поверье, согласно которому Бог наказал царя Ирода за избиение младенцев, превратив 12 его

дочерей в Трясовиц. Любопытно, что Трясовицы (лихорадки) – это русские демоны болезни, упоминаемые в заговорах. Их представляли в виде 12 безобразных женщин, насылавших на людей различные недуги, а имена трясовиц описывали те муки, которыми каждая из них терзала больного. Причем, Невея/Нава (мертвящая) – всем лихорадкам сестра старшая – Плясавица(!), из-за которой была отсечена голова Иоанну Предтече, она всех проклятее, и если вселится в человека – ему уже не избежать смерти. Перед нами яркий пример двоеверия, характерного для средневековой Руси, когда бытовое христианство предоставило языческим персонажам и представлениям статус «нечистой силы», противостоящей силе «крестной», чистой и преисполненной святости. Языческие песни и пляски могли ассоциироваться только с дьявольскими и бесовскими игрищами. Неслучайно во многих проповедях и поучениях звучала жалоба на то, что в субботу и во время годовых празднеств народ собирался на деревенской площади для разнузданных увеселений, где много пили, пировали, предавались суевериям и занимались пением и плясками.

По церковным воззрениям, пляска, особенно женская, считалась душегубительным грехом: «О, злое, проклятое плясание! О, лукавые жены многовертимое плясание! Пляшущи бо жена любодеица Диавола, супруга адова, невеста сатанина; вси бо любящии плясание бесчестие Иоанну Предтече творят – со Иродьею неугасимый огнь и неусыпаяй червь осудить!» Даже смотреть на пляски считалось предосудительным: «Не зрите плясания, и иные бесовских всяких игор злых прелестных да не прельщены будете, зрящее и слушающее игор всяких бесовских; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы» [Костомаров 1993: 189–190].

Древнейшим обозначением русского народного танца является существительное *хоровод*. Как известно, хоровод – это массовый танец, исполнение которого сопровождается хоровой песней, раньше посвящавшейся солнцу. Своим рисунком хоровод, олицетворяя солнце, обычно движется по кругу слева направо. Как правило, он водится девушками и парнями, держащими друг друга за руки, и имеет форму кольца. Традиционно толкование слова *хоровод* проводится на словообразовательном уровне и объясняется сложением основ *хор* и *вод- (водить)* с помощью соединительных гласных. Причем первый корень заимствован из греческого *choros* ‘хор’ [Фасмер т. 4: 264]. Но в таком случае трудно объяснить диал. *коровод, кыровод, карагод, харагод*. На наш взгляд, наиболее убедительна точка зрения П. Я. Черных, который указывает, что в русском языке слово *хоровод* (с начальным *х-)* известно со второй половины VII в. Старшей формой являлся начальный *к (коловод, колоход* от **kolo* ‘круг’ [Черных т. 2: 351–352].

У многих славянских народов, и в частности у поляков, древний танец по кругу назывался *koło*. Как отмечает А. Брюкнер, если этот круг был большим, или танцующие описывали несколько кругов, то круг в танце воспринимался как символ неба [Брюкнер 1970: 247]. Вообще, круг – наиболее удобная форма организации массового танца, известная человечест-

ву с древнейших времен. Давно замечено, что ритмичные телодвижения, совершаемые множеством людей, приводят к появлению почти мистического чувства единения друг с другом. Первобытное племя объединялось пляской как общим ритмизованным действом, сопровождавшимся еще и физическим единением: известно, что именно единение лежало в основе многих древних танцев, в том числе и славянских. Неслучайно, в русском *хороводе* его участники держатся за руки, в югославском *коло* танцующие двигаются, обнявшись за плечи, у болгар популярен народный танец *ръчени́ца*, когда руки танцоров соединяются на плечах соседей.

Думаем, к самым древним можно отнести танцы и пляски, названия которых связаны с образами животных. Это русские пляски *Медведь, Оленюшка, Заинька, Бычок, Чиж, Рыбка, Коза/Козел, Селезень, Соловушка, Лебедушка* и польский танец *Przepiórka/Przepióreczka*. По мнению искусствоведов, эти танцы восходят своими корнями к древним тотемным пляскам, смысл которых – полное уподобление тотему. Это перевоплощение, как считали первобытные люди, помогало набраться силы, хитрости, выносливости, свойственной тому или иному живому существу. На наш взгляд, такие пляски у древних славян, скорее всего, отражали специфику языческих представлений о мире, согласно которым, сверхъестественная сила (? душа) способна вселяться как в живые предметы и существа, так и в предметы неживой природы. Возможно, эта версия позволит объяснить и названия древних славянских танцев *Луг-лужочек* или *Алая заря* (в предшествующих работах мы пытались связать эти названия с текстом песни-сопровождения (см. [Франчук 2005]).

Отрицательное отношение к пляскам на протяжении многих веков привело к тому, что названия народных танцев и отдельных плясовых фигур передавались только в устной традиции. Совсем иначе обстояло дело со славянской музыкой и пением.

Глагол **пѣти,** однокоренные существительные **пѣникъ, пѣснь** и прилагательное **пѣсньнъ** достаточно часто употребляются в древнейших письменных источниках. Это объясняется тем, что христианская церковь допускает использование музыки в процессе богослужения. Причем здесь, как и в других областях культуры, славянский мир четко распадается на православный и католический. Православное церковное пение исключает инструментальное сопровождение, оно исполняется строго *a capella*. Православное пение базируется на системе 8 гласов (попевок), которые, чередуясь, складываются в *«октоих» («осьмогласник»)*. Система «октоиха» сложилась в Византии в VIII в. В южнославянских рукописях XI – XII вв. использовался особый способ записи музыкальных текстов – *«фитная»* нотация, при котором с помощью условных знаков переписчики указывали на изменение напева, не оговаривая изменений. В древнерусских рукописях XII в. можно обнаружить более сложные способы нотации, в том числе и *«знаменную»* нотацию, получившую позднее распространение в древнерусской традиции. По мнению музыковедов, исследовавших эти тексты,

заимствованные из Византии мелодии смягчились, приобрели напевность народных мелодий. Уже в XII в. были созданы и собственные стихиры (например, стихира о Борисе и Глебе).

У славян-католиков христианская музыка существенно отличалась от православной: во время службы применялось хоральное пение под орган. Из древнейших музыкальных текстов с музыкальной нотацией достаточно трудно выделить те, которые были созданы в Чехии или Польше или находились там в XI–XII вв. Однако в этих странах в эпоху раннего Средневековья возникли собственные песенно-музыкальные тексты (чешская песнь *«Hospodine, pomilui ny»* и польский гимн *«Bogurodica»*).

Учитывая характер дошедших до нас письменных памятников старославянского языка, вполне понятным становится присутствие в них устойчивых словесных комплексов, описывающих черты церковного пения и зафиксированных в Проспекте фразеологического словаря старославянского языка: **пѣниѥ хвальноѥ, хвала пѣниа, пѣниѥ съвитъчьноѥ, пѣниѥ высокоѥ, пѣниѥ кондачьскоѥ** [Проспект 2006: 244]. Основная масса старославянских УСК с существительным **пѣснь** также связана с богослужебной тематикой: **пѣсни божиѭ, пѣсни доуховьныѭ, пѣсни сионьскыѭ, пѣснь господьня, пѣснь давидова, пѣснь евангѣльскаа, пѣснь погрѣбению, пѣснь похвальнаа, пѣснь псалъмьска, пѣснь степеньна(а)** [Проспект 2006: 244–245]. «**Добродарьствънѫѭ пѣснь въспоуштаѭштѣ богоу**, – сказано в Супрасльской рукописи [Супр.: 215]. Если же **творити пѣснь,** не воспевающую Бога (то есть, любую другую песню), это будет **пѣснь зъла, пѣснь непристазнина**. В уже упоминаемом нами поучении Ефрема Сирина читаем: **Дивѣволъ зовєтъ гѫсльми и плѧсьци пѣс(нь)ми непривѣзнинами • тоже м'ноѕи събираѭт'ѧ на то** [Рыльс. листки: 25–26].

Н. И. Толстой, характеризуя религиозные верования древних славян, указывает, что говорить о двоеверии славян (переплетении христианского и языческого мировоззрений) было бы ошибочным, так как существовал еще третий источник, принятый славянами совместно или почти одновременно с христианством. «Речь идет о той культуре – народной и городской, которая развивалась в Византии и отчасти на Западе как культура ахристианская, не христианская, но далеко не всегда антихристианская <…> С некоторой осторожностью или условностью к элементам «третьей» культуры можно отнести юродство (впоследствии ставшее одним из церковных институтов), скоморошество (периодически то гонимое, то поддерживаемое власть имущими), городскую карнавальную, ярмарочную площадную и лубочную культуру, дожившую до нашего века и имевшую свою автономную эволюцию и свои локальные пути развития. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести известный пример ранней росписи киевского Софийского собора, где помимо церковных фресок, выполненных в классическом византийском стиле, на стенах лестницы, ве-

дущей в несохранившийся княжеский детинец, изображены гудцы, скоморохи, потешники. Всему определено свое место» [Толстой 1996: 147–148].

Скоморохи тешили православный люд различными способами: одни играли на гудке, другие били в бубны, третьи плясали, четвертые показывали народу выученных собак и медведей. Среди скоморохов были глумцы и смехотворцы-потешники, умевшие веселить народ прибаутками, складными рассказами, красным словцом и сценическими представлениями - «позорами» или «действами». Они разыгрывали роли, наряжались в «странное» (скоморошье) платье и надевали на себя маски, называемые «личинами» и харями». В XIII в. митрополит Кирилл осуждал «позоры некаки бесовские, со свистаньем, и кличем, и воплем». Скоморохи ходили большими компаниями (человек 50 и более) из посада в посад, из села в село и представляли свои позоры в основном в праздничные дни. «Ленивые безумные невегласы дожидаются недели (воскресного дня), чтоб собираться на улицах и на игрищах, - говорится в предисловии к слову о неделе святого Евсевия, - и тут обрящеши ина гудяща, ина плешуща, ина поюща пустошная, пляшуща, ови борющася и помизающа друг друга на зло» [Костомаров 1993: 187].

Во время развлечений и гуляний обычным музыкальным аккомпанементом была игра на музыкальных инструментах, которые можно считать инструментальной основой славянской музыки: труба, свирель, бубен и гусли. О них упоминается уже в старославянских памятниках X – XI в.: **На врьбиї посрѣдѣ ѥѧ обѣсихомъ съсѫды своѧ • си рѣчъ гѫсли свирѣли • цѣвница** (’лира’) **• и прочаѧ** [Супр.: 228]. Согласно тем же источникам, народные музыкальные инструменты далеко не всегда связывались в сознании древних славян с «бесовскими» песнями, плясками и игрищами, а могли применяться при исполнении духовных песен, баллад. Неслучайно, в Синайской псалтыри сказано: **ісповѣмъ сѧ тебѣ въ гѫслехъ в(о)же** [Син. Пс.: 42]. Мифический Боян, о котором неоднократно упоминается в «Слове о полку Игореве», воспевал славу и печаль Русской земли в боях с половцами, перебирая при этом струны лютни: **Боянъ же братиє нє 10 соколовь на стадо лебедѣи пущаше нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше они же сами княземъ славу рокотаху** (Слово о полку Игореве 1985: 26–27).

Среди развлечений древних славян были игры, причем уже в древнейших письменных памятниках встречаются УСК **игры играти, игры творити** и даже **сигами играти** [Slovník 1966, т. 12: 703]: **ꙗко нє достоить кр(ь)стьѧномъ • на бракы ходѧще • играти игры никакоже • ни плѧсати** [Nom Ust 27a 16 / Slovnik 1966, т. 12: 703]; **бѣхоу ѡ ѡбразы бѣсѡв’скыє написали вънѣюдѹ на двереχъ въсѣχ хрістіань • игри твореше** [Const 6, ms. 1469 / Slovnik 1966, т. 12: 703]; **єп(и)с(коу)пъ ли попъ • ли диꙗкон(ъ) • силами** (sic!) **играѧ ли оупиваѧ сѧ** [Nom Ust 28b 10].

Существительное **игра** общеславянское, ср. болг. игрá ‘игра, развлечение’, макед. игра ‘игра’, ‘танец, пляска’, сербохорв. ùгра ‘игра’, ‘пляска’, словен. ígra, igrá ‘игра’, чеш. jhra ‘игра, забава’, пол. gra ‘игра’, русс. игра ‘занятие с целью развлечения, основанное на известных условиях или подчиненное определенным правилам’ [ЭССС вып. 8: 208]. О. Н. Трубачев считает, что семантическим наполнением слав. *jьgra, по всей вероятности, был архаический комплекс значений ‘пение с пляской’: «Явные признаки синкретичности и трудной расчленимости (более простые значения ‘развлечение, забава’, ‘шутка’, ‘пение’, ‘танец’ кажутся производными) логично подводят к вопросу о связи с миром сакральных представлений, действий и выражений. Слово *jьgra имеет древний вид, и поиски его индоевропейского прошлого кажутся не лишенными оснований» [ЭССС вып. 8: 208].

Описать увеселения, игры и забавы древних славян сегодня достаточно сложно. В средневековой Руси порывы всякой веселости, особенно у высших классов, были подчинены правилам церковного порядка. У тех, кто хотел казаться благочестивым, церковное пение было единственным развлечением. В старину для обучения пению существовали специальные школы: мальчики учились у церковных дьячков и составляли певческие хоры. Нищие, просившие милостыню, и колодники, которых выводили из тюрьмы собирать подаяние, с жалобными причитаниями пели песни нравственного и религиозного содержания и заставляли расчувствоваться тогдашнюю публику. В то же время народные песни и пляски считались бесовским потешением. Как пишет Н. И. Костомаров, «православная набожность хотела всю Русь обратить в большой монастырь» [Костомаров 1993: 185]. Отношение к веселью, пляскам и забавам отражено и в лексике древнейших славянских памятников: характерно, что **плѧсати** и **скакати** могли только бесы и прочая нечистая сила (ср. совр. рус. разг. *беситься)*, тогда как ангелы, небо и православные от радости будут исключительно **ликовати** (хотя глагол *ликовать* означал ‘танцевать, проявлять радость или восторг с шумом, криком, весельем’).

Источники

Гошев, И. Рилски глаголически листове / И. Гошев. – Ксерокоп. – София : Българската академия на наукит, 1956. – 8 л.

Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. т. 1. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 733 с.

Северьяновъ, С. Синайская псалтырь : Глаголическій памятникъ XI в. / С. Северьяновъ. – Петроградъ, 1922 (Памятники старославянского языка. – Т. 4)

Северьяновъ, С. Супрасльская рукопись. Т. 1. / С. Северьяновъ. – Ксерокоп. – СПб., 1904. – 285 с.

Слово о полку Игореве / под ред. Д. С. Лихачева, Л. Дмитриева. – М. : Худож. лит., 1985. – 222 с.

Ягичь, И. В. Маріинское четвероевангеліе / И. В. Ягич. – Ксерокоп. – СПб., 1883. – 171 с.

II. Вербализаторы ряда ключевых концептов русской картины мира XVII–XIX вв.

М. А. Коротенко

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЛОВО» КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ ФРАГМЕНТОВ КАРТИНЫ МИРА ПРОПОВЕДНИКА XVII СТОЛЕТИЯ
(на материале сочинений Ивана Неронова)

В русской культуре и философии *слово* традиционно рассматривается как нечто живое и одухотворенное [Миловатский 2004]. Между речевым актом и действием существует «обратная связь». Свойства высказываний влияют на моделирование поведенческих реакций, им приписывается «адресованность и семиотичность». Речевые действия имеют черты общности с неречевыми действиями, с одной стороны, и с ментальными актами – с другой. С первыми их сближает, прежде всего, «целеориентированность», со вторыми – наличие «пропозиционального содержания». Речевые действия выполняют роль «посредника» между «ментальной и реальной деятельностью человека» [Арутюнова 1993: 4–5].

Фразеосемантическое поле (ФСП) «Слово» представлено в сочинениях Ивана Неронова 167 устойчивыми словесными комплексами (УСК) и занимает второе место по численности, но первое по значимости для автора текстов, из которых извлечены данные УСК, поскольку они являются совокупностью средств отражения профессиональной деятельности Ивана Неронова – популярного проповедника XVII столетия.

Ю. С. Степанов, опираясь на этимологию весьма разнообразных слов индоевропейских языков, выражающих понятия ‘слово’, ‘говорить’ и ‘сказать’, предлагает группировать эти понятия в 3–4 концептуальные области [Степанов 1997: 362]. Этим концептуальным областям в сочинениях И. Неронова соответствует ФСП «Слово» с вербализаторами – УСК, образующими три таких области.

I. Область «голос» включает УСК со значениями:

1) ‘испускать голос’,

2) ‘выдавать некоторую последовательность слов, текст’:

а) ‘ритуальная речь’,

б) ‘молиться’,

в) ‘воспроизвести речевую формулу официального характера’.

II. Область «знание/мысль» содержит УСК со значениями:

1) ‘речь как отражение мыслительного процесса ;

2) ‘трансляция знания’;

3) ‘передавать информацию, соответствующую истине / передавать информацию, не соответствующую истине’.

III. Область «общение» объединяет УСК со значениями:

1) ‘славить’:

а) ‘сделать так, чтобы кто-либо слушал’ (беседовать, сообщать/ сообщить, вести дискуссию, просить, обращаться к кому-либо с речью),

б) ‘сделать так, чтобы кто-либо был услышан’ (проповедовать, хулить, произносить публичную речь);

2) ‘слышать’/‘воспринимать слова’:

а) ‘слушать’,

б) ‘про-слыть’;

3) ‘слыть’.

1. УСК области «голос»

Одним из значений «слова» авторы лексикографических источников считают ‘звук речи’, ‘голос’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 611], что и позволило нам УСК, обнаруживающие в своей семантической структуре подобные семы, выделить в отдельную область ФСП «Слово» – **область «голос»**. Этимологически само слово *голос* связано со словами *глагол*, *глаголати*, то есть с идеей говорения [Фасмер т. 1: 430]. Производство устной речи не может осуществляться иначе как с помощью голоса, а значит, голосовые характеристики и разнообразные способы их языкового выражения по праву относятся к основным факторам, обусловливающим и организующим коммуникацию. «Голос служит мощным инструментом воздействия, убеждения, подавления; им можно выразить самые разнообразные чувства и отношения» [Крейдлин 1994: 141]. Область «голос» в сочинениях И. Неронова объединяет 30 УСК, обозначающих испускание голоса со всеми религиозными, ритуальными и другими сопутствующими значениями. В исследуемых текстах они распадаются на две фразеосемантические группы.

Первую фразеосемантическую ***группу*** образуют УСК с общей семой ‘***испускать голос***’ (8 ед): *крѣпко вопити, громко вопити, громко плакати, плакати голосомъ, рыдати и плакати, вопити изъ глубины души, изо всеи крѣпости звати, кричати съ (многимъ) рыданіемъ*. Все УСК данной группы отмечены яркой эмоционально-экспрессивной окраской. Коннотация формируется по преимуществу на базе главных компонентов – глаголов: *вопити* – ‘восклицать’ [Срезневский т. 1, ч. 1: 396], ‘громко протяжно кричать’ [Сл. др.-р. яз. XI–XIV вып. 2: 206], ‘рыдать, плакать’ [СРЯ XVIII вып. 4: 64]; *рыдати* – ‘вопить, плакать вслух, навзрыд’ [Даль т. 4: 117]; *плакати* – ‘реветь, выть’ [Даль т. 3: 119].

Даже краткий перечень словарных дефиниций дает представление об эмоциональном накале глаголов в составе УСК с общей семой ‘испускать голос’. Семы эмотивности сигнализируют об эмоциональном состоянии отправителя речи. Очевидна также и экспрессивная окрашенность глагольных компонентов: словари явно указывают на интенсивность, высокую степень проявления признака, выраженного наречиями *громко*, *навзрыд*. Более того, обладая психологической реальностью, голосовые характеристики сами являются коррелятами чувств, разнообразных поведенческих реакций (повышение голоса здесь связано с сильными негативными эмоциями). Зависимые компоненты выводят на первый план семы экспрес-

сии в УСК этой группы из ряда других коннотативных сем, дублируя уже присутствующие в грамматических центрах – глагольных компонентах – показатели интенсивности: «громко» (*громко плакати, плакати голосомъ, крѣпко вопити, изо всеи крѣпости звати*). Это связано с тем, что испускание голоса как таковое с речевым процессом не связывается, а является собственно эмоциональной реакцией, показателем внутреннего состояния субъекта, которое в целом можно охарактеризовать как внутреннее напряжение: «*А еже церковь смути, отъятъ колѣнное покланяніе и многимъ блазнь былъ, сего ради* ***рыдати и плакати*** *долженъ есть, аще не хощетъ вечно слезити въ безконечныя веки*» (I: 76); «*Воистину нерадящимъ ниже послушающимъ гласа* ***изо всея крѣпости*** *къ нимъ* ***звавшаго***…» (I: 99)[†] и др.

Вторую фразеосемантическую ***группу*** области «голос» образуют УСК с общей сложной семой ***‘выдавать некоторую последовательность слов, текст’***. УСК данной группы указывают на механическое воспроизведение отдельных слов или их последовательностей. Акт говорения, таким образом, в УСК этой группы представлен именно как механическое воспроизведение цепочек заученных слов.

УСК второй группы, присутствующие в текстах И. Неронова, объединяются в три подгруппы тремя частными семами – ‘ритуальная речь’, ‘молиться’, ‘воспроизвести речевую формулу официального характера’ (первая и последняя – сложные семы).

1-я подгруппа состоит из 12-ти УСК, обозначающих воспроизведение обрядовых формул и объединенных сложной семой ‘ритуальная речь’ (*четверити аллилуия, очищати оглашениемъ ученія, наречь имя, единогласное пѣніе, молебное пѣніе, всенощное пѣніе, разрешительная молитва, заамбонная молитва* и др.). Грамматические центры УСК с данной семой представлены глаголами и отглагольными существительными, несущими процессуальную семантику. Единицы с данной частной семой являются общими для двух ФСП – «Слово» и «Церковь» (группа «обряды»): *«патриархъ же ничто же имъ глаголя точию подъякъ псалтырь говоря заповедание патриархово говорилъ* ***четвертилъ аллилуия****»* (II: 349); *«…диакони* ***очищаютъ оглашениемъ учения*** *• презвитери просвѣщаютъ крещениемъ…»* (I: 176); *«а егда изволи Господь Богъ восприяти тебе царствия паче просія и церкви приятъ свою лепоту и* ***единогласное пѣніе*** *и всякое благочиніе строяшеся тобою государемъ»* (I: 38–39); *«изволь государь помолчати еще не было* ***разрѣшительныхъ молитвъ****»* (II: 345).

[†] В дальнейшем ссылки на сочинения И. Неронова будут даваться в круглых скобках так:

(I) – все сочинения И. Неронова, цитируемые по изданию: Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875.

(II) – Записка о жизни Ивана Неронова, цитируемая по изданию: Памятники литературы древней Руси. XVII век. Книга вторая. – М. : Худ. лит., 1998. – С. 337 – 350.

2-ю подгруппу составляют УСК, объединенные семой ‘молиться’. Они указывают на воспроизведение готовых текстов – молитв. Тексты молитв канонизированы, они строятся по определенным моделям, обладают определенными повторяющимися особенностями содержания и сообщения. В условиях устной формы коммуникации тексты молитв запоминаются и реконструируются в готовом виде. Кроме того, могут возникать и спонтанные, разовые молитвы. Однако «в той или иной мере все вторичные формы текстов молитв несут в себе определенные черты основополагающего текста» [Уразаева 2002: 421]: *помолитися ракамъ чудотворцовымъ, молити Владыку, молити (Спаса) Христа, Бога молити, молити Спаса, попросити у Бога, къ Богу взывати, Свету взывати, помолитися чудотворцамъ, славити (Спаса) Христа, прославити Бога, прославити отца* – 11 ед.

Глагольный компонент *молити(ся*) в УСК данной подгруппы реализует значение ‘с молитвою просить (Бога)’ [СРЯ XI–XVII вып. 9: 46]. Глагольный компонент УСК *к Богу взывати* и *свету взывати* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» представлен в значении ‘обращаться к кому-либо с просьбой, молить’ [СРЯ XI–XVII вып. 2: 126]. Таким образом, компоненты *молити(ся*), *просити*, *взывати* включаются словарями в один синонимический ряд [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 526; СРЯ XI–XVII вып. 9: 246] с указанием на разные оттенки значений. Так, *молити* – это ‘просить усердно’, а дополнительную сему ‘воскликнуть’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 142] в компонентах *взывати* эксплицирует контекстуальный актуализатор *съ воплемъ*, находящийся как в препозиции, так и в постпозиции к УСК: *«и внезапу бысть буря велія, волнамъ убо восходящимъ на высоту аки превеликимъ горамъ и кождо ихъ съ воплемъ* ***къ Богу взываху*** *Господи помилуй!»* (II: 338); *«протопопъ же Иоаннъ Нероновъ* ***къ богу взыва*** *съ воплемъ и со слезами яко да спасетъ ихъ отъ нашедъшія беды…»* (II: 338) **vs.** *«Иоаннъ же едва умоливъ яко да тихо и безъ мятежа* ***помолитца чюдотворцамъ****»* (II: 339).

Таким образом, в сравнении с нейтральным *просить* прочие компоненты-глаголы УСК отмечены определенной эмоциональностью (*молити*) и даже экспрессивностью (*взывати*), что вступает в противоречие с характерным для церковной среды отношением к молитве как к «тихой речи при внутреннем безмолвии»; тихий голос – «голос веры и тайны, голос почтения и обожания»; внутреннее же безмолвие – это, по утверждению митрополита Антония, «отсутствие всякого внутреннего движения мыслей или эмоций…» [Антоний Сурожский 1982: 153]. Молитва – не требование (этим она отличается от магического заклинания, заговора), молитва – смиренное, с душевной кротостью обращение к Богу.

Повышение голоса при молитве может быть связано с сильными чувствами. Павел Флоренский, выводя схемы, по которым строятся языческие и христианские молитвы, определил, что одной из общих черт для всех молитв является наличие в них обращения к Богу [Уразаева 2002:

423]. Так, зависимый компонент УСК с семой ‘молиться’ называет главного адресата словесного обращения человека. Это христианский Бог, либо выразители «воли Божьей» – чудотворцы («чудо» определяется словарем «Христианство» как ‘сверхъестественное, непостижимое событие, вызванное волею Божьей’ [Христианство 1994: 529]).

В большей части УСК, объединенных семой ‘молиться’, зависимый компонент носит избыточный характер ввиду изначального присутствия в значении компонента-глагола *молитися* указания на адресата – ‘просить Бога’ [СРЯ XI–XVII вып. 9: 246]. В целом, УСК, объединенные семой ‘молиться’, указывают на отношение раскольного проповедника к молитве не как к механическому речевому действию, а характеризуют достаточно эмоциональное обращение к высшему христианскому существу посредством устойчивых сакральных формул. На любую просьбу всегда может последовать отказ со стороны адресата, тем более что в данном случае адресант занимает не приоритетную позицию по отношению к адресату. Поэтому в интересах просителя доказать необходимость выполнения его просьбы. Главное – убедить в чем-либо адресата, повлиять на процесс принятия им решения и заставить его действовать. Если в обычных просьбах, как правило, преобладает логическая аргументация, то в молитвах в качестве ведущей оказывается эмоциональная аргументация. Молящийся апеллирует к благородству, великодушию, чувству жалости адресата. Вероятно, поэтому молитва в исследуемых текстах часто соединена со слезами (*со слезами молити*), а переходным словом, связывающим мир души и мир речи при совершении молитвы, является глагол-компонент *плакати* (*плача молити*). Напр., «*…горько же плачу и <…> слезы испущаю* ***моля спаса***» (I: 103), «*протопопъ же иоаннъ нероновъ* ***къ богу моляся*** *со слезами яко да спасетъ ихъ отъ нашедшія беды…*» (II: 338).

Таким образом, прагматическая заряженность УСК с семой ‘молиться’ является следствием прагматической цели, стоящей перед молящимся, – убеждение адресата в необходимости исполнения просьбы адресанта.

Следует заметить, что компонент *(про)славити* в УСК *прославити Бога, прославити отца, славити (Спаса) Христа* в текстах И. Неронова функционирует со значением ‘молиться’, не зафиксированным словарями: *«о крестѣ же благочестивыи государь царь радость ми возвести яко тако яко же издревле воистину* ***славлю Спаса*** *моего* ***Христа*** *о семъ яко прекословіе о семъ преста!»* (I: 90); *«…бывшу же и дождю велику <…> и абие бысть тишина и солнце восия <…> яко дивитися им и* ***прославити Бога****»* (I: 39) и др.

Данное значение обусловлено структурой молитвы: «каждая молитва должна начинаться с прославления Бога» [Уразаева 2002: 423], таким образом «…молитва констатирует, что Бог – самый великий. Это выражение смирения перед волей Бога, примирения с положением человека» [Малерб 1997: 352].

УСК, объединенные частной семой ‘молиться’, в текстах И. Неронова отражают русское народное представление о «Боге милостивом», русское понятие о смирении перед творцом.

Частная сложная сема ‘воспроизвести речевую формулу официального характера’ присутствует лишь в одном УСК, обнаруженном в исследуемых текстах, – *титлу выговорити*. Названный УСК в сочинениях И. Неронова имеет функциональную прикрепленность к наименованию официальных должностных лиц при патриархе – патриарших детей боярских («…*сынъ боярскіи текомъ прибежалъ и строителю старцу Аверкию <…> отъ патриарха обычно* ***титлу выговоря*** *благословеніе прирекъ…*» (II: 345) и др.) – и косвенно указывает на несвободу – зависимость речевых действий (шире – действий в целом) данных лиц от воли патриарха. Этот факт также указывает на освобождение от ответственности за совершаемые действия «посланнихъ отъ патриарха».

2. УСК области «знание»

Другим значением лексемы *слово* является ‘мысль <…> разум, позволяющий человеку словесно оформлять свои мысли’ [СРЯ XI–XVII вып. 25: 98]. Не случайно сквозной семой **второй области** ФСП «Слово», объединяющей все группы этой зоны, является **‘знание/мысль’**. В УСК данной области акт говорения представлен как сообщение, оформляющее в словах определенные мысли, которые являются результатом сказывания, сообщения, информации. Относящиеся сюда УСК связаны с концептом «ЗНАНИЕ»/«ВЕДЕНИЕ» (ведать – ‘знать’). В сочинениях И. Неронова насчитывается 35 единиц этой области. Извлеченные из исследуемых текстов УСК данной области формируют три фразеосемантические группы.

К ***первой группе*** относятся единицы с общим значением ***‘речь как отражение мыслительного процесса’*** (18 ед.): *здраво разсуждати, ясно разсуждати, нимало разсудити, право разсуждати, разсуждая глаголати, прѣлестно мудрствовати, вознестись прѣмудростью, вознестись философіеи, дѣло говорити* и др.

Глагольный компонент *разсуждати* ориентирован на нормативное представление о поведении человека. Не случайно *слово* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» квалифицируется как ‘рассуждение’ [СРЯ XI–XVII вып. 25: 98] и включает положительные оценочные семы, так как «…норма сдвинута к положительной части шкалы оценок» [Вольф 1986: 99] и реализует денотативное значение ‘обдумывать, истолковывать, разъяснять’ [СРЯ XI–XVII вып. 22: 72]. Следовательно, мысли, уму по отношению к речи должна принадлежать ведущая роль, поэтому соответствие друг другу членов диады «речь – мышление» получает этическую оценку в исследуемых текстах, на наличие которой дополнительно указывают и зависимые компоненты УСК этого типа.

В отличие от рассмотренного выше, компонент *мудрствовати* в УСК этой группы маркирован отрицательно, ибо указывает на отклонение

от нормы. Значение компонента *мудрствовати*, закрепленное словарями, практически дублирует словарное определение компонента *разсуждати* – ‘осмысливать, истолковывать что-либо’ [СРЯ XI–XVII вып. 9: 295], но при этом эксплицируются отрицательные семы, содержащиеся в зоне импликационала, – ‘ложная мудрость’, ‘чрезмерное умствование’: «*тому бо прѣподобному Максиму Греку въ своихъ книзѣхъ крѣпко закрепившу* ***возносящимся прѣмудростию*** *и* <u>*тщетною философіею*</u> *<...> отнюдь не дерзати святыхъ книгъ таковымъ прѣводити…*» (I: 64).

Актуализации отрицательных смыслов подобных УСК во многом способствует зависимый компонент: *прѣлестно мудрствовати* (*прѣлестно* – ‘ложно, мнимо’ – [СРЯ XI–XVII вып. 18: 258], *плотски мудрствовати* (*плотское мудрованіе* (*плотское* – ‘суетное’), *мудровати ересь* (*мудрованіе ересеи)*: «*Всѣхъ же зримъ нетленіемъ и чудесы отъ Бога прославленныхъ отъ нихъ же ни единъ* ***прѣлестно мудрствуя*** *приложити что смѣя последующе древле бывшимъ отцемъ и яко постепеніи другъ по другѣ идуще а предъ отцы не прѣскачюще но пребываху въ нихъ же научени быша…*» (I: 59); «*...но и въ тисненіи печатномъ книги ево Никонова* ***мудрованія ересеи*** *полны показа и блуженія рекше прѣвратовъ»* (I: 187) (**<u>vs.</u>** «*О семъ молимъ иже житіе имать высоко* <u>*смиренну*</u> *же* <u>*мудрость*</u>» (I: 172). Отрицательная оценка УСК этого типа во многом объясняется религиозными установками: противостояние Веры и Разума в религиозных системах всегда заканчивалось отрицанием одного из членов оппозиции, следовательно, понятие «чрезмерного умствования», «тщетной философии» переносится на все, что противопоставляется истинной вере. В исследуемых текстах УСК с семой ‘чрезмерное умствование’ имеют функциональную прикрепленность: они характеризуют действия Никона и активных участников его реформы.

Содержат отрицательную оценку и УСК с ведущей семой ‘необдуманная речь, действие/отсутствие мыслительного процесса’. УСК этого типа также характеризуют отклонение от нормы, но в противоположную сторону – ‘недостаток рассуждения’. Несмотря на то, что УСК с семой ‘недостаток рассуждения’ и единицы с семой ‘избыток рассуждения’ несут отрицательные коннотации в значении, в пределах отрицательной шкалы они являются градуированными – шкалируются в зоне отрицательных оценок по принципу «бóльшая/меньшая» степень присутствия отрицательных коннотаций. УСК, характеризующие недостаток рассуждения, в сравнении с УСК, обладающими семой ‘избыток рассуждения’, имеют меньшую отрицательную заряженность. Этот факт (помимо религиозного недоверия к философии) объясняется свойством русского менталитета, определенным А. Вежбицкой как «иррациональность» – «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания» [Вежбицкая 1997: 33]. «Язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как

совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению», – пишет А. Вежбицкая [Вежбицкая 1997: 76].

Ко ***второй фразеосемантической группе*** области «знание» относятся УСК с общей семой **‘*трансляция знания*’**. УСК этой группы обозначают воспроизведение чужой речи (7 ед.): *не собою говорити, говорити по извѣщанию Бога, возвѣстити словеса, Слово Божіе возвѣстити, радость возвѣстити, возвѣстити о великомъ дѣлѣ Божіи, слово въ слово*. В данной группе преобладают УСК с главным компонентом *возвѣстити* в значении ‘сообщить, известить, поведать’ [СРЯ XI–XVII вып. 2: 272], где *поведать*, помимо отмеченного словарями значения ‘довести до сведения’ [Сл. др.-р. яз. XI–XIV вв. 6: 478], актуализирует потенциальную сему ‘знать’, генетически присутствующую в словах с корнем *вед-* // *вест-* // *вещ-*. Префикс *воз-* имеет старославянское происхождение в глагольном компоненте *возвестити* и указывает на функционирование УСК в высоком стилистическом регистре, что, по сравнению с нейтральным *говорить/сказать*, указывает на чрезвычайную важность передаваемой информации, которая усиливается в сочетании с зависимым компонентом Богъ, являющимся лексическим старославянизмом (в УСК же этой группы, не включающие компонент *Бог* в свой состав, «божественная» семантика вносится контекстом): *«…**не собою** азъ **говорилъ** а съ <u>божіеи</u> милостию»* (I: 49). УСК *слово въ слово*, зафиксированный в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» как устойчивый в значении ‘точно’ [СРЯ XI–XVII вып. 25: 98], указывает на медиационную функцию человека, на его невмешательство в процесс производства информации. Абсолютно все УСК описываемой группы несут в своем импликационале семы положительной оценки, ибо находятся в оппозиции к ранее названной подгруппе УСК, указывающих на мыслительный процесс человека. Напр.: «*а что государь у насъ речеи зъ государемъ патріархомъ и о томъ азъ грешныи **не собою говорилъ** но **по извещанию вышняго Бога**…*». Недоверие к человеческому мышлению и «тирании разума» сопряжено, видимо, с тем значением, которое Восток придает ограничениям человеческой воли и власти в сравнении с волей Божьей.

«Высший тип говорения» в народном христианстве – это «пение». «Пение и говорение становятся равными тогда, когда говорится Слово Божие», то есть когда произносится особый тип текстов – тексты Библии, молитвы [Никитина 1994: 161]. На этом основании, а также исходя из контекстуального значения, УСК *пѣти господеви пѣсни красны* был нами отнесен к фразеосемантической группе «трансляция знания» (пересекающейся с фразеосемантической группой «молиться»): «*Грубыхъ же словесъ моихъ не гнушаися о прѣвозлюбленне но съ радостию яко истине другъ приемли и въ клѣти яко птица сѣди и **пои господеви пѣсни красны** во дни и нощи да же Богъ милостивъ намъ и скоро да прѣдварятъ насъ щедроты его»* (I: 75–76).

УСК *пѣти господеви пѣсни красны* отсылает к древнерусской христианской традиции, не признававшей инструментальной музыки: музыка и слова осознавались как единое целое, а «природа пения признавалась божественной» и реализовывалась прежде всего «в слове». «Пением» как «высшим актом говорения» «возносилась хвала Богу». Во всех случаях «пение» осмыслялось как «богодухновение» и «приближало человека к Богу, очищая его разум и душу» [Никитина 1994: 160]. Таким образом, И. Неронов, сближая значение своих слов, обращенных к царскому духовнику, дистанцировавшемуся от церковной борьбы, с «Божіимъ изволеніемъ», заявляет себя транслятором «воли Божіи» и метафорически советует протопопу Стефану внять его обращениям, «очистить душу и восхвалять Бога».

Третью фразеосемантическую группу области «знание» поля «Слово» организуют две подгруппы УСК, находящиеся в оппозиции друг к другу. Они объединены общими семами – ***‘передавать информацию, соответствующую истине’/‘передавать информацию, не соответствующую истине’***. УСК данной группы несут в себе оценку охарактеризованного денотата в бинарной оппозиции «хорошо/плохо». В 1-й подгруппе оппозиционной пары «передавать информацию, соответствующую истине» объединяются УСК с общей семой ‘говорить правду’ (7 ед.): *правду глаголати, истину возвестити, (воистинну) истинну рещи, правду рещи, поистинне рещи, истинно глаголати, истинно рещи*. На фоне нейтральных глагольных компонентов *глаголати, рещи, говорити* наращивает коннотацию зависимый компонент УСК *правда/истина*, который изначально содержит в своем значении положительную оценку, сочетающуюся с яркой эмоционально-экспрессивной окраской. Эмоциональная окраска уже импликаторно подключена к номинации *правда/истина*, что делает избыточной её экспликацию.

«Слово» в евангельской традиции соотносится с «истиной» [Даль т. 4: 22]. «Истина» же определяется не только через «правду» [СРЯ XI–XVII вып. 6: 319], то есть «то, чему можно верить» [СРЯ XI–XVII вып. 18: 96], но и имеет значения, словарями не отмеченные: ‘учение Христово’, ‘Бог’ [Клименко 2000: 1: 76], включаясь, таким образом, в «разряд особых слов с так называемой «сгущенной семантикой», представленных в особого рода сакрализованных текстах» [Ротова 1985: 12].

2-я подгруппа оппозиционной пары – «передавать информацию, не соответствующую истине» – вербализуется УСК с общей семой ‘лгать/солгать’. УСК этой подгруппы воспринимаются в диапазоне негативной оценки (10 ед.): *лжу сшивати, ложно нарицати, лживые слова говорити, составити ложь, несть пролити, хвалу исплетати, лукавое слово учинити, воистину лгати, клеветати на добрыхъ людеи, клевету сочинити*. *Ложь* определяется как понятие, «противное истине» [Даль т. 2: 241], как ‘неправда, обман’ [СРЯ XI–XVII вып. 8: 275]. А общая сема УСК этой подгруппы ‘лгать/солгать’ соотносится с ‘говорить/сказать противное ис-

тине’ [Даль т. 2: 241]: ***«…лживыхъ словъ*** *ему господину не* ***говорилъ****, но все* ***поистинне истину*** *моля его да не слушаетъ клеветниковъ»* (I: 67–68). Основную смысловую нагрузку в УСК этой подгруппы несут зависимые компоненты *лжа, хвала, лесть, клевета*. Если сравнить компоненты *лжа, хвала, лесть, клевета,* связанные в сочинениях И. Неронова с квалификацией текста как лживого, то первый представляет собой наиболее частый пример порождения такого текста, а у других семантический компонент «текст» играет вспомогательную роль. На первый план для них выдвигается изменение ментального состояния адресата, его знания или мнения о чем-либо, а лживый текст является средством достижения этой цели. Ярче всего это положение иллюстрируют компоненты *клевета/клеветати*. Эти компоненты УСК фактически устанавливают отношение между говорящим, неким лицом, и адресатом (в исследуемых текстах в качестве адресата выступает общественное мнение), а в качестве инструмента для установления такого отношения используется текст с особыми характеристиками («неправда»). Компоненты *клевета, клеветати, хвала, лесть* в структуре УСК данной группы объединяет пресуппозиция существования объективной причины, вызвавшей отрицательное либо положительное отношение к адресату речи. На их базе формируется и коннотация.

Компонент *хвала* УСК *хвалу исплетати* обретает отрицательную оценку в текстах И. Неронова, контекстуально соотносясь с ложью как понятием, противоположным истине: «*о помазанниче божіи* ***не хвалу исплетая*** <…> *рекохъ ти государю но* ***истинну возвестихъ*** *ти*…» (I: 68). Следует отметить, что принадлежность компонента *хвала* синонимическому ряду, характерному для сочинений И. Неронова, – *ложь – лесть – хвала* – не отражается словарями (лексикографы не фиксируют ни одного отрицательного значения, закрепленного за словом *хвала*). УСК интерпретируется благодаря включению постпозитивного актуализатора – УСК *истинну возвестити* – в структуру контекста. Противопоставление компонентов УСК *хвала/истина* и *исплетати/возвестити* способствует эксплицированию вероятностных сем негативной оценки номинируемого фрагмента действительности. Слово *лесть* прямо соотносится с ложью: словари первым и основным значением существительного *лесть*, которое включено в качестве зависимого компонента в УСК *лесть пролити*, называют ‘ложь’ [СРЯ XI–XVII вып. 8: 215]. Помимо названных, контекстом актуализируются и выводятся на первый план потенциальные семы слова *лесть* ‘соблазн, ересь’, упоминаемые словарями в числе последних составляющих дефиниции слова *лесть* [СРЯ XI–XVII вып. 8: 215]: «*горе имъ яко во путь каиновъ ходиша и* ***въ лесть*** *валаамовы мзды* ***проліяшася*** *въ прекаліи кореове погибоша*» (I: 102). Интерес вызывает глагольный компонент *пролити*, употребленный в переносном значении – ‘распространить’ [СРЯ XI–XVII вып. 20: 160], то есть ‘довести что-л. до сведения всех, многих’ [ССРЯ: 489]. Так, данный УСК характеризует широкое бытование ложной информации.

Таким образом, оппозиция ‘передавать информацию, соответствующую истине’/‘передавать информацию, не соответствующую истине’ выходит на более высокий ценностный уровень, отражая антагонизм учения Христова/ереси, включаясь одновременно и во ФСП «Церковь». В соответствии с изменением ориентации этих понятий, отражающих острые противоречия эпохи раскола, изменяется и поведенческая реакция личности на соблюдение/нарушение речевых норм, шкалирующихся в пределах оппозиции правда/ложь. Если анализ речевого поведения в русской культуре, сделанный на материале памятников XII в., позволил исследователю И. И. Макеевой выстроить модель «идеального» речевого поведения – «…тех, кто стремится к правде, хвали <…> тех же, кто не стремится, не поноси и не укоряй. Подобает не ругать их, а принять во внимание их мысли, ибо ум их не постиг лучшего» [Макеева 2000: 362], – то «идеальная» модель речевого поведения автора исследуемых нами текстов как яркого представителя «бунташного века» была совсем иной: «*клеветникомъ вѣры не яти а <…> наказаніе чинити бесъ пощаденія*…» (I: 46); «*а кои Бога любятъ и они <…> скорби и смерти не боялися за истинну стояли крѣпко*…» (I: 48); «*о милосерде Господи како стерпе <…> и не сокруши челюсти глаголавшія таковые лживые слова*…» (I: 226–227) и т. д.

Подобная агрессивная реакция диктовалась исторической ситуацией (споры об истинности веры), а также особенностью менталитета, которая формулируется А. Вежбицкой как «любовь к морали», то есть «абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла, любовь к крайним и категоричным моральным суждениям» [Вежбицкая 1997: 34] в сочетании с «эмоциональностью» и «неконтролируемостью чувств» (термины А. Вежбицкой), свойственных в полной мере личности первого вождя раскола.

Помимо зависимых компонентов большой интерес представляют и глаголы в составе УСК подгруппы, объединяющей единицы с семой ’лгать’, ввиду своего разнообразия в сравнении с глаголами-компонентами УСК, относящихся к подгруппе ‘говорить правду’, что, возможно, связано с ценностными представлениями носителя языка о положительном и отрицательном (*сшивати, говорити, нарицати, составити, пролити, исплетати*). По мнению исследователей-лингвистов, в русском языке гораздо меньше единиц, содержащих в своем значении положительную оценку номинируемого фрагмента действительности, чем единиц оценки отрицательной [Добрыднева 2000: 51]. Это соотносится с представлениями когнитивной психологии, в соответствии с которыми «знания, связанные с <…> отрицательными эмоциями (обозначения «плохого»), более дифференцированы, чем знания, имеющие положительные коннотации» [Вольф 1986: 102]. Во фразеологической системе отрицательно характеризуется малейшее отклонение от образца (при являющейся нормой правде порицается ложь), что и составляет, по утверждению Е. А. Добрыдневой, «своеобразие фразеологической картины мира» [Добрыднева 2000: 51].

3. УСК области «общение»

Лексема *слово* (индоевропейский корень **kleu- *kleuə− // *klu-* иногда с расширением *-s-*) представлена во всех индоевропейских языках: рус.: слава, др.- инд.: Sravah ‘слава’; лат. (архаич.): clueo ‘слышать’; лат. (класс.): clueo ‘слыть, считаться’; литов.: Klausa ‘слух’ и т.д. [Степанов 1997: 355; Черных т. 2: 176; Шанский 1987: 415].

Уже из краткого перечня видно, что в значении этого корня объединяются действия говорения и слушания. Это обстоятельство дало повод Ю. С. Степанову предположить, что изначально корень лексемы *слово* обозначал некую «цельную ситуацию», в которой «говорение» подразумевает «слушание» и наоборот, «круговорот речи» или даже нечто более общее – «круговорот общения» [Степанов 1997: 355]. Так, соответственно архаическому представлению, имеется некоторая самостоятельная, независимая от участников общения, от говорящего и слушающего, сущность – не «роль» (которая всего лишь переменный признак участников), а как бы «плотная сущность», которая и может быть предметом обмена в «круговороте общения» как некая «ценность» [Степанов 1997: 356]. Этой сущностью и является слово. Данные этимологии не являются для XVII в. «мертвыми», что подтверждается словарями, отражающими язык рассматриваемого периода отечественной истории, где *слово*, помимо прочих, имеет значения ‘беседа, общение с кем–либо’ [СРЯ XI–XVII вып. 1: 145], ‘слава’ [СРЯ XI–XVII вып. 25: 98]. Словарь В. И. Даля определяет лексемы *слово, слава, слух* как единицы одного ряда [Даль т. 4: 222].

Анализируемая здесь **область** ФСП «Слово» объединена общей семой **‘участвовать в общении’**. УСК данной области предполагают существование «другого» и в целом характеризуют общение людей посредством речи. «Другой» может быть как адресатом, так и источником информации. Речевой процесс в УСК этой области представлен как самостоятельное действие – перформативный акт. В самом акте произнесения определенных слов совершается поступок, поэтому к этой области относятся УСК, тесно связанные с концептом «Действие». «Действия, связанные со словом, в русском языке легко и естественно представляются по трехфазовой модели действия», в которую входят «три первичных глагола: *славить*, *слышать*, *слыть*» [Степанов 1997: 357] [ср. Даль т. 4: 222]. Эти глаголы, выполняя функцию сквозных сем для объединений УСК, являются названиями фразеосемантических зон области «общение» поля «Слово». Всего в исследуемых текстах обнаружено 97 единиц области «общение».

3.1. УСК зоны «славить»

Наиболее многочисленная и достаточно разнообразная зона УСК, извлеченных из сочинений И. Неронова, объединяется сквозной семой ‘славить’, которая прямо или косвенно присутствует во всех единицах этой зоны, но каждая группа и подгруппа обладает своей, характерной только для ее конституентов, семой.

Фразеосемантическая **зона «славить»** насчитывает в исследуемых текстах 75 ед. и образуется двумя группами УСК, объединенных сложными семами: 1) ‘сделать так, чтобы кто-либо слушал’; 2) ‘сделать так, чтобы кто-либо был услышан’.

Первая фразеосемантическая ***группа*** зоны «славить» включает УСК, которые называют действие, возбуждаемое внутри субъекта, начинающего воспринимать слова, слышать, и характеризуют разговор частного характера. Пользуясь методом А. Вежбицкой, семантику данной группы УСК можно определить как ***‘сделать так, чтобы кто-либо слушал’***. Она включает в себя несколько подгрупп УСК с общими семами а) ‘беседовать’, б) ‘сообщать/сообщить’, в) ‘вести дискуссию’, г) ‘просить’, д) ‘обращаться с речью’.

1-я подгруппа – с общей семой ‘беседовать’ – насчитывает в исследуемых текстах 10 ед.: *усты ко устомъ побесѣдовати, бесѣдовати писаніемъ, бесѣду имѣти* (данный УСК занимает позицию ядра в подгруппе)*, вопрошая глаголати, говорити въ розговорѣ, совѣтъ имѣти* (с кем-л.), *быти въ совѣтѣхъ* и др. *Бесѣдовати* – частый компонент УСК данной подгруппы – имеет значение ‘разговаривать, иметь общение с кем-л.’ [СРЯ XI–XVII вып. 1: 149]. С точки зрения социального статуса глагольный компонент *бесѣдовати* указывает на «доверительный характер текста», а также на «равенство участников», идея равенства здесь даже «специально подчеркивается» [Левонтина 1994: 75, 73]: «*…и на домъ ты къ протопопу стефану часто пріѣжжалъ и* ***любезно*** *о всякомъ добромъ дѣлѣ* ***бесѣдовалъ****, когда ты былъ выгумнахъ и въ архімаритехъ и въ митрополитехъ*» (I: 47); «*желаю бо видети тя и* ***усты ко устомъ побесѣдовати***» (I: 83).

Два УСК подгруппы «беседовать» реализуют значение ‘разговаривать без свидетелей, отдельно от других’ [СРЯ XI–XVII вып. 4: 207] – *говорити наедине, усты ко устомъ побесѣдовати* – и указывают на конфиденциальность передаваемой информации. Остальные УСК этой подгруппы характеризуют частный разговор определенного числа собеседников, не подразумевающий ни чрезмерной закрытости информации, ни её распространения. Таким образом, намечается оппозиция «закрытое общение»/«открытый разговор», где первый член пары положительно маркирован, так как характеризует в исследуемых текстах общение близких по духу (и статусу) людей, передачу крайне важной информации: «*толко онъ съ ларіономъ архіепископомъ да съ твоимъ государевымъ духовникомъ* ***говорилъ наедине*** *о сложеніи перстовъ…*» (I: 199). Распространение же информации, полученной при закрытом разговоре, оценивается крайне негативно.

Второй член оппозиционной пары вербализуется УСК, не несущими в своем значении сколько-нибудь выраженных коннотативных сем: «*а егда же пріидоша на колмогоры старецъ кандоложскаго монастыря съ подворья удержавъ техъ и* ***вопрошая глаголя*** *• где протопопъ Иоаннъ?*»

(II: 339–340); «*…архиепископъ-де* ***говорилъ*** *намъ* ***въ розговоре*** *• по которымъ-де служебникомъ служите?*» (I: 196) и др.

Семь УСК с общей семой ‘сообщать/сообщить’ образуют в исследуемых сочинениях 2-ю подгруппу единиц фразеосемантической группы «сделать так, чтобы кто-либо слушал»: *повѣдати случшаяся, исповѣдати приключшаяся, умильно говорити, отвѣтъ дати, дати слово, совѣтъ добръ рещи, совѣтъ добръ подавати*. В целом, УСК данной подгруппы тяготеют к положительной шкале оценок. Так, модальность совета имеет положительное оценочное значение: говорящий считает, что то, что он советует, хорошо для адресата. Данную скрытую посылку укрепляет присутствие в интерпозиции оценочного компонента *добръ* в составе УСК *совѣтъ добръ подавати, совѣтъ добръ рещи*, а также включение этих УСК в однородный ряд с УСК *воистинну истинну рещи*: «*...а сведыи себе опасно ничто же согрѣшиве прѣдъ мнимымъ симъ владыкою, но воистинну истинну къ нему рекша и* ***совѣтъ добръ*** *яко сынъ отцу* ***подающа***» (I: 60). Оценка же совета с точки зрения адресата может быть как положительной, так и отрицательной. В текстах И. Неронова такая модель чаще оценивается негативно: «*о возлюбленне зрети тѣхъ страждущихъ (а) намъ съ тобою прияти покои не могу* ***прияти совѣта*** *его же подаеши ми не на пользю но уповаю на христа моего и о томъ единемъ похвалюся*» (I: 72).

Отрицательный смысл УСК актуализирует в данном случае разъясняющий компонент, оформленный как предикативная часть сложного предложения в постпозиции по отношению к УСК.

Глагольные компоненты УСК *повѣдати случшаяся* и *исповѣдати приключшаяся* содержат корень *-вед-* (ведать – ‘знать’) и несут в импликационале скрытые положительные оценочные семы, обусловленные генетическими связями с концептом «Знание». Зависимые компоненты определяются словарями как синонимы, будучи объединены общим значением ‘произойти’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 504]. Данные УСК в текстах И. Неронова имеют функциональную прикрепленность непосредственно к речевым действиям автора: *«григоріи* (И. Неронов – *М. К.*) *же плача* ***исповѣда*** *ему все* ***приключшееся*** *ему и како биша его юноши по повелению владыки…»* (II: 350); *«довольно же бывъ азъ у протопопа стефана въ келье и многи дни бесѣдова съ нимъ* ***повѣда случшаяся*** *ему во изгнаніи скорби дивяся како внезапу рать бысть церкви»* (II: 340) и др.

Единица *дати слово* зафиксирована как устойчивая в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» со значением ‘пообещать, обязаться’ [СРЯ XI–XVII вып. 4: 176]. В исследуемых текстах эта единица функционирует со значением ‘ответить за свои действия’, поскольку в сочинениях И. Неронова она функционально закреплена за понятием страшного суда: «*почто въ насъ благочестивыи царь распря и несогласіе • яве яко не печемся на неже призвани есмы и не мнимъ* ***дати слово*** *праведному судіи въ день праведнаго суда о врученныхъ комуждо намъ…*» (I: 176). УСК *дати*

слово реализует частную фразеологическую модель ДАТИ + С* (В. п.) – *дати миръ, дати благословеніе, дати прощеніе* и др. [СРЯ XI–XVII вып. 4: 176]. Данная модель структурно и тематически связана с УСК *отвѣтъ дати*, который представляет структуру с инверсионным порядком следования компонентов – С в В. п. + ДАТИ. Глагольный компонент подобных УСК десемантизируется и с «существительным в В. п. образует сочетание со значением того или иного действия в зависимости от значения существительного» [СРЯ XI–XVII вып. 4: 175].

Единица *отвѣтъ дати* также отмечается лексикографами как устойчивая и определяется словарями через глагол *отвѣтить* [СРЯ XI–XVII вып. 4: 176]. В текстах же И. Неронова данный УСК реализует второе значение глагола *отвѣтить* – ‘нести ответственность за что–л.’ [СРЯ XI–XVII вып. 13: 197]. В управляемом компоненте УСК *отвѣтъ дати*, таким образом, актуализируется потенциальная сема ‘отчет перед кем-либо за свои действия’ [СРЯ XI–XVII вып. 13: 195]. В исследуемых сочинениях данный УСК имеет функциональную прикрепленность; адресатом данного действия во всех случаях выступает христианский Бог в качестве «высшего судии»: «*а во ономъ вѣцѣ что* ***отвѣтъ дадимъ*** *владыцѣ нашему истинному христу..?*» (I: 107); «*…прѣдъ христомъ <…> какъ* ***отвѣтъ дадимъ*** *въ день праведнаго суда его*» (I: 94) и др. Подобные употребления этого УСК связаны с образом Христа как «судии не милующего» [Никитина 1993: 27], что контрастирует с группой УСК, объединенных семой ‘молиться’, в которой Христос отражен как «Бог милостивый», всепрощающий. Противопоставление Христа как «Бога милостивого» и «сурового судии, который не знает снисхождения» [Никитина 1993: 27], связано с темпоральной проспекцией – до/после «страшного суда». Включенность УСК *слово дати, отвѣтъ дати* у И. Неронова во фрейм судного дня определяет и их эмоциональную окрашенность, и экспрессию. Мотив ответственности, который отражают названные УСК, «кочует» из одного сочинения И. Неронова в другое, присутствуя во всех исследуемых текстах (высокая частотность языковых единиц, включающих сему ‘нести ответственность’). Нужно отметить, что ответственность у Ивана Неронова не соотносится с обреченностью, свойственной восприятию ответа перед Христом как судией не милующим (характерной для русской национальной культуры). Модальность ответственности наделяется знаком «плюс», поскольку соотносится с понятием воли (единицы, характеризующие это понятие, включают сему воли). Таким образом, для автора текстов земное бытие есть продукт воли самого человека (а не провидения). Данное положение приводит к осознанию отсутствия в характере автора текста такой черты, как «неагентивность», свойственной, по мнению А. Вежбицкой, русскому национальному характеру.

* С - существительное

3-ю подгруппу единиц фразеосемантической группы «сделать так, чтобы кто-либо слушал», образуют 3 УСК с общей семой ‘вести дискуссию’ (*противно говорити, къ слову пристати, слово подхватити)* и 10 УСК с семой ‘давать показания’ (‘судоговорение’) (*сказати противъ речеи, на соборѣ говорити/говорити на соборѣ, свидѣтельство произносити, истинныя свидѣтельства въспоминати, свидѣтельства приводити, приводити во свидѣтельство, праведно свидѣтельствовати, правильно свидѣтельствовати, свидѣтельствовати о злѣ, противъ отписки сказати* – см. поле «Суд»). Большая часть УСК этой подгруппы объединена семой ‘прения’ (*противно говорити, сказати противъ речеи* и др.). УСК, характеризующие судебные прения, не несут ни положительной, ни отрицательной оценки. Особо следует отметить УСК *противно говорити* – ‘прекословить’ [СРЯ XI–XVII вып. 6: 530]. Традиционно это значение несет в себе отрицательный смысл как отклонение от этической нормы [Макеева 2000: 362]. В сочинениях И. Неронова наблюдается смена политической и этической оценок: «*…государь мои союзниче <…> я тебе <…> стужалъ и много тебе жестоко и* ***противно говорилъ***» (I: 77). Сам автор так определяет свою позицию по отношению к подобному речевому поведению**:** «*быти без разсуждения не прекословити ни въ чемъ самое беззаконное се дѣло*» (I: 74). Запрещающие правила, регулирующие речевое поведение человека, в текстах И. Неронова меняются на разрешающие, что обусловлено осознанием личной ответственности за судьбу мира в среде старообрядческой оппозиции. А так как основным орудием борьбы за «правду» являлось слово, речевые стратегии и действия приобретают агрессивный характер.

Интерес представляют и УСК с семой ‘согласиться/соглашаться’, также отмеченные положительными коннотациями, – *благословенна сказати, добро сказати, непрекословити нигде, съ отцы согласитися, къ слову пристати, слово подхватити.* Положительная оценка этих УСК объясняется функциональной прикрепленностью к УСК *отцы церкви*.

4-ю подгруппу УСК группы «сделать так, чтобы кто-либо слушал» формируют единицы с общей семой ‘просить’ (12 ед.): *припадати къ державѣ, припадати къ стопамъ, прощенія просити, приносити покаяніе, милости просити, просити мира, просити покоя, помощи просити, заступленія просити, благословенія просити, съ воплемъ молити, просити со слезами*. В структуре подгруппы «просить» выделяется несколько УСК с дополнительной семой ‘каяться’ (7 ед.) (каяться – ‘просить прощения’ [СРЯ XI–XIV вып. 4: 207]): *прощенія просити, приности покаяніе, въ сокрушеніи сердца молити/вопити, плакатися грѣховъ своихъ, разрѣшенія просити, плакати грѣшную душу, прощенія приносити*.

Единица *въ сокрушеніи сердца молити* в словаре В. И. Даля зафиксирована как устойчивая со значением ‘каяться’ [Даль т. 4: 263]. Замена глагольного компонента на *вопити* приводит к резкому всплеску экспрес-

сии, обусловленной значением, закрепленным за компонентом, – ‘восклицать, кричать’ [Срезневский т. 1, ч. 1: 396]. Недостаточность же экспрессии в исходном УСК с глаголом-компонентом *молити* восполняется наличием интенсификатора в структуре контекста, который может располагаться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к УСК: «*вняуши равноапостольне мольбу чадъ ея <…>* ***въ сокрушении сердца*** *и* <u>*со слезами*</u> *тебе христолюбиваго государя* ***молящихъ***» (I: 181); «*...христолюбивыи царю стужаю тебе свѣту и азъ нищіи <…>* <u>*со слезами*</u> ***въ сокрушеніи сердца*** *тебя равноапостольнаго <…>* ***молю****...*» (I: 189). Подобные единицы характеризуют эмоциональное состояние субъекта, глубину его раскаяния.

В УСК *плакати грѣшиную душу* и *плакатися грѣховъ (своихъ)*, извлеченных из сочинений И. Неронова, сема ‘каяться’ вносится в УСК глагольным компонентом *плакати(ся*), обозначающим действие по существительному *плач* во втором значении – ‘один из видов церковного покаяния’ [СРЯ XI–XVII вып. 6: 410]. Интересно отметить, что зависимый компонент *грѣхъ/грѣшныи* не проявляет здесь своего основного значения ‘преступление’/‘преступивший религиозные законы, заповеди’, а имеет значение ‘ошибка’, ‘заблуждение’/ ‘допустивший ошибку’, ‘оступившийся’. *Грѣшить* – ‘ошибаться, не попасть, пропустить’ [Срезневский т. 1, ч. 1: 604]; *грѣшныи* – ‘виноватый’ [Сл. ц.-сл. яз. Цейтлин: 623]. Ср. «*...молю государь <…> ослободи мя* ***плакати*** *мою* ***грѣшную душу***» (I: 68); «*...вели государь ево отъ того изгнанія съ челядию возвратити и быти ему со мною въ пустыни да обще неразлучно прѣбудемъ* ***плачася грѣховъ своихъ****...*» (I: 200–201). С. С. Волков, основываясь на анализе речевых штампов челобитных XVII в., предполагает, что подобное значение было свойственно слову *грѣхъ* в обиходной речи (ср. *грѣшно моленіе* – обозначение челобитной, *грѣшныи старецъ* – ‘проситель’) [Волков 1974: 137].

В УСК *припадати къ державе* и *припадати къ стопамъ* фразеосемантической группы «просить» глагольный компонент вносит в общее значение сему ‘обращаться с мольбой’ [СРЯ XI–XVII вып. 19: 242]. Единица *припадати къ стопамъ* как устойчивая фиксируется словарем В. И. Даля. Фразеологическое значение здесь сформировано на базе прямого – ‘приклониться низенько <…> присесть наземь <…> упасть нарочно’ [Даль т. 3: 512]. Оба УСК реализуют частную фразеологическую модель ПРИПАДАТИ + к + С в Д. п. и используются в текстах И. Неронова в структуре обращения к главам светской и церковной власти (царю либо вселенским патриархам). Значение УСК *припадати къ стопамъ* уточняется и осложняется благодаря включению в контекст актуализатора в постпозиции (*прося прощенія*), интенсификатора (*со слезами*) в препозиции к УСК, а также дистантному расположению компонентов УСК, обусловленному включением в контекст интерпозитивно оценочного прилагательного – распространителя зависимого компонента (*къ прѣчестнеишимъ*):

«*…государю царю <…> и великимъ господамъ святеишимъ патриархамъ <…> бьетъ челомъ <…> грубыи чернецъ григореи нероновъ* ***припадая*** *со слезами* ***къ*** *пречестнеишимъ* ***стопамъ*** *вашимъ прося прощения и помилования…*» (I: 241). Вследствие этого актуализируется сема импликационала, «стершаяся» к моменту фиксации данного УСК словарями. Большая часть УСК группы ‘просить’ построена по частной фразеологической модели С в Р. п. + ПРОСИТИ, являющейся инверсионным вариантом исходной структуры с глаголом-компонентом в препозиции (*прощенія просити, милости просити, помощи просити, заступленія просити, благословенія просити, разрешенія просити*). Глагольный компонент *просити*, включающий сему желания (*просить* – ‘желать’ [СРЯ XI–XVII вып. 20: 218]), подразумевает положительную оценку объекта, в качестве которого выступает отглагольное существительное – зависимый компонент УСК, указывающий на желаемые действия со стороны адресата (помочь, простить, разрешить, и т. д.) – царя либо вселенских патриархов: «*…у васъ же великихъ архіереевъ <…> со слезами* ***разрешенія прошу*** *и припадая къ вашимъ святымъ и благотекущимъ стопамъ челомъ бью»* (I: 233); *«царю государю и великому князю алексею михайловичу <…> бьетъ челомъ нищеи твои богомолецъ чернецъ григореи нероновъ и* ***милости прошу*** *со слезами о изгнаннемъ ссылномъ протопопе аввакумѣ петровѣ*» (I: 198) и др. Постпозиция глагола характерна для разговорной речи (создание стилизации под разговорную речь), что обусловлено личной заинтересованностью и конкретностью просьбы. Кроме того, «экспрессивность значения усиливается, если глагольный компонент находится в постпозиции» [Гашева 1985: 13]. Преимущественная препозиция или постпозиция глагольного компонента является дифференциальным признаком того или иного значения УСК. Глагол в препозиции в модели с исходным порядком следования компонентов – ПРОСИТИ + С в Р. п. характерен для письменной речи: в сочетании с абстрактным существительным он создает определенную патетику и «актуализирует во фразеологизме значение действия, на первый план выдвигается обозначение понятия-действия» [Гашева 1985: 12]. В качестве зависимого компонента выступает абстрактное существительное в Р. п. – *миръ, покои*. Словарь древнерусского языка И. И. Срезневского в качестве основного значения слова *миръ* называет ‘покой’ [Срезневский т. 2, ч. 1: 149]. Таким образом, зависимые компоненты УСК *просити мира* и *просити покоя* вступают в синонимические отношения, будучи объединены общей семой ‘успокоение’/‘спокойствие’ [Срезневский т. 2, ч. 2: 1110; Срезневский т. 2, ч. 1: 149]. Несмотря на то, что глагольные компоненты этих УСК совпадают, а зависимые тесно связаны семантически, УСК *просити мира* и *просити покоя* не являются вариантами, так как в текстах И. Неронова имеют функциональную прикрепленность к разнородным объектам – церкви (= вере) и «церковным чадам» (верующим) соответственно: «*…писалъ я со слезами* ***прося*** *церкви* ***мира*** *<…> яко и гневъ божіи грядетъ…*» (II: 337); «*…ясно сказуя быти хотящіи гневъ отъ бога всей*

Россіи <…> за еже оскорбляемымъ быти божіимъ рабомъ проповедующимъ истину и ***просящимъ*** *церкви* ***мира***» (II: 338); «*…истощихъ воистину гласъ <…>* ***прося*** *церковнымъ чадомъ* ***покоя****…*» (I: 95); «*государь <…>* ***даи*** *церкви* ***мира*** *а церковнымъ чадомъ* ***покоя****…*» (I: 96).

В 5-ю подгруппу единиц фразеосемантической группы «сделать так, чтобы кто-либо слушал» объединяются УСК со сложной семой ‘обращаться/обращение к кому-либо с речью’ (3 ед.): *усугубити бесѣду, простерѣти гласъ, гласъ вопиющихъ*. УСК *гласъ вопиющихъ* является усеченным вариантом библейского УСК *гласъ вопиющего въ пустыни*, зафиксированного как устойчивая единица «Словарем русского языка XI–XVII вв.», – ‘о напрасном призыве к чему-либо’ [СРЯ XI–XVII вып. 4: 30]. В результате импликации УСК (утраты одного компонента) «внутренняя форма ФЕ (в нашем случае – УСК) и её общая семантика в какой-то степени затемняются, обобщаются» [Соловьева 2001: 103]. УСК *гласъ вопиющихъ* является эллиптическим вариантом исходной единицы, утраченная же семантика опущенного члена (*въ пустыни* – ‘напрасно’) легко восстанавливается в результате включения в контекст разъясняющего элемента (*не услышанъ*): «*каковы ради вины ныне апостольскія и отеческія законы прѣзираемы и новыя законы и прѣданія воистину человеческія и суетныя вводимы и* ***гласъ вопиющихъ*** *неуслышанъ*?» (I: 99). Единица *гласъ вопиющихъ* является библейской реминисценцией, её эмоционально-экспрессивная выразительность обязана тому источнику, из которого она была извлечена. Библией обусловлена и её стилистическая окрашенность.

УСК *простерети гласъ*, устойчивость которого отмечена «Старославянским словарем» 1994 г., также является стилистически маркированной единицей, функционирующей в исследуемых текстах в значении ‘обратить речь к кому-либо’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин 1994: 528]. В качестве объекта речевого воздействия данного УСК называется московский царь: «*…благочестивыи царю молебно* ***прострохъ гласъ*** *ко благородию твоему <…> совѣтомъ духовныхъ устроиши паче же по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ учителя нелицемерна и правѣ исправляюща слово истины введеши во святую соборную и апостольскую церковь*» (I: 173).

Существительное *бесѣда* в составе УСК *усугубити бесѣду* в текстах И. Неронова функционирует с нехарактерным для него значением ‘обращение к кому-либо’ [СРЯ XI–XVII вып. 1: 149], чем обеспечивается концентрация внимания на всем УСК в структуре контекста. Находясь в препозиции в УСК *усугубити бесѣду*, глагольный компонент – показатель интенсивности действия – *усугубити* в значении ‘удвоить’ [Срезневский т. 3, ч. 1: 595] – актуализирует сему желания, имплицитно присутствующую во всех УСК описываемой подгруппы.

Вторая фразеосемантическая ***группа*** зоны «славить» – «***сделать так, чтобы кто-либо был услышан***» – объединяет УСК, называющие действие, возбуждаемое вокруг субъекта, которого или о котором начинают слышать. УСК этой группы характеризуют речевые действия, имеющие

своей целью воздействие на группы людей. Единицы фразеосемантической группы «сделать так, чтобы кто-либо был услышан» в сочинениях И. Неронова образуют три подгруппы.

УСК 1-й подгруппы объединены сложной семой ‘проповедовать христианское учение’ (8 ед.): *проповѣдовати слово истины, проповѣдовати Христа, проповѣдовати истинну, ученіемъ просвѣтити, прославити Отца, славити (Спаса) Христа, исповѣдовати и славити, слово божіе возвѣщати*. Глагол *проповѣдовати*, являющийся грамматическим центром в УСК *проповѣдовати слово истины, проповѣдовати Христа, проповѣдовати истинну*, в текстах И. Неронова реализует значение ‘распространять какое-либо вероучение’ [СРЯ XI–XVII вып. 20: 197], ‘возвещать’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 524]. Глаголу *проповѣдовати* соответствует глагол *(про)славити*, выступающий в качестве грамматического центра в УСК *прославити Отца*, *славити Христа*, который в исследуемых текстах дублирует компонент *проповѣдовати,* функционируя в значении ‘распространять(ить) какие-либо сведения’ [СРЯ XI–XVII вып. 25: 56], ‘возвещать’ [Срезневский т. 2, ч. 2: 1557]. Глагольный компонент *возвѣщати* УСК *слово божіе возвѣщати* в исследуемых текстах соотносится с *проповѣдовать* [СРЯ XI–XVII вып. 2: 134–135]. Таким образом, общей семой компонентов *проповѣдовати*, *славити* и *возвѣщати* УСК подгруппы «проповедовать» становится сема ‘распространять’, указывающая на массовый характер аудитории, которой адресована информация. В глагольном же компоненте *проповѣдовати* названная сема осложняется дополнительной ‘распространять какое-либо вероучение’, присутствующей изначально. Данная дополнительная сема эксплицируется и становится основной для всех УСК подгруппы «проповедовать» благодаря сочетанию с зависимым компонентом, конкретизирующим объект распространения – христианское учение. Именно зависимый компонент вносит в УСК этой подгруппы определенную эмоционально-экспрессивную окраску и яркую положительную оценочность, обусловленную связью с концептами «Бог», «Вера». Все единицы подгруппы «проповедовать» в сочинениях И. Неронова функционально прикреплены к действиям ограниченного круга лиц – христианских (церковных) проповедников (в том числе и к самому автору исследуемых текстов): «*…иереи же и діякони наместницы седьмидесять апостолъ вси же между собою братія единаго владыки раби пославшаго ихъ въ весь миръ* ***проповѣдати слово истины***…» (I: 176); «*иоаннъ златоустыи на торжищи <…>* ***слово божіе возвѣщалъ***…» (I: 188) и т. д.

2-я фразеосемантическая подгруппа единиц группы «сделать так, чтобы кто-либо был услышан» объединяет УСК с общей семой ‘хулить’ (13 ед.): *богохульные слова говорити, глаголати хулу (на содѣтеля), хулу (на святыхъ) вещати, глаголати словеса хулная, словомъ хулити, говорити неподобные речи, многими укоризны укоряти* и др. Большая часть УСК названной подгруппы в качестве объекта действия-отношения называет

высшее христианское божество (либо подразумевает его). Общая сема подгруппы ‘хулить’ в подобных УСК конкретизируется значениями ‘кощунствовать’ [Даль т. 4: 569], ‘богохульствовать’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 768]. Данные единицы детерминированы текстами Священного Писания – являются вариантами библейского УСК *хула на духа не простится человѣкамъ*. Они аккумулируют в себе коннотации, заложенные текстом-источником, – крайне негативную оценку в сочетании с эмоциональностью и ярко выраженной экспрессией. Соотнесенность прочих УСК этой подгруппы с сакральными текстами прослеживается лишь на уровне оппозиции *хула на святаго духа/хула на человека*: «*...**хулившему на человѣка** отпуститися ему а **на святаго духа хулившему** не отпуститися ни въ семъ вѣцѣ ни въ будущемъ*» (I: 49). Единицы, относящиеся ко второму члену оппозиции, корреспондируют понятие ‘порочить’/‘поносить’. Данные УСК несут на себе меньшую отрицательную нагрузку, чем единицы с библейской семантикой, входящие в подгруппу «хулить». Отрицательные смыслы всех УСК, объединенных семой ‘поносить’ подгруппы «хулить», обусловлены функциональной прикрепленностью данных единиц к описанию действий Никона и его сподвижников: «*и тои никонъ не убояся бога но вознесеся сердцемъ и гордостию разверзе уста своя нача **глаголати словеса хулная**…*» (I: 235); «*…вамъ попустилъ патриархъ <...> всякія **нелепыя слова говорити** и на истинныхъ рабовъ божіихъ…*» (I: 49); «*патриархъ никонъ•взбесился ты, что такіе хулные слова говоришь…*» (I: 235) и т. д.

3-ю фразеосемантическую подгруппу единиц группы «сделать так, чтобы кто-либо был услышан» образуют УСК со сложной семой ‘произносить публичную речь’ (10 ед.): *глаголати при всѣхъ, по улицамъ учивати, по улицамъ говаривати, на торжищѣ вопити, на торжищѣ учивати, говорити/кричати въ народѣ, въ люди износити* и др. УСК данной подгруппы четко разделяются на нейтральные и эмоционально окрашенные единицы. Наличие вариантов одного УСК с разной степенью выраженности коннотативных сем объясняется модальностью контекста: при полярной смене знака модальности всего контекста, в который погружен УСК, глагольный компонент меняется автором с нейтрального на эмоциональный и даже экспрессивный вариант: «*…попъ-де сисои на седмои недѣлѣ по пасцѣ въ четвертокъ **говорилъ въ народѣ** богохульные и скверные свои слова…*» (I: 226); «*и священникъ-де церкви <...> учалъ **кричати въ народѣ** со слезами и многимъ рыданіемъ <...> слышати-де православніи <...> какои явился врагъ и говоритъ такіе богохульные слова…*» (I: 227). Все эмоционально-экспрессивно окрашенные УСК подгруппы «произносить публичную речь» в контексте получают положительную оценку. Три УСК, не обладающие ярким оценочным значением, реализуются с дистантным расположением компонентов, причем глагольный компонент оказывается в постпозиции (*по улицамъ учивати, по улицамъ говаривати, въ люди изно-*

сити). В таких случаях коннотация вносится за счет оценочных местоимений, уточняющих значение названных единиц и дающих модальную характеристику действию. Напр., «*а онъ, протопопъ Аввакумъ по твоему великаго государя указу молчалъ ожидая собора и* ***по улицамъ*** *<…> нигде не* ***учивалъ***» (I: 199). Во все эти УСК частица *не*, располагающаяся интерпозитивно, вносит отрицательную семантику, указывая на нежелательность действия.

В середине XVII в. начал возрождаться жанр проповеди, существовавший еще в домонгольское время. Иван Неронов в свою бытность нижегородским протопопом стал произносить проповеди на различные религиозные, нравственные, а вместе с тем и социальные темы. Храм его не вмещал всех желающих, вследствие чего протопоп вынужден был вынести проповедь за пределы церкви – «прямо в народную толпу» [Робинсон 1974: 254]. Данный факт находит отражение в УСК *на торжищѣ учивати*, *на торжищѣ вопити*, *(писаніе) въ люди износити.*

Интерес представляет УСК *словомъ врачевати*, указывающий на характер воздействия, выводимый из значения глагольного компонента, – ‘исцелять’. Орудийным значением наделяется зависимый компонент – *слово*. Таким образом, слово выступает как основное орудие деятельности (что весьма характерно для проповедника) и несет положительные эмоционально окрашенные смыслы, направленные на изменение состояния объекта. С ним пересекается УСК *словомъ украсити:* контекстуально оба этих УСК соотносятся с лексическими и фразеологическими единицами, обозначающими ‘*дело*’*:* «*…яко да разрѣшатся церковныя вещи разсужденіемъ искусныхъ отецъ, не толико* ***словомъ украшенныхъ*** *но и благими дѣлы…*» (I: 168); «*…не толико* ***словомъ врачевати*** *имать лутши послушающихъ яко же дѣломъ*» (II: 344). В данных примерах ярче всего проявляется соотношение *слово – дело,* характерное для сочинений И. Неронова. И высказывания, и действия соотносятся с некоторой нормой, правилом: «высказывание должно удовлетворять требованию истинности, действие – этическому или практическому предписанию». Это позволяет говорить и о «правде слов», и о «правде дел» [Арутюнова 1993: 4]. В сочинениях И. Неронова УСК, характеризующие эти два вида деятельности, тесно взаимосвязаны. Противопоставлен данным употреблениям названных единиц УСК *отрецся деянія* (с контекстуально присутствующим минусом): «*самовольне* ***отрецся дѣяния*** *како будетъ именоватися*?» (I: 185).

3.2. УСК зоны «слышать»

Слышать означает ‘воспринимать слухом’ [Срезневский т. 3, ч. 1: 437]. Эта сема и является сквозной во **второй зоне** фразеосемантической области «общение». Глагол *слушать* – ее вербализатор – «остается <…> древнейшим и единственным сохранившимся глаголом, занимающим место второй фазы (восприятия речи) в русском языке» [Степанов 1997:

358]. Сема ‘слышать’ присутствует в значениях всех УСК этой зоны на уровне главных компонентов.

УСК зоны «слышать» связаны с УСК ранее представленной зоны как результат речевого действия, обозначенного глаголом *славить*, и указывают на возникновение процесса. УСК зоны «слышать» образуют две фразеосемантические группы, соответствующие двум группам зоны «славить»: 1) ‘слушать’ (результат действия ‘сделать так, чтобы кто-либо слушал’); 2) ‘про-слыть’ (результат действия ‘сделать так, чтобы кто-либо был услышан’).

Глагол *слушать* приобрел дополнительное значение ‘целенаправленное действие, зависящее от собственной воли субъекта’ [Степанов 1997: 358]. Поэтому УСК ***первой*** описываемой ***группы «слушать»*** характеризуют осознанное субъектом восприятие информации, результат волевого акта субъекта (14 ед.): *благословеніе взяти, взяти слово, прияти совѣтъ/совѣтъ прияти, вняти глаголы, послушати гласъ, внушити вопль, внушити мольбу, моленіе внушити* и др. Глаголы, выступающие в роли грамматических центров УСК группы «слушать», словарями фактически определяются как синонимы: *слушать* – ‘внимать, обращать внимание’ [Срезневский т. 3, ч. 1: 436; Абрамов 1999: 254]; *вняти* – ‘обратить внимание’ [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 147], ‘старательно слушать’ [СРЯ XI–XVII вып. 2: 181]; *внушити* – ‘послушать, принять к сведению’ [СРЯ XI–XVII вып. 2: 246]. Компоненты *взяти, пріяти* словарями определяются один через другой [СРЯ XI–XVII вып. 20: 90], но в УСК, извлеченных из текстов И. Неронова, семантическая роль этих глагольных компонентов ослаблена, и основную смысловую нагрузку в них несут зависимые компоненты. Глагольные компоненты лишь указывают на волевой акт субъекта действия (*взяти благословеніе, взяти слово, пріяти совѣтъ/совѣтъ пріимати*). Глаголы этого типа (*дати, брати, пріяти, держати* и др.) «складываются как вспомогательные компоненты исторически» [Мокиенко 1980: 109]. На их основе образуются частные фразеологические модели, реализующиеся в УСК, извлеченных из исследуемых текстов: ВЗЯТИ + С в В. п – *взяти благословеніе, взяти слово*; С в В. п. + ВЗЯТИ – *благословеніе взяти*; ПРИЯТИ + С в В. п. – *пріяти совѣтъ*. УСК с глагольным компонентом *взяти, прияти* подразумевают положительную оценку объекта, так как включают в себя семы желания и воли одновременно. Всего один УСК этой группы оценивается негативно – *послушати клеветы*, остальные УСК группы «слушать» подразумевают позитивную оценку охарактеризованного денотата.

Вторую фразеосемантическую ***группу*** зоны «слышать» образуют единицы, указывающие на возникновение процесса, являющегося результатом действия вокруг субъекта. УСК группы ***«про-слыть»*** подразумевают отсутствие волевого акта со стороны субъекта, характеризуют случайно полученную информацию, а сам субъект предстает как пассивный наблюдатель. Группа «про-слыть» насчитывает в исследуемых текстах девять

УСК: *хулу услышати, слышати хульные слова, глаголы услышати, гласъ услышати, слово(а)/речи услышати, мольбу услышати, добраго ничего не слышати*; *слышати отъ мимохожихъ людеи, слышати отъ многихъ малая*. Глагольный компонент УСК этой группы – *(у)слышати* – функционирует в текстах И. Неронова со значением ‘воспринимать/воспринять слухом’ [СРЯ XI–XVII вып. 25: 147]. Слова *хула, хульные,* являющиеся компонентами нескольких УСК этой группы, по предположению исследователей, представляют собой генетически экспрессивные единицы. Указывается на чешск. chouliti, которое возникло как «экспрессивный вариант с польского kulič się – ‘ежиться’» [Черных т. 2: 226], несущее в своем значении негативную этическую оценку – ‘злословие’ [Сл.-ст. сл. Цейтлин: 768]. Этической оценкой отмечен и отрицательный УСК *добраго ничего не слышати*, в котором «плюс», вносимый оценочным компонентом *добраго,* трансформируется в «минус» благодаря присутствию в интерпозиции отрицательного местоимения (*ничего*), вносящего, кроме того, семантику абсолютности признака – ‘слышать только злое’. В *УСК услышати глаголы, гласъ услышати, слова/речи услышати, мольбу услышати* оценка вносится благодаря синтаксической организации, выражающей желательность глагольным компонентом в функции императива (*услыши*): *«…православніи патриарси <…> **услышите** слезнои **гласъ** <…> гр҃шнаго старца григорія..!»* (I: 223–224); «…***услыши глаголы** моя благоверная царица..!»* (I: 80) и др. Интенсивность распространения информации передают две единицы группы «про-слыть» – *слышати отъ мимохожихъ людеи* и *слышати отъ многихъ малая.* В данных УСК глагольный компонент *слышать* реализует значение ‘иметь какие-либо сведения со слов других’ [СРЯ XI–XVII вып. 25: 147]. Зависимые же компоненты указывают на многочисленность распространителей информации, характеризуя ее массовость. Данные УСК в текстах И. Неронова не обладают ярко выраженной коннотацией.

3.3. УСК зоны «слыть»

Слыть в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова сравнивается с «казаться, репутация, славиться» [Абрамов 1999: 561]. В сочинениях И. Неронова обнаружен лишь один УСК, представляющий **зону «слыть»** – *не одинъ пошепталъ*. Глагольный компонент определяется словарями как ‘сказать шепотом, вполголоса’ [Срезневский т. 2, ч. 2: 353] и включает дополнительную сложную сему ‘информация не для всех’. Зависимый компонент *одинъ* с отрицательной частицей *не* вносит в УСК сему ‘множество’, подтверждающуюся постпозитивным актуализатором *во множествѣ народа*, находящимся в однородном ряду с УСК *не одинъ пошепталъ*: «***не одинъ** окаянныи **пошепталъ** но во множествѣ народа бляде своими сквернымы усты*» (I: 227). Таким образом, за счет оппозиции значений компонентов внутри УСК создается сложная сема ‘распространять/распространить конфиденциальную информацию в массах’, наделяющая УСК отрицательными смыслами, так как

данное действие противоречит этической норме в русской культуре и традиционно наделяется негативной оценкой носителями языка.

Особое место в сочинениях И. Неронова занимают УСК, характеризующие **отсутствие речевой деятельности**. *Молчать* противопоставляется *болтать*, *говорить*, *выдавать* и сравнивается со *скрывать* [Абрамов 1999: 334]. В сочинениях Ивана Неронова УСК с семой ‘молчать’ насчитывают пять единиц: *ничтоже глаголати, воспрѣтити усты, заградити уста, молчаніем заградитися, молчаніе пріяти*. Контекстуально практически во всех случаях употребления данные УСК наделяются семами оценки. Автором осуждается молчание (либо наложение запрета на речевую деятельность определенной тематики): *«…и ныне зде есть бывши тогда владыки и архимандриты и игумени и протопопи седяще вси* ***ничтоже глаголюще*** *страха ради Никонова»* (I: 235). Характеристика речевого акта как осуждения в большей степени связана с представлением о моральных полномочиях субъекта, чем интерпретация его как обвинения – обвиняющий квалифицирует конкретный поступок в соответствии с принятой шкалой оценок, тогда как осуждающий, вынося вердикт о предосудительности поступка, претендует на установление самой шкалы оценок. Таким образом, И. Неронов в своей шкале оценок, претендующих на «истинность», признает молчание в условиях «борьбы за веру» недопустимым для истинно верующего.

Для русского менталитета, по мысли В. Н. Телия, свойственно «обиходное восприятие греховности языка» [Телия 1994: 97], восходящее к догматам христианства: «*кто дастъ мне стражу къ устамъ моимъ и печать благоразумия на уста мои чтобы не пасть черезъ нихъ и чтобы языкъ мои не погубилъ меня*» (1Сир. 22:31). И. Неронов действует вразрез с данным утверждением: *«предъ свидетельми всяко правда познавается <…> и азъ не хотя* ***молчаніемъ заградитися****»* (I: 99); *«прѣдъ государемъ <…> не* ***воспрети*** *протопопъ стефанъ ми* ***усты****»* (I: 82). Подобные действия берут свое начало в провинциальном кружке ревнителей (активным деятелем его являлся И. Неронов), члены которого всегда считали себя стоящими на страже истинного благочестия и тем и славились, что, «ревность велию имуще по бозѣ», не боялись смело выступать с обличениями лиц сильных и даже «по пророку Давиду, предъ цари глаголюща и не стыдящася» [Каптерев 1909, т. 1: 245].

Широкое функционирование УСК ФСП «Слово» в сочинениях И. Неронова обусловлено профессиональной деятельностью автора исследуемых текстов – одного из видных проповедников XVII столетия, использовавшего свой проповеднический дар как орудие в борьбе за «правду» старообрядческой оппозиции. Данный факт ярче всего проявляется в УСК оппозиционного блока «передавать информацию, соответствующую истине»/«передавать информацию, не соответствующую истине»; УСК группы «вести дискуссию» ФСП «Слово» и некоторые др. Поле «Слово» представлено в исследуемых текстах 167 УСК, что составляет 13,5 % от всего

корпуса УСК сочинений И. Неронова. Самой многочисленной в данном поле является ядерная область «общение»: УСК этой области составляют 60 % (101 ед.) от общего числа единиц поля. По периферийным областям «голос» и «знание» УСК распределяются так: 18,5 % (30 ед.) и 21,5 % (36 ед.) соответственно.

В целом, УСК поля «Слово» характеризуются контрастностью значений, объясняемой, вероятно, конфликтностью ситуации, в которой оказался автор исследуемых текстов, и категоричностью суждений лидера старообрядческой оппозиции на первом этапе раскола. Категоричность же суждений И. Неронова связана, по-видимому, с преобладанием в его мировоззрении моральной ориентации над рациональной, с подчеркиванием ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания (информация, извлеченная из УСК зоны «знание» поля «Слово»). Контрастность, проявляющаяся в оценочных семах УСК ядерной зоны поля «Слово» (52 % УСК несут в своем значении ярко выраженную положительную оценку охарактеризованного денотата; единицы, обладающие семами негативной оценки, составляют 28 % от общего числа УСК поля «Слово»), – следствие и глобального чувства личной ответственности автора анализируемых текстов как за свой жизненный путь и судьбы «духовной братии», так и за состояние веры на Руси в целом. Восприятие слова как орудия воздействия обусловливает и высокую эмоциональность, и экспрессивность единиц поля «Слово» в сочинениях И. Неронова (экспрессивно окрашенными оказались более 25 % УСК представленного поля).

Посредством анализа языка текстов И. Неронова нам удалось проследить, как изменяется поведенческая реакция личности на соблюдение/нарушение речевых норм, шкалирующихся в пределах оппозиции правда/ложь. «Идеальная» модель речевого поведения автора исследуемых текстов как яркого представителя «бунташного века» характеризуется агрессивными реакциями, обусловленными исторической ситуацией (споры об истинности веры), а также любовью к морали (абсолютизацией моральных измерений человеческой жизни, акцентом на борьбе добра и зла, любовью к крайним и категоричным моральным суждениям) в сочетании с эмоциональностью и неконтролируемостью чувств.

Запрещающие правила, регулирующие речевое поведение человека, в текстах И. Неронова меняются на разрешающие, что обусловлено осознанием личной ответственности за судьбу мира в среде старообрядческой оппозиции. А так как основным орудием борьбы за «правду» являлось слово, речевые стратегии и действия приобретают агрессивный характер, а молчание в условиях «борьбы за веру» признается автором недопустимым для истинно верующего.

УСК поля «Слово» позволили выявить в характере И. Неронова такую черту, как иррациональность – уверенность в ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания.

Противопоставление Христа как «Бога милостивого» и «сурового судии, который не знает снисхождения», в сочинениях И. Неронова связано с темпоральной проспекцией – до/после «страшного суда». Мотив ответственности «кочует» из одного сочинения И. Неронова в другое, присутствуя во всех исследуемых текстах (высокая частотность языковых единиц, включающих сложную сему ‘нести ответственность’). Ответственность в исследуемых текстах не соотносится с обреченностью, свойственной восприятию ответа перед Христом как судией немилующим, характерному для русской национальной культуры. Для автора текстов земное бытие есть продукт воли самого человека (а не провидения). Данное положение приводит к отрицанию в характере автора текстов такой черты, как «неагентивность».

Понятие «чрезмерного умствования», «тщетной философии» переносится автором на все, что противопоставляется истинной вере. В исследуемых текстах УСК с семой ‘чрезмерное умствование’ имеют функциональную прикрепленность: они характеризуют действия Никона и активных участников его реформы. Однако для И. Неронова характерно полное освобождение от ответственности за совершаемые действия лиц, по долгу службы находящихся в подчинении патриарха.

Состояние автора исследуемых текстов в целом можно охарактеризовать как внутреннее напряжение. Частое присутствие в структуре УСК текстов И. Неронова сем интенсивности ‘очень’, ‘больше’ является маркером тревожности как психоэмоционального состояния автора изучаемых произведений.

Мы проследили, как основные параметры формирующегося русского национального характера преломляются в структуре личности автора исследуемых текстов, и пришли к выводу, что сам Иван Неронов был истинным сыном «бунташного века», поэтому черты языковой картины мира носителей русского языка второй половины XVII столетия отразились в дошедшем до нас литературном наследии «первого и главного идеолога раскола».

Источники

I. 1. Письмо Ивана Неронова протопопу Стефану Вонифатьеву изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 27 февраля 1654 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 70 – 78.

2. Другое письмо Неронова к протопопу Стефану Вонифатьеву из Спасокаменнаго монастыря, отъ 2 мая 1654 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 84 – 94.

3. Письмо Неронова къ Стефану Вонифатьеву изъ Вологды, отъ 13 июля 1654 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 94 – 108.

4. Послание протопопа Ивана Неронова к царю Алексею Михайловичу изъ Спасокаменнаго монастыря, от 6-го ноября 7162 (1653) г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 34 – 40.

5. Второе послание Неронова къ царю Алексею Михайловичу изъ Спасокаменнаго монастыря, от 27 февраля 1654 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 51 – 69.

6. Старца Григория Неронова челобитная царю Алексею Михайловичу за протопопа Аввакума, поданная 6-го декабря 1664 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 198 – 201.

7. Челобитная Ивана Неронова царю Алексею Михайловичу о скорейшемъ избрании патриарха вместо Никона // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 167 – 179.

8. Другая челобитная Неронова царю Алексею Михайловичу о избрании преемника патриарху Никону // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 179 – 192.

9. Послание Неронова къ царице Марье Ильиничне из Спасокаменнаго монастыря, от 2-го мая 1654 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 78 – 83.

10. Роспись спорныхъ речей протопопа Ивана Неронова съ патриархомъ Никоном // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 41 – 51.

11. Дело по изветамъ Неронова на Иону митрополита ростовскаго и Симона архиепископа вологодскаго // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 192 – 198.

12. Дело по новымъ изветамъ Неронова на Симона архиепископа вологодскаго // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 201 – 208.

13. Письмо Неронова къ некоему Афанасью Максимовичу // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 222 – 223.

14. Молебное послание Неронова къ вселенскимъ патриархамъ (1666 г.) // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 223 – 224.

15. Челобитная Неронова вселенскимъ патриархамъ о разсмотрении его дела // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 224 – 240.

16. Покаянное послание старца Григория Неронова к царю, патриархам и всему собору, 1667 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 1. – М. : Братское слово, 1875. – С. 240 – 243.

II. 17. Записка о жизни Ивана Неронова // Памятники литературы древней Руси. XVII век. Книга вторая. – М. : Худ. лит., 1998. – С. 337 – 350.

И. В. Петрова

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СОСТОЯНИЕ» (на материале старообрядческих сочинений второй половины XVII века)

Фразеосемантическое поле (ФСП) «Состояние» функционирует в произведениях писателей раскола («Житии» инока Епифания, челобитных попа Лазаря, посланиях и письмах дьякона Федора) наряду с ФСП «Верить / веровать», «Церковь», «Бог», «Истина», устойчивые словесные комплексы (УСК) которых объединены семой ‘вера’. Единицы, входящие в поле «Состояние», напрямую не связаны с проблемно-тематическим уровнем старообрядческих сочинений второй половины XVII в., между тем в большинстве своем являются «информационно отмеченными» – способны передавать информацию о духовном мире и религиозных представлениях сторонников старой веры.

ФСП «Состояние» включает 39 УСК (17 расположено на периферии поля). Вынесенное в название поля слово *состояние* употребляется в разнообразных значениях, но определяющим структуру поля является следующее: ‘физическое с а м о ч у в с т в и е (т. е. ‘состояние физических и д у ш е в н ы х сил человека’), а также ’расположение д у х а, настроение’ [СОШ: 696, 751]. Выделенные нами семы – это, согласно наивно-религиозному сознанию, «первые члены оппозиций *дух – плоть, душа – плоть*, указывающие на нематериальное начало в человеке» [Шмелев 2002: 21]. *Дух*, как и *душа,* будучи древними славянскими словами, произошедшими от одного корня, не тождественны по значению. «Слово женского рода *душа* обозначало внутреннюю, в человеке живущую суть *душевности*, а слово мужского рода – знак высшей благодати *духовного* бытия – *Дух»* [Колесов 1999: 172]. В связи с этим было бы целесообразным в составе ядра ФСП «Состояние» выделить две группы: с семой ‘состояние духа’ и с семой ‘состояние души’. Объединяющей для ядерных групп, как и околоядерных, была бы сема ‘быть (находиться) в состоянии’, дифференциальными семами – ‘дух’ и ‘душа’. Это противопоставление *души* и *духа* в наивно-языковом представлении поддерживают соответственно, помимо отмеченных выше, следующие составляющие: «подобна такому материальному органу, как сердце» – «не концептуализируется как орган», «автономна и индивидуальна» – «часть некоторой межличностной субстанции», «формирует человека как личность, вместилище мыслей и чувств» – «составляет его (человека) внутренний стержень» [Шмелев 2002: 22–25]. Однако позиция обозначенных центров поля «Состояние» остается незамещенной: среди УСК, функционирующих в произведениях старообрядцев, нет ни одного, в значении которого была бы представлена в «чистом» виде сема ‘состояние духа’ или сема ‘состояние души’.

Околоядерную зону поля «Состояние» формируют девять фразеосемантических групп. Три из них вступали бы в родовидовые отношения с

УСК центральной группы, объединенных семой ‘состояние души’, если бы таковые реально функционировали в изучаемых текстах. Они, помимо семы ‘состояние души’, содержат дифференциальные семы ‘состояние веселья, радости’, ‘состояние уныния, печали’, ‘состояние страха, ужаса’. УСК, содержащие дифференциальные семы ‘состояние духовного видения’, ‘состояние чуткого сна’, ‘состояние экстатическое’, ‘состояние смирения’, ‘состояние безумия’, ‘состояние недоумения’, объединены общей семой ‘состояние духа’.

1. Фразеосемантическая группа ‘состояние веселья, радости’ – это вторая позиция в сложном по структуре поле «Состояние», которая остается незамещенной: УСК, которые могли бы функционировать как члены предложения в произведениях писателей раскола и реализовывать значение ‘быть (находиться) в состоянии радости’, нами не обнаружены. ‘Состояние радости’ в анализируемых памятниках выражают только те УСК, которые имеют грамматическое строение простого предложения: *возвеселися сердце, сердце исполнися радости* (и его вариант *сердце наполнено великия радости*) – 2 ед. Они составляют ближайшую периферию анализируемой группы, которой предшествует периферийная зона, общая для всех трех фразеосемантических групп, объединенных семой ‘состояние души’. Выделение ее вызвано функционированием в произведениях старообрядцев экспрессивного УСК *возгореся сердце* – трансформированного варианта единицы *сердце горит*, зафиксированного во «Фразеологическом словаре…» А. И. Федорова. Реализуя значение ‘кто-либо горячо переживает какое-либо чувство, глубоко взволнован’ [ФСРЛЯ: 232], выделенная единица может указывать на силу и степень проявления и чувства радости, и чувства страха, и чувства печали. К дальней периферии фразеосемантической группы ‘состояние веселья, радости’ мы относим качественно-обстоятельственный УСК *с великою радостию.*

В УСК ближайшей периферии семы ‘веселья’, ‘радости’ непосредственно представлены в зависимых компонентах, но в единице *с великою радостию* они присутствуют в значении главного компонента. Следует отметить, что УСК анализируемой фразеосемантической группы, в которых компонент *радость* оказывается сопряженным с компонентом *великая* (в значении ‘значительная по силе и степени проявления’ [СРЯ XI–XVII вып. 2: 62]), передают силу и интенсивность проявления ‘радости, веселья’. При функционировании УСК *сердце наполнено великия радости* комплекс сем ‘значительная по силе и степени проявления’ нередко актуализируется за счет перемещения компонентов *великия радости* в препозицию к компоненту *наполнено*: ср., а сердце мое наполнено великия радости и веселия Христова и а сердце мое великия радости наполнено... [Инок Епифаний 1989: 178]. Отмеченная составляющая появляется и в значении УСК *сердце исполнися радости* при его сопряжении с лексемой *зhло* на уровне контекста*:* И посем зhло сердце мое исполнися радости… [Дьякон Федор 1881: 100].

Переживания радости в произведениях писателей раскола изображаются через описание состояний сердца. Это ***сердце*** *возвеселися,* ***сердце*** *исполнися радости*. В качестве компонента лексема *сердце* выступает и в других УСК поля «Состояние»: передающих состояние печали (ед. *воздохнути/ть из глубины сердца*), состояние страха (ед. *нача сердце трепетати/ть/ся*) или состояние возбуждения, напоминающее «пожар», «свечение» (ед. *возгореся сердце*). Таким образом, УСК с компонентом *сердце* в произведениях старообрядцев передают отвечающее христианской традиции представление о сердце как ‘символе души, внутреннем мире человека, его переживаний, мыслей и чувств’ [СРЯ XI–XVII вып. 24: 78].

2. Фразеосемантическая группа ‘состояние уныния, печали’ включает четыре УСК: *воздохнути/ть из глубины сердца, плакать горько, обливати/ть/ся горькими слезами, слезами омывати/ть*. Ближайшую периферию группы формируют УСК со структурой предложения (*нападе / приide печаль великая; Ох, ох! Горе, горе дней тех!, слезы потекоша*), дальнюю периферию – предметный УСК *печаль великая/велика* (вариант *великая печаль*) и качественно-обстоятельственный УСК *горько и больно* (вариант *горько и больно до слез*).

Основной состав фразеосемантической группы ‘состояние печали’ в общем характеризует наблюдение, сделанное исследователями старообрядческой литературы: «Психологически верное раскрытие внутреннего состояния достигается» в произведениях писателей раскола «не описанием этих состояний и чувств, а с помощью их ‘‘внешних симптомов’’» [Гусев 1957: 280]. Обычными внешними проявлениями чувства печали становятся в произведениях старообрядцев глубокий вздох, вырывающийся из сердца (УСК *воздохнути/ть из глубины сердца*), или горький плач, обилие слез (УСК *плакать горько, обливати/ть/ся горькими слезами, слезами омывати/ть*).

Сема ‘быть (находиться) в состоянии печали’ непосредственно не представлена в компонентах УСК анализируемой фразеосемантической группы, что отличает ее от предыдущей группы (со значением ‘состояние радости’). В УСК *воздохнути/ть из глубины сердца* эта сема присутствует в значении главного компонента – ‘вздохнуть, о п е ч а л и в ш и с ь’ [СРЯ XI–XVII вып. 2: 148]. Зависимый компонент УСК является самостоятельной фразеологической единицей, функционирующей в значении ‘из глубины души’ [СРЯ XI–XVII вып. 24: 79]. Компонент *глубина* в его составе актуализирует значение, которое, согласно историческим словарям, является внутренней формой слова *сердце* – ‘середина; глубина; средоточие; сокровенность’ [ПЦСС: 592; СРЯ XI–XVII вып. 24: 80; Срезневский т. 3, ч. 1: 881].

В УСК *плакать горько, обливати/ть/ся горькими слезами, слезами омывати/ть* сема, объединяющая единицы группы ‘состояние печали’, имплицитно присутствует в значениях компонентов *горько, горькими, слезами.* По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.» *горький* значит ‘3.

Горестный, п е ч а л ь н ы й’ [СРЯ XI–XVII вып. 4: 98], *слеза*[*] – во мн. числе ‘проливание слез, плач, с т е н а н и е’ [СРЯ XI–XVII вып. 24: 80], в свою очередь *стенание* соотносится со ‘скорбь, г о р е’ [Срезневский т. 3, ч. 1: 511], *горе* же значит ‘2. П е ч а л ь, скорбь’ [СРЯ XI–XVII вып. 4: 83].

УСК, передающие состояние печали через плач, слезы, имеют функциональную прикрепленность в произведениях писателей раскола: они характеризуют мир «святых». Например: **Мартирий – священноинок обливавшеся горкими многими слезами, Тогда у нас в Соловецком монастыре святии отцы и братия начаша тужити и плакати горько**… [Инок Епифаний 1989: 175]. В указаниях на «слезы» и «плач» святых, по наблюдениям В. В. Виноградова, был заложен глубокий религиозно-символичный смысл. «Способность «плакаться», «питаться слезами», органически входит в образ истинного христианина» [Виноградов 1957: 373].

3. В состав фразеосемантической группы ‘состояние страха, ужаса’ входит четыре УСК: *бояти/ть/ся Бога, вопити/ть / глаголати/ть с ужасом, не сметь слова молвити/ть, собрати/ть/ся со душею.* Последняя единица в этом ряду вступает в оппозиционные отношения с первыми тремя, функционируя в значении ‘перебороть, превозмочь в себе страх’. Зону ближайшей периферии, как и в предыдущих двух фразеосемантических группах, занимают УСК, функционирующие как предложения в произведениях старообрядцев: *нача сердце трепетати/ть/ся, власы востали, как из ада вышел; нападе ужас, нападе страх, нападе страх и ужас; ни дышать, ни пищать, только смерть* – 7 ед. К дальней периферии фразеосемантической группы ‘состояние страха, ужаса’ мы отнесли УСК *исполу жив-мертв.*

Среди УСК основного состава фразеосемантической группы ‘состояние страха, ужаса’ интерес представляет единица *бояться Бога,* которая раскрывает такую грань религиозного сознания старообрядцев, как страх перед Богом. Соблюдение заповедей Божиих проистекает как раз из страха к Господу[**]. Бояться Бога – значит, верить: Якоже во Египтh прелюбодhйца оная <… > восхотh осквернити нуждею избранника Божія Иосифа <…> оный же прекрасный, бояся Бога и закона Божія, не хотя преступити, и убhжа отъ грhха… [Дьякон Федор 1881: 194].

Показательной для фразеосемантической группы ‘состояние страха, ужаса’ является зона ближайшей периферии. Среди УСК зоны мы вновь встречаем единицу с главным компонентом *сердце – нача сердце трепе-*

---

[*]Семантическая связь между словами *слеза* и *печаль* устанавливается с опорой на метод ступенчатой идентификации, использованный в работе Кузнецовой Э. В. О путях выделения компонентов значений слов при описании лексико-семантических групп // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Материалы IX зональной конф. кафедр русского языка вузов Урала. – Пермь, 1972. – С. 259–264.

[**] См.: Клименко Л. П. «Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири». Нижний Новгород: ННГУ, 2000. На с. 28 выражение «боящиеся Бога» трактуется как ‘сохраняющие заповеди Его’.

тати/ть/ся. Переносное значение УСК ‘дрожать, бояться’, сформировавшееся на базе прямого ‘сердце начало колотиться’ [Срезневский т. 3, ч. 2: 988], определяет теперь компонент *трепетати/ть/ся.* УСК *власы востали; ни дышать, ни пищать, только смерть* описывают внешние проявления, которые выражают чувство страха и только это чувство, как в случае с «плачем» во фразеосемантической группе ‘состояние печали’. Три УСК зоны ближайшей периферии – *нападе ужас, нападе страх, нападе страх и ужас* – прямо обозначают состояние страха. Такого рода примеры непосредственного обозначения переживаний единичны в произведениях писателей раскола (во фразеосемантической группе ‘состояние печали’ это УСК *нападе / прииде печаль великая*). УСК *нападе ужас, нападе страх, нападе страх и ужас* передают силу и интенсивность (причем разную) конкретного переживания, что отличает многие УСК поля «Состояние». Только теперь найдены другие приемы для передачи этих составляющих в значении названных УСК. В качестве смыслообразующих компонентов в анализируемых единицах выступают слова *страх* и *ужас,* которые определенным образом соотносятся. Если *страх* – это эмоция, то *ужас* – та же эмоция, доведенная до степени аффекта, т. е. «кратковременная эмоциональная реакция, очень бурно протекающая и носящая характер эмоционального взрыва» [Прадид 1994: 7]. Смысловая неравноценность слов *страх* и *ужас*, становится очевидной, когда они начинают выступать компонентами УСК *нападе страх и ужас* – контаминированного варианта единиц *нападе ужас* и *нападе страх.* В произведениях писателей раскола УСК с компонентами-словами *страх* и *ужас* имеют функциональную прикрепленность: единица *нападе ужас* с компонентом-словом, имеющим специальные оттенки, обозначает состояние старообрядцев, тогда как УСК *нападе страх, нападе страх и ужас* – состояние их противников: И посем ужасъ нападе на мя от плача того… [Дьякон Федор 1881: 94]; …и нападе на мя ужас велик зело … [Инок Епифаний 1989: 176]; … а русскіе власти вси возмутишася и страх нападе на нихъ… [Дьякон Федор 1881: 245]; Потомъ же нhкогда вскорh нападе на царя страхъ и ужасъ… [Дьякон Федор 1881: 216].

Несколько УСК поля «Состояние» формируют околоядерную зону с общей семой ‘состояние духа’. Их отличает от рассмотренных выше групп (с общей семой ‘состояние души’), с одной стороны, малочисленность, с другой – отсутствие зон периферии. Так, только 2 УСК *без ума быти/ть, с ума собрести/ть*[*] входят во фразеосемантическую группу ‘состояние безумия’, 1 УСК *видhти/ть сердечными очима* – передает значение ‘состояние духовного видения’, 1 УСК *абие сведохся в сон мал / тонок* обозначает ‘состояние чуткого сна’, 1 УСК *въ великомъ недоумhніи быти/ть* – ‘со-

[*]Вариант УСК *сбрести с ума*, зафиксированного в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Вып. 23, с. 88).

стояние недоумения’ и 1 УСК *к смирению прийти*[**] – ‘состояние смирения’. Исключением в этом ряду является фразеосемантическая группа ‘состояние экстатическое’, в составе которой 6 УСК: *возвести очи; воздhти/ть руцh на высоту небесную; возопити/ть / глаголати/ть гласом великим* (варианты *вопити/ть великим голосом, велегласно вопити/ть)*[***]*; вопити/ть ко Господу; пасти/ть на землю пред Богом; ударити/ть/ся трою о землю*. 1 УСК *со слезами / со слезишками* занимает периферийную зону группы.

Особый интерес среди названных представляет УСК *видhть сердечными очима*, который передает значение ‘состояние духовного видения’. Он используется только в «Житии» старца Епифания, когда автором воспроизводится традиционная для житийной литературы ситуация «видения во сне». Во всех случаях такие видения старец воспринимает не своими «тhлесными» глазами, а «очами сердечными» – духовными [СРЯ XI–XVII вып. 12: 327], т. е. «благодаря особому духовному дару проникать в установленныя Богом судьбы человhка и міра…» [Зеньковский 1966: 83]. Например: И скоро наиде на мя сонъ мал. И вижу сердечными очима моима: темничное оконце мое на всh страны широко стало, и свhтъ великъ ко мнh въ темницу сияет. Аз же отворилъ очи мои тhлесныя и поглядhл на оконце мое темничное… [Инок Епифаний 1989: 330–331].

Как отмечает С. А. Зеньковский, «такое истолкованіе психологіи видhній было довольно обычным в русской средневековой литературh <…> и выражения «очи сердечныя» или «очи чувственныя», «очи умныя», «очи мысленныя» постоянно встрhчаются в описаніи жизни и подвигов русских святых» [Зеньковский 1966: 83]. Противопоставление же ока «внешнего» («тhлесного») и «внутреннего» (сердечного) проистекает из «способности к «мысленному, умному зрению, видению» <…> являющейся необходимым атрибутом религиозного сознания» [Яковлева 1998: 45]. Следует признать, что «умозрительность» не является собственной семантической составляющей слова *очи* в составе УСК *видhть сердечными очима*, но привносится с определением *сердечные*.

Таким образом, УСК *видhть сердечными очима* очень точно раскрывает душу истинно верующего человека, для которого мир потусторонний – та же реальность, что и окружающая его внешняя жизнь.

Как особую черту человека «духовного» следует рассматривать и способность «тонкого сна» (УСК *абие сведохся в сон мал / тонок*, который обозначает ‘состояние чуткого сна’). В отличие от сна как ‘физиологиче-

---

[**]См. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (Вып. 25, с. 194), где отмечена единица *привести въ смирение* в значении ‘умиротворить, усмирить’.

[***] Варианты библейского УСК *возопить громким голосом.* См. «Иисус же, опять **возопив громким голосом,** испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась на-двое, сверху до низу» (Матф. 27, 50, 51). В Библии также встречается вариант «взывать громким голосом» (3 Цар., 18. 21).

ского состояния покоя и отдыха, при котором полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражители' [СОШ: 747], «тонкий сон» – это состояние чуткого, быстрого восприятия чего-л., это «переход в иной мир и в иной план сознания» [Июльская 2000: 65]. Реальность мира духовного (потустороннего) подчеркивается тщательным его описанием, материализацией: И паки некогда после правила моего, мнит ми ся в полунощи или далее, возлегшу ми опочинути от труда и абие сведохся в сон тонок. И приидоша ко мне в келию два беса, один наг, а другой ф кавтане. И взем доску мою, на ней же почиваю, и начаша мене качати, яко младенца… [Инок Епифаний 1989: 179]. С УСК *абие сведохся в сон мал / тонок* семантически сближается УСК *во сне и на яве*, который эксплицитно обозначает сознание «духовного» человека, «действительно чувствующего себя на границh міра земного и потусторонняго» [Зеньковский 1966: 70].

Психологический облик русского человека, вставшего на защиту старой веры во время великого раскола русской Церкви, дополняют УСК, объединенные семой 'экстатическое состояние'. Человек этот смиренен, покорен перед Богом (см. УСК *пасти/ть на землю предъ Богом, ударити/ть/ся трою о землю*), он действительно чувствует себя на границе мира земного и потустороннего. За описанием обычных ритуальных действий, которыми верующие сопровождают свое обращение к Богу: земные поклоны, поднятие вверх рук, устремление вверх глаз (УСК *воздhти/ть руцh на высоту небесную*, *возвести очи),* скрывается исступленно-восторженное состояние верующего во время молитвы, потому что молитва для него не что иное как «бесhда или разговоръ <…> съ Богомъ» [Закон Божий 1991: 31]. Но это смирение, духовный экстаз нет-нет да и нарушится воплем к Господу – УСК *вопити/ть ко Господу*. *Вопить* значит 'восклицать, кричать' [Срезневский т. 1, ч. 1: 396], то есть взывать громким голосом. Крик к Господу звучит в основном со страниц «Жития» инока Епифания, звучит каждый раз, когда нарушается физический и духовный покой автора-героя, когда его посещают сомнения в милости и справедливости Бога, в разумности стояния за веру: Аз же, грhшный, воздhхъ руцh мои на высоту небhсную и завопhлъ ко Господу Богу: «О Господи Исусе Христе, Сыне Божий… Услыши мя, грhшнаго раба Твоего, вопиющаго Ти! Яви ми, ими же вhси судбами, годно ли Ти, свhту, течение мое сие и потребенъ ли Ти сей путь мой, и есть ли на спасение ми, бhдному и грhшному рабу Твоему, вся сия страдания моя бhдная?» [Инок Епифаний 1989: 330]. И хотя автор-герой «обрhтает полное утhшеніе и утверждается в бесконечной милости Творца» [Зеньковский 1966: 77], «вопль» остается и, как знать, может быть, за ним и скрывается «трагическая подкладка религиозной борьбы XVII века»? [Зеньковский 1966: 70].

Значения УСК, выражающих экстатическое состояние молящегося, обладают той или иной коннотацией. В семантике УСК *вопити/ть ко Господу, вопити/ть великим голосом* присутствует экспрессивный компонент.

В первой единице он формируется на базе значения слова *вопить*. Во второй экспрессия проявляется в смысловой избыточности: глагол *вопить* значит ‘кричать’ [Срезневский т. 1, ч. 1: 396], *кричать*, в свою очередь, – ‘призывать г р о м к и м г о л о с о м’ [СРЯ XI–XVII вып. 8: 59], и *великим голосом* тоже имеет значение ‘громким голосом’ [СРЯ XI–XVII вып. 2: 62]. Коннотация выражается также в возвышенной стилистической окраске, создаваемой с помощью старославянизмов (*воздети/ть руцѣ на высоту небесную, возвести очи*) или посредством употребления описательных конструкций вместо одного слова: *ударити/ть/ся трою о землю* – ‘поклониться трижды’.

Итак, мы рассмотрели сложное по структуре ФСП «Состояние», состоящее из 39 УСК. Поле имеет биполярную структуру, которая отражает сложные смысловые отношения между единицами фразеологической системы. Позиция ядра, предполагающая единицы с семами ‘состояние души’ и ‘состояние духа’, остается незамещенной. Вокруг ядра размещается девять фразеосемантических групп. Три из них: УСК, выражающие ‘состояние веселья, радости’(4 ед.), ‘состояние уныния, печали’ (9 ед.), ‘состояние страха, ужаса’ (12 ед.), содержат сему ‘состояние души’. УСК, передающие ‘состояние духовного видения’ (1 ед.), ‘состояние чуткого сна’ (2 ед.), ‘состояние экстатическое’ (7 ед.), ‘состояние смирения’ (1 ед.), ‘состояние безумия’ (2 ед.), ‘состояние недоумения’ (1 ед.), содержат сему ‘состояние духа’. По-своему уникальна периферия поля «Состояние». Периферийное объединение (15 УСК), отражающее ‘состояние души’, имеет полевую организацию; периферийная зона, выражающая ‘состояние духа’, включает только 2 УСК: *со слезами /со слезишками* (примыкает к фразеосемантической группе ‘состояние экстатическое’) и *во сне и на яве* (семантически сближается с УСК *абие сведохся в сон мал / тонок*).

Разнообразные состояния души и духа передаются в произведениях старообрядцев не через описание этих состояний и чувств, а с помощью их ‘внешних симптомов’. УСК с компонентом *сердце* наиболее частотны и отличаются многофункциональностью: они способны передавать разные душевные переживания человека периода великого раскола русской Церкви – радости, печали, страха, возбуждения. УСК ФСП «Состояние» в большинстве своем «информационно отмечены»: они передают особенности религиозного сознания старообрядцев и шире – носителей старорусского литературного языка 2-й пол. XVII в. Так, сознание «духовного» человека 2-й пол. XVII в. определяют «способность «плакаться», «питаться слезами» (УСК *плакать горько, обливати/ть/ся горькими слезами, слезами омывати/ть*), способность «духовного видения» (УСК *видѣть сердечными очима*), способность «тонкого сна» (УСК *абие сведохся в сон мал / тонок*), способность разговора с Богом (УСК группы ’состояние экстатическое’) и некоторые др.

Источники

Дьякон Федор. Посланіе изъ Пустозерска къ сыну Максиму и прочимъ сродникамъ и братіямъ по вhph // Материалы для истории раскола за первое время его существования. Изд. Н. Субботина. – Т. 6. – М. : Братское слово, 1881. – С. 90–261.

Закон Божий. – 4-е изд. – М. : изд-во «Молодая гвардия» при участии изд-ва «Содействие», 1991. – 724 с. (Репринтное издание).

Инок Епифаний. Житие Епифания // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая / сост. и общая ред. Л. Дмитриева, Д. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1989. – С. 310–336.

Н. В. Меркулова

«ВРЕМЯ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛЕТИЯ (на материале следственного дела Емельяна Пугачева)

1. Понятие ‘время’ в лингвистике. Концепт «ВРЕМЯ» как элемент языковой картины мира

Понятие времени является основополагающим во многих точных, естественных и гуманитарных науках, в том числе и в науке о языке. В грамматике понятие времени связывают прежде всего с глаголом, так как время – категория глагола, «являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной локализации события или состояния, о котором говорится в предложении» [ЛЭС 1990: 89].

Но язык в ходе развития человеческого общества выработал много различных средств и способов для выражения временных отношений, существующих в объективном мире. В лингвистике существует мнение, что неглагольные выражения времени являются вторичными по отношению к глагольным. Однако в области дискурса не последнюю роль играют и другие части речи: наречия, существительные, прилагательные и т. д. Предметом нашего рассмотрения является время, которое, по определению Е. С. Яковлевой, можно назвать «временем жизни». «Именно “время жизни” осознается нами как некая самостоятельная категория человеческого существования, и, соответственно, именно оно подлежит описанию, поддается оценке или, другими словами, входит в сферу нашего менталитета» [Яковлева 1994: 86]. Именно «время жизни» образует концепт «ВРЕМЯ» в языковой картине мира (ЯКМ) носителей русского языка второй половины XVIII века.

«ВРЕМЯ» – концепт *высшего уровня* (С. Г. Воркачев), *первичный концепт* (Г. Г. Слышкин), *универсальная категория культуры* (М. В. Пименова). Концепт «ВРЕМЯ» является гештальтом. Гештальт – комплексная, целостная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Он «представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статистические аспекты отображаемого объекта или явления» [Попова, Стернин 2002: 84]. Концепт «ВРЕМЯ» является составным, так как формируется на базе индивидуальных, коллективных, национальных представлений, при этом оставаясь *универсальным* концептом. При своей *абстрактности*, данный концепт *вербализован* во всех языках. На наш взгляд, это связано с тем, что *время* – такое понятие, в характеристике которого всегда заложен дуализм: оно абсолютное и относительное, линейное и циклическое, объективное и субъективное, активное и пассивное, качественное и количественное, этническое и межнациональное, статичное и подвижное, нейтрально окрашенное и эмоциональное. Но

несомненно одно: характеристика времени является неотъемлемой, незаменимой частью языковой картины мира всего человечества на протяжении всего периода его существования. Оно является и частью русской языковой картины мира второй половины XVIII столетия.

Итак, по особенностям использования единиц, вербализующих концепт «ВРЕМЯ», можно судить о многих качествах и способностях как одного человека, с его жизненной позицией и месте в человеческом обществе, так и об усредненном носителе национального языка, типичным представителем которого является изучаемый индивидуум.

Памятники, избранные нами в качестве источников когнитивного анализа (следственное дело Емельяна Пугачева), представляют собой типичные образцы деловой разновидности русского литературного языка 70-х годов XVIII века. В то же время они отражают устную речь конкретной исторической фигуры, а потому являются беспристрастными документами, позволившими нам реконструировать языковую личность Пугачева – типичного представителя казачьей среды российского общества второй половины XVIII в.. Воссоздание же реальной русской языковой личности дает богатейший материал для описания ЯКМ носителей русского языка того же периода.

В данной работе не представляется возможным полностью описать все вербализаторы концепта «ВРЕМЯ». Нами проанализированы только те единицы, которые непосредственно обозначают дискурсное время, «время жизни». Мы представляем характеристику лексико-фразеологического поля (ЛФП) «Время», вербализующего одноименный концепт, на основе анализа 123 языковых единиц в 1540 употреблениях.

Доминирующей дихотомией в дуалистической природе времени, которую признают большинство ученых, является противопоставление цикличного и линейного времени. Это связано с тем, что интерес ко времени зародился у человека, когда еще не было механизмов для его хронометрирования. И, несомненно, смена суточных, годичных циклов, циклов времен года отражалась на жизни человека и влияла на всю его деятельность. Как утверждает А. Я. Гуревич, циклизм связан с языческим миросозерцанием, а однократность (линейность) – с христианством. Обе эти характеристики постепенно синтезировались в сознании славян. Кроме того, линейному восприятию времени способствовал «процесс “отчуждения” времени от событий, его наполняющих, то есть выделение в отдельную область того времени, которое связано с механическим отсчетом (часами)» [Гуревич 1972: 29].

В материалистической философии линейное и циклическое время противопоставляются как «естественно-научное» и «наивное», архаическое. Такое противопоставление можно наблюдать во многих работах, посвященных изучению языковой картины мира. На разных полюсах оказываются научная картина мира (оперирующая понятиями, используемыми в науке) и так называемая наивная картина мира, охватывающая язык неза-

висимо от человеческих знаний в тех или иных областях. Большинство лингвистических трудов, посвященных изучению феномена времени, основано на современном материале, который носит или отвлеченный характер, или представлен в виде изучения отдельных языковых единиц, обладающих значением времени. Наша задача обусловлена иными исходными данными, так как анализируемый материал извлечен из конкретного исторического памятника, в котором фигурируют реально жившие исторические персонажи. Это дает нам право рассуждать о времени как одной из ментальных составляющих характеристики языковой личности XVIII в.

Таким образом, объектом нашего исследования является совокупность языковых единиц с временным значением, извлеченных из следственного дела Ем. Пугачева. Эти лексемы и УСК образуют ЛФП «Время», которое, в свою очередь, вербализует концепт «ВРЕМЯ», представляющий собой фрагмент ЯКМ носителей русского языка второй половины XVIII в.

Думается, что анализ языковых единиц, называющих *время*, или **таксонов** (мы принимаем этот термин А. Н. Баранова для обозначения лексем и УСК со значением времени – Н. М.) ЛФП «Время», вербализующего концепт «ВРЕМЯ», поможет нам ответить на целый ряд вопросов, связанных с пониманием времени носителями русского языка второй половины XVIII в.

§ 2. Лексико-фразеологическое поле «Время» в следственном деле Ем. Пугачева

По данным историко-этимологического словаря современного русского языка, значение лексемы *время* близко к значению лексем *коловращение, кружение, повторное возвращение, вечный оборот*. «Ср. др.-инд. vartman – колея (след колеса), дорога (орбита?) при корне vart – вертеться, кружиться. Может быть, старшее значение и.-е. *urtmen было «колесо» или «орбита» (как движение по кругу)» [Черных т. 1: 170-171]. Подтверждение такой этимологии слова мы находим и в словаре М. Фасмера (см. [Фасмер т. 1: 361-362]).

Как видно из вышеизложенного, уже в этимологии лексемы *время* заложена циклическая характеристика, что свидетельствует о первоначальных архаических, наивных представлениях носителей языка. Следовательно, лексема *время* отражает изначально цикличность, этимологически первый параметр времени. Но слово *время*, по данным лингвистических словарей, имеет от семи до десяти значений, причем в структуре толкования основного значения лексемы *время* много повторяющихся (стабильных) элементов: ‘длительность бытия всего существующего, измеряемая веками, годами, днями и т. п.; последовательность существования бытия’ [СРЯ XVIII вып. 4: 131]; ‘последование бытия вещей’ [САР т. 1: 922]; ‘ограниченное, определенное пространство времени’ [Срезневский т. 1: 319]; ‘длительность бытия, пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками;

последовательное течение суток за сутками’ [Даль т. 1: 260]; ‘продолжительность, длительность всего происходящего, измеряемая секундами, минутами, часами, сутками и т. д.’ [Черных т. 1: 170]; ‘одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена ее явлений и состояний’ [СОШ: 103; БТС: 157]; ‘длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т.п.’ [БАС т. 2: 467; МАС т. 1: 227]; ‘длительность бытия; форма бытия, измеряемая секундами, минутами, днями, годами, как мера длительности всего совершающегося’ [ТСУ т. 1: 395].

Кроме основного значения, в словарной статье «Словаря русского языка XVIII века», посвященной времени, мы находим еще шесть лексико-семантических вариантов (ЛСВ) *времени*:

2) ‘последовательная смена часов, суток, лет, столетий и т. п., течение, ход времени’;

3) ‘отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т. п.’;

4) ‘определенный, известный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п., в который что-л. происходит, ожидается, должно произойти’;

5) *мн. в знач. ед.* ‘эпоха, период в жизни человечества, государства, народа’;

6) *филос*. ‘форма существования (наряду с пространством) мира вещей’;

7) *грам*. ‘категория глагола, свидетельствующая об отношении действия или состояния к настоящему, прошедшему или будущему’ [СРЯ XVIII вып. 4: 131-133].

Другие словари выделяют, помимо перечисленных, следующие ЛСВ:

8) ‘пора дня, года’ [ТСУ т. 1: 395; БАС т.2: 467; МАС т. 1: 227; СОШ: 103];

9) *разг*. ‘более или менее длительная совокупность дней, часов’ [ТСУ т. 1: 395; БАС т. 2: 467; МАС т. 1: 227; СОШ: 103];

10*) в знач. предлога с род.п.* [СОШ: 103].

В следственном деле Ем. Пугачева семантика единиц со значением *времени* варьируется между ЛСВ 2 – 4 и 8 – 10. Именно в них можно выделить дополнительные характеристики толкования таксонов:

1) временная ось (прошлое-настоящее-будущее);

2) параметры времени (быстрота, скорость, количество, периодичность);

3) покрытие временного интервала.

Но главный, обобщающий ЛСВ понятия *времени* в следственном деле Пугачева несколько трансформировался, так как главным субъектом в памятнике является человек, который проживает определенное *время*. На этом основании нами выделен следующий комплекс сем, объединяющий

все вербализаторы концепта «ВРЕМЯ» в следственном деле, – ‘последовательность существования индивидуума’.

Языковых единиц, содержащих в себе только ядерный комплекс сем, в следственном деле нет: Пугачев использует таксоны на бытовом уровне и обозначает ими конкретные временные отрезки; в его речи нет таксонов, отражающих отвлеченные понятия *времени.* Следовательно, ядерная зона в ЛФП «Время» фактически не заполнена языковыми единицами, извлеченными из следственного дела, но все же существует как инвариантная часть общенационального концепта «ВРЕМЯ». Кроме того, лексемы *время* и *пора*, в ЛСВ которых заложен ядерный комплекс сем, в следственном деле являются компонентами УСК, относящихся к зоне цикличности (*ночное время, утренняя пора, весенняя пора* и др.)

В зависимости от дополнительных комплексов сем, которые входят в структуру значения единиц с ядерным комплексом сем ‘последовательность существования индивидуума’, многочисленные вербализаторы концепта «ВРЕМЯ» можно разделить по трем зонам:

1) околоядерная зона ЛФП «Время» с дополнительным комплексом сем ‘определенный, известный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п., в который что-л. происходит, ожидается, должно произойти’;

2) зона цикличности, включающая единицы с дополнительным комплексом сем, указывающим на традиционно повторяющиеся природные явления, наступающие независимо от человека;

3) зона ЛФП «Время», включающая единицы дальней периферии, которые не содержат в значении ядерный комплекс сем ‘последовательность существования индивидуума’, но контекстуально призваны дополнить и расширить рамки концепта «ВРЕМЯ» в следственном деле Ем. Пугачева. Являясь единицами дальней периферии, подобные таксоны будут анализироваться вместе с единицами ближней периферийной зоны, тем самым дополняя последние и придавая языковой личности Пугачева новые штрихи.

2.1. Околоядерная зона ЛФП «Время»

Околоядерная зона ЛФП «Время» представлена в памятнике 33 языковыми единицами в 142 употреблениях с дополнительным комплексом сем ‘определенный, известный момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п., в который что-л. происходит, ожидается, должно произойти’ [СРЯ XVIII вып. 4: 131-132], что не случайно, так как именно этот ЛСВ *времени* соотносится с жанром описываемого материала.

Таксон *время* совпадает с именем поля, но, реализуясь в изучаемом памятнике, содержит не только ядерный комплекс сем ‘последовательность существования индивидуума’, но и дополнительный – ‘пора, подходящий, нужный момент’ [СРЯ XVIII вып. 4: 132]. Кроме того, данная единица вступает в антонимические отношения с таксоном *не время*. Ср. *И*

хотя-де ***не время*** *было мне явиться, однакоже, видно, так бог привел* [СД № 1, л. 116 об.-117: 74]; *Секретарь отвечал ему* (Пугачеву – Н. М.) *сими словами: «Будет, мой друг,* ***время****»* [СД № 2, л. 55: 114]. В следственном деле употреблений языковой единицы с семантикой отсутствия времени наблюдается намного больше (14 против 2).

Самым употребляемым УСК (55 случаев) является таксон *в то (же)(самое) время: Сжалившись над ним* (Пугачевым – Н. М.)*, посадили ево на лошадь, а сами сели на одну двое, и поехали с ним по зделанному идущими* ***в то самое время*** *ис Кизляра донскими казаками мосту чрез реку Куму* [СД № 3, л. 240 об. – 241: 135]; *А как мне* (Пугачеву – Н. М.) *была* ***в то время*** *надобность быть на Иргизе у Степана Косова за рубашками, ибо когда я взят был в Малыковке под караул, так* ***в то время*** *остались. У Ереминой же Курицы* ***в то время*** *жили еще два беглыя крестьянина, как звали, — не знаю, то я сим мужикам приказывал, что естли яицкия казаки прежде возвращения моего с Иргизу приедут в умет, то сказать им, чтоб они меня подождали* [СД № 1, л. 114 об.–115: 72]. Данный отрывок является ярчайшим примером обращения Пугачева со временем. Один и тот же таксон обозначает следующие друг за другом события: 27 августа 1773 года Пугачев приехал к Степану Косову за рубашками, оставленными им в ноябре 1772 года, а два беглых крестьянина явились к Еремею Курице 16 августа 1773 года.

17 УСК указывают на определенный промежуток времени, очерченный конкретными событиями, но не называют их, а определяют на оси времени с помощью различных местоимений: *в сие время, в такое время, в которое время, в оное время, с того времени, с сего времени, столько времени, несколько времени, в одно время*.

3 единицы *(до времени, в свое время* и *в одно время)* употребляются в несвойственных им значениях. Так, у УСК *до времени* в словаре фиксируются следующие значения: ‘до начала христианского летоисчисления’, которое в XVIII столетии уже выходит из употребления, и несвободное употребление в значении ‘отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т. п.’ [СРЯ XVIII, вып. 4: 131-133]. Второй ЛСВ можно квалифицировать как ‘до подходящего нужного момента в будущем’. Именно такое значение несут данные таксоны в исследуемом памятнике: *И он, Емелька, Пьянову сказал: «Так-де ты* ***до времяни*** *об оном не сказывай»* [СД № 12, л. 397 об.: 230]; *Когда же мне* (Пугачеву – Н. М.) *сказано было, что чрез Закладного уведомлены и присланы, то я говорил: «Ну, яицкия казаки, коли вам угодно, так вы меня примите, я — государь ваш, Петр Федорович; а не угодно, так откажите, я поеду на Узень вашу и там жить буду* ***до времяни****»* [СД № 1, л. 114 об.: 72].

Близкое значение ‘в подходящий нужный момент’ имеет УСК *в свое время*, который только в XVIII столетии входит в употребление. Об этом свидетельствуют и случаи использования данного УСК в следственном деле, где он встречается только 2 раза в документе № 15, который является протоколом показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с И. Н. Зарубиным, М. Г. Шигаевым

и Д. К. Караваевым в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 5 декабря 1774 года*: А не доносил-де* (Шигаев - Н. М.) *в Яике* ***в свое время****, чтоб человека три—четыре, кои о злодее знали, не претерпели наказания или беды, а притом размышлял и то, что «естли я донесу, и за злодеем пошлют, а он куда скроится, так я и пропал». Караваев показал, что он о злодее* ***в свое время*** *в городе Яике не объявил, пожалея Шигаева, штоб ево не погубить, также и других, кто злодея видел* [СД № 15, л. 458-458 об.: 234].

В СРЯ XVIII века фиксируются три ЛСВ у УСК *в одно время:* ‘1. Одновременно; 2. Однажды; 3. В то же время’, но в следственном деле этот таксон употребляется только во втором значении ‘однажды’: *А между тем и сам* (Пугачев – Н. М.), *быв* ***в одно время*** *на дивишнике, увидел одну девицу и велел ее записать имя* [СД № 1, л. 130 об.: 92].

Со временем имеет несвободное употребление в значении ‘по прошествии времени’. Ср. *Оной* (атаман Степан Ефремов – Н. М.) *сказал мне* (Пугачеву – Н. М.), *штоб шол для излечения ран в лазарет, «а как-де не излечисся, то и тогда отставка тебе дастся, ибо-де я увижу, что ты, может быть,* ***со временем*** *и вылечисся*» [СД № 1, л. 102 об.: 59].

8 из 34-х единиц околоядерной зоны обозначают параметры времени: протяженность (5 таксонов) и периодичность (3 таксона). Значение больших и малых отрезков известных событий выражено в единицах, построенных по модели П + С *время: долгое время, немногое время, небольшое время, малое время, короткое время*. Причем *долгое время* в определенном контексте может обозначать время, меньшее по протяженности, чем *малое время*, да и само *долгое время* не имеет определенных признаков для своего расчета. Ср. *А казаки говорили: «И нам слышно-де было, что государь скончался, однакож-де более поговаривали, что он жив, да взять-де не знали где. А теперь и видим, что ваше величество здесь. Да где же вы так* ***долгое время*** (то есть минимум 10 лет – Н. М.) *были?»* [СД № 1, л. 116 об.: 74]; *То хотя и* ***долгое время*** (в течение дня – Н. М.) *продолжалась пальба с обеих сторон, но князь Голицын стал нас побивать* [СД № 1, л. 132 об.: 95]; *И оной Василей сказал: «Здесь много приходит всяких беглых, и отсюдова только нужно провесть чрез заставу, а там-де пойдут на Ветку и,* ***малое время*** (минимум несколько суток – Н. М.) *побыв там, прямо придут на Добрянской фарпост и скажутся выхотцами, такде им с фарпоста и дают билеты в те места, куда кто пожелает, на поселение»* [СД № 3, л. 247 об. - 248: 140].

Периодичность выражена в документах единицами *во все время* ‘всегда’, *временем* ‘иногда’, *в (разные) времена* ‘непостоянно’. Напр., *Как он с толпою пришол в Сакмару, то казаки ему не противились, да и противитца им было нельзя, потому што оне* ***во все время*** *были в его толпе, а пошли в Сакмару тогда, когда он, Емелька, пошол из Берды* [СД № 3, л. 323 об.-324: 193]; *Но и в самом деле обещал он* (раскольник Шолохов – Н. М.) *Пугачеву делать вспоможение и присылал неоднократно милостины, давал*

ему ***в разные времена*** *по нескольку денег* [СД № 2, л. 54: 113]; *Вина же я тогда не пил и* ***временем*** *молился богу, почему колодники, также и солдаты почитали меня добрым человеком* [СД № 1, л. 66: 109]. Последний пример дает дополнительные штрихи к языковому портрету Ем. Пугачева, «доброго человека».

Таксон *во время* употребляется в памятнике в значении ‘чрез время, в течение какого-л. срока’. В словарной статье отмечается сокращение употребления данной единицы в языке XVIII в. [СРЯ XVIII вып. 4: 131], поэтому неудивительно, что в тексте она встречается только один раз в прямой речи мужиков, встреченных Пугачевым у реки Кумы по дороге на Терек: *«Пожалуй, покажем* (где спрятано золото – Н. М.)*, пусть* ***во время****, кали случитца, то хотя ты детям своим покажешь»* [СД № 3, л. 241 об.: 136]. Как отмечает Р. В. Овчинников, Пугачев действительно поехал на Терек и был там, но рассказ о приключениях в прикумской степи и о находке спрятанного золота явно носит фантастический характер [СД: 361].

Таким образом, околоядерную зону ЛФП «Время» составляют 33 языковые единицы в 142 употреблениях, в основе которых заложены характеристики цикличного времени.

2.2. Языковые единицы зоны цикличности ЛФП «Время»

Зона цикличности в ЛФП «Время» представлена 90 языковыми единицами в 1398 употреблениях. Цикличность в следственном деле Ем. Пугачева выражается (помимо слова *время*) и через лексему *пора*, хотя принято считать, что она передает лишь один аспект значения *времени* – ‘время, период с определением определенного времени года, суток, сезонных работ, царствования’ [СРЯ XI-XVII вып. 17: 106]; ‘время, час, доба, година и срочное время, срок; удобное к чему-либо время’ [Даль т. 3: 310]. Но, как верно замечает Е. С. Яковлева, можно выделить два типа употребления данной лексемы: *пора* в значении существительного (номинативное употребление) и *пора* в значении предиката (предикативное употребление). В обоих случаях семантика лексемы *пора* существенно отличается от значения лексемы *время*, так как уже в обычных словосочетаниях лексемы *пора* с прилагательными заложена характеристика природной цикличности (*утренняя пора, вечерняя пора, весенняя пора* и др.).

Такое же отражение цикличности мы наблюдаем в допросных речах Ем. Пугачева, хотя сама лексема *пора* употреблена там только семь раз как грамматический центр трех УСК: *ночная пора, рабочая пора, с тех пор.* Ср. *Чего мы изпужавшись, согласясь,* ***ночною порою*** *поехали…*[СД № 1, л. 118: 76]; *Потом из Познани выступили в местечко Кравин, где* ***ночною порою*** *напали на передовую казачью партию…* [СД № 1, л. 100 об.: 57]; *Из своей же братьи казаков в кумовья не позвал для того, что в то время была* ***пора рабочая,*** *и все были в поле* [СД № 3, л. 232: 129]; *И* ***с тех пор*** *уже под всеми злодейскими указами подписывался он, Шванович, вместо самого злодея по латыни «Петер»* [СД № 2, л. 58: 117].

Лексема *пора* и близкие к ней по значению языковые единицы называют не простую ‘последовательность существования индивидуума’, а традиционно повторяющиеся природные явления, наступающие независимо от человека, что и определяет их дополнительный комплекс сем. Данные таксоны составляют зону цикличности. Можно выделить два основных цикла, свойственных индивидуальному времени, времени жизни человека, – суточный и годичный. Более крупные временные циклы характерны для исторического времени, времени жизни общества, государства, цивилизации. На этом основании данные языковые единицы зоны цикличности нами разделены на две основные группы:

1) таксоны, называющие части суточного цикла;
2) таксоны, называющие части годичного цикла.

В эти группы входят лексемы и УСК с конкретным временным значением (*утро, день, весна, май* и т. д.). Но в процессе сплошной выборки нами выделены и другие лексемы со значением цикличности, которые объединены в третью группу – таксоны наречного типа со значением повторения и возобновления.

2.2.1. Таксоны со значением суточного цикла

Сутки являются для человека наименьшим временным периодом, который характеризуется определенной законченностью деятельности, заключенной между пробуждением и новым отходом ко сну. Поэтому таксоны со значением суточного цикла мы объединили в **первую группу**, насчитывающую 21 единицу в 224 употреблениях с дополнительным комплексом сем ‘точка или отрезок суточного цикла’.

Выделение наименования частей суток в разных языках мира давно является объектом изучения лингвистов, так как результаты исследования дают возможность детальнее охарактеризовать ЯКМ той или иной нации, выяснить принципы обозначения частей суток и их соотношение в разных языках.

По наблюдениям А. Д. Шмелева, «эквивалентность для названий частей суток оказывается в значительной степени мнимой, поскольку в основе членения суток на периоды для русского человека кладутся несколько иные принципы, нежели для западных языков. При этом указанные различия могут быть связаны с расхожим представлением, согласно которому русские обращаются со временем в целом более вольно, нежели жители Западной Европы» [Шмелев 2002: 57]. Как замечает автор, в западном представлении членение суток зависит от объективированного времени, и сутки структурируются в первую очередь полуночью и полуднем. Не случайно и в современных электронных часах есть деление на до- и послеполуденное время.

Для русского менталитета характерно деление суток на части в зависимости от того, что человек делает в период времени, о котором идет речь. Такое противопоставление западного и русского менталитетов заро-

дилось не сегодня. Оно четко прослеживается и в памятниках XVIII столетия, в чем мы убедились, изучая материалы следственного дела.

При поверхностном взгляде на языковые единицы ЛФП «Время» их можно охарактеризовать как противопоставленные друг другу: называющие *утреннее время* и *ночное, свет* и *тьму*, при том что в памятнике употребляется только 3 основные языковые единицы со значением ‘отрезок, равный 24-м часам’: *сутки, целые сутки* и *тот (же) день*. Именно в этих таксонах, употребленных 47 раз, заключена семантика всего суточного интервала.

Таксон *сутки*, благодаря своей однозначности – ‘день и ночь вместе, разделяемые на 24 часа; время, в один оборот земли около оси своей’ [Даль т. 4: 364], – употребляется Пугачевым для обозначения времени, в которое производилось одно и то же действие: *Войдя во оной, забрав пушки и гоубицу, вышел в стан и, простояв* ***сутки****, пошел к Камышенке* [СД № 1, л. 136 об.: 101]; *Тут* (на Авзяно-Петровском заводе – Н. М.) *был* ***сутки*** [СД № 1, л. 133: 97]. Два раза в тексте встречается УСК *целые сутки*, причем в обоих примерах речь идет о переносимых трудностях, и прилагательное подчеркивает это: *Ехали они степью* ***целыя сутки*** *без воды…*[СД № 3, л. 350 об.: 211]*; Скакали мы мимо Царицынскаго села и далее, не кормя лошадь* ***целыя сутки****, и приехали в одну деревню…*[СД № 1, л. 111: 68].

Слово *день* в русском языке является многозначным. В СРЯ XVIII в. зафиксировано 4 его ЛСВ: 1) ‘время между восходом и заходом солнца, светлая часть суток’; 2) ‘сутки, одна седьмая часть недели’; 3) ‘календарная дата, число месяца’; 4) *обычно мн.* ‘время, пора’ [СРЯ XVIII вып. 6: 95-96]. Как видим, *день* может употребляться в значении и всего суточного цикла (2-й ЛСВ), и отрезка суток (1-й ЛСВ), и как линейный таксон (3-й ЛСВ), что мы и наблюдаем в следственном деле Ем. Пугачева.

Так, в следственном деле УСК *тот (же) день* употребляется 39 раз в значении ‘сутки, одна седьмая часть недели’: *И сказав оной Скоробогатой,* ***тот же день*** *пошол он, Емелька, в войсковую канцелярию* [СД № 3, л. 234: 131]; ***В тот день****, когда условились они бежать, подарили тюремному надзирателю 10 копеек* [СД № 2, л. 55: 114].

Указательное местоимение в УСК придает языковой единице линейную характеристику и позволяет расположить событие в хронологической цепи по данным контекста относительно других таксонов. Но особенность допросных речей Ем. Пугачева в том и состоит, что в памятнике наблюдается или скопление циклических таксонов, или отсутствие таковых вообще, что затрудняет выстраивание хронологической цепи. Напр., *Прибежав в Берду, призвал я* ***тотчас*** *<…> многих ближних своих старшин <…> и требовал от них совета, куда нам* ***теперь****, — против ли князя Голицына з достальною силою вооружитца, или в другое место следовать?* ***Тогда*** *все мне присоветывали, чтоб обойти князя Голицына мимо, итти чрез Сорочинскую крепость в Яицкой городок <…>* ***На другой день****, пришед ко мне,*

старшины доносили на Григорья Бородина <…> И так ***в тот же день****, собравшись совсем, выступили из Берды <…> И пошли мы чрез степь на Сарочинскую крепость. Не дошед до оной верст за сорок <…> возвратились назад и пошли на Каргалу <…> Ис Каргалы выступил я в Сакмару <…> Пришед в Сакмару, стали по квартирам* [СД № 2, л. 55: 114]. Если придерживаться исходного текста, то все описанные события произошли в течение двух-трех дней, по данным же историков – в течение 9 дней (с 25 сентября по 2 октября 1773 г.) [СД: 385-386]. Этот факт позволяет нам говорить о преимуществе цикличных характеристик в УСК *тот (же) день.*

Для Пугачева новый день начинался, как и для многих прочих обывателей, с того момента, когда он просыпался – с *утра*. Поэтому анализ языковых единиц со значением ‘отрезок суточного цикла’ мы выстроили в хронологическом порядке – *с утра* до *ночи*. По своим дополнительным комплексам сем анализируемые таксоны делятся на следующие подгруппы: 1) ‘утро, начало, первая пора дня от восхода солнца’; 2) ‘день’; 3) ‘пора между концом дня и началом ночи, время около заката солнца’; 4) ‘ночное время суток’.

Утренний промежуток времени, до полудня, представлен в допросных речах 4-мя таксонами в 31 употреблении: *чем свет, поутру, утро, утренняя заря,* – которые объединены нами в первую подгруппу с дополнительным комплексом сем ‘утро, начало, первая пора дня от восхода солнца; все время дня, до полудня; все время до обеда, то есть нередко до вечера’ [Даль т. 4: 522]. По своей частеречной принадлежности таксоны находятся в разных разрядах: 1) языковые единицы с предметной семантикой (*утро, утренняя заря*), входящие в зону ближней периферии и 2) языковые единицы с наречной семантикой (*чем свет, поутру*). Каждый из 4-х таксонов имеет свой дополнительный комплекс сем, позволяющий сужать временной отрезок.

Семантика лексемы у*тро* является наиболее общей, и потому она может использоваться при описании самых разных ситуаций: *После того как повешены [были] вышеозначенные одиннатцать человек за речкою Чеганом, того же* ***утра*** *пошол он* (Ем. Пугачев – Н. М.) *со всею своею воровскою артелью, коей уже набралось сот до пяти, и все яицкие казаки, опять к Яицкому городку* [СД № 3, л. 292 об.: 170]. Из контекста становится понятно, что под *утром* понимается не *‘начало, первая пора дня’*, а более поздний промежуток времени, так как до похода на Яицкий городок Пугачев успел приказать казнить «одиннатцать человек связанных» и казака Шкворкина, предварительно его допросив. В это же утро «государь» принял татарского муллу, говорил с ним «чрез перевотчика» и передал два письма к Мурали-хану, написанные тут же. После этого он успел осудить, а затем, помиловав, определить писарем к Почиталину сержанта, посланного от коменданта Яицкого городка. Так что утреннее время в приведенном примере можно определить как близкое к полудню.

В другой ситуации та же самая лексема *утро* приобретает иной смысл, чему способствуют рядом стоящие предлоги: *А как блиско подошли* (войско Пугачева – Н. М.), *то ис крепости закричали, что воевать не хотят, а здадутся: «Только дайте-де* ***до утра*** *время»* [СД № 1, л. 135, с . 99].

Таким образом, можно говорить о том, что в наименованиях частей суток заложена циклическая характеристика, так как в названии начала цикла может быть заложено значение его конца.

Более употребительной у Пугачева оказалась лексема *поутру* - ‘утром, рано утром’ [СРЯ XI-XVII вып. 18: 41]. Она встречается в памятнике 25 раз и способствует локализации во времени ситуаций, только что возникших или возобновившихся после перерыва на ночь. А. Д. Шмелев замечает, что слово *поутру* «чаще всего выступает как синоним *наутро*, то есть значит ‘утро следующего дня’» [Шмелев 2002: 65].

В нашем же случае можно говорить о двух значениях таксона *поутру*: 1) ‘утро следующего дня’ и 2) ‘рано утром’: *И отдал приказ, что* ***поутру*** *будет к городу генеральный приступ, и когда де из вестовой пушки будет выстрел, то и со всех батарей по городу производить пальбу, что было и исполнено* [СД № 1, л. 127 об.: 87); *А* ***поутру*** *Авчинников по предательству илецких казаков в Илек вошол и атамана Портнова зааресствовал, а мне дал знать чрез казака* [СД № 1, л. 123 об.: 82]. Часто Пугачев в своем рассказе уточняет время, тем самым описывая события всего дня, то есть суточного цикла: *И,* ***начевав*** *на том месте,* ***поутру*** *поехал оной Алексей прямо на оной Коровкина хутор, куда и приехали* ***на вечер*** [СД № 3, л. 245 об.: 138]. Конечно, деепричастный оборот в конкретном случае уточнял местопребывание Пугачева ночью, но в общем контексте он стал фрагментом целостной картины, очерченной сутками.

Уточнение в виде УСК *на другой день* позволяет придать описанию линейную направленность: *Как он, Емелька, стал еще збиратца под Красногорскую крепость, то* ***на другой день поутру*** *оной Иван Иванов, пришод к нему в кибитку, говорил*…[СД № 3, л. 331 об.: 198-199]. Такое временное «поведение» является показательным для памятника.

Выделение второго значения *поутру* – ‘рано утром’ продиктовано наличием уточнения лексемы *поутру* наречием *рано*, которое само по себе является выражением цикличности, о чем мы будем говорить позже. Оно означает ‘заранее, загодя, до часу, до поры, о которой речь’ [Даль т. 3: 231]: *На другой же день* ***рано поутру*** *выступил из Берды, встретил ево* (полковника Чернышева – Н. М.)*, не допущая до Оренбурга верст пять на Общем Сырту у Маяшной горы* [СД № 1, л. 128 об.: 89].

Таким же уточняющим значением обладает и УСК *чем свет*, который в определенном контексте вступает в синонимические отношения с наречием *рано*: <…> *но оные* (солдаты Троицкой крепости, которую занял в тот день Пугачев – Н. М.) *просили ево, Емельку, чтоб он их начевать отпустил в крепость, а они-де* ***чем свет поутру*** *к нему явятца* <…> *Но* ***по-***

утру рано *пришол к той крепости генерал Деколон и оною овладел…*[СД № 3, л. 327-327 об.:195].

Пожалуй, самыми точными временными рамками с основным значением *утра* обладает УСК *утренняя заря (зоря)*. Смыслообразующим элементом в УСК является таксон *заря* – ‘яркая освещенность неба над горизонтом перед восходом солнца’ [СРЯ XVIII вып. 8: 82], что и определяет дополнительный комплекс сем. Но примечательно, что по данным словаря эта лексема имеет еще одно значение, которое начинают фиксировать именно в XVIII веке, военное – ‘сигнал, подаваемый к утренней или вечерней поверке’ [СРЯ XVIII вып. 8: 82]. Оба употребления рассматриваемого УСК относятся к военной тематике, но опосредованно. Так, в одном случае говорится о планировании военных действий: <…> *и дал приказ* (Ем. Пугачев – Н. М.) *тому посланному, чтоб* ***на утренней зоре*** *палить ис пушак, естли и Корфа на себя не наждут. Сие для того зделать приказано было, чтоб оренбургских обмануть, бутто идущей к ним на сикурс бригадир моими людьми атакован и, неравно выслан будет корпус туда на сикурс, так оных перехватить…*[СД № 1, л. 126 об. – 127: 86]. В другом примере мы наблюдаем констатацию свершившегося факта: *И* ***на утренней заре*** *было сражение, на котором я был разбит, потерял почти всех людей, пушки, двух малолетних дочерей и весь ограбленный мною во многих местах багаж* [СД: № 1, л. 137 об.: 102].

Так что приходится, на наш взгляд, говорить о преобладании чисто временной семантики у таксона *заря* в следственном деле. Принятие Пугачевым решений о военных действиях, как видим из приведенных выше примеров, носило скорее стихийный характер, нежели плановый.

День – это второй отрезок суточного цикла, на который приходится вся трудовая деятельность человека. Но, как мы уже отмечали выше, лексема *день* употребляется в памятнике со значением ‘сутки, одна седьмая часть недели’, а дополнительный комплекс сем ‘время между восходом и заходом солнца, светлая часть суток’ заключен в семантическом синониме слова *день* – в УСК *с утра и до вечера*: *Но ис пушак* ***с утра и да вечера*** *как от меня з батарей, так из города перестреливались по самую ночь* [СД № 1, л. 127 об.: 87-88]. Помимо УСК *с утра и до вечера,* во вторую подгруппу входят 3 языковые единицы: *полдни (пополудни), передневав, обед*, – причем два последних таксона структурно относятся к дальней периферии.

Четыре единицы второй подгруппы употребляются в тексте следственного дела нечасто (1, 2, 1 и 5 раз соответственно). Это указывает на специфику семантики таксонов данной подгруппы: все единицы, не считая УСК, содержат сему времени, однако она не является в их семантической структуре ведущей.

Как мы уже отмечали выше, общепризнанными структурирующими границами суток являются *полночь* и *полдень*. Но слово *полдень* многозначно, причем в следственном деле этот таксон употребляется в 5-м ЛСВ ‘время, близкое к полудню, полуденная пора; полдень’ [СРЯ XI-XVII вып.

16: 201-202]: *Но погодя часа с три, и имянно, как* ***в*** *самые* ***полдни****, паки они попросились оба с Дружининым к попу у афицера, который их отпустил за тем же караулом* [СД № 3, л. 270 об.: 156].

В значении таксона *передневать* главным является действие, осуществляемое через призму времени, – ‘провести день где-л.’: *Под Татищевою* ***передневав****, пошол он* (Пугачев – Н. М.) *с толпою в Чернореченскую крепость…*[СД № 3, л. 300: 176].

Таксон *обед* употребляется в следственном деле пять раз, и во всех этих случаях он обозначает середину дня, сопровождаемую обычно ‘главной дневной едой, принятием пищи, отличным от завтрака и ужина’ – ‘время обеда’ [СРЯ XI-XVII, вып. 12: 25-26]: *От оной деревни ехали они* ***до обеда****…*[СД № 3, л. 334 об.: 201]; *И как положено было подкоп произвесть в действо на другой день* ***в обед****, то ночью, пришед ко мне, казак Григорей Антипов репортовал, что из городка в ту ночь ис казаков переметчик ушол и сказал в ретранжаменте о принятом нами намерении* [СД № 1, л. 131-131 об.: 94].

Для носителей русского языка *утро* противопоставляется *вечеру* как период перед началом дня, с его заботами, периоду после окончания дня. Лексемы, характеризующие окончание дня, и составляют третью подгруппу с дополнительным комплексом сем ‘пора между концом дня и началом ночи, время около заката солнца’ [Даль т. 1: 189].

В изучаемом памятнике нами выделено только три единицы с данным значением: *вечер, ввечеру* и *вечером* – в 21-м употреблении. Как и в первой подгруппе, данные лексемы являются существительными и наречиями, поэтому образуют разные разряды. Кроме того, они по своей семантике не могут точно регламентировать те отрезки времени, которые обозначают. Правда, В. И. Даль дает более развернутое семантическое описание слова *ввечеру* (‘около сумерок, незадолго до или по закате солнца’ [Даль т. 1: 170]), чем для слова *вечер* (‘обычно с 6-ти или 7-ми часов по полудни до полуночи’ [Даль т. 1: 189]). Естественно, что в зимний период *ввечеру* и *вечер* могут приходиться на один и тот же промежуток времени. Составители же СРЯ XVIII в. указывают лишь на то, что лексема *ввечеру* является наречным образованием и тождественна наречию *вечером.* Это не противоречит примерам из допросных речей. Ср. *А потом* ***того вечера*** *перешли речку Чиган и тут начевали* [СД № 3, л. 288: 169]; *И начевав на том месте, поутру поехал оной Алексей прямо на оной Коровкина хутор, куда и приехали* ***на вечер*** [СД № 3, л. 245 об.: 138]; *Но как пришли они к татарским кибиткам* ***вечером****, то уже тут и начевали* [СД № 3, л. 286: 167]; *А* ***ввечеру*** *тогож дня, то есть на другой день после Крещенья 773 году, из Синбирска послали его под караулом же в Казанскую губернскую канцелярию…* [СД № 3, л. 263: 150]. В общем, вечер для Пугачева и его соратников знаменовал собой, в основном, окончание дня и подготовку к ночлегу, что не расходится с общепринятым русским восприятием. Лишь в двух примерах из двадцати одного с данными лексемами мы находим подтверждение

активной деятельности государственного человека: <…> *и* ***вечером*** *привели к нему объезжие казаки посланного с указами <…> чтоб его, Емельку, ловить как можно везде. И он, Емелька, велел того салдата повесить, а указы изодрать. А того ж дня* ***вечером*** *оные оставшие в крепости казаки привели к нему, Емельке, пять человек салдат да каменданта Билова жену с тем, что они хотели ис Татищевой бежать и дать весть в Оренбурхе, что он, Емелька, овладел крепостию <…> и он, Емелька, велел их повесить* [СД № 3, л. 300-300 об.: 176].

Таким образом, несмотря на малочисленность (всего 3) таксонов третьей подгруппы с дополнительным комплексом сем ‘пора между концом дня и началом ночи, время около заката солнца’, можно говорить об их многофункциональности, потому что посредством этих языковых единиц могут быть переданы различные временные интервалы. Кроме того, общепринятое противопоставление *утро – вечер* полностью совпадает с жизненным ритмом носителей русского языка XVIII в.

К четвертой подгруппе относятся пять лексем и два УСК (*ночь, ночью, ночное время, ночная пора, но(а)чевать, ночлег, полночь*), которые были употреблены в следственном деле 107 раз. Их объединяет дополнительный комплекс сем ‘ночное время суток’ [СРЯ XI-XVII, вып. 11: 433].

Данная подгруппа является самой многочисленной и по количеству единиц, и по их употребительности в группе таксонов, называющих части суточного цикла, что неслучайно, так как именно темное время суток было самым продуктивным в жизни Пугачева и его товарищей. Ночью происходили все важные события: от побегов, заговоров до проведения военных операций. Опыт ночных военных действий будущий военачальник вынес из своей службы в правительственных войсках. Ср. *Потом из Познани выступили в местечко Кравин, где* ***ночною порою*** *напали на передовую казачью партию прусаки и, хотя урону большаго не было, однакож, учинили великую тревогу* [СД № 1, л. 100 об.: 57]; *Потом перешол я в другой лагирь близ Берды и приказал делать под городом три батареи (сие было* ***ночью****)* [СД № 1, л. 127 об.: 87]; *Чего мы изпужавшись* (правительственной сыскной команды – Н. М.)*, согласясь,* ***ночною порою*** *поехали, тут же и Мясников, на речку Усиху, разстоянием от Кожевникова хутора верст тритцать...* [СД № 1, л. 118: 76]; *Провожатому ж за ним* (Пугачевым – Н. М.) *в Синбирск червонных ни одного не давывал, а только было у него денег мелких один рубль денежек и полушек, то как умышлял он оных провожатых обмануть, чтоб они его отпустили, то, в санях лежа, сунул одному из них, молодому провожатому, завернув в буманшку* (sic!)*, дватцать копеек в руки и сказал: «Вот вам червонныя, только, пожалуйте, отпустите меня». Сие зделал он с тем вымыслом, дабы они, польстясь оными деньгами, его, как то было* ***ночное время****, не разсмотря, что то были медные деньги, из саней выпустили* [СД № 14, л. 448-448 об.: 232]; *Но как ходил от них из лесу в город сын Дружинина и проведал, что уже в доме Дружинина стоит караул, то они тою ж* ***ночью*** *чрез город проехали так,*

что никто их не видал [СД № 3, л. 271 об.-272: 156-157]. Как видим из примеров, таксоны *ночь, ночью, ночная пора* и *ночное время* употребляются при описании одного и того же времени суток.

Лексема *полночь* означает более конкретный временной интервал – ‘1. Середина ночи; время, близкое к полуночи’ [СРЯ XI-XVII вып. 16: 227-228], но, при большом количестве описанных ночных событий, Пугачев лишь четыре раза соотносит свои действия со временем: *А я того ж часа, уже не отлагая времяни, дабы не успели ис под колокольни выбрать порох <...> приказал в подкоп положить пороху тритцать пуд и зажечь* ***в*** *самую* ***полночь*** [СД № 1, л. 131 об.: 94].

Естественно, что ночь – это и время отдыха для Пугачева и его соратников, о чем свидетельствует большое количество употреблений (48 раз) лексем *ночевать (начевав, перено(а)чевав, переначевал)* и *ночлег.* Данные таксоны находятся на дальней периферии, так как, несмотря на несомненную временную семантику, основной в их семантической структуре является категориальная сема действия, процессуальности – ‘проводить (провести) ночь (где-л.) // проводить ночь где-л. по служебной необходимости’ [СРЯ XI-XVII вып. 11: 431].

Таким образом, употребление таксонов четвертой подгруппы свидетельствует об активной жизнедеятельности Пугачева и его товарищей в темное время суток, что несколько расходится с общепринятыми нормами жизни простого человека, с одной стороны. С другой стороны, ночная деятельность является неотъемлемой частью жизни таких людей, как военные или разбойники. Из допросных речей видно, что предводитель бунтовщиков не гнушался и темных дел.

2.2.2. Таксоны со значением годичного цикла

Во вторую группу зоны цикличности объединены таксоны, ядерным комплексом сем для которых является ‘последовательность существования индивидуума’, а дополнительным — ‘точка или отрезок годичного цикла’. Год – ‘период времени в 12 месяцев’. «Земля совершает путь свой около солнца в год, и год не что иное есть, как время, которое земля полагает на описание круга своего около солнца» [СРЯ XVIII, вып. 5: 150]. Именно за этот цикл проходили все сельскохозяйственные работы (а это важно, так как и в XVIII в. Россия еще оставалась аграрной страной), что являлось той традицией, которая постоянно реализовывалась на практике. Примечательно, что времена года в народном календаре ассоциировались с частями суток (весна – утро года, лето – день, осень – вечер, а зима – ночь) и представляли собой замкнутый цикл.

Анализ 27 таксонов в 82 употреблениях, вычлененных из следственного дела Ем. Пугачева, позволил нам выделить 3 подгруппы, языковые единицы которых обозначают различные части годичного цикла, вербализуя концепт «ВРЕМЯ»:

а) языковые единицы, называющие времена года;

б) языковые единицы, называющие месяцы;

в) языковые единицы, служащие названиями религиозных праздников и обрядов.

Первая подгруппа представлена восьмью единицами, которые встречаются в тексте 29 раз и объединены дополнительным комплексом сем ‘время года’. Названия четырех времен года: *лето, осень, зима, весна* – образуют первый разряд, относящийся к ближней периферии анализируемого поля.

Необходимо отметить, что деление года на четыре сезона, четыре поры имело немаловажное значение для носителей русского языка XVIII в. Это деление совпадало, как говорилось уже выше, с циклом сельскохозяйственных работ: весна – посев, лето – уход за растениями, осень – сбор урожая и зима – его употребление, подготовка к новому сезону, отдых. Примечательно, что временные рамки годичных циклов не были четко регламентированы, как в настоящее время. Смена времен года происходила в зависимости от погодных условий (что и сейчас является отправной точкой в фенологии), благоприятных для определенного этапа работ. И хотя на Руси еще с принятием христианства появился юлианский календарь, реформированный Петром I в 1700 году (указ от 19 декабря 7208 г., по которому менялись дата начала года и летоисчисление – от рождества Христова), для большинства жителей аграрной страны времена года были связаны именно с традиционными работами и не имели четкой датировки.

Таксоны с дополнительным комплексом сем ‘время года’ из следственного дела Ем. Пугачева обозначают время военных действий или событий, связанных с политикой. Обыкновенно эти сферы жизни предполагают четкое хронометрирование, но Пугачевым они фиксируются посредством названий времен года. Это объясняется тем, на наш взгляд, что у «государственного злодея» непривычная для него политика и размах военных действий скрестились с близкими для него народными традициями и устоями. Ср. *А потом, как объявлена была с турками война* (речь идет о Русско-турецкой войне 1768-1774 гг., в которой Пугачев участвовал в кампаниях 1769-1770 гг. – Н. М.), *то камандирован он, Емелька, в каманде полковника Ефима Кутейникова, атамана Тимофея Грекова с другими его братьею казаками в Бахмут, где и зимовали. А* ***по наступлении весны*** *пошла сия каманда под Бендеры, где были с турками и сшибки; но как Бендер взять было неким, что мало людей, то и отошла сия каманда прочь. По прошествии* ***того лета*** *оной полковник Кутейников с оною камандою зимовали на реке Донце в двух селах — Веревкине и Протопоповке. А* ***по прошествии зимы***, ***весною*** *пошел полковник Кутейников с своею камандою под Бендеры в каманду графа Панина, а ис-под Бендер, по взятии оных, — в Елисаветгород пришла сия казачья каманда на зимовыя квартиры, и стояла оная каманда в селе Голой Каменке, где он, Емелька, был весьма болен, и гнили у него грудь и ноги* [СД № 3, л. 232-232 об.: 129-130] .

Примечательно, что расплывчатость временных рамок мы можем наблюдать и в цитатах, где события излагаются от 3-го лица: *По пришествии ж* ***зимы*** *куда б он* (Пугачев – Н. М.) *иттить был намерен и какое еще зло делать, – о том никакого размышления на скверное его серце не приходило…*[СД № 3, л. 350: 211]; *Колонистов пятьдесят человек у него* (Пугачева – Н. М.) *было, да и те в его толпу взяты* ***нынешним же летом****, как уже ис Казани злодей бежал, а отстали от нево под Царицыным, как Михельсон розбил его толпу* [СД № 3, л. 356 об.: 215]. Вопросы следователей, для которых точность должна быть одним из главных качеств, также «грешат» неконкретностью: *После отъезду из Яика разнесся тотчас слух, что проявился государь, и уже казаки сбирались толпами, приготовляясь тебя, Емельку, под званием покойнаго государя Петра Третьяго встретить* ***весною****, то есть 1773 года; и когда открыл ты прямое звание свое, Емельки Пугачева, Чике и Караваеву, то с какой надеждой чаял, открыв оное, утвердить себя в высоком звании государя Петра Третьяго, и не имел ли от кого в том обнадеживания?* [СД № 2, л. 60 об.: 119].

Для уточнения временных рамок служат имена (существительные, прилагательные и местоимения), которые можно условно разделить на указательные языковые единицы и единицы, покрывающие определенный временной интервал. Таксоны с указательной семой образованы по формулам относительное П + С в Т.п. *(нынешней осенью, нынешним летом)* или указательное М + С* в Р.п.: *(того лета)*. Другая часть единиц первой подгруппы может характеризовать как весь временной интервал (*целую зиму*), так и отдельные его этапы (*по наступлении весны, по прошествии зимы*)

К первой подгруппе примыкают две лексемы и два УСК, относящиеся к дальней периферии. Интегральным компонентом их значений является комплекс сем ‘жить где-либо в течение зимы, проводить где-либо зиму’ [СРЯ XVIII, вып. 8: 179-180]. Как мы уже говорили выше, зима – время отдыха и подготовки к следующему сезону в сельскохозяйственных работах. По нашим наблюдениям, такое же значение придавалось *зиме* и в регулярных, и в повстанческих войсках.

Эти таксоны, в отличие от основных единиц первой подгруппы, представлены двумя процессуальными единицами *(зимовать, перезимовать)* и двумя УСК, состоящими из существительного и относительного прилагательного, в котором и заключено временное значение *(зимовыя (зимния) квартиры)*. Ср. *По прошествии того лета оной полковник Кутейников с оною камандою* ***зимовали*** *на реке Донце в двух селах* [СД № 3, л. 232 об.: 130]; *Потому то он* (Пугачев – Н. М.)*, удаляясь от драки, и пошел, оставя Царицын мимо, ибо прямое его намерение было, штоб, дошед до Черного Яру, идти прямо в Яицкой городок и тут остаться* ***зимовать****…*[СД № 3, л. 349 об.: 211]; *А как оныя взяли* (Бендеры – Н. М.)*, то выступили на* ***зимния квартиры*** *в город Елисавет* [СД № 1, л. 102: 58].

* С – существительное, П – прилагательное, М - местоимение

Связь данных таксонов и языковых единиц первой подгруппы со значением времен года несомненна, так как уже в структуре их значения отражены действия человека через призму времени; время как бы сопровождает, ограничивает событие или действия, совершаемые человеком. Это мы уже наблюдали в зоне дальней периферии первой группы у таксонов *ночлег, ночевать* и *передневать*.

Вторая подгруппа, объединяет языковые единицы, которые, кроме комплекса сем ‘отрезок годичного цикла’, имеют дополнительный – ‘единица исчисления времени, равная одной двенадцатой части года, название месяца’ [СРЯ XVIII, вып. 12: 150]. В ней насчитывается четыре лексемы *(май, август, ноябрь, декабрь)* в 12-ти употреблениях.

Естественно, что названия месяцев, наряду с семой цикличности, содержат сему линейности, когда обозначают конкретную точку на оси конкретных событий. Такие случаи будут рассмотрены позже. Но языковые единицы второй подгруппы отражают в основном циклическое восприятие времени, так как не указывают на конкретное время, а лишь примерно очерчивают его в пределах месяца. Пугачеву и тем, кто его допрашивал, важно было обозначить точку происходящих событий в годичном периоде. Ср. *Побыв в лагири* ***по ноябрь месяц****, вступил я со всею толпою в квартиры в слободу Берду* [СД № 1, л. 128: 88]; *С тою надеждою прибыл злодей на Яик и делал обнадеживания, открывшияся в секретной коммисии по допросу Дениса Пьянова, которой* ***в начале мая*** *умер* [СД № 2, л. 51 об.: 110]; *С коего фарпоста с данным* ***в августе месяце*** *пашпортом вышел в Россию и был в городе Яике* [СД П II, л. 2: 240]. И снова ограничительную и уточняющую функцию выполняют предлоги и наречия, что позволяет говорить о доминировании циклической семы в единицах данной подгруппы.

В исследуемом же памятнике основой второй группы с интегральным комплексом сем ‘точка или отрезок годичного цикла’ являются лексемы и УСК, которые обладают дополнительным комплексом сем ‘религиозные праздники и обряды как точка годичного цикла’. Они составляют третью подгруппу**.** В следственном деле фигурируют 15 названий праздников и религиозных обрядов в 41 употреблении.

Таксоны третьей подгруппы, бесспорно, обладают семой цикличности, так как за каждым праздником и обрядом была закреплена не только религиозная семантика, связанная с определенными этапами жизни Иисуса Христа и его сподвижников, но и четко определена и регламентирована жизнь простого человека во всех ее сферах за период одного годичного цикла.

Нам показалось логичным выстроить анализ языковых единиц в хронологическом порядке, начиная с *Рождества Христова*, тем более что именно этот таксон является самым употребляемым в допросных речах — он встречается в тексте 9 раз.

Рождество Христово (*Рожество, Рожество Христово*) – один из главных великих праздников, который постоянно празднуется 25 декабря (даты всех праздников приведены по старому стилю). Ему предшествуют пять предпраздничных дней и первый сочельник (или *Навечерие Рождества Христова*), когда всем православным христианам положено после шестинедельного поста дома готовить кутью и взвар, молиться и размышлять в спокойствии о значении грядущего праздника. Для Пугачева и его соратников эти дни были наполнены далеко не благостными размышлениями, а подготовкой к предстоящим переменам. Ср. *Потом помянутой афицер Шванович ходил к нему почасту, и он, Емелька, в одно время, и имянно* ***в Рожество Христово****, увидя Шваныча, спросил, откуда он? <…> и потом спросил ево: «Умеешь ли ты по-немецки?» Шванович сказал: «Умею». И он, Емелька, дав ему бумаги лоскут, велел написать по-немецки <…> и потом сказал: «Хорошо пишишь. Так будь же ты в Военной моей коллегии. Как там што по-иностранны случитца писать, так пиши»* [СД № 3, л. 311 об.: 184]*; А* ***за два дни до Христова Рожества****, взяв лошадь и приказав жене, чтоб приготовила харчю, что она и исполнила, он, Емелька, сказав жене своей, что он поедит на Терек, и кали ево тамо примут, то он и за нею приедит…* [СД № 3, л. 240-240 об.: 135]. Последний пример очень показателен с точки зрения отношения Пугачева к богу и религии: с одной стороны, бунтовщик постоянно подчеркивает, что является добродетельным христианином, с другой – нарушает церковные правила и обычаи, вспоминая о боге и церковных праздниках всуе. Исполнение обрядов для него не более чем привычная традиция, передаваемая из поколения в поколение; недаром он, сам нарушая христианские заповеди, жене все же наказывает готовиться к Рождеству в соответствии с канонами православной веры. Откровенным проявлением богохульства можно признать упоминание великих праздников как примерных дат начала восстания: *И около* ***Рожества*** *или* ***Крещения*** (второй великий праздник Богоявления Господня и Крещения Иисуса Христа, постоянно празднуемый 6 января. В тексте эта языковая единица встречается 3 раза. – Н. М.) *с яицкими казаками будет бунт* [СД, П II, л. 2 об.: 240].

Таксоны *Благовещение* (2 употребления)*, Пасха* (8), *Великий пост* (3), *Масленица (сырная неделя*) (2)*, Вербная* (2) и *Страстная* (2) *недели* называют весенние церковные праздники и обряды. Из данных языковых единиц и УСК лишь *Благовещение Пресвятой Богородицы* обозначает постоянно закрепленный праздник (отмечается 25 марта), и, хотя он считается третьим великим праздником в году, но, по замечанию Святого Иоанна Златоуста, является первым по значению и корнем всех праздников. Вслед за ним идет еще один большой христианский праздник – *Пасха,* или *Светлое Христово Воскресенье* (*Праздник, святая Пасха*), когда отмечается воскрешенье Иисуса Христа, или победа Спасителя над злом, жизни – над грехом и смертью, а сама смерть рассматривается как состояние временное, «сон» в ожидании будущей жизни [БЭ 1891: 554]. Это был один из

любимейших народных праздников. Возможно, поэтому таксоны с семантикой данного дня являются вторыми по употребительности в анализируемых документах XVIII в. В следственном деле в 75% случаев этот день называют *Праздником, или Светлым Праздником,* и лишь в 25% случаев – *Пасхой.* Примечательно, что второе название не полностью соответствует сути праздника. Лексема *Пасха* произошла от названия ветхозаветного праздника *Песах* (с древнееврейского ‘прохождение, пощада’), установленного в память об избавлении иудеев от египетского плена. В церковном календаре нет постоянной даты празднования Пасхи. Она обычно отмечается не ранее 4 апреля и не позднее 8 мая, то есть в первое воскресенье после первого полнолуния по прошествии весеннего равноденствия, причем пасхальное воскресенье является первым днем Светлой недели, когда все умершие, жившие праведной жизнью, по христианским представлениям, попадают в рай. Как отмечают исследователи церковных традиций, «на период от Пасхи до Троицы изменяется порядок исчисления дней в неделе: недели начинаются с воскресенья, а не с понедельника, как обычно» [Бондаренко 1998: 142]. Это замечание очень важно для анализа таксонов в изучаемом памятнике, так как, не зная дат праздников и способов их вычисления, почти невозможно понять, о каком отрезке времени идет речь. Напр., *А он [Пугачев], взяв свою лошадь, пошол в дом Коровки, и по приходе жил у оного Коровки* ***до Благовещения*** *за два дни* ***до светлаго Празника****, да и* ***после Празника*** *еще пробыл у него в доме две недели* [СД № 3, л. 246: 139]. И в этом же документе ниже: *По приходе на Белорецкой завод жил он* ***по празнике святыя Пасхи*** *три недели* [СД № 3, л. 325 об.: 194]. В первом примере речь идет о событиях 1772 г., когда *Пасха* приходилась на 15 апреля, и отрезок между *Благовещением* и *Пасхой* составлял период с 25 марта по 15 апреля. Во втором примере говорится уже о событиях 1774 г., когда *Пасха* приходилась на 20 апреля. Таким образом, и для Ем. Пугачева, и для делопроизводителей последней трети XVIII в. важно было не точное датирование с указанием чисел и месяцев, а распределение событий на годовой оси времени, которая имела свои «маркеры» — религиозные праздники.

Нечто подобное мы наблюдаем и в таксонах, называющих определенные отрезки *Великого поста*. Предшествует этому посту *Масленица* – языческий древнеславянский праздник проводов зимы, который был принят церковью как религиозный и стал называться *Сырная неделя,* или *Сыропустная*. *Масленица* не имела точной датировки, праздновалась за 56 дней до *Пасхи* и являлась подготовкой к семинедельному посту, так как уже в эту неделю мясные продукты есть не полагалось. В 1771 году *Сырная неделя* приходилась на 31 января – 6 февраля: *А по прошествии зимы, весною пошел полковник Кутейников с своею камандою под Бендеры в каманду графа Панина, а ис-под Бендер, по взятии оных, — в Елисаветгород пришла сия казачья каманда на зимовыя квартиры, и стояла оная каманда в селе Голой Каменке, где он, Емелька, был весьма болен, и гнили у него грудь и*

ноги. ***Перед Сырною ж неделею*** *прислан был из армии к полковнику Кутейникову ордер, чтоб из оной каманды для исправления казакам лошадьми отпустить при старшине сто человек, по которому ордеру в числе оных ста человек и он, Емелька, отпущен за показанною болезнию…*[СД № 3, л. 232 об.-233: 130].

Данный пример является очень показательным. Именно такое употребление таксонов времени Пугачевым можно наблюдать во всем памятнике: в одном ряду употребляются языковые единицы, называющие события, происходившие в течение больших отрезков времени, и события намного меньшего интервала покрытия. Так, первоначально речь идет о зиме — весне 1769 г., потом сразу же о штурме крепости Бендеры 16 сентября 1770 г. и зиме 1770-1771 гг. Причем время поступления ордера, официального документа, Пугачев называет относительно церковного праздника, а не конкретной датой.

Шесть языковых единиц из 15-ти называют *пост* или конкретные его отрезки. *Посты* являют собой особые «учреждения христианской церкви, имеющие целью содействовать господству в христианине духовно-нравственных стремлений над чувственными» [Бондаренко 1998: 360]. *Великий пост* предшествует *Пасхе* и начинается в понедельник, на следующий день по окончании масленичного заговенья. Каждая из семи недель поста имеет свое название. Нас же интересуют последние две, упоминаемые в памятнике как временные отметки: *Вербная неделя* и *Страстная* (*Страшная*) *неделя*.

Вербное воскресение празднуется за неделю перед *Пасхой* и отмечает вход господень в Иерусалим. После него наступает последняя неделя поста – *Страстная*, когда благословлялись сухоядение, покорность и размышления о грехах человеческих «ради страстей Христовых». Все дни назывались *Великими*, так как именно в эти дни Христос претерпел страдания на кресте за грехи человеческие. Интересно, что для Пугачева этот период времени (*Вербная неделя* – 18-24 марта, а *Страстная* – 25-30 марта 1773 г.) был тоже связан с физическими страданиями, так как он именно в это время содержался и допрашивался в тюрьме при Казанской губернской канцелярии: *Спустя, как с него сняли тяжелые кандалы и наручни, дня с три отвели его в острог, и имянно* ***на Вербной неделе****, где все колодники содержатца. На* ***Страшной же недели Великаго поста*** *стали его отпущать из острога для прошения милостыни по городу — за караулом одного салдата, — где он повсеместно и хаживал* [СД № 3, л. 266: 152].

Этот пример является ярчайшим показателем отношения к религии и религиозным праздникам и обрядам не только Пугачева, но и среднестатистического обывателя XVIII в. Пользуясь тем, что по православной традиции во время Страстной недели все добропорядочные христиане должны были просить прощение и прощать, а в материальном виде это выражалось в раздаче милостыни, караульные заставляли заключенных попрошайничеством на Страстной неделе зарабатывать деньги отнюдь не для религи-

озных целей. Это лишний раз подтверждает наши основные положения. Во-первых, Ем. Пугачев является «типичным» представителем своей эпохи, поэтому, создавая его языковой портрет, можно говорить о языковой личности XVIII в. Во-вторых, религия со своими обрядами и праздниками для большинства носителей русского языка XVIII в. являлась традицией, более того – привычкой, которая уже мало влияла на формирование морального облика личности.

Таксоны *Петров день (Петровки), Успение Пресвятой Богородицы* и *Петров пост*, называя в допросных речах Ем. Пугачева летние великие двунадесятые праздники, не стали исключением, так как упоминаются в связи с обычными делами и заботами. Эти единицы употребляются всего по одному разу. Напр., *По приезде в Черкаск, и имянно спустя* ***после Петрова дни*** *дней двенатцать или тринатцать, стал он на квартиру х казацкой жене вдове Скоробогатой* [СД № 3, л. 233 об.: 130]; *И потом Дружинин сказал ему, Пугачеву, и имянно* ***перет Петровым постом****, что у него лошадь и с телегою уже куплена <…> И после сего, — а имянно, сколько он припомнить может, на третей или четвертой день* ***Петрова поста****, — Дружинин говорил ему, Емельке: «Ну, Пугачев, я уж сыну своему приказал, чтоб сего дня приезжал к показанной церкве и нас бы смотрел у попова двора<…>»* [СД № 3, л. 269-270: 155]; *На что Кандалинцов согласился и лошадей продал за дватцать рублев. И потом, с ним разставшись, поехал к умету Ереминой Курице, но к нему не показался того вечера, а приехал к нему на двор поутру, накануне* ***Успеньева дни*** [СД № 3, л. 274: 158].

Последние три таксона анализируемой группы *(Филиппов день, Филиппов пост и Николин день)* обозначают осеннее-зимние праздники и пост.

Венчается христианский год *Филипповым постом* (*Рождественский, Холодный пост*), который по правилам воздержания приближается к *посту апостольскому* (*Петрову*) и приходится на 15 ноября – 24 декабря. Начинается пост после *Филиппова дня* (14 ноября), называемого еще Филипповым заговеньем, то есть последним днем, когда разрешалось есть мясо. Во время поста празднуется еще один двунадесятый праздник – *зимний Николин день* (6 декабря), названный в честь святого Николая Мирликийского чудотворца и отмечаемый повсеместно в христианском мире. Все эти УСК упоминаются Пугачевым в связи с рассказом о разгроме корпуса полковника П. М. Чернышева под Оренбургом, которое произошло 13 ноября 1773 года – в канун *Филиппова дня*, а не *в Филиппов пост*, как об этом говорит Емельян Иванович: *В ноябре месяце, не припомню, - которого числа (сколько припомнить могу, что ето было* ***в Филипов пост****, незадолго* ***до Николина дни****) <…> Сошедшись же друг с другом, сперва от Чернышева начали палить ис пушак, а потом и я приказал от себя. И выпалили от меня только ис четырех пушак по одному разу, то Чернышева команда оробела и тотчас салдаты бросили ружья, все ко мне приклонились без драки* [СД: № 1, ЦГАДА, Ф.6.Д. 663, л. 42, л. 128 об.: 89].

Итак, в изучаемом памятнике насчитывается 15 языковых единиц (в 41 употреблении), называющих религиозные праздники и обряды как точки или отрезки годичного цикла. Девять из них именуют праздники, постоянно закрепленные в календаре. Это свидетельствует о том, что при всей «неточности» церковного календаря для носителей языка конца XVIII в. было важно более четкое закрепление событий на оси времени. Шесть языковых единиц, употребленных в допросных речах, называют великие праздники, что, на наш взгляд, тоже не является случайностью: они были общепризнанными и, в основном, отмечались в один и тот же день, то есть четко «привязывались» к определенному отрезку времени. На религиозный смысл изучаемых единиц в допросном деле Ем. Пугачева накладывается аграрное значение, что свидетельствует о том, что в конце XVIII в. религиозный календарь был «переработан и дополнен» в соответствии с житейскими потребностями.

2.2.3. Таксоны наречного типа со значением повторения и возобновления

Цикличность представлена и в значениях других языковых единиц, употребленных в допросных речах Ем. Пугачева *(тогда, вскоре, прежде, после, потом, ныне, тут же* и др.), где акцент делается на возврат и повтор. Эти лексемы образуют **третью группу** зоны цикличности, которая насчитывает 37 единиц в 1087 употреблениях.

Как видим, по количеству употреблений данная группа является самой востребованной, что обусловлено значением составляющих ее таксонов. Это как бы другая модификация цикличности, причем выраженная только наречиями. «В основе природного времени, – пишет Е. С. Яковлева, — лежит идея возобновления (подобия, а не тождества с бывшим прежде) <…> в основе же цикличности слов типа *нынче* лежит именно идея повтора, исключающая представления о возникновении “нового”, о движении, развитии жизни…» [Яковлева 1994: 175].

Учитывая характер временной семантики, данную группу языковых единиц можно разбить на три подгруппы с дополнительными комплексами сем: 1) ‘циклическое время относительно настоящего’; 2) ‘циклические параметры времени’ и 3) ‘циклический временной интервал’.

Первая подгруппа с дополнительным комплексом сем ‘циклическое время относительно настоящего’ насчитывает 21 языковую единицу в 801 употреблении и делится по смысловым оттенкам на три разряда:

а) языковые единицы, содержащие комплекс сем ‘циклическое настоящее’;

б) языковые единицы, содержащие комплекс сем ‘циклическое будущее’;

в) языковые единицы, содержащие комплекс сем ‘циклическое прошлое’.

Разряд а), отмеченный комплексом сем ‘циклическое настоящее’, состоит из 4 лексем в 154 употреблениях: *тут же* ‘тогда, в это время, после всего сказаннаго’ [Даль т. 4: 445]; *тотчас* ‘сейчас, немедля, сию минуту’ [Даль т. 4: 422]*; теперь (теперь, таперь)* ‘в это самое время, сейчас, в настоящую пору, ныне в этот год, век’ [Даль т. 4: 399]*; ныне* ‘1. Теперь; 2. Только что, недавно; 3. Сегодня; 4. В нынешнем году; 5. В настоящее время; 6. Тотчас же, немедленно’ [СРЯ XI – XVII вып. 11: 450-451]; ‘теперь, в настоящее время; в наше время; в этом году; сегодня’ насущий’ [Даль т. 2: 554-555].

Таксоны *тотчас* и *теперь* – одни из самых употребляемых в следственном деле Ем. Пугачева (соответственно 64 и 47 раз). По определению В. И. Даля, *теперь* и *тотчас* являются синонимами слову *сейчас,* но, в то же время, между собой они не образуют синонимичных отношений. Нужно добавить, что все лексемы описываемого разряда являются синонимами к доминанте *сейчас,* при этом они содержат разные дополнительные семы, в чем убедимся ниже на примерах. Этот парадокс объясняется изменением значения лексемы *сейчас* буквально за последние 100 лет. «Судя по словарю Даля, *сейчас* нормативно употреблялось только в смысле ‘немедленно, сразу (же), не мешкая’, а во всех остальных значениях выступало *теперь; сейчас* в смысле ‘в настоящий момент’ характеризуется Далем как особенность московского говора» [Мельчук 1995: 56], [Даль т. 4: 170]. Вполне возможно, именно этими двумя причинами объясняется отсутствие таксона *сейчас* в следственном деле.

Примечательно, что *тотчас* является таксоном, семантика которого ограничена минутами (см. определение Даля) и соотносится, по мнению И. А. Мельчука, со вторым значением *сейчас* – *‘*в ближайший момент после момента речи*’* [Мельчук 1995: 62]. Подтверждение этому мы находим в большинстве примеров, и лишь в 5 из 64 временной интервал явно не ограничивается минутами. Ср. *И тут бывшия старцы закричали: «Конечно-де за вами погоня, так убирайтесь поскоряе с двора долой, дабы вас не поймали». Почему я, боясь беды,* ***тотчас*** *покинув лошадь, с двора побежал* [СД № 1, л. 115 об.: 73]; *И на сии слова оной Кожевников сказал: «А ты, как тебя тамо примут, то ты отпиши ко мне, я тебе хотя тритцать тысяч рублев* ***тотчас*** *пришлю, — у меня столько своих денег сыщется. А буде-де этих мало будет, то у протчих приятелей достать можно, сколько потребуешь»* [СД № 3, л. 251: 143].

Этот же смысловой оттенок лексемы *сейчас*, по мнению И. А. Мельчука, присущ и единице *тут же*, с чем мы, несомненно, согласимся. Напр., *И он, Емелька,* ***тут же*** *с ним и простился, и более уже оного Семенова нигде не видал и, где он ныне находитца, — ни от кого не слыхал, и не знает* [СД № 3, л. 261: 150]; *А потому и сих афицеров оставил над ними командирами, одного произвел* ***тут же*** *атаманом, а Швановича есаулом* [СД № 1, л. 128: 90]. Однако данная единица может обозначать не только время, но и место, что отражают приведенные выше примеры; тогда значе-

ние определяется только по контексту. Необходимо отметить, что преобладает в допросных речах Ем. Пугачева именно пространственное значение: *Жил я* (Пугачев – Н. М.) ***тут*** *в доме неделю, в которое время сообщники мои разъезжали во все места и подговаривали к себе людей в шайку.* ***Тут же*** *Михаила Кожевников шил знамена, а материю на оныя покупали в городе, но кто, — не знаю, но думаю, что по приказу Чики, кому от него сие дело вверено было* [СД №1, л. 118: 75-76].

Таксон *теперь* также обладает высокой частотностью в изучаемом памятнике и соотносится с третьим ЛСВ лексемы *сейчас* – ‘в данный момент, имевший место в прошлом, но представляемый говорящим как момент речи’ [Мельчук 1995: 65]. 98 % употреблений данного таксона наблюдается в прямой речи самого Пугачева или его собеседников, что как раз указывает на нарративный режим говорения, где лексема *теперь* со значением настоящего времени используется в условном моменте из прошлого. Напр., *...он* (Пугачев – Н. М.) *к той крепости и не пошол, а остановясь на хуторах оренбурхских жителей и бывши на тех хуторах, помянутым Шигаеву с товарыщи говорил: «Ну,* ***таперь*** *куда пойдем?» И оной Шигаев и все сказали: «****Таперь*** *мы пойдем на Каргалу, а с Каргалы — в Сакмару»* [СД № 3, л. 322 об.: 191-192]. Лишь 1 % употреблений свидетельствует о дейктическом режиме говорения, когда таксон *теперь* использовался относительно реального момента говорения, то есть на момент допроса: *И идучи дорогою приведено к нему людьми боярскими и крестьянами дворян, как он* ***топерь*** *припомнит, пять человек, коих он по жалобам их, что они крестьян своих обижали, приказал повесить, коих Овчинников и повесил* [СД № 3, л. 338: 204].

Самым точным в выражении комплекса сем ‘циклическое настоящее’ является наречие *ныне*, так как оно соотносится с первым ЛСВ *сейчас* ‘в момент речи или в период, включающий момент речи’ [Мельчук 1995: 59]. Это с одной стороны. С другой – именно эта единица является более расплывчатой по определению временного интервала, который она обозначает. Как указывают и В. И. Даль, и составители СРЯ XI-XVII вв., *ныне* может обозначать время от *немедленно* до *в этом году.* Такой же временной диапазон представлен и в следственном деле Ем. Пугачева. Ср. *А черес четыре дни повели ево, Емельку, в деревянные покои, и как привели, то секретарь, – а как его зовут,* ***ныне*** (= ‘на данную минуту’) *сказать не помнит, – прочол ему Филипова на него донос...* [СД № 3, л. 263 об.: 150-151]; *С самого ево малолетства в церковь божию он, Емелька, ходил, и отца духовного имел он показанной церкви Казанския богородицы священника Федора Тиханова, которой и* ***ныне*** (= ‘на день допроса’) *жив* [СД № 3, л. 229 об.: 128]; *А Кузнецов сказал: что «****ныне-де*** (= ‘в настоящее время’) *на Иргисе происходит великое староверам гонение, так не лучше ль пробираться в другое какое место»* [СД № 3, л. 254: 144]; *Он, Емелька, родился, как слышал он от помянутой матери своей Анны Михайловой, тому было*

тогда тритцать лет, а ***ныне*** (= ‘в этот год’) *щитает он от роду себе тритцать третей год* [СД № 3, л. 228 об. – 229: 127].

Разряд б) объединяет языковые единицы, содержащие комплекс сем ‘циклическое будущее’. Он состоит из 10 языковых единиц в 506 употреблениях: *вскоре, вскорости* ‘спустя немного времени, скоро’ [СРЯ XVIII вып. 4: 154]; *вслед* ‘непосредственно за кем-, чем-л., следом’ [СРЯ XVIII вып. 4: 158]; *в другой раз* – УСК, который ‘указывает на время действия по отношению к подобным, бывшим ранее действиям’ [ССРЛЯ 1961 т. 12:89-90]; *погодя* ‘потом, спустя некоторое время, впоследствии’ [СРЯ XI – XVII вып. 17: 165]; *потом* ‘спустя некоторое время, позже, впоследствии’ [СРЯ XI – XVII вып. 18: 10]; *после (опосле),* УСК *после сего* ‘потом, спустя некоторое время’ [СРЯ XI – XVII вып. 17: 175-176]; *спустя* ‘после, по миновании’ [Даль т. 4: 301].

Данный разряд языковых единиц является самым частотным в ЛФП «Время», что вполне объяснимо: Пугачев повествует о своей жизни в хронологическом порядке и, как обычный человек (что, собственно, естественно и для наших дней), располагает события друг относительно друга, не прибегая к датам. Каждое последующие событие находится в будущем относительно предыдущего, чем и объясняется большое количество наречий с комплексом сем ‘циклическое будущее’. Рассмотрим подробнее наиболее употребительные в следственном деле единицы.

Самой высокой частотностью в следственном деле (297 употреблений) обладает таксон *потом*. Он может последовательно соединять события, происходящие непосредственно друг за другом в течение нескольких минут или текущего дня: *После чего они все трое* (Пугачев и его попутчики – Н. М.) *и пошли и, отойдя от шелаша как верст двенатцать, взошли как бы на какой невысокой вал, и ту нору ему показали, и рыли. Где он, Емелька, то золото видел. И* ***потом*** *ту нору зарыли и заравняли, и пошли по-прежнему в шелаш* [СД № 3, л. 241 об. 242: 136]; *Сошедшись же друг с другом, сперва от Чернышева начали палить ис пушак, а* ***потом*** *и я* (Пугачев – Н. М.) *приказал от себя* [СД № 1, л. 128 об.: 89]. *Потом* может также соединять события, следующие друг за другом в течение нескольких дней: ***Потом*** *пришли еще в крепость, кою также приступом взял, а людей присоединил к себе, и строение выжег, также следующую по ней выжег же.* ***Потом*** *пашол к Троицкой. Оную хотя и с великим супротивлением, однакож взял* [СД № 1, л. 134: 98]. В данном примере речь идет о захвате Пугачевым трех крепостей: Петропаловской (15 мая 1774 г.), Степной (17 мая 1774 г.) и Троицкой (20 мая 1774 г.). *Потом* может соединять события, следующие друг за другом в течение нескольких недель или более долгого времени: *Оной Хлопуша просил меня* (Пугачева – Н. М.)*, чтоб я ево оставил у себя, что я и учинил, а указы бросил в печку.* ***Потом*** *он, Хлопуша, был у меня над завоцкими крестьянами полковником* [СД № 1, л. 126: 85]. Следует заметить, что таксон *потом* является как бы соединяющим материалом при рассказе о череде событий в речи Пугачева. Напр., на двух стра-

ницах следственного дела эта лексема встречается 13 раз, объединяя события с 21 августа по 10 сентября 1774 г. [СД № 3: 213-214]. Естественно, что при такой «востребованности» таксон *потом* встречается в 14-ти документах из 20. Причем 6 документов, в которых не было выявлено таксона *потом,* представляют собой допросы, уточняющие какое-либо одно событие или факт (№№ 7, 10, 13-15 и Приложение 2); общий их объем составляет менее 14 % от всего текста документов.

Наречие *после (опосле)* является синонимом к *потом,* поэтому их функции в следственном деле схожи. Но, в отличие от таксона *потом*, *после* выступает в роли дублера и не является «скрепляющим» словом для нанизываемых событий, что объясняется его меньшей употребляемостью: *после, опосле* – 78 случаев, УСК *после сего* –58. Напр., *Но, видать* ***теперь****, что они его обманули, ибо* ***после*** *к его толпе не приходили* [СД № 2, л. 64 об.: 123]; *Поп оную* (присягу – Н. М.) *читал и* ***после*** *присягнул, а* ***потом*** *приводил илецких казаков к оной, но цаловали ли крест и евангелие, — он не знает, потому что он, Емелька, по отпении молебна ис церкви скоро вышел* [СД № 3, л. 296: 172]; ***Спустя после сего*** *приехал к ним Караваев и* ***сперва*** *говорил незнаемо что с Ереминой Курицей, а* ***потом****, взошед в ызбу, оной Караваев, и подшед к нему, Емельке, говорил: «Мне-де Еремина Курица сказывал про тебя, что ты — Петр Третей»* [СД № 3, л. 275 об.–276: 159]. Как мы можем наблюдать в приведенных примерах, Пугачев использует в одном предложении по несколько таксонов как из разных семантических разрядов, чтобы таким образом распределить рассказываемое на оси времени относительно настоящего (пример 1, 3), так и одинаковой семантики, тем самым показывая последовательность излагаемых событий (пример 2).

Единицы данного разряда *вскоре* и *спустя* как самостоятельные определители времени встречаются крайне редко (4 из 17 и 2 из 15 соответственно). Ср. ***Вскоре*** *получил я* (Пугачев – Н. М.) *репорт от Авчинникова из Илецкого городка, что князь Голицын вступил уже в Сорочинскую крепость* [СД № 1, л. 109-109 об.: 66].

Разряд в) состоит из 6-ти таксонов (в 141 употреблении), содержащих комплекс сем ‘циклическое прошлое’: *тогда* ‘в то время, в том случае’ [Даль т. 3: 412]; *прежде (пред, перед)* ‘раньше, сначала’ [СРЯ XI-XVII вып. 18: 221-222]; ‘наперед, прежде чего’ [Даль т. 3: 49]; *назад* ‘нареч.: в направлении, противоположном предшествующему движению, назад’ [СРЯ XI – XVII вып. 10: 89]; *накануне* ‘нареч. перед чем-либо, накануне чего-либо’ [СРЯ XI – XVII вып. 10: 113]; *давно* ‘много времени тому назад, задолго до настоящего момента’ [СРЯ XVIII вып. 6: 25].

Единицы данного разряда являются менее употребительными по сравнению с двумя предыдущими разрядами, что объясняется изложением событий в прямой последовательности. Таксоны с комплексом сем ‘циклическое прошлое’ используются Пугачевым для пояснения каких-либо фактов.

Самой распространенной лексемой данного разряда является наречие *тогда* (78 употреблений), так как ее семантика определена конкретными временными рамками – ‘в то время’ [Даль т. 3: 412]: *Но на приступ* ***тогда*** *я не ходил, кроме как из поставленных батарей производил пальбу* [СД № 1, л. 131 об.: 94]; *А как Почиталин ту сделанную им скверную бумагу читал, то все люди были* ***тогда*** *в великом молчании и слушали, как он приметить мог, весьма прилежно* [СД № 3, л. 285: 166].

Более конкретными временными рамками наделены значения таксонов *накануне* и *давно*, но их частотность в памятнике крайне низка (один и девять раз соответственно). Причем *накануне* реализуется как предлог с другим самостоятельным таксоном, называющим религиозный праздник. Ср. *И потом, с ним разставшись, поехал к умету Ереминой Курицы, но к нему не показался того вечера, а приехал к нему на двор поутру,* ***накануне Успеньева дни*** [СД № 3, л. 274: 159]; *По входе в город пошол прямо в церковь и приказал петь за здоровье Петра Федоровича, знав он, Емелька, что он* ***давно*** *скончался, молебен, где попы молили за него бога, а в эктениях ли, или в чом другом, как он — человек безграмотной и устава церковного ничего не знает, — того сказать он не может, — только слышал он, што много рас пели: «Господи, помилуй»* [СД № 3, л. 295 об.: 172]. Первый пример является показательным в плане употребления Пугачевым языковых единиц со значением времени: можно было бы просто с помощью линейного таксона указать, что он приехал к Ереминой Курице (прозвище С. М. Оболяева) 14 августа (так как 15 августа великий праздник Успения), но лжецарь обозначает день и время прибытия, употребляя циклические таксоны *потом, вечер, поутру, накануне Успеньева дня,* что является для него более привычным времяисчислением.

Размытостью временных рамок обладает наречие *прежде*, при этом данный таксон может обозначать время от нескольких минут (секунд) до нескольких дней (месяцев). Ср. *Да мы-де и* ***прежде*** *уже хотели бежать в Золотую Мечеть, однакож-де отдумали до время* [СД № 1, л. 113 об.: 71]; *А потом он же, призвав к себе лекаря, велел осмотреть: не был ли я чем* ***прежде*** *наказан* [СД № 1 л. 108 об.: 88].

Интересно употребление Пугачевым лексемы *назад*, которая в основном своем значении указывает на направление, но в нашем примере четко прослеживается семантика времени ‘циклическое прошлое’*: ...отец* ***назад*** *тому 12 лет умер, а мать 3 года* [СД № 1, ЦГАДА Ф. 6. Д. 663. Л. 1.: 56].

Таким образом, в первую подгруппу с дополнительным комплексом сем ‘циклическое время относительно настоящего’ входит 21 языковая единица в 801 употреблении. Эти единицы разделены нами по смысловым оттенкам на три разряда: циклическое настоящее, будущее и прошлое. Естественно, что такое деление довольно условно, так как встает вопрос о том, что принимать за настоящее. На наш взгляд, вполне уместно говорить о настоящем в прошлом, будущем в прошлом и прошлом в прошлом.

Вторая и третья подгруппы таксонов наречного типа со значением повторения и возобновления не так многочисленны и обладают невысокой частотностью.

Вторая подгруппа состоит из 10 языковых единиц (в 240 употреблениях), обладающих дополнительным комплексом сем ‘циклические параметры времени’. По разновидностям комплексов сем, обозначающих параметры времени, данные таксоны делятся на два разряда:

а) языковые единицы, содержащие комплекс сем ‘циклическое быстрое/медленное время’;

б) языковые единицы, содержащие комплекс сем ‘циклическая периодичность времени’.

Разряд а) языковых единиц, содержащих комплекс сем ‘циклическое быстрое/медленное время’, насчитывает 4 лексемы в 69 употреблениях: *скоро (скорее)* ‘в короткий срок, в малое время’ [Даль т. 4: 205], *нескоро* ‘не быстро, без поспешности, медленно’ [СРЯ XI – XVII вып. 11: 286], *долго* ‘1. В течение долгого времени’ [СРЯ XVIII вып. 6: 193]; *недолго* ‘короткое, не много времени’ [Даль т. 2: 513]; ‘непродолжительно’ [СРЯ XI – XVII вып. 11: 85]. По своей семантике данные лексемы составляют антонимические пары (*скоро – нескоро, долго – недолго*).

В первой паре слов более употребительным (42 случая) в анализируемом следственном деле является таксон *скоро*, встречающийся в двух вариантах формы сравнительной степени *(скорее, скоряй)* наряду с двумя приставочными образованиями *(поскоряе, наскоро)*. Примечательно, что Пугачев употребляет данные единицы, характеризуя только свои действия или действия своих товарищей. Для характеристики действий противников он использует таксон *нескоро*, который встречается только два раза. Ср. *В сие-то время я разсудил наимяновать себя бывшим государем Петром Третиим в чаянии том, что яицкия казаки по обольщению моему* ***скоряй*** *чем в другом месте меня признают и помогут мне в моем намерении действительно* [СД № 1, л. 113 об.: 70]; *И тут бывшия старцы закричали: «Конечно-де за вами погоня, так убирайтесь* ***поскоряе*** *с двора долой, дабы вас не поймали»* [СД № 1, л. 115 об.: 73]; *И на сии слова Еремина Курица говорил: «А вот ко мне* ***скоро*** *будет казак Закладнов, так я ему поговорю, чтоб он прислал ко мне хорошева человека, ково я знаю»* [СД № 3, л. 275 об.: 159]; *А как я* (Пугачев – Н. М.) *полагал, что князь Голицын еще* ***не скоро*** *будет, то чрез неделю поехал апять в Яицкой городок, препоруча главную команду в Берде над всеми Максиму Шигаеву* [СД, № 1, л. 131: 93]; *Оной же игумен Филарет — еще в бытность ево пред отъездом в Малыковку — в монастыре говорил: «Тыде, Пугачов, для записки, когда уже на Яике-та тебя не примут и ничево там не зделаешь, то в Синбирск не езди, там-де хотя и запишут, но* ***нескоро****, а поезжайте лутче в Казань»* [СД № 3, л. 256: 145-146]. Как можно убедиться из примеров, таксоны *скоро/нескоро* встречаются обычно в прямой или косвенной речи персонажей следственного дела и, обладая разго-

ворно-бытовой окраской, используются тогда, когда не требуется точности, так как осмысленной хронометрированной временной нагрузки не несут.

То же мы наблюдаем и во второй паре антонимов *долго/недолго*. Не называя конкретного временного интервала, эти таксоны могут обозначать в контексте разные промежутки времени, что свойственно для простых обывателей. Нужно отметить, что подобные единицы встречаются как в речи допрашиваемого Пугачева, записанной от первого или третьего лица, так и в вопросах следователей. Напр., *Как же закрытыя все рогожкою ехали уже* ***долго****, то солдат спрашивал: «Что-де мы так долго едем?»* [СД № 1, л. 110 об.: 68]; *Потом оренбургския — на выласку против меня* (Пугачева – Н. М.) *уже* ***долго*** *не выхадили* [СД № 1, л. 127: 86]; *Но последний, когда злодей под званием государя Петра Третьяго производил свирепства и бунт, явился к нему (показанный Кандалицын), но был* ***недолго****, ибо по разбитии бунтовщичьей толпы под Яиком городком он, Кандалицын, по приказу генерал-майора Мансурова повешен* [СД № 2, л. 62 об.: 121].

Разряд б) языковых единиц, содержащих комплекс сем ‘циклическая периодичность времени’, насчитывает шесть таксонов в 171 употреблении: *всегда* ‘все время, постоянно, во всякое время’ [СРЯ XVIII вып. 4: 139]; *иногда* ‘по временам, время от времени’ [СРЯ XVIII вып. 9: 97]; *некогда* неопр. нар. ‘1. некогда, когда-то; 2. однажды, как-то, как-то раз’ [СРЯ XI – XVII вып. 11: 450-451]; *никогда* нар. отриц. ‘никогда’ [СРЯ XI – XVII вып. 11: 378]; *когда* ‘1. Наречие времени. В какое время; 2. Неопр. Когда-нибудь, в какое-л. время; 3. Относ. Употребляется в функции союзного слова, сохраняя знач. времени’[СРЯ XVIII вып. 10: 77-78], *между тем* ‘тем временем, в это время’[СРЯ XVIII вып. 11: 115-116].

Особого внимания при анализе данного разряда заслуживает единица *когда*, которая может выступать в роли наречия, союзного слова и союза, при этом не утрачивая временной семантики. Напр., *Потом,* ***когда*** *подходил к Камышенке, все вельские казаки его* (Пугачева - Н. М.) *встречали. Но* ***когда*** *он звал с собою, отрекались они итти, сказывая, что неисправны, обещавши после исправиться и с ним соединиться* [СД № 2, л. 64 об.: 123]; *На что Калпаков сказал: «Тебя прежде отставить нельзя, как надобно тебе лежать здесь в лазарете и лечить; и* ***когда*** *уже тебя вылечить будет нельзя, то тогда отставят»* [СД № 3, л. 234: 131]. Характер же синтаксиса следственного дела таков, что преобладают сложноподчиненные предложения с придаточным времени. Поэтому, производя выборку единиц со значением времени, мы были вынуждены не учитывать лексемы *когда*, являющейся союзом, иначе количество употреблений (в памятнике – 98) возрастет в несколько раз.

Более интересен для понимания языковой личности Ем. Пугачева таксон *никогда*. Являясь наречием времени с отрицательным оттенком, *никогда* используется Пугачевым для оправдания своих действий/бездействий только в тех моментах биографии, которые тесно связаны с его самозванством и преступлениями против императрицы: *Офицеров он*

никогда *не даривал, и священник о побеге его нимало не знал* [СД № 2, л. 55 об.: 114]; *...он, Емелька, грамоте ни на каком языке ни читать, ни писать не умеет, и* ***никогда*** *не учился, потому что как он, Емелька, так и отец его, как выше он показал, были простые казаки* [СД № 3, л. 231 об.: 129]. Тем самым Пугачев пытается «обелить» себя, так как, находясь под следствием, понимает, что может рассчитывать лишь на незначительные уступки со стороны императрицы (которая, кстати, также являлась самозванкой).

Третьим по количеству употреблений в данном разряде (27 случаев) является таксон *между тем*, который в предложении выполняет функцию пояснения, дополнения основных действий другими, происходящими в тот же момент времени: *После сего разговора помышлял он, Пугачев, что, не подговоря с собою к побегу салдата караульнова, уйтить не только трудно, но и нельзя. Но,* ***между тем****, случилось, что приметил он пришедшаго в острог на караул салдата одного из малороссиян; и человек показался ему тихой, не так, как руской салдат* [СД № 3, л. 269-269 об.: 155]; *Покудова ж и продолжалась стрельба, я* (Пугачев – Н. М.) ***между тем*** *взял пешую толпу и пошол к тому месту, где был фаршатат, х каменной церкви, что от реки Яику, и приказал лесть через вал* [СД № 1, л. 127 об.: 87].

Таксоны *всегда* ‘все время, постоянно’ [СРЯ XVIII вып. 4: 139], *иногда* ‘по временам, время от времени’ [СРЯ XVIII вып. 9: 97] являются малочастотными единицами (четыре и три употребления соответственно) и функционируют в следственном деле в узуальном значении: *А как он* (Пугачев – Н. М.) *еще заслуг никаких тогда не зделал, а отличным быть* ***всегда*** *хотелось, то сказал: сабля ему пожалована потому, что он — крестник государя Петра Перваго* [СД № 2, л. 61 об.: 120]; *В разныя времена посылал я* (Пугачев – Н. М.) *из Берды, а* ***иногда*** *и сам ходил, для взятья вокруг Оренбурга крепостей, ис коих некоторые без меня, а Ильинская крепость при мне взяты, и люди, взятыя тамо, все приверстаны в казаки* [СД № 1, л. 129-129 об.: 90].

<u>В третью подгруппу</u> входят всего 6 языковых единиц (в 46 употреблениях), которые объединены дополнительным комплексом сем ‘циклический временной интервал’ и логически делятся на два разряда:

а) языковые единицы, содержащие комплекс сем ‘покрытие циклического временного интервала’;

б) языковые единицы, содержащие комплекс сем ‘соответствия/несоответствия циклическому временному интервалу’.

Разряд а) языковых единиц, содержащих комплекс сем ‘покрытие циклического временного интервала’, представлен четырьмя таксонами в 35-ти употреблениях: *вначале*, *сначала* ‘сперва, наперед всего’ [Даль т. 4: 244]; *сперва* ‘прежде всего, наперед, сначала’ [Даль т. 4: 289], *напоследок* нареч. ‘под конец, в конце, в заключение’ [СРЯ XVIII вып. 13: 268].

Единицы данного разряда означают только полюсные отрезки временного интервала – ‘начало’ и ‘конец’, а ‘середина’ не представлена ни

одним таксоном. На наш взгляд, это связано с жанром памятника и ходом повествования, причем анализируемые лексемы определяют только активные действия Пугачева и его сотоварищей (Напр., переезды, военные события). Ср. *И было сражение, на котором я* (Пугачев – Н. М.) *у Михельсона* ***сперва*** *пушки все отбил и ево корпус тем привел в замешательство* [СД № 1, л. 134 об.: 98]; ***Сперва*** *оную* (команду князя Голицына – Н. М.) *збили было с места и отбили у них две пушки. Однакож,* ***напоследок****, справились они и принудили нас бежать назад, и те взятые у них пушки обратно отняли* [СД № 1, л. 131 об.: 98]; *Как* ***сначала*** *под Яиком под командою старшины Витошнова яицкие казаки в руки его* (Пугачева – Н. М.) *захвачены, и из оной команды и, имянно на выбор тех, кои были так называемы с послушной стороны, повесить злодей велел одиннатцать человек* [СД № 8, л 223: 220].

Таким образом, в следственном деле больше всего таксонов и их употреблений данного разряда со значением ‘начало’ (3 против 1), из которых *сперва* является самым частотным (23 случая), так как определяет последовательность действий во времени, относящихся к одному субъекту/субъектам.

Разряд б) языковых единиц, содержащих комплекс сем ‘соответствия /несоответствия циклическому временному интервалу’, состоит всего из 2-х единиц в 11-ти употреблениях: *рано* ‘заране, загодя, до часу, до поры, о которой речь; с запасом времени, по сроку или по делу, событию; преждевременно, слишком рано, до срока’ [Даль т. 4: 58]; *поздно* ‘конечный или близкий к концу’ [Даль т. 3: 231].

Все случаи употребления лексемы *рано* в памятнике означают ‘заране, загодя, до часу, до поры, о которой речь’ и относятся к таксону первой группы *утро*, тем самым они теряют самостоятельность в определении времени, а лишь поясняют единицу, к которой относятся*: Почему тою же ночью (ибо он ис Татищевой прибежал уже вечером), собрав толпы своей большою частию казаков и кто и из другой сволочи охоту имели с ним ехать, тысяч до пяти человек и десять пушек, и* ***поутру рано*** *поехал из Берды на Сорочинскую крепость* [СД № 3, л. 322: 191]*; Но* ***поутру рано*** *пришол к той крепости генерал Деколон и оною овладел, а ево* (Пугачева – Н. М.) *с толпой прогнал, где артель его воровская разсеялась в разныя стороны, более пяти сот человек* [СД № 3, л. 327 об.: 195].

Таксон *поздно*, наоборот, являясь самостоятельной единицей в семантическом плане, в следственном деле приобретает дополнительное значение ‘не ко времени’: *Когда ж он увидил, что Корф приближаитца, то весть хотя и дал, но* ***поздно****, ибо посланной от меня атаман Овчинников, хотя против ево с корпусом, чтоб от города отрезать, и выступил, но как Корф уже был под стенами оренбургскими, то захватить ево не успели* [СД № 1, л. 129: 90]; *И приехали уже* ***поздно*** *близ Таловскаго умету и тут Мечетной слободы с крестьянами начевали (оныя ездили в Яицкой городок для продажи хлеба)* [СД № 1, л. 112 об.: 70].

Таким образом, все рассмотренные нами лексемы и УСК третьей группы содержат значение цикличности, сезонности времени, но, преломляясь в допросных речах Ем. Пугачева, предстают перед нами в несколько ином свете: соединяясь с таксонами других групп, они позволяют «разворачивать» события на вертикальной оси времени, нанизывая их друг на друга, что обусловлено порядком изложения событий в следственном деле. Кроме того, данная группа, как мы могли убедиться, является самой многочисленной и по количеству единиц, и по частотности их употребления, что связано с их архаичным значением повторения и возобновления, с одной стороны. С другой стороны, именно такие таксоны были преобладающими в речи типичного обывателя XVIII в., что в очередной раз свидетельствует о социальной принадлежности Пугачева.

Рассмотренное нами ЛФП «Время», вербализующее концепт «ВРЕМЯ» свидетельствует о том, что для Ем. Пугачева и его соратников время представлялось как последовательность типичных событий, теснейшим образом связанная со сменой дня и ночи, времен года, с повторяющимися природными изменениями и, как следствие, — с сельскохозяйственной и религиозной деятельностью человека. При всей своей повторяемости, таксоны зоны цикличности в памятнике приобретают черты линейности за счет других единиц со значением времени, что позволяет располагать события на временной оси. Такое употребление таксонов свидетельствует, на наш взгляд, о том, что Ем. Пугачев был типичным представителем казачества XVIII столетия, в котором еще крепко жили традиции, доставшиеся носителям русского языка со времен язычества. Именно поэтому самой многочисленной является третья группа единиц со значением повторения и возобновления, самая «природная» по происхождению, на значении которой не отразились различные факторы человеческой деятельности. Как мы убедились на примерах, для Пугачева время течет не ровно, а фрагментарно, отрывочно, в зависимости от важности событий. (Для суточного цикла – это *утро* и *ночь*, для годичного – единицы, называющие религиозные праздники). Такое отношение ко времени является яркой характеристикой человека, который только при особом стечении обстоятельств стал военачальником. Ем. Пугачев – это человек своей эпохи и своей среды, который вобрал в себя все черты «среднего» обывателя конца XVIII века.

Ем. Пугачев – человек, которому ближе времяисчисление по циклическому календарю, по смене времен года, месяцев, когда за один цикл происходит зарождение и отмирание всего сущего. По результатам анализа языковых единиц можно говорить, что перед нами предстает Пугачев-христианин, который путается в религиозных праздниках, так почитавшихся в описываемый период. На наш взгляд, это не случайно, и приведенные примеры нельзя объяснять забывчивостью или небрежностью Пугачева, так как «государственный злодей» пусть не датированно, но точно восстанавливает ход событий, что не раз отмечалось историками (Напр., в

работах известного исследователя пугачевского восстания Р. В. Овчинникова). Этому можно найти другое объяснение. Пугачев следует религиозным обрядам, особенно над ними не задумываясь, по привычке, по традиции, передающейся из поколения в поколение. И именно это «мешает» Пугачеву-военачальнику, который должен уметь планировать свои действия в соответствии с линейным временем, видеть перспективы, ставить перед собой цели и стремиться к их реализации в конкретных временных рамках. Но результаты анализа языковых единиц, вербализующих концепт «ВРЕМЯ» в следственном деле, позволяют утверждать, что перед нами предстает Пугачев-военачальник, который не планирует свои действия, все военные мероприятия проводит спонтанно, «по обстановке». Он не пользуется часами, а время для начала военных операций фиксирует с помощью циклических единиц, называющих части суток

Время, представленное в ЛФП, «заполняется» событиями, нанизанными на временную ось в хронологическом порядке, тем самым субъективные сведения претендуют на роль абсолютной истины. Время Пугачева - это время наблюдателя: хотя рассказ о событиях ведется им по порядку, определенному жанром документов, в ходе повествования появляются люди и события, важные для героя, а не для следствия. Такое восприятие времени позволяет говорить о его индивидуальной субъективности, с одной стороны, и социальной объективности – с другой. Это объясняется тем, что базовые представления о времени, его течении и структуре являются продуктами коллективного сознания, то есть они социально обусловлены.

Источники

СД: Емельян Пугачев на следствии : сб. док. и материалов / отв. исполнитель Р. В. Овчинников. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 464 с.

О. А. Арапов

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БИБЛЕЙСКОГО И ФОЛЬКЛОРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА В НАРОДНЫХ ДУХОВНЫХ СТИХАХ XIX ВЕКА

На современном этапе развития лингвистики особый научный интерес вызывают произведения традиционной духовной культуры славян. Язык этих произведений до настоящего времени практически не изучался. Это обусловлено как собственно языковыми, так и неязыковыми причинами. В семидесятилетний период советской власти духовный фольклор находился под негласным запретом – несмотря на то, что христианство было официальной религией России на протяжении многих веков существования в ней монархического строя. Главной экстралингвистической причиной является политическая обстановка в годы советской власти и официальная государственная позиция в отношении к христианской религии и церкви. «Искусственное отторжение, негласный запрет на исследование народной духовной поэзии отразились не только на собирательской деятельности: до 1991 г. духовные стихи в СССР вообще не издавались; их язык не изучался; ни в один из словарей, включая словари народных говоров, не вводились примеры даже из самых популярных духовных стихов» [Духовный фольклор 2005: 3]. Выйдя из-под запрета, традиционная духовная культура славян стала испытывать всё возрастающее научное внимание со стороны учёных-филологов.

Современная лингвистика диктует иные аспекты, подходы и методы изучения языка. Характерной чертой языкознания наших дней является антропоцентризм. Он обусловил переключение внимания лингвистов на проблему «человека в языке», и важной задачей стало исследование через язык (слово) ментальной сферы человека и шире – народа-носителя языка. В нашем случае эту проблему можно конкретизировать как «человек в языке духовного фольклора», о котором можно многое узнать в процессе реконструкции отдельных фрагментов русской языковой картины мира, вербализованных в народных духовных стихах. Важность данного исследования обусловлена спецификой фольклора, который, как справедливо указал А. А. Панченко, «представляет собой общественное явление и в качестве такового является одним из важнейших инструментов конструирования и воспроизведения социальной реальности» [Панченко 2002: 11].

В 1912 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник «Стихи духовные», составителем которого был Е. А. Ляцкий. В сборник были включены наиболее популярные и широко распространенные среди народа произведения духовного фольклора XIX в., представляющие общерусский репертуар. Е. А. Ляцкий отобрал для своей книги лучшие духовные поэтические тексты из собраний П. А. Бессонова, В. Г. Варенцова, П. В. Киреевского, а также духовные стихи, записанные Н. Барсовым, и произведения, зафик-

сированные им самим. Каждый духовный стих представлен в одном варианте, поэтически проработанном.

В силу указанных особенностей стихи из сборника Е. А. Ляцкого оптимально подходят для реконструкции фрагментов русской языковой картины мира. Ведь она окажется заведомо некорректной, если исследуемые духовные стихи будут отражать восприятие действительности лишь ограниченною частью народа.

Ставя перед собою цель, проанализировав народные духовные стихи, реконструировать вербализованные в них фрагменты русской языковой картины мира, мы выбрали в качестве объекта исследования устойчивые словесные комплексы (УСК) библейского и фольклорного происхождения. Специфической особенностью духовного фольклора является то, что он выступает своеобразным посредником между письменной христианской литературой и устным народным творчеством. На языковом уровне это проявилось в том, что в русских духовных стихах наблюдается своеобразная смесь церковнославянской стихии со стилем русского фольклора. Поэтому библейские и фольклорные УСК, как особые языковые единицы, приобретают в духовных стихах специфический характер и в силу своих специфических особенностей являются ключевыми для языкового сознания, вербально представленного в духовном фольклоре.

Во фразеологическом фонде русского языка наблюдается явное количественное преимущество процессуальных УСК над всеми остальными семантико-грамматическими классами. Анализ УСК, извлеченных из собрания Е. А. Ляцкого, показал совсем иную картину. Преобладание предметных УСК среди библеизмов и фольклоризмов из проанализированного сборника объясняется целевой направленностью народных духовных стихов. Их главной задачей было представить художественный мир, куда более сложно выстроенный, чем мир светского фольклора. Составляющие этого мира необходимо было вначале назвать, а уже потом определить отношения между ними.

Библейские УСК в произведениях духовного фольклора являются важнейшим средством создания оппозиции земного и небесного мира. При этом земной мир с материальной (природной) точки зрения в большей степени представлен фольклоризмами. Однако в народных духовных стихах невозможен «чисто» земной мир, никак не связанный с небесным. Это оказало влияние на значения ряда фольклоризмов, извлеченных из собрания Е. А. Ляцкого.

Например, фольклорные УСК, обозначающие пространство (*сине море, мать сыра земля, чисто поле*), приобрели новые оттенки значения, связанные с сосуществованием в народных духовных стихах двух миров. Так, *мать сыра земля* предстает, с одной стороны, как синоним понятия «земной мир» (особенно это характерно для старообрядческих духовных стихов), с другой – как вместилище физического тела после смерти человека. В произведении духовного фольклора «Роспевец» («Уж вы, други, други…») УСК *сыра земля* употребляется именно в этих двух значениях:

Подумаем, други,
Погадаем, милы,
Как нам жить будет
На ***сырой земле****?* [Ляцкий 1912: 129].
Как итить телу
Во ***сыру землю****,*
Ко лютым червям
На съедение [Ляцкий 1912: 131].

В духовном поэтическом тексте «Стих о грешной душе» фольклоризм *сыра земля* употребляется только во втором значении.

– Ты прости, мое тело белое,
Прости, беззаконие мое!
Ты пойдешь, тело, ***во сыру землю****,*
Червам, тело, на источение [Ляцкий 1912: 38].

Это связано с событийным и идейным содержанием стиха: физическая смерть обозначает конец существования тела, дальше будет жить только душа, и ее место пребывания (рай или ад) зависят от греховности/праведности человека.

Новым в значении данного фольклорного УСК является то, что *мать сыра земля* порой выступает как помощница героев духовных поэтических текстов в борьбе против неверных, или что ее просят о помощи. Так, в духовном стихе «Федор Тирянин» главный герой сражается с врагом двенадцать суток без перерыва, и *мать сыра земля* приходит ему на помощь:

Затопляет его кровь жидовская
По колена и по пояс,
По его груди белыя…
Разступалася ***мать сыра земля***
На четыре стороны,
Пожирала кровь жидовскую [Ляцкий 1912: 81].

В произведении «Иосиф прекрасный, странник» старшие братья Иосифа из зависти бросили его в ров, собираясь после работы в поле убить его. Сидя во рву, Иосиф обращается к *матушке сырой земле*:

Старейшая большая братья
Пошли оны со трудной работы,
Зашли брата Осипа посмотрели:
Осип во рву слезно плацет,
Ко ***матушке сырой земле*** *причитает* [Ляцкий 1912: 147].

С*ине море*, большое необозримое количество воды, могут пересечь в народных духовных стихах только деятели христианской веры, при этом порой могут *идти по морю яко по суху*:

Млад человек Федор Тирин,
Он пошел по морю яко по суху.
Переходил он ***сине море****,*
Пошел он за те за горы высокия [Ляцкий 1912: 83].

Однако эта картина, представленная в духовном стихе «Федор Тирянин», только на первый взгляд кажется чудом, соотносимым со способностями самого Иисуса Христа. В стихе данное событие получает вполне правдоподобное, хотя и немного сказочное, объяснение: Федор Тирянин вызвал из глубин «рыбу-кит» и по ее спине перешел море. Но, что характерно для всех духовных стихов из сборника Е. А. Ляцкого, чудо, получая более или менее логичное объяснение, все равно остается чудом. Важным здесь является то, что правом на совершение чудесного поступка обладают лишь Христос и относительно немногие другие персонажи, обретшие святость своею приверженностью к христианской вере и действующие именем Христа.

Фольклорный УСК *чисто поле*, помимо значения, характерного для произведений светского фольклора, обладает семантикой определенного ограниченного пространства, более тесно связанного с небесным миром, чем остальная земля. Так, битвы христиан с врагами веры происходят в *чистом поле*, а некоторые герои в критические моменты идут молиться Богу именно в *чисто поле*. В духовном стихе «Лазарь убогой» бедный брат, настрадавшись в земном мире, не в силах больше терпеть невзгоды («И так моя душенька намаялася, / По белому свету находилася!»), идет просить себе смерти в *чисто поле*:

Вышел убогий во ***чисто поле****,*
Взглянет он, воззрит да на небеса,
Воскричал убогий громким голосом:
– О Господи, Господи, Спас милостивый!
– Услыши, Господь Бог, молитву мою [Ляцкий 1912: 45].

Пространство духовных стихов бинарно, и отношения между двумя составляющими имеют достаточно сложный и порой неясный характер.

Мир духовных стихов состоит из *сего мира* и *иного мира*. Они противостоят друг другу, но более высокое положение, как в пространственном (физическом) отношении, так и в духовном, занимает *иной мир*. Земная жизнь людей – это только преддверие истинной вечной жизни, характер которой определяется поведением и поступками человека на земле. Смерть предстает некой пространственно-временной границей разделяющей эти две жизни. Умирая, человек, с одной стороны, переходит временной барьер (заканчивает отведенные ему года и начинает вечную жизнь), а с другой – преодолевает барьер между земным миром и не достижимым до момента смерти иным миром. Место пребывания души в загробном мире обусловлено греховностью или праведностью человека.

Если земной мир предстает как единая структура, то иной мир состоит из ада и рая (царства небесного), которые противостоят друг другу. Библейские УСК, обозначающие царство небесное и рай, в большей части народных духовных стихов функционируют как синонимы. Например, в «Лазаре убогом»:

– Вот тебе, душенька, тут век вековать,
– В ***небесном царствии, пресветлом раю****!*
[Ляцкий 1912: 46].

Или в народном духовном стихе «Роспевец» («Уж вы, други, други…»):

Прежние жили
Живу Богу служили,
Нужды, тесноты
В любви терпели.
А плоти свои они крушили.
Царствие Божье – рай
Трудом достали [Ляцкий 1912: 129].

Но существует небольшое количество стихов, где данные УСК имеют семантические отличия. *Царство небесное* предстает более абстрактной структурой, о которой известно лишь, что там обитают Бог, Богородица, представители ангельского чина и некоторые из святых. Так, из «Стиха о Покрове» мы узнаем, что в царстве небесном пребывает Богородица, но спускается вниз, если верующим необходима помощь:

Услышала ***Мать Божия*** *молитву их:*
Она ***сошла с небес*** *во Божию церковь* [Ляцкий 1912: 32].

Похожую информацию, но уже о слугах Господних, мы узнаем из духовного поэтического текста «Димитрий Солунский»:

Сопущались с небес два ангела*, да* ***два архангела***
Ко Димитрию Селунскому, свету-чудотворцу
[Ляцкий 1912: 95].

В произведении духовного фольклора «Стих о Вознесении» Иисус Христос, покинув земной мир, отправился в царство небесное:

Вознесся ***Христос Бог Царь Небесный****,*
А ***вознесся*** *Господь* ***на небеса*** [Ляцкий 1912: 30].

Рай же предстает, по сравнению с небесным царством, более конкретизированной структурой. Он имеет свою топонимику (*реки Эдемские*), в раю живут *птицы Господни* и *птицы райские*, растут *цветы райские*. Комплекс библейских УСК, обозначающих рай, отражает ряд его характеристик: *прекрасный рай, пресветлый рай, рай Господень, рай преблаженный, светлый рай, святой рай*. В произведении духовного фольклора «Стих о Покрове» верующие-христиане, обращаясь к Богоматери, так характеризуют рай:

– Ты скажи, зачем прилетела к нам?
– Аль уж ***светлый рай*** *от грехов наших*
– Стал нерадостен, и пришла Ты к нам [Ляцкий 1912: 32].

В другом стихе («Повесть о Горе-Злочастии») представлена такая характеристика:

Господь Бог на них разгневался
И изгнал Бог Адама со Евою
Из ***святаго раю*** *из* ***едемскаго*** [Ляцкий 1912: 164].

В народном духовном стихе «Лазарь убогой» богатый брат, обращаясь к бедному, говорит о рае так:

– Братец мой, братец, убогий Лазарь!
– Как я поначаял, что ты в превечной муке,
– Ан ты, мой родимой, в ***пресветлом раю****!* [*Ляцкий 1912*: 48].

Ад менее всего представлен УСК библейского происхождения. Весь комплекс библеизмов, значение которых связано с адом, состоит из 8-ми единиц (*ввергнуть душу во тьму, пропасть земная, геенский огонь, грешные души, мука вечная, превечная мука, преисподний ад, осудить на вечную тьму*). Только три УСК непосредственно называют ад – *геенский огонь, пропасть земная* и *преисподний ад*:

Да ввергнули душу во тьму глубоко,
В тоё злую муку, в ***геенский огонь*** [Ляцкий 1912: 47].
Провалилася душа в ***преисподний ад****:*
Век мучиться душе и не отмучиться [Ляцкий 1912: 40].

Главной характеристикой ада можно считать то, что он существует как наказание для грешников, которые будут вечно в нем страдать. Это отражено четырьмя УСК, на которые приходится больше половины употреблений данного комплекса. В произведении духовного фольклора «Стих о Страшном Суде» мы читаем:

И проречет Христос рабам многогрешным:
– А ой же, ***рабы*** *Мои* ***многогрешные****!*
– Подите вы в ***пропасти земные****,*
– Вам будут злыя ***муки превечныя*** [Ляцкий 1912: 34-35].

Противопоставление ада и рая наблюдается в духовных стихах не только на том основании, что в раю душу ожидает вечное блаженство, а в аду – вечные муки, но и на световом уровне. С одной стороны, библейские УСК характеризуют рай как *пресветлый рай* и *светлый рай*, а с другой – называют ад тьмой (*ввергнуть душу <u>во тьму</u>, осудить <u>на вечную тьму</u>*). Например, в произведении духовного фольклора «Стих о Распятии»:

Со страха великаго и со ужасти
Жидовья упали ничком на землю,
Вне ума лежали четыре часа,
Они, ***окаянии, не покаялися.***
За то осудил *Господь их* ***в вечную тьму****,*
И мукам их не будет конца [Ляцкий 1912: 28].

Земной мир, представленный в народных духовных стихах из собрания Е. А. Ляцкого, тесно связан с *небесным миром*. Оба мира находятся в постоянном взаимодействии. Отношения между ними имеют свои черты. Во-первых, земля является местом, где постоянно происходит борьба сил добра и зла, и человек оказывается вовлеченным в эту борьбу. Во-вторых, представители небесного мира (Бог-отец, Иисус Христос, Богородица, ангелы и др.) довольно свободно могут перемещаться из одного мир в другой (спускаться с небес на землю или подниматься обратно), а представители

земного мира (верующие-христиане) имеют лишь одну возможность оказаться в *ином мире* – умереть (и то это путь только в одну сторону).

Земной мир – единственная пространственная составляющая художественного мира народных духовных стихов из собрания Е. А. Ляцкого, вербализованная не только библейскими УСК, но и фольклорными. УСК библейского происхождения со значениями, соотносимыми с явлениями *земного мира*, представлены в меньшей степени, чем УСК, называющие явления, предметы, понятия *небесного мира*. В большей мере библейскими УСК отражены земная топонимика, связанная генетически со Священным Писанием, и наименования Божьей церкви.

Земной мир предстает пространством, центр которого (*пуп земной*) расположен в Иерусалиме. На шкале духовной значимости для верующих Иерусалим занимает самое высокое положение. Ниже расположены *Израильское царство, Сион гора, город Вифлеем, Фавор-гора, Иордан река*. Особое место отведено для наименований церкви (*Апостольская церковь, Божий дом, Божий храм, Божья церковь, Святая церковь*).

В УСК, отражающие космогонические представления носителей языка о пространственном устройстве земного мира (*святая земля, трудная земля, сей свет, пуп земной*), включена имплицитная информация библейского характера, поэтому данные единицы представляют *земной мир* в связи с *небесным*.

Среди УСК библейского происхождения больше всего УСК, обозначающих ипостаси триединого Бога, называющих Богородицу или отражающих космогонические представления носителей языка о пространственном устройстве мира (при этом *земной мир*, стоящий отдельно от *небесного* и никак с ним не связанный, библейскими УСК не представлен). Из этих групп самыми частотными являются УСК, называющие Бога-сына (Иисуса Христа) и Мать Божию, а также УСК-наименования *царства небесного* и *рая.* Нет ни одного УСК, связанного с именем дьявола или с его слугами. УСК, значение которых связано с *адом*, представлены минимальным количеством.

Использование УСК библейского происхождения в языке духовного фольклора является одним из важнейших средств создания в художественном мире народных духовных стихов оппозиции небесного и земного, той оппозиции, которая является основной отличительной чертой духовного фольклора от светского.

Источники

Ляцкий, Е. А. Стихи духовные. При участии Платоновой Н. С. / Е. А. Ляцкий. – СПб : Изд. т-ва «Огни», 1912. – 189 с.

III. Современная русская языковая картина мира. Опыт лексикографического и художественно-эстетического осмысления

А. А. Осипова

КОНЦЕПТ КАК ЭЛЕМЕНТ КАРТИНЫ МИРА, ВОССОЗДАВАЕМЫЙ ПО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ (на примере концепта «СМЕРТЬ» современной русской картины мира)

Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является понятие концептосферы, которое ввел в отечественную науку академик Д. С. Лихачев. Он отмечает, что концептосфера – это совокупность концептов нации, образованная всеми потенциями концептов носителей языка. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство…» [Лихачев 1993: 5]. З. Д. Попова и И. А. Стернин замечают, что и концептосфера, и концепты – сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые, концептосфера носит упорядоченный характер и может быть определена как «упорядоченная совокупность концептов народа» [Попова, Стернин 2002: 18-19].

Изучение концептов является одним из актуальных направлений в лингвистике последних лет. Об этом свидетельствуют теоретические исследования концепта, а также значительное количество работ, посвященных описанию конкретных концептов.

Настоящая статья посвящена анализу концепта «СМЕРТЬ», который занимает важное место в ряду ценностных понятий носителей русского языка. Концепт «СМЕРТЬ» уже описывался лингвистами ([Дзюба 2001], [Кудрина 2005], [Павлович 1996], [Хо Сон Тэ 2001], [Чернейко 2001], [Юминова 1999]) как отдельно, так и в сопоставлении с концептом-антонимом «ЖИЗНЬ». Выбор концепта «СМЕРТЬ» как объекта исследования обусловлен его важностью в русской концептуальной картине мира. По словам Л. А. Шестак, существуют исходные, первичные концепты, из которых затем развиваются все остальные. «Наиболее существенные концепты организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения. Основными конституентами концептуальной системы являются объект восприятия и его части: изменение (движение и действие с объектом), место (пространство), время и признаки объектов и действий» [Шестак 2003: 17]. В настоящей работе продолжается исследование концепта «СМЕРТЬ» как одного из базовых концептов русской национальной концептосферы.

В современной науке не существует единой теории, четко определяющей структуру концепта. Однако все лингвисты, разрабатывающие проблему концептуализации знаний, отмечают, что концепт имеет определенную структуру, которая носит нежесткий характер. Это связано с активной динамической ролью концепта в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и

аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. В этом заключается суть мышления [Стернин 2001: 58].

Выделяется базовый слой концепта и автономные концептуальные (когнитивные) слои, располагающиеся от более конкретного слоя к более абстрактному (точка зрения И. А. Стернина) и дополняющие базовый слой. Совокупность базового и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру.

Существуют разнообразные подходы к анализу концептов, всевозможные способы их описания, основанные на использовании различного исследовательского материала. В данной статье предпринимается попытка описания концепта «СМЕРТЬ» как элемента русской языковой картины мира.

Любой концепт имеет вербализованную и невербализованную части. Вербализованная часть концепта располагает регулярными языковыми средствами выражения и может быть описана в ходе анализа различных источников информации о концепте: толковых, этимологических, семантических, словарей сочетаемости, фразеологических, словообразовательных, энциклопедических, ассоциативных словарей, результатов ассоциативного эксперимента.

Выявление семного состава ключевого слова *смерть* по данным различных словарей (в том числе и этимологических), помимо сведений о развитии и становлении значений ключевой лексемы, призвано выявить определенные признаки, формирующие концепт. Анализ синонимического ряда ключевого слова *смерть* позволит сопоставить его с близкими по значению словами и выявить дифференциальные признаки концепта. Значительно обогащает представление о составе когнитивных признаков исследуемого концепта анализ деривационных возможностей ключевой лексемы и построение поля вербализаторов концепта «СМЕРТЬ». Выявить число семантических признаков лексемы можно с помощью изучения лексической сочетаемости ключевого слова. Дополнительные возможности для описания содержания концепта «СМЕРТЬ» предоставляет метод свободного ассоциативного эксперимента. Он позволяет получить информацию эмоционального и оценочного плана, а также выявить национально значимые элементы концепта.

Лексическое значение слова смерть как источник информации о концепте «СМЕРТЬ»

Способность слова передавать определенное значение является ключевой для функционирования языка как важнейшего средства человеческого общения. Термин «значение» понимается по-разному в рамках различных направлений лингвистических исследований: и «как особая языковая форма отражения действительности, и как отношение между звуковым комплексом и понятием, и как отнесенность звукового комплекса к явлениям действительности» [Шмелев 2002: 69].

Понятие лежит в основе лексического значения слова, и поскольку понятие представляет собой конъюнкцию признаков – общих и частных для предметов и явлений некоторого класса, – то соответствующие признаки обнаруживаются в лексическом значении слова, и именно они, как правило, манифестированы словарной дефиницией. Такое понимание соотношения значения и понятия явилось следствием структурного подхода к языку и к слову в частности. Дифференциальная модель значения слова-имени концепта, являющаяся «когнитивной моделью» [Михайлова 1998: 83], составляет ядро концепта, зафиксированное в системе языка.

Лексическое значение соотносится с понятием и вбирает в себя большое количество коннотаций (оценочных, идеологических, культурных и т. д.) и ассоциаций, которые фиксирует языковое сознание. Данное понимание лексического значения соответствует интегральной модели, характеризующейся нелимитируемостью, богатством содержания, вскрываемого во множестве употреблений. Однако даже при таком широком подходе лексическое значение оказывается у́же концепта. Н. Ф. Алефиренко отмечает, что «…концепты и языковые значения взаимосвязаны диалектически: с одной стороны, они являются разными сущностями, а с другой, предполагают друг друга. Их различия феноменальны: концепт – категория *когнитивная*; значение – категория *языковая*» [выделено автором] [Алефиренко 2002: 244].

Анализ лексического значения слова *смерть* является необходимым условием описания концепта «СМЕРТЬ», так как значение имени концепта своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, хотя это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные языковые единицы (и многие значения). Обнаруживается и структурное сходство значения и концепта: подобно смысловому содержанию слова, имеющему полевую структуру (ядро, ближняя, крайняя, дальняя периферия), концепт может иметь по́левую организацию. «Концепт как единица структурированного знания имеет определенную, но не жесткую организацию: он состоит из *компонентов (концептуальных признаков)*, которые образуют различные концептуальные слои. Концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы, а концептуальные слои иногда могут совпадать с семемами (но далеко не всегда, концептуальных слоев обычно больше, чем семем). Слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня» [Попова, Стернин 2002: 60]. З. Д. Попова и И. А. Стернин указывают, что вследствие нечеткой организации концепта не представляется возможным моделировать концепт как структуру (подобно фонологической, лексико-семантической, грамматической структурам).

Большинство ученых, придерживающихся классического подхода к семантической структуре слова, подтверждают тот факт, что лексико-семантические варианты (ЛСВ) полисеманта связаны на основе неких об-

щих признаков. Значения многозначного слова содержательно связаны, так что свести воедино все многообразие контекстных употреблений основной части полисемантов возможно. В роли предполагаемого содержательного ядра многозначного слова может выступать инвариант, существующий в сознании носителя языка и облегчающий человеку восприятие соответствующего концепта в качестве «представителя» семантической структуры слова в ментальном лексиконе человека. Такой инвариант носит предположительно абстрактный характер, но непременным его условием должна явиться узнаваемость в нем семантических особенностей слова. Следует также признать, что проблема сведения употреблений значений слова к инварианту «является одной из сложнейших в лексической семантике и лексикографии, где от ее решения зависит, сколько и каких значений будет выделено у данного слова» [Кобозева 2000: 159].

Исходя из данных теоретических предпосылок, перейдем к лексическому анализу слова *смерть* с целью определения инвариантного значения (содержательного ядра) и признаков самого концепта. Наше исследование проводится на уровне ЛСВ (семем) многозначного имени концепта.

Соименами концепта «СМЕРТЬ» являются синонимы *конец* и *кончина*. Двухтомный «Словарь синонимов русского языка» (ССРЯ), «Словарь синонимов» З. Е. Александровой (СС) и «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (НОСС) приводят идентичные синонимические ряды: смерть, кончина, конец (*разг*.) [ССРЯ, II 2001: 440]; смерть, конец (*разг*.), кончина (*книжн*.) [СС 1975: 498]; смерть, кончина (*высок*.), конец 3, гибель 1 [НОСС 2004: 1053].

В целом синонимические парадигмы выделяют тройную культурную доминанту *смерть – кончина – конец*, которая в обыденном сознании составляет ядро концепта «СМЕРТЬ». Однако НОСС фиксирует свойственные этим словам различия культурных смыслов.

Сопоставив структурные значения, можно сказать, что отношения между синонимами *смерть – кончина – конец* характеризуются рядом признаков.

1. Слова *смерть – кончина – конец* эквивалентны в первом значении ‘окончание жизни кого-л.’, поскольку взаимозаменимы в большинстве фраз. Это положение подтверждается соответствующими примерами в НОСС.

2. Эти синонимы в первом значении не лишены некоторых различий. НОСС приводит следующие дифференцирующие смысловые признаки: а) возможность обозначать не только конкретное событие, но и философское понятие (ср. *смерть* в противоположность остальным синонимам); б) отношение говорящего к смерти или к человеку, о котором идет речь (ср. особое отношение к смерти и уважение к умершему, выражаемое синонимом *кончина*); в) возможность обозначать конкретное событие в близком будущем (слово *конец*, единственное из синонимов ряда, может обозначать близкую смерть); тип субъекта (*кончина* обозначает только смерть

человека, *смерть* – переход в состояние небытия человека и некоторых других живых существ).

3. Лексема *смерть* является самым общим синонимом ряда; она, единственная из всех синонимов, может употребляться расширительно, обозначая нечто, прекращающее жизнь и противостоящее жизни; слово *смерть*, в отличие от своих синонимов, может обозначать вообще то небытие, которое как бы начинается после конца жизни; это слово, единственное из всех синонимов ряда, имеет коннотацию силы, перед которой ничто не может устоять. Особенность синонима *смерть* еще и в том, что он легко употребляется персонифицированно – смерть представляется в виде существа (обычно – старухи или скелета), приходящего за человеком [НОСС 2004: 1053]. Последний тезис подтверждается и СС, в котором второй синонимический ряд рассматривает *смерть* как олицетворение: безносая (*разг.*) [СС 1975: 498].

Таким образом, синонимы *смерть – кончина – конец* объединяет значение ‘окончание жизни кого-л.’. Следует сказать, что лексема *гибель*, выделяемая как равноправный член синонимического ряда в НОСС, в СС является второстепенной, то есть отличается от других синонимов некоторыми особенностями употребления в речи (эта лексема дается под косой чертой [см. СС 1975: 498]), а в ССРЯ вообще отсутствует. Исходя из этого, мы не включаем лексему *гибель* в ряд ключевых вербализаторов концепта «СМЕРТЬ», хотя она как вербализатор концептуального признака смерти будет фигурировать в нашей работе ниже.

Лексема *смерть* изначально была многозначной, что отражается в словарях русского языка различных веков (см. «Словарь древнерусского языка» И. И. Срезневского [Срезневский т. 3, ч. 1: стлб. 760-761], «Словарь русского языка XI-XVII вв.» [СРЯ XI-XVII вып. 25: 172-173], «Словарь современного русского литературного языка» [БАС т. 13: стлб. 1355-1357]). Представим обобщенную семантическую структуру слова *смерть* по данным этих лексикографических изданий в таблице (по вертикали представлены семантические компоненты, образующие данный ЛСВ).

№ п/п	ЛСВ
1.	кончина, прекращение жизни смерть (также образно) прекращение жизнедеятельности организма, его гибель *перен*. гибель, уничтожение чего-л.
2.	смертная казнь
3.	*разг.* о чем-л. очень неприятном, нехорошем, тяжком для кого-л.
4.	мор, моровая язва
5.	только ед., в знач. нареч. (иногда со словом «как»). прост. очень сильно
6.	погибель

Как видно из таблицы, ЛСВ 1 неоднороден по составу сем в анализируемых словарях. В словаре Срезневского и в БАС его можно назвать схожим (‘прекращение жизни/прекращение жизнедеятельности организма’), хотя толкование БАС тяготеет к научному; отдельные семы в составе этого ЛСВ у них индивидуальны и, скорее, не трактуют само слово *смерть*, а представляют его синонимический ряд (ср. у Срезневского – это *кончина*, в БАС – *гибель*). БАС в состав ЛСВ 1 вводит еще и переносное толкование ‘гибель, уничтожение чего-л.’, отсутствующее в других словарях.

Затемнен ЛСВ 1 (ср. ‘смерть (также образно)’) в СРЯ XI-XVII вв. Он фактически не толкует лексему *смерть*. Такое положение вещей является не совсем обычным, ибо первое значение единицы, как правило, является основным.

ЛСВ 2 идентичен в словаре Срезневского и в СРЯ XI-XVII вв. ЛСВ 3, 4, 5, 6 являются единичными: БАС представляет ЛСВ 3, 5 (‘о чем-л. очень неприятном, нехорошем, тяжком для кого-л.’ и ‘очень сильно’ соответственно); словарь Срезневского – ЛСВ 4, 6 (‘мор, моровая язва’ и ‘погибель’ соответственно).

Анализ ЛСВ слова *смерть* по данным словарей Срезневского, СРЯ XI-XVII вв., БАС показывает, что, хотя данная лексема имела совсем небольшое их количество (в словаре Срезневского – четыре, в СРЯ XI-XVII вв. – два, в БАС – три), эти ЛСВ были очень разнородны, часто не дополняли друг друга, а являлись единичными (закреплялись только в одном словаре). Это, видимо, связано с неактуальностью некоторых обозначаемых явлений в жизни общества (ср. ‘мор, моровая язва’) с тем временны́м промежутком, который охватывает словарь (например, БАС является более поздним и помещает в словарную статью переносные, разговорные ЛСВ лексемы). И, тем не менее, представляется возможным выделить ядерное значение слова *смерть* – ***‘прекращение жизни/жизнедеятельности (организма)’***. Отметим, что лексема *смерть* была фактически проигнорирована СРЯ XI-XVII вв., так как первый ее ЛСВ практически не является информативным, а второй лишь частично предполагает ядерную сему (ср. ‘смертная казнь’).

Выделенные нами шесть ЛСВ лексемы *смерть* становятся базой для дальнейшего исследования.

Особое место среди объяснительных словарей предшествующих эпох (до XX в.) занимает «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, так как он отразил реальное состояние русского языка первой половины XIX в. во всех его сферах: это не только свод современного В. И. Далю литературного языка, но и первое достаточно полное собрание терминологической, разговорной, просторечной, диалектной и даже жаргонной лексики.

В словаре В. И. Даля используется недискретная подача значений лексемы *смерть*. Однако в структуре этого полисеманта нетрудно выделить отдельные ЛСВ: 1) ‘конец земной жизни’, 2) ‘кончина’, 3) ‘разлученье души с телом’, 4) ‘умиранье’, 5) ‘состоянье отжившаго’ [Даль т. 4: 233]. Отличительной чертой в толковании лексемы *смерть* является наличие семы ‘состояние’ (ЛСВ 5), а также семы ‘процесс’ (ЛСВ 4 – ‘умиранье’ от ‘умирать’). Ценным дополнением к вышеуказанным толкованиям слова *смерть* в словаре В. И. Даля становится дифференцированное понимание смерти в зависимости от того, какого субъекта/объекта она касается. Ср.: «*Смерть человека*, конец плотской жизни, воскресенье, переход к вечной, к духовной жизни. *Смерть животнаго*, конец бытия его, или возвращенье жизненных сил его в общий источник, и разложенье плоти. *Смерть растенья*, то же, отделенье от него растительной силы, или поступленье его во власть законов неживой природы» [Даль т. 4: 233]. Разграничение смертей человека, животного и растения, видимо, связано с желанием лексикографа выделить высшее существо (человека), имеющего душу, способную воскреснуть, и низшие существа (животное, растение), лишенные души и, следовательно, не имеющие возможности жить вечно. Данный аспект, описанный В. И. Далем, привносит в толкование лексемы *смерть* еще одну важную (в христианском понимании) сему – ‘разлучение души с телом’ и дополняет ЛСВ 3.

Словарь Даля, в отличие от словаря Срезневского, СРЯ XI-XVII вв. и БАС, называет разновидности смертей и объясняет значение каждой из них (см. *умереть своею смертью, внезапною, наглою, случайною, насильственною; легкая смерть, тяжелая смерть* и т. д.) [Даль т. 4: 233].

Таким образом, данные словаря В. И. Даля позволяют дополнить список ЛСВ (и, соответственно, список признаков концепта) еще тремя ЛСВ: ‘состояние’, ‘процесс (умирание)’, ‘разлучение души с телом’.

В современном русском языке слово *смерть* также является многозначным, но в толковых словарях представлено различное число его ЛСВ. Ниже в виде таблицы дана обобщенная семантическая структура лексемы *смерть* по данным словарей XIX-XX вв.: «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова [ТСУ т. 4: стлб. 298], «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [СОШ 2002: 735], «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова [БТС 2000: 1216-1217], «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [МАС т. 4: 152] с целью уточнения и дополнения представленных выше ЛСВ.

№ п/п	ЛСВ
1.	прекращение жизнедеятельности организма (биол.) гибель организма распад
2.	прекращение существования человека, животного

	смертная казнь (*обычно в сочетании с глаг. «приговорить», «присудить» и т. п.*)
3.	*в знач. нареч., сказ., только ед., со словом «как» или без него.* очень, в высшей степени, чрезвычайно (*разг. или прост., фам.*) очень много ужас (*прост*.)
4.	*перен*. конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности гибель, уничтожение чего-л.
5.	*в знач. сказ., разг.* плохо, нехорошо; горе, беда

Сопоставляя ЛСВ лексемы *смерть* в толковых словарях русского языка периода до XIX в. и XIX-XX вв., можно отметить, что ее семантическая структура не претерпела кардинальных изменений. В отличие от словарей, отражающих состояние русского языка до XIX в., в словарях современного русского языка усилилось различие научного и бытового (наивного) понимания смерти (это подтверждается наличием ЛСВ 1, 2). ЛСВ 2 конкретизирует указанный выше ЛСВ 1 по данным словарей периода до XIX в. (ср. ‘кончина, прекращение жизни’ и ‘прекращение существования человека, животного’). Представленное теперь как оттенок (а не как отдельный ЛСВ), значение ‘смертная казнь’ фигурирует только в МАС, причем употребление лексемы *смерть* в данном значении ограничивается ее сочетаемостью с глаголами *приговорить, присудить* и т. п.

Широкое развитие получает намеченный уже в СРЯ XI-XVII вв. и в БАС ЛСВ 3, несущий в себе эмоциональную оценку явлений (ср. *Народу смерть сколько! Устали смерть! Смерть пить хочется* [СОШ 2002: 735]) и снабженный стилистическими пометами *разг., прост., фам*. Среди значений, ставших самостоятельными, можно отметить обобщенный ЛСВ 4 ‘*перен*. Конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-л.’ [СОШ, БТС] (ранее он был зафиксирован только в БАС как оттенок значения).

Словари XIX-XX вв. (как и словари периода до XIX в.) не включают сведений о христианском понимании смерти, которые были ярко представлены в словаре В. И. Даля. Это, видимо, объясняется стремлением максимально нейтрально истолковать явление смерти (без религиозного ее осмысления).

Подобно словарю В. И. Даля, авторы СОШ и БТС дают развернутую классификацию смертей и их толкование (ср. *клиническая смерть* ‘короткий период после прекращения дыхания и сердечной деятельности, в который еще сохраняется жизнеспособность тканей’, *биологическая смерть* ‘необратимое прекращение биологических процессов в клетках и тканях организма’ и т. д.) [СОШ 2002: 735].

Таким образом, учитывая данные словарей русского языка периода до XIX в. и XIX-XX вв., отметим все обнаруженные нами ЛСВ слова *смерть*.

№ п/п	ЛСВ
	Актуальные для языкового сознания
1.	прекращение жизнедеятельности организма (биол.) гибель организма распад
2.	прекращение существования человека, животного
3.	смертная казнь (*обычно в сочетании с глаг. «приговорить», «присудить» и т. п.*)
4.	*перен*. конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности гибель, уничтожение чего-л.
5.	*в знач. нареч., сказ., только ед., со словом «как» или без него.* очень, в высшей степени, чрезвычайно (*разг. или прост., фам.*) очень много ужас (*прост*.)
6.	*в знач. сказ., разг.* плохо, нехорошо; горе, беда
	Неактуальные или утраченные языковым сознанием
7.	‘мор, моровая язва’
8.	‘погибель’
9.	‘состояние отжившего’ (Даль)
10.	‘умиранье’ (Даль)
11.	‘разлучение души с телом’ (Даль)

Итак, по данным рассматриваемых словарей лексема *смерть* в русском языке представлена одиннадцатью ЛСВ. Мы не отказываемся от неактуальных или утраченных языковым сознанием носителей современного русского языка ЛСВ слова *смерть*, так как они продолжают входить в поле вербализаторов концепта «СМЕРТЬ».

Как известно, связь значений полисемантичного слова характеризуется семантической непрерывностью. Выделяют три конфигурации ЛСВ (радиальная, цепочечная и смешанная). С. Д. Кацнельсон отмечает, что деривационная структура полисемии характеризуется иерархией, в которой главенствующую роль играет всегда одно – основное, или главное значение; все остальные либо прямо, либо косвенно подчинены главному. При этом значения одной лексемы не всегда образуют последовательную цепь дериватов [Кацнельсон 1986: 20].

С выделенным нами на предварительном этапе исследования как основное значением *‘прекращение жизнедеятельности организма’* (в классификации ЛСВ 1) прямо или косвенно связаны остальные значения анализируемого слова (в расчет берутся только актуальные для языкового сознания ЛСВ): значения ЛСВ 2, 3, 4 (*перен.*) относятся к значению ЛСВ 1 как видовые наименования к родовому (цепочечная организация значения). Семантическая связь ЛСВ 5, 6 с основным значением затемнена, так

как эти ЛСВ называют состояния или процессы, не приводящие к смерти (гибели) кого- чего-л., а отражают эмоциональную сферу (радиальная организация значения). По всей вероятности, связь данных ЛСВ с узловым значением основана на ассоциативных или репрезентативных признаках, содержащихся в первом, главном значении слова. Таким образом, переносное значение непосредственно развивает именно существенный элемент исходного значения: своеобразный предел, крайнее состояние кого-, чего-л. (ср. *Морозы – смерть моя!, Смерть как зуб ноет*).

Явление смерти предполагает определенный процесс, который манифестируют глаголы *умирать/умереть*; связь существительного и глаголов устанавливается с помощью этимологических словарей. Так, по данным «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ) прасл. *merti связывается с русск. *мерть* ‘умирать’ [ЭССЯ 1993: 101]. К форме инфинитива, по своему происхождению являющегося отглагольным именем, позже присоединяется приставка *с-*, которая, вероятно, связана с др.-инд. su- «хороший, благой», первоначально «благая смерть» и далее со *svo- (см. свой). Следовательно, слав. *sъ-mьrtь означает ‘своя, естественная’. Ср. русск.: *умереть своей смертью* [Фасмер т. 3: 685-686]. Считаем возможным включить глаголы *умирать/умереть* в ядро анализируемого концепта.

Требует уточнения и определенное нами выше (по данным словарей периода до XIX в.) ядерное (общее) значение *‘прекращение жизни/жизнедеятельности организма’*. В связи с этим необходимо учесть, что в рамках поиска содержательного ядра многозначного слова идет полемика по поводу существования общего значения слова, понимаемого лингвистами неоднозначно. По мнению ряда исследователей, общее значение многозначного слова является одной из самых трудных задач в области поиска смыслового ядра, которое, присутствуя в значении каждого из его вариантов, остается их неизменной основой [Новиков 1982: 164; Шмелев 1973]. Л. А. Новиков – один из немногих сторонников общего значения, кто пытается дать определение этому явлению: «это теоретическое построение, имеющее ценность как некоторый инвариант смысла, определяющий основу или границы смысловой структуры, ее суть» [Новиков 2001: 538]. Данная дефиниция была бы, очевидно, подходящей для определения содержательного ядра слова в целом. Во всяком случае, как следует из определения, автор пытается уйти от первого значения, называя общее значение «теоретическим построением». Однако на практике полностью уйти от первого значения Л. А. Новикову все же не удается. Он полагает, что в толковании всех частных значений присутствует общий ассоциативный признак, совпадающий с главным значением. Именно он цементирует главное и частные значения, осуществляя их взаимную мотивированность по смежности.

Таким образом, опираясь на главное значение слова, попытаемся установить инвариант (минимальное содержательное ядро) для лексемы *смерть*: ***‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния***

бытия в состояние небытия'. Это определение (в силу энциклопедического характера) не совпадает с концепцией ближайшего и дальнейшего значения слова А. А. Потебни, так как под значением слова он подразумевает «две различные вещи», из которых одну, подлежащую ведению языкознания, называет «ближайшим», другую, составляющую предмет других наук, «дальнейшим». Причем только одно ближайшее значение, по его мнению, составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова [Потебня 1993: 74].

А. А. Потебня указывает на единичность входящего в семантическое ядро признака и подчеркивает «народность» ближайшего значения, в то время как М. В. Никитин полагает, что и научные, и бытовые понятия принадлежат одному концептуальному уровню сознания – обобщающе-абстрагирующему [Никитин 2002: 257]. Подобное отношение к разграничению понятия и лексического значения высказывает И. М. Кобозева (приводя в пример слово *зеркало*): «Какие элементы информации, отраженные во фрейме, входят в лингвистическое значение слова *зеркало*, а какие – в экстралингвистическое – вопрос схоластический, коль скоро вся эта информация так или иначе используется говорящим при решении коммуникативной задачи описания пространства на естественном языке или понимания такого описания» [Кобозева 2000: 67]. Мы придерживаемся точки зрения, высказанной М. Н. Никитиным и И. М. Кобозевой, позволяющей рассматривать слово не только как единицу лексикона, но и как средство вербализации концепта, что соответствует задачам данного исследования.

«Философский энциклопедический словарь» (ФЭС) дает следующее определение смерти: «естественный конец всякого живого существа» [ФЭС 1983: 617]. В словаре максимально обобщается понимание смерти и (что очень важно), во-первых, делается акцент на то, что смерть – это единственный конец всего живого (сема 'естественный'), во-вторых, поясняется, что человек, в отличие от всех других живых существ, сознает свою смертность, в третьих, говорится о том, что человек осознает смысл смерти как завершающий момент человеческой жизни [Там же]. Не менее важной представляется информация о религиозном понимании смерти, связанная с представлением о загробном мире, о существовании души (ср. выше толкование смерти В. И. Далем).

«Энциклопедический словарь этики» (СЭ) толкует смерть как «прекращение жизни» [СЭ 2001: 440]. Данное толкование, на наш взгляд, является слишком узким и не может информативно дополнить все рассмотренные выше значения. Но далее, в рассуждениях о смерти как культурологической проблеме отмечается очень важное для нас понимание смерти: это «критический рубеж в конкретной человеческой жизни, кардинальный *переход от одного состояния к другому*» [Там же: 443; выделено нами – А. О.].

Итак, данные разных лексикографических источников позволяют несколько расширить словарные толкования, скорректировать их, и посте-

пенно вокруг ядра концепта фокусируются новые концептуальные признаки, увеличивая его объем.

Отметим ЛСВ слова *смерть* с учетом корректировки главного значения:

1) ‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’;

2) ‘смертная казнь’;

3) ‘конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-л.’;

4) ‘очень, в высшей степени, чрезвычайно’;

5) ‘плохо, нехорошо; горе, беда’;

6) ‘мор, моровая язва’;

7) ‘погибель’;

8) ‘умирание’ (Даль);

9) ‘разлучение души с телом’.

Можно представить концепт «СМЕРТЬ» как фрейм, который «имплицирует комплексную ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств [Бабушкин 1997: 20-21].

В структуре фрейма *смерть* на данном этапе исследования выделяются следующие составляющие:

– объект (живое существо);

– модификатор (изменяемость) (переход объекта от одного состояния к другому);

– результатив (результат).

Важным категориальным признаком фрейма является его «структурированность, объединяющая в единый когнитивный образ языковые и неязыковые знания» [Алефиренко 2002: С. 20]. Исследование концепта «СМЕРТЬ» при помощи фреймовой структуры, на наш взгляд, поможет выделить основные составляющие этого явления/процесса.

Лексическое значение ключевого слова не позволяет выявить все составляющие концепта *смерть*, поэтому, чтобы расширить его границы, обратимся к анализу лексического и фразеологического окружения лексемы *смерть*.

Структура поля вербализаторов концепта «СМЕРТЬ»

Переход от понятия к слову можно проследить, используя данные «Русского семантического словаря» [РСС 1983], в котором осуществляется попытка получения информации о лексическом окружении любой единицы. По мнению авторов РСС, можно, «назначив дескриптором какое угодно слово, построить по готовой программе семантические поля для каждого из них, и такая информация послужит важной логико-понятийной, содержательной характеристикой соответствующей лексической единицы в дополнение к ее толкованию и грамматическим свойствам, отраженным в толковых словарях» [РСС 1983: 3].

С помощью данных РСС попытаемся очертить круг лексических единиц, связанных в языке с выражением концепта «СМЕРТЬ».

В статье дескриптора «СМЕРТЬ» в словаре объединено 41 слово (см. приложение), структура лексического значения которых включает некоторые из девяти базовых семантических множителей (*гиб-, нежи-, распа-, уби-, смерт-, умер-, прекра-, уничт-, организм-*). Самым продуктивным среди них является семантический множитель (СМ) *уби-*, так как он объединяет в дескрипторной статье наибольшее количество лексем (16): *жертва, кончить, колоть, косить, мясо, пасть, перебить, побить, погром, положить, приколоть, разбой, резать, стрелять, убить, уложить*. Чуть менее продуктивным оказался СМ *смерт-* (объединяет 12 лексем: *вдовый, гибель, завещание, конец, небытие* и др.). Далее в порядке убывания продуктивности располагаются СМ *прекра-* (объединяет 8 лексем: *кончить, ликвидировать, свергнуть, убить, уничтожить* и др.), *уничт-* (объединяет 7 лексем: *гибнуть, ликвидировать, побить, уничтожить* и др.), *нежи-* (объединяет 5 лексем: *мертвый, небытие, смерть* и др.), *умер-* (объединяет 5 лексем: *вдовый, кончиться, мертвый* и др.), *гиб-* (объединяет 4 лексемы: *гибель, гибнуть, тонуть, трагедия*), *распа-* (объединяет 4 лексемы: *брожение, делиться, ломаться, ползти*). СМ *организм-* оказался «не работающим», так как не входит ни в одно из слов в статье дескриптора. Авторы РСС считают, что выявление продуктивных, малопродуктивных и «не работающих» СМ позволит скорректировать и усовершенствовать толкования слов и построить оптимальные дефиниции в толковых словарях.

Нужно отметить, что самым эффективным, по данным РСС, стал СМ, отражающий смерть как неестественный процесс. Идея неестественной смерти отражается в более разнообразном списке лексем, что косвенно можно объяснить превалированием в русском языке единиц, содержащих пейоративную оценку. Лингвисты отмечают, что обозначения «плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего» и что в языке есть более разнообразные средства для детальной классификации плохих поступков человека, чем хороших, плохих черт характера, чем хороших, и т. п. [Вольф 1986: 102].

Некоторые лексемы, включенные в статью дескриптора, имеют отношение к идее смерти лишь постольку, поскольку в их толкованиях в процессе машинной обработки совпал тот или иной, общий с дескриптором *смерть* СМ. Это лексемы *брожение* (общий с дескриптором СМ *распа-*), *делиться* (общий с дескриптором СМ *распа-*), *ломаться* (общий с дескриптором СМ *распа-*), *ползти* (общий с дескриптором СМ *распа-*), *остаться* (общий с дескриптором СМ *смерт-*), *свергнуть* (общие с дескриптором СМ *прекра-, уничт-*). На примере слова *остаться* покажем, как оно попало в статью дескриптора *смерть*. Эта лексема, по данным СОШ, имеет 6 ЛСВ. В ЛСВ 4 ‘оказаться в наличии после пользования чем-н., а также ухода, смерти кого-н.’ [СОШ 2002: 464] присутствует СМ *смерт-*, заданный РСС и поэтому выделенный в процессе машинной обработки в слове

остаться. Мы считаем, что подобные слова не привносят существенных признаков в дескриптор, поэтому, безусловно, будут располагаться на крайней периферии семантического поля *смерть*.

Итак, по данным РСС, ядро поля «Смерть» составляют синонимически сближенные имена: *гибель, конец, небытие,* – а также глагольные слова: *умереть, гибнуть, кончиться*.

Вслед за Л. Н. Чурилиной, мы считаем, что единицы, вошедшие в состав дескриптора, образуют, в свою очередь, более частные объединения – семантические микрополя в составе рассматриваемого семантического поля, которые позволят реконструировать концепт «СМЕРТЬ» в лексико-системном варианте его представления [Чурилина 2002: 33].

Процессуальность явления, обозначенного словом *смерть*, подтверждается количественным преобладанием глагольной лексики в статье дескриптора (из 41 слова 24 – глаголы). **Микрополе «способ смерти»** объективирует различные действия, направленные на конечный результат – умерщвление кого-л.: *вешать, колоть, кончить, косить, ликвидировать, перебить, побить, положить, приколоть, резать, стрелять, убить, уложить, уничтожить*. В это же микрополе входят существительные *разбой, погром, яд*; в значении первых двух содержится СМ *уби-*, в последнем – СМ *смерт-*.

Смерть кого-л. порождает новые обстоятельства/статус кого-л., зависящие только от нее. Вербализаторы подобных обстоятельств/статуса кого-л. эксплицируются в **микрополе «следствие»** и объединяют лексемы *вдова, вдовец, вдовый, завещание, мертвый, мясо, наследство, святой*.

Экспликацией эмоционального основания смерти служит **микрополе «эмоции»**, включающее лексемы *жертва, трагедия*. В **микрополе «состояние»** можно включить только лексему *предсмертный*.

Итак, дескрипторная статья «Смерть», представленная в РСС, позволяет выделить ядро семантического поля и несколько микрополей, самым ярким из которых является **микрополе «способ смерти»**. Почти не находит отражения сфера эмоций и сфера состояния человека, единичны и неярки лексемы, входящие в периферию поля (*брожение, делиться, ломаться, ползти*, *остаться, свергнуть*). Схематически семантическое поле «Смерть», по данным РСС, выглядит следующим образом:

СМЕРТЬ

(41 слово, 9 СМ: *гиб-, нежи-, распа-, уби-, смерт-, умер-, прекра-, уничт-, организм-*)

Ядро

гибель, конец, небытие, гибнуть, кончиться, умереть

микрополе «способ смерти» (19 ед.) лексемы с СМ *гиб-, нежи-, смерт-, прекра-, уби-, уничт-*	**микрополе «следствие» (6 ед.) лексемы с СМ** *нежи-, смерт-, уби-, умер-*	**микрополе «эмоции» (2 ед.) лексемы с СМ** *гиб-, уби-*	**микрополе «состояние» (1 ед.) лексемы с СМ** *смерт-*

Периферия

лексемы с СМ *прекра-, уничт-, распа-* (5 ед.)	**1 лексема с СМ** *смерт-*

Опираясь на данные РСС, считаем необходимым несколько раздвинуть границы поля. Но в задачу исследования не входит описание всех единиц, составляющих поле вербализаторов (ПВ) концепта «СМЕРТЬ». Мы намечаем лишь структуру поля.

Слово *смерть* в качестве видового имени можно отнести к лексико-семантическому полю *Прекращение* (гипероним). В эквиполентной оппозиции (пересечение двух ЛСВ: антонимические отношения, отношения между ЛСВ многозначного слова) с именем анализируемого концепта находятся его согипонимы по полю *Прекращение* (так как гипероним носит отглагольный характер (ср. *прекращение* от *прекратиться*), то гипонимами будут глаголы) – *кончиться* в значении ‘прийти к концу, прекратиться’ [СОШ 2002: 293], *пройти* в значении ‘о чем-нибудь бывшем, длившемся: миновать, протечь, прекратиться’ [СОШ 2002: 612], *перестать* в значении ‘кончиться (о том, что длилось, продолжалось)’ [СОШ 2002: 510], *затихнуть, утихнуть* в значении ‘стать тише, перестать, прекратиться’ [СОШ 2002: 222], *замереть* в значении ‘затихая, прекратиться’ [СОШ 2002: 211], *потухнуть* в значении ‘ослабевать, терять силы, исчезать’ [СОШ 2002: 126].

В нулевой оппозиции (отношения равенства между ЛСВ) с ядерной семемой, выделенной нами (‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’) находятся синонимы имени концепта – лексемы *конец* и *кончина* (последний не нашел отражения в РСС). К антонимам ядерной семемы (эквиполентная оппозиция с ядром ПВ), по данным «Словаря антонимов русского языка» Л. А. Введенской (СА), мы относим единицы, обозначающие существование или начало существования кого-л.: *жизнь* ‘существование человека, животного’ [СА 1995: 171], *рождение* ‘момент появления на свет’ [СА 1995: 334], *бессмертие* ‘вечное существование, непрекращающееся бытие’ [СА 1995: 52].

Семема слова *смерть* ‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’ (уточненный нами ЛСВ 1) является содержательным ядром конструируемого в данном параграфе ПВ. Остальные ЛСВ распределяются в пространстве поля в соответствии с тем, насколько близки их значения к ядру поля (в расчет берутся и актуальные, и неактуальные для языкового сознания ЛСВ): ЛСВ 2, 3, 6, 7, 8 находятся в одношаговых семантических отношениях с ядром (см. «правило шести шагов», предложенное Ю. Н. Карауловым [Караулов 1976: 77-78]) и занимают околоядерную зону, образуя пять ее секторов; ЛСВ 9, находящийся в двухшаговых семантических отношениях с ядром, входит в зону ближней периферии ПВ; ЛСВ 4, 5, находящиеся более чем в трехшаговых семанти-

ческих отношениях с ядром, занимают положение дальней периферии в ПВ.

Синонимы, антонимы, видовые имена каждого из ЛСВ слова *смерть* занимают в ПВ место, соответствующее расположению ЛСВ, с которым они связаны.

В околоядерной зоне ПВ *Смерть* находятся синонимы шести ЛСВ:

1) синоним ЛСВ 2 ‘смертная казнь’:

смертельный в значении ‘3. Крайне ожесточенный, такой, который ведет к полному поражению’ [СОШ 2002: 734-735];

2) синонимы ЛСВ 3 ‘конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-л.’:

изничтожение от *изничтожить* – ‘истребить, уничтожить полностью’ [СОШ 2002: 241];

истребление от *истребить* – ‘уничтожить, погубить’ [СОШ 2002: 256];

исход – ‘2. Завершение, конец’ [СОШ 2002: 256];

конец – ‘1. Предел, последняя грань чего-нибудь в пространстве или во времени’ [СОШ 2002: 289];

крах – ‘2. *перен.* Полная неудача, провал’ [СОШ 2002: 304];

ликвидация – ‘2. Уничтожение кого- чего-нибудь’ [СОШ 2002: 326];

пагуба – ‘погибель, большой вред’ [СОШ 2002: 488];

развязка – ‘2. Конец, завершение (обычно решительное, действенное) каких-нибудь сложных, событий, ситуаций’ [СОШ 2002: 644];

скончание от *скончаться* – ‘умереть’ [СОШ 2002: 724];

финал – ‘1. Завершение, конец, заключительная часть чего-нибудь’ [СОШ 2002: 853];

3) синонимы ЛСВ 6 ‘мор, моровая язва’:

поветрие – ‘1. Эпидемическая болезнь, эпидемия’ [СОШ 2002: 528];

эпидемия – ‘широкое распространение какой-нибудь инфекционной болезни’ [СОШ 2002: 911];

4) синонимы ЛСВ 7 ‘погибель’: *пагуба, крах* (см. выше у ЛСВ 3);

5) синоним ЛСВ 8 ‘умирание’ (Даль):

агония – ‘предсмертное состояние организма’ [СОШ 2002: 18].

В зоне ближней периферии ПВ находятся синонимы ЛСВ 9 ‘разлучение души с телом’:

разъединить – ‘прервать соединение, связь между кем-чем-нибудь’ [СОШ 2002: 655];

оторвать – ‘3. кого (что) от кого-чего. Разлучить, лишить связи с кем- чем-нибудь’ [СОШ 2002: 476].

Перечисленные синонимы находятся с соответствующими ЛСВ в нулевой оппозиции, что отражается в дефинициях синонимических словарей.

Антонимы отмечаются словарями только у ЛСВ 3, 8, 9 и находятся в эквиполентной оппозиции с соответствующими семами слова *смерть*:

1) антонимы ЛСВ 3 ‘конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-л.’:

начало – ‘1. Первый момент или первые моменты какого-нибудь действия, явления’ [СОШ 2002: 399];

исход – ‘3. Начало, исходный момент, исток’ [СОШ 2002: 256];

2) антоним ЛСВ 8 ‘умирание’:

возрождение – ‘2. Появление вновь, возобновление, подъем после периода упадка, разрушения’ [СОШ 2002: 93];

3) антонимы ЛСВ 9 ‘разлучение души с телом’:

встреча от *встретиться* – ‘1. с кем-чем. Сойтись, съехаться, двигаясь с противоположных сторон’ [СОШ 2002: 106].

Таким образом, опираясь на данные РСС, который позволил определить основной набор лексем, входящих в поле *Смерть* (ядерные, находящиеся в околоядерной зоне (и оформленные нами в микрополя) и периферийные), мы несколько расширили границы поля, включив в основной список лексем синонимы и антонимы всех выделенных нами ЛСВ слова *смерть*.

Несомненно, в ПВ концепта «СМЕРТЬ» должны быть включены однокоренные слова из словообразовательных гнезд «Смерть» и «Мереть», отражающие ценностный аспект культурной информации о концепте. Используя данные «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов т. 2: 128-129; 590-591], отметим наиболее частотные словообразовательные значения дериватов.

Дериваты глагола *мереть* имеют несколько вариантов корня (*мер-, мор-, мар-, мир-, мр-*). Некоторые из них со временем утратили сему ‘прекращение жизнедеятельности организма’ (ср. *замирать, заморыш, изморок, обмереть, разморить, сморить, уморительный* и др.), хотя, несомненно, она в качестве пассивного признака в них сохраняется. Подобные лексемы располагаются на периферии структурируемого нами ПВ концепта «СМЕРТЬ».

С точки зрения деривационной семантики производные от *смерть* и от *мереть* имеют следующие основные словообразовательные значения:

‘совершать (-ить) действия, связанные с тем, что названо мотивирующим существительным’ (в производящем *смерть* 2 деривата – *обессмертить, обессмертиться*; в производящем *мереть* 57 дериватов – *морить, заморить, вымереть, умирать, примереть, уморить* и т. д.);

‘характеризующий признак того, что названо мотивирующим существительным’ (в производящем *смерть* 8 дериватов – *смертельный, смертный* (прил.), *смертоносный, смертоубийственный* и т. д.; в производящем *мереть* 11 дериватов – *выморочный, замореный* (прич.-прил.), *изможденный* (прич.-прил.), *мнимоумерший* (прил.), *мореный, моровой* и т. д.);

‘человек, имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’ (в производящем *смерть* 6 дериватов – *смертник, смертный* (сущ.), *бессмертник* и т. д.; в производящем *мереть* 10 дериватов – *заморыш, морильщик, умирающий* (сущ.)*, мнимоумерший* (сущ.) и т. д.);

‘явление, которое названо мотивирующим существительным’ (в производящем *смерть* 7 дериватов – *смертничество, смертность, смертоубийство* и т. д.; в производящем *мереть* 16 дериватов – *вымаривание, вымирание, мор, морение, отмирание, уморительность* и т. д.);

‘имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’ (в производящем *мереть* 4 деривата – *клопомор, морилка, морильня, мухомор*).

В производящем *мереть*, в отличие от словарной статьи производящего *смерть*, явно доминируют производные со значением процесса; у обоих производящих достаточно частотны дериваты, обозначающие явление и признак.

С точки зрения лексической семантики анализируемые производные образуют хорошо структурируемые лексико-семантические группы (ЛСГ):

1. ЛСГ имен со значением лица, испытывающего/испытавшего воздействие (*бессмертник, замореный, смертник* и т. д.), а также со значением непосредственно самого явления (прямые производные от *смерть* – *смертишка, смерточка, смертынька* и т. д.).

2. Значительная по объему ЛСГ глаголов, обозначающих различные варианты действия (производящее *мереть*). Для словообразовательной парадигмы характерны глагольные префиксы, актуализирующие значения: а) длительно-интенсивного/неинтенсивного способа действия («вы-» (*вымаривать*), «пере-» (*перемариваться*), «про-» (*проморить*), «раз-» (*размаривать*)), б) финитивно-результативного («вы-» (*вымереть*), «за-» (*заморить*), «из-» (*изморить*), «от-» (*отмереть*), «у-» (*умереть*)), в) ограничительного («по-» (*поморить*), «под-» (*подморить*), «при-» (*приморить*)).

Деривационные связи, зафиксированные в словообразовательном гнезде, наглядно демонстрируют глубину семантических отношений между однокоренными словами. Многие из них будут располагаться в околоядерной зоне (напр., производящие *смертельный*, *смертный*) и зоне ближней периферии (напр., производящее *бессмертный*) ПВ концепта «СМЕРТЬ».

Таким образом, анализ деривационных связей слова *смерть* позволяет уточнить и расширить состав терминальных узлов фрейма, представляющего в сознании носителей русского языка концепт «СМЕРТЬ». Во-первых, компоненты словообразовательных гнезд *смерть* и *мереть* дают представление о некоем признаке и явлении, названном мотивирующим существительным. Во-вторых, семантика глаголов в производящем *мереть*

отражает интенсифицирующий аспект осмысления смерти языковым сознанием, а также эксплицирует такие концептуальные составляющие, как временная протяженность действия и его результат.

Кроме основных единиц – лексем, в структуру ПВ концепта «СМЕРТЬ» также входят сверхсловные языковые единицы – УСК, в том числе фразеологические единицы (ФЕ). Необходимо обратить внимание на эти компоненты поля, так как они играют важную роль в репрезентации концепта «СМЕРТЬ» в русской языковой картине мира. В сверхсловных языковых единицах наиболее ярко отражаются национально-культурные стереотипы, обычаи, вкусы, привычки народа. «В них сконденсировано уникальное знание людей о себе и окружающем их мире, закреплены результаты познавательной деятельности общества» [Биловус 2002: 62-63].

Сближение семантики сверхсловной языковой единицы и лексемы оказывается возможным на том основании, что и у них, и у части слов объектом означивания оказывается не только вещь, предмет, элемент реальности, но и событие или факт, то есть фрагмент внеязыковой действительности.

Наметим основные направления вхождения сверхсловных языковых единиц в ПВ концепта «СМЕРТЬ». Сверхсловные языковые единицы распределяются по характеру семного наполнения их значения в секторах каждого из выделенных нами ЛСВ слова *смерть*. В основном все эти единицы будут находится на периферии структурируемого ПВ.

При отборе примеров сверхсловных языковых единиц нами использовались материалы «Фразеологического словаря русского литературного языка» под ред. А. И. Федорова (ФСРЛЯ). Мы не ставили задачу привлечь все сверхсловные языковые единицы, а выбрали лишь самые характерные для того, чтобы наиболее адекватно отразить структуру ПВ концепта «СМЕРТЬ».

Ядерную семему ‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’ на периферии ПВ содержат следующие единицы: *весь вышел (вся вышла)* ‘2. кто. прост., обл. умер’ [ФСРЛЯ 1995: 57], *воспарить в горния* ‘устар. 1. умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 77], *дать дуба* ‘прост. умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 139], *задрать лытки <кверху>* ‘обл., шутл. умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 195], *закрыть глаза навеки* ‘устар. умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 198], *только и жил кто* ‘разг., экспрес. кто-л. внезапно умер’ [ФСРЛЯ 1995: 188], *лечь в могилу* ‘умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 279], *оставить мир* ‘устар. умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 353], *отбросить коньки* ‘грубо-прост. умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 355], *распроститься с жизнью* ‘разг. умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 452], *уходить/уйти в небытие* ‘книжн. умирать’ [ФСРЛЯ 1995: 558] и т. п.;

К шести ЛСВ, находящимся в околоядерной зоне и зоне ближней периферии ПВ, по характеру значения будут примыкать следующие единицы:

1) ЛСВ 2 ‘смертная казнь’: *головы летят/полетели* ‘разг., экспрес. 1. о наказании смертной казнью’ [ФСРЛЯ 1995: 120], *к стенке кого (поставить)* ‘прост., экспрес. расстреливать, приговаривать кого-л. к расстре-

лу’ [ФСРЛЯ 1995: 519], *положить смерть кому* ‘устар. повелеть предать смертной казни кого-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 403], *сажать/посадить на кол кого* ‘устар. старинный способ казни’ [ФСРЛЯ 1995: 470];

2) ЛСВ 3 ‘конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-л.’: *весь/вся вышел/вышла что* ‘прост. пришел в негодность от долгого использования’ [ФСРЛЯ 1995: 57], *все погибло* ‘разг., экспрес. о какой-л. непоправимой ошибке, невозвратной потере, утрате’ [ФСРЛЯ 1995: 84], *лететь/полететь кувырком* ‘разг., экспрес. уничтожаться, пропадать впустую’ [ФСРЛЯ 1995: 278], *лететь/полететь к чертям* ‘прост. рушиться, гибнуть’ [ФСРЛЯ 1995: 278], *расползаться по швам* ‘разг., пренебр. разрушаться, приходить в упадок’ [ФСРЛЯ 1995: 452], *сводиться/свестись на нет* ‘прост. прекращать свое существование, исчезать, переводиться’ [ФСРЛЯ 1995: 478], *смести с лица земли кого, что* ‘книжн., экспрес. полностью уничтожить кого-л.; разрушить до основания что-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 500] и т. п.;

3) ЛСВ 6 ‘мор, моровая язва’: *моровое поветрие* ‘устар. эпидемия (обычно чума, холера), вызывающая большую смертность’ [ФСРЛЯ 1995: 385], *черная смерть* ‘устар. чума’ [ФСРЛЯ 1995: 500];

4) ЛСВ 7 ‘погибель’: *загреметь в тартарары* ‘прост., экспрес. погибнуть’ [ФСРЛЯ 1995: 194], *загреметь к богу в рай* ‘прост, ирон. погибнуть’ [ФСРЛЯ 1995: 194], *заплатить кровью за что* ‘устар., экспрес. поплатиться жизнью, погибнуть из-за чего-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 202], *класть/положить жизнь* ‘книжн. 1. гибнуть, погибать за какое-л. дело’ [ФСРЛЯ 1995: 239], *падать/пасть жертвой чего* ‘книжн. погибать в результате чего-л., от чего-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 365], *пасть во прах* ‘устар., книжн. 1. погибнуть’ [ФСРЛЯ 1995: 368], *погибоша аки обре* ‘устар., ирон. погибли, не оставив следа, исчезли бесследно’ [ФСРЛЯ 1995: 386], *пойти ко дну* ‘прост., экспрес. погибнуть’ [ФСРЛЯ 1995: 397] и т. п.;

5) ЛСВ 8 ‘умирание’: *без признаков (признака) жизни кто* ‘об умирающем или только умершем человеке’ [ФСРЛЯ 1995: 422], *глядеть в гроб* ‘разг., экспрес. доживать последние дни жизни’ [ФСРЛЯ 1995: 111], *в худых душах* ‘обл., экспрес. едва дышит, чуть жив, при смерти’ [ФСРЛЯ 1995: 179], *ни жив ни мертв* ‘устар. находиться в предсмертном состоянии’ [ФСРЛЯ 1995: 186], *колоколец в горле заиграл* ‘устар. о хриплом предсмертном дыхании умирающего’ [ФСРЛЯ 1995: 247], *на крае гроба* ‘устар. в состоянии, близком к смерти’ [ФСРЛЯ 1995: 259], *у края могилы* ‘разг., экспрес. в состоянии, близком к смерти’ [ФСРЛЯ 1995: 261], *кровь хладеет в жилах чьих* ‘устар., книжн. кто-л. умирает’ [ФСРЛЯ 1995: 264], *одной ногой в гробу кто* ‘разг., экспрес. о близкой смерти кого-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 332], *последний час* ‘о предсмертном состоянии человека’ [ФСРЛЯ 1995: 579], *смотреть вон из света* ‘устар. доживать последние дни жизни’ [ФСРЛЯ 1995: 501] и т. п.;

6) ЛСВ 9 ‘разлучение души с телом’: *вечная память кому* ‘молитва о вечной загробной жизни для умершего’ [ФСРЛЯ 1995: 367], *душа с телом*

расстается ‘устар. прост. о наступлении смерти’ [ФСРЛЯ 1995: 177], *земля пухом кому* ‘в речевом этикете: доброе поминание умершего, возникшее от суеверного представления о загробной жизни’ [ФСРЛЯ 1995: 210], *переселение душ* ‘устар. по суеверным представлениям: возрождение души после смерти кого-л. в другом существе’ [ФСРЛЯ 1995: 374] и т. п.;

К двум ЛСВ, находящимся в зоне дальней периферии ПВ, по характеру значения будут примыкать следующие единицы:

1) ЛСВ 4 ‘очень, в высшей степени, чрезвычайно’: *биться насмерть* ‘разг., экспрес. настойчиво добиваться чего-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 24], *биться смертным боем за что* ‘разг., экспрес. неистово отстаивать какие-л. интересы, ценности, вступая в спор, распри, тяжбу с кем-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 24], *бить смертным боем кого* ‘прост., экспрес. сильно, беспощадно (избивать кого-л.)’ [ФСРЛЯ 1995: 31], *в усмерть напиваться* ‘прост., экспрес. до крайней степени опьянения, до невменяемости, потери сознания (напиваться)’ [ФСРЛЯ 1995: 555], *до полусмерти* ‘прост., экспрес. очень сильно (бить, напиваться пьяным, измучиться и т. п.)’ [ФСРЛЯ 1995: 403-404], *мертвой хваткой* ‘разг., экспрес. очень крепко схватив кого-л., вцепившись в кого-л. или во что-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 566], *семь смертных грехов* ‘устар. очень большие пороки, непростительные проступки’ [ФСРЛЯ 1995: 483], *убиться можно какой* ‘нов., прост., экспрес. о чем-л. потрясающем, поразительном’ [ФСРЛЯ 1995: 301], *умирать с голоду* ‘прост., экспрес. испытывать сильный голод; долго голодать’ [ФСРЛЯ 1995: 553] и т. п.;

2) ЛСВ 5 ‘плохо, нехорошо; горе, беда’: *дело швах* ‘прост., экспрес. 1. о тяжелом физическом состоянии кого-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 150], *муки ада* ‘разг., экспрес. тяжкие мучения, страдания’ [ФСРЛЯ 1995: 305], *рад в петлю* ‘разг., экспрес. о безвыходном положении, о состоянии отчаяния кого-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 443], *хоть в могилу ложись* ‘разг., экспрес. выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-л. предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения’ [ФСРЛЯ 1995: 283], *<хоть> ложись и <да> помирай (умирай)* ‘прост., экспрес. о безвыходном, безнадежном положении’ [ФСРЛЯ 1995: 284] и т. п.;

УСК, в том числе ФЕ, входящие в ПВ (по нашим подсчетам в ФСРЛЯ их около 250), характеризуются рядом особенностей.

Лексема *смерть* в толковых словарях отмечена как нейтральная, и на этом основании она выбрана именем концепта. Почти все сверхсловные языковые единицы, вербализующие данный концепт, эмоционально окрашены, и главным их свойством является оценка имени концепта (это подтверждают разнообразные стилевые и стилистические пометы). Самыми многочисленными являются сверхсловные образования, отражающие ядерную семему ‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’; весьма частотны УСК, по характеру значения относящиеся к выделенным нами ЛСВ 4 ‘очень, в высшей степени, чрезвычайно’, ЛСВ 7 ‘погибель’, ЛСВ 8 ‘умирание’. Это, видимо, связано с тем, что в русском языковом сознании содержится множество названий

(нейтральных и эмоционально-окрашенных) процесса смерти (ядерная семема, ЛСВ 7), разнообразны характеристики состояния человека, близкого к смерти (ЛСВ 8), и средства для выражения экспрессии (ЛСВ 4).

Особый интерес представляют ЛСВ 7 ‘погибель’ (нашедший отражение только в словаре Срезневского) и ЛСВ 9 ‘разлучение души с телом’ (нашедший отражение только в словаре Даля). Являясь неактуальными для языкового сознания советской эпохи, они не отражаются в виде отдельных ЛСВ в толковых словарях русского языка послеоктябрьского периода. Фразеологический же фонд, напротив, содержит немалое количество УСК со сходными значениями.

Так, ЛСВ 7 ‘погибель’ содержит в себе ядерную семему, что находит свое выражение в таких УСК, как *изойти на нет* ‘обл., экспрес. умереть, погибнуть’ [ФСРЛЯ 1995: 222], *лапки кверху* ‘2. умереть, погибнуть’ [ФСРЛЯ 1995: 274], *скончать <свою> жизнь* ‘устар., книжн. умереть, погибнуть’ [ФСРЛЯ 1995: 493] и др. Но этот ЛСВ в частных проявлениях содержит дополнительные семы, указывающие на различные способы смерти, что связывает его с выделенным нами по данным РСС микрополем «способ смерти» и с ЛСВ 2 ‘смертная казнь’. В представленной выше классификации сверхсловных языковых единиц к ЛСВ 7 мы отнесли единицы с общей семой ‘гибнуть/погибнуть’. Если развернуть эту классификацию дальше, то среди единиц с данной семой возможным будет выделение отдельных групп и подгрупп сверхсловных языковых единиц на основании способа умерщвления (ср., например: **убивать кого-л.** – *выпустить кишки из кого* ‘прост. зарезать, убить кого-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 98], *класть/положить на месте кого* ‘разг., экспрес. убивать кого-л. наповал’ [ФСРЛЯ 1995: 239], *отвернуть башку кому* ‘грубо-прост. убить кого-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 356], *поднимать/поднять на штыки кого* ‘устар., экспрес. закалывать, убивать кого-л. штыком’ [ФСРЛЯ 1995: 390], *потопить в крови <и в слезах>* ‘экспрес. о массовом физическом уничтожении’ [ФСРЛЯ 1995: 415], *пустить под нож кого* ‘прост. зарезать’ [ФСРЛЯ 1995: 440] и др.; **убивать себя** – *кончать себя* ‘прост. лишать себя жизни’ [ФСРЛЯ 1995: 252], *покончить <жизнь> самоубийством* ‘лишить себя жизни, убить себя’ [ФСРЛЯ 1995: 400], *наложить на себя руки* ‘устар. кончить жизнь самоубийством’ [ФСРЛЯ 1995: 403] и др.; **погибать вследствие каких-л. обстоятельств** – *лечь головой* ‘устар. погибнуть в бою, сражении’ [ФСРЛЯ 1995: 279], *падать/пасть жертвой чего* ‘книжн. погибать в результате чего-л., от чего-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 365], *платить/заплатить кровью за что* ‘разг., экспрес. отдавать жизнь, добиваясь какой-либо цели’ [ФСРЛЯ 1995: 381], *сломать <себе> голову* ‘разг., экспрес. 1. искалечиться или разбиться насмерть, убиться (при падении)’ [ФСРЛЯ 1995: 498] и др.; **доводить кого-л. до смерти** – *вколотить в гроб кого* ‘прост., экспрес. жестоким обращением довести кого-л. до смерти’ [ФСРЛЯ 1995: 66], *выживать/выжить со света кого* ‘прост., предосуд. попреками, придирками и т. п. создавая невыносимые условия жизни ко-

му-л., доводить его до смерти’ [ФСРЛЯ 1995: 92], *сгонять/согнать со света кого* ‘прост., экспрес. создавать невыносимые условия жизни кому-л., изводить кого-л., доводить до смерти кого-л.’ [ФСРЛЯ 1995: 479] и др.

К ЛСВ 9 ‘разлучение души с телом’ по своему прямому значению примыкает сравнительно небольшое количество ФЕ. Но в основе своей этот ЛСВ оказывается очень продуктивным, так как отражает отдельную и очень важную для языкового сознания русского человека концептуальную область – представление о вечной жизни, о загробном мире. Данный ЛСВ дает начало определенному сценарию потустороннего мира, что позволяет расширить границы семного наполнения ЛСВ и включить еще довольно большое количество УСК, например, *господь позовет* ‘устар. по религиозным представлениям: смерть человека – переход в загробную жизнь по воле бога’ [ФСРЛЯ 1995: 125], *за дверью гроба* ‘устар. поэт. после смерти, в загробном мире’ [ФСРЛЯ 1995: 141], *за могилой* ‘устар. в потустороннем мире’ [ФСРЛЯ 1995: 300], *загробная жизнь* ‘по религиозным представлениям: существование человека после смерти в потустороннем мире’ [ФСРЛЯ 1995: 187], *писать к родителям (прадедам) <о скорой встрече>* ‘устар., ирон. готовиться к смерти’ [ФСРЛЯ 1995: 379], *отойти на тот свет* ‘прост. умереть’ [ФСРЛЯ 1995: 362] и др.

Таким образом, сверхсловные языковые единицы позволили выявить, помимо нейтрального общеязыкового слоя сем, основного вербализатора концепта «СМЕРТЬ», отмеченного в словарях русского языка, аксиологические семы, дополняющие и расширяющие общее поле вербализаторов интересующего нас концепта.

Построение ПВ концепта «СМЕРТЬ» определило содержательную характеристику лексемы *смерть* в дополнение к ее толкованию и грамматическим свойствам, отраженным в толковых словарях. Подбор синонимов, антонимов к ключевому слову, определение его гиперонима и согипонимов позволили выявить богатый состав когнитивных признаков концепта. Метод поля дал возможность структурировать концепт «СМЕРТЬ», хотя, как говорилось выше, четкой структуры концепт не имеет.

Сочетаемостные и ассоциативные возможности имени концепта «СМЕРТЬ» как характеристика концепта

Выявление сущности концепта предполагает установление сочетательных возможностей обозначающего его слова. В ходе дальнейшего рассмотрения концепта «СМЕРТЬ» мы считаем необходимым выявить коммуникативный потенциал слова *смерть*. «В лингвистике <…> все более актуализируется осмысление «релятивного» аспекта языковых единиц, т. е. тех отношений, в которые они вступают в *речи*» [Красавский 2001: 265]. Анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, также дает возможность выявить некоторые составляющие концепта, из сочетаемости можно определить способы категоризации концептуализируемого явления.

В качестве источников материала нами были выбраны «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под. ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина (далее УСС) и «Русский ассоциативный словарь» (далее РАС). Дополнительным источником информации о связях слова *смерть* в сознании носителей русского языка служат результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента.

УСС фиксирует следующее значение лексемы *смерть*: ‘прекращение существования человека, животного, гибель’ [УСС 1978: 520]. Оно близко к выделенному нами ядерному ЛСВ слова *смерть*.

По данным УСС, лексема *смерть* синтаксически сочетается с прилагательными, существительными, глаголами в словосочетаниях различных моделей. Самую большую группу составляют словосочетания моделей П* + *смерть* (лёгкая *смерть*, геройская *смерть* и т. д.) и *смерть* + С** в Р.п. (*смерть* отца, *смерть* родителей и т. д.).

Сочетания первой модели носят атрибутивный характер, в них предмет определяется со стороны своего внешнего или внутреннего качества, свойства, принадлежности (*геройская, трагическая, глупая, непонятная, позорная, мучительная, клиническая смерть*). Для сочетаний второй модели характерны объектные отношения. Они проявляются в том, что называемое в слове *смерть* действие обязательно управляет предметом (в широком смысле), и зависимое слово стоит только в р. п. По данным УСС объектом смерти может быть только человек (***смерть*** *отца, командира, больного*). Об этом свидетельствует специальная помета *о человеке*. Следовательно, в русской концептосфере понятие смерти связывается главным образом с человеком – типичным объектом смерти в различных высказываниях.

В отличие от объекта, субъект смерти в УСС не называется, хотя и предполагается. Представление о производителе действия, по данным словаря, размыто, это может быть и сам человек, и (в большей степени) различные внешние факторы, обстоятельства и т. д. Это выражается в словосочетаниях, в которых существительное *смерть* управляется объектными глаголами. В силу специфики самого явления (*смерть*) предполагается только негативное воздействие субъекта (желать кому-л. … **смерти**; угрожать кому-л., грозить кому-л.... **смертью**; нести кому-чему-л. ... **смерть**).

По данным УСС смерть – это процесс наблюдаемый, часто «третьим лицом», способным оценить и охарактеризовать его (*клиническая, мучительная, позорная* ***смерть****; констатировать, удостоверять* ***смерть***).

В ходе наблюдения за смертью выявляются некоторые черты этого процесса, отраженные в сочетаниях (по данным УСС):

– смерть может быть естественным процессом (*естественная* ***смерть***) и противоестественным (*насильственная, трагическая* ***смерть***),

---

* П - прилагательное

** С - существительное

а также добровольным актом (***на смерть*** *идти*). Примеры сочетаемости подтверждают сделанные выше наблюдения о том, что наиболее частотны и разнообразны модели, представляющие неестественную смерть;

– смерть может характеризоваться через временну́ю отнесенность к другому процессу или явлению (*ранняя, преждевременная, скоропостижная, неожиданная, внезапная* ***смерть***);

– смерть – это, с одной стороны, неизбежный процесс (*неизбежность* ***смерти****;* ***к смерти*** *готовиться*), с другой – процесс, который возможно предотвратить (*избавление, спасение* ***от смерти****; предотвратить* ***смерть****; избежать* ***смерти****;* ***от смерти*** *избавиться, уберечь кого-л.;* ***со смертью*** *бороться*);

– смерть – это то, что однозначно вызывает у людей страх (*боязнь, страх* ***смерти****; бояться* ***смерти***);

– смерть – предмет философских и прочих размышлений человека (***о смерти*** *думать, размышлять, говорить; мысли, думы (высок.)* ***о смерти***);

– близость смерти является толчком к завершению человеком всех дел на земле (***перед смертью*** *сказать что-л., сообщить что-л., написать что-л. (письмо, завещание)*);

– смерть – это мерило человеческих ценностей (***до*** *[самой]* ***смерти*** *любить кого-что-л., не забыть кого-что-л., быть верным (преданным) кому-чему-л.*).

Анализ сочетаемости слова *смерть* позволил выявить его синтактико-семантические возможности, помогающие определить содержательные признаки, входящие в структуру концепта (смерть предполагает объект, отношение объекта к данному процессу, наблюдение процесса и т. д.). По данным сочетаемости слова *смерть* вырисовываются и субъекты действия (хотя они в силу специфики самого анализируемого концепта являются нечеткими), то есть на данном этапе исследования в структуру фрейма можно включить эту составляющую.

Анализ ассоциативных связей лексемы *смерть* позволяет выявить естественную системность лексикона, а также «культурную» специфику словарной единицы – «те побочные, и, казалось бы, нерелевантные семантические связи (семантические «обертоны»), которыми характеризуется то или иное слово» [РАС Кн. 1, ч. 1: 7]. Ассоциативное поле – это «не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских» [Там же: 6]. Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных признаков исследуемого концепта.

По данным РАС, на слово-стимул *смерть* было дано 526 реакций, из них 158 – единичных; сама лексема *смерть* явилась реакцией на 100 слов-стимулов. Выделим самые крупные семантические группы реакций (слова-

реакции приводятся в той форме, которая зафиксирована в РАС, полужирным курсивом показаны слова, встречающиеся в исходном списке стимулов (пересечение ассоциатов со стимулами):

1) объект смерти: *поэта, героя, человека, фашистам, врагам, друга, близкого, захватчикам, негодяя, предателю, вождя, врага, врагу, героев,* ***матери****, попугая, Тарелкина, Хоакина Мурьеты, актер, бабушки, ближнего, близких, Гобсек, дедушка,* ***дядя****, еврея, ему, Ивана Ильича, кого-нибудь, кого-то, любимого, Марии, моя идет, подруги, птицы, родных, слона, собаке, собаки, Сталину, старухи, твоя, чиновника, шпион*;

2) многочисленные характеристики смерти: *внезапная, мгновенная, под парусом, ранняя, быстрая, глупая,* ***на*** *взлете, скоропостижная, страшна, страшная, клиническая, легкая, неизбежна, нелепая, тяжелая, ужасна, неизбежная, трагическая, биологическая, близкая, верная, героическая, далекая, жестокая, жуткая, кошмарная, красивая, красна, красна* ***на*** *миру, красная, легка, моментальная, мучительная, мягкая, насильственная, неминуема, неминучая, неожиданная, пикантная, прекрасна* ***на*** *виду, ужасная*;

3) эмоции, связанные со смертью: *страх, горе, ужас, страшно, покой, пустота, жалко,* ***не*** *нужна,* ***не*** *страшна, плохо,* ***жалость****, желание, мир душе, наказание,* ***не думать****,* ***не*** *люблю,* ***не надо о*** *грустном,* ***не*** *признавать,* ***не*** *пугает,* ***не*** *страшно, ненавижу, неприятность, неудача, ничего себе!, одиночество, опустошение, отдых, ох, оцепенение, переживание, печально,* ***пить****, потрясла, страшна!, тяжесть, ужасная неизвестность, хана, чушь*;

4) предметные атрибуты смерти: *гроб, покойник,* ***скелет****, темнота, красный, труп,* ***черный****, кладбище,* ***кровь****, мертвых, могила, похороны, роза, розы, свеча, траур, четыре стены*;

5) олицетворения смерти: *с косой, старуха, белая, холодная, черная,* ***в*** *образе скелета, коварная, коса,* ***она****, подлая, старуха с косой, ходячая, холодное что-то, чернота*;

6) причины смерти: ***в*** *бою,* ***в*** *глубокой старости,* ***в*** *катастрофе,* ***война****,* ***от*** *жажды,* ***от*** *пожара,* ***от*** *раны,* ***от*** *яда, пуля* ***в*** *лоб, рана, старость*;

7) воздействие субъекта на процесс смерти: ***никогда****, обмануть, убивать*;

8) синонимы: ***конец****,* ***конец*** *жизни, кончина*;

9) видовые имена слова *смерть*: ***все****, небытие, вечность, мир душе, окончание,* ***уйти****, финиш*;

10) антонимы: ***жизнь****,* ***и жизнь****, живот*.

Среди реакций на слово *смерть* самой частотной оказалась реакция *жизнь* (**50** ассоциаций). Это подтверждает довольно сильную связь между двумя полярными понятиями – жизнь и смерть (*жизнь* входит в ПВ антонимов лексемы *смерть*). Помимо прямого антонима, присутствуют слова, в

семантической структуре которых также отражается представление о процессах, обратных смерти: *воскресение, здоровье, рождение*. Часть этих слов отражают эмоциональную сферу. Наличие таких реакций в ассоциативном поле *смерть* свидетельствует о связи концепта «СМЕРТЬ» и концептов «ЖИЗНЬ», «БЕССМЕРТИЕ», «НАЧАЛО». Связь реакции-антонима *жизнь* со стимулом *смерть* по данным РАС можно считать ядерной.

Немаловажными являются зеркальные ассоциации (пары слов, являющихся друг для друга реакциями) и так называемые «новые» ассоциации, которые не свойственны семантическим отношениям, выявленным нами в ходе анализа сочетаемости лексемы *смерть* по данным УСС.

Зеркальные ассоциации свидетельствуют об устойчивой связи между концептами, объективированными данными словами, поэтому они несут наиболее важную информацию о соотношении концептов в концептосфере. Так, типичными объектами *смерти* являются родственники (ср. в РАС *мать, дедушка, дядя*), которые воспринимаются русским языковым сознанием как нечто дорогое, ценное, то, что тяжелее всего терять. Устойчивыми являются представления о сосуществовании двух полярных понятий (*смерть – жизнь*), а также о противоположении некоторых явлений (*смерть – здоровье* и многочисленные примеры с частицей *не* в качестве главного члена реакции: ***не*** *думать,* ***не*** *люблю,* ***не*** *признавать* и т. д.). Константными остаются и синонимические связи слова-стимула *смерть* (*все, конец, конец жизни, уйти*), и атрибуты (*черный, кровь*), и причинность смерти (реакции с предлогом *от*: ***от*** *жажды,* ***от*** *пожара,* ***от*** *раны,* ***от*** *яда* и т. д.).

Таким образом, данные РАС подтверждают и расширяют выявленные нами ранее представления о концепте.

«Не всегда представляется возможным охарактеризовать семантическую связь между словом-стимулом и реакцией, так как у каждого человека, помимо общекультурных, существуют и сугубо индивидуальные представления, связанные с денотатом слова (индивидуальные ассоциации), в ассоциативное поле лексемы у конкретного носителя может попасть слово, семантическое отношение которого к слову-стимулу можно объяснить только на основе индивидуального жизненного опыта данного лица» [Кобозева 2000: 108]. По данным РАС, такими индивидуальными ассоциациями являются реакции *всего в запас, пикантная, счастья, шпион*. Наш ассоциативный эксперимент также выявил несколько индивидуальных «необъяснимых» реакций: *готы, ислам, кайф, экран, black metal* («черный металл»)*, darkwatch* («темный дозор»?).

Желая дополнить ассоциативное поле лексемы *смерть* (по данным РАС) и выявить изменения ассоциативных связей имени концепта (вызванные достаточным временны́м промежутком между проведением эксперимента авторами РАС и нами – 1988-1991 и 2004 гг.), мы провели свой ассоциативный эксперимент.

Респондентами стали студенты первого – пятого курсов филологического, исторического факультетов и факультета информатики Магнитогорского государственного университета (281 человек). Мы постарались соблюсти те критерии отбора испытуемых, которые были предложены РАС: 1) участниками эксперимента могли быть лишь лица, для которых русский язык является родным; 2) они должны быть городскими жителями, с тем, чтобы влияние диалектного языка было минимальным; 3) стремление к тому, чтобы участниками эксперимента стали представители нескольких отраслей знаний. Возраст испытуемых составил 17-25 лет.

Эксперимент был организован стандартным образом: каждому участнику предлагалось дать по 3 реакции на слово-стимул *смерть* (первые пришедшие на ум слова, вызванные в его сознании этим стимулом). 276 студентов выполнили это условие, 5 респондентов не предложили ни одной реакции, несколько анкет содержало 1-2 реакции и 4-5 реакций.

Общее число реакций на слово-стимул *смерть* – 822, число разных реакций – 216, единичных реакций – 130. 86 неединичных реакций имеют частоту от 2 до 61: *гроб* **61**; *страх* **48**; *могила* **32**; *горе* **30**; *слезы* **28**; *темнота* **27**; *черный* **26**; *крест* **22**; *ужас* **20**; *кладбище*, *коса* **19**; *потеря*, *похороны* **18**; *конец*, *пустота* **15**; *тьма* **14**; *боль* **12**; *земля* **11**; *рай* **10**; *мрак*, *покойник* **9**; *белый, холод* **8**; *жизнь, скелет, утрата, череп* **7**; *война, грусть, конец жизни, кровь, неизвестность, печаль, покой* **6**; *болезнь, вечность, плач, свобода, старость, черное* **5**; *бесконечность, гибель, одиночество, плохо, скорбь* **4**; *бог, венок, всё, душа, красный, несчастье, саван, тоска, умер, умереть, человек* **3**; *ад, бабушка, беда, белое, горечь, мертвый, начало, небо, новая другая жизнь, обряд, осень, отчаяние, погребение, поминки, разложение, свет, священник, серый, сон, сочувствие, старуха, страдание, тапочки, темно, трагедия, труп, убийство, цветы, я, яма* **2**.

44 реакции (пятая часть) дублируют РАС: *бесконечность, быстрая, вечность, война, всё, где?, горе, гроб, грусть, далекая, дедушка, жизнь, кладбище, конец, конец жизни, кончина, коса, красный, кровь, могила, небытие, нелепость, неожиданная, неприятность, одиночество, переживание, плохо, покой, покойник, похороны, пустота, скелет, старость, старуха, страх, темнота, тоска, траур, труп, ужас, утрата, холодная, чернота, черный*. 15 реакций являются идентичными по смыслу и различаются только частеречной или словоизменительной формами употребления (первое слово в паре – по данным РАС, второе – по данным нашего эксперимента): *потерять – потеря, печально – печаль, человека – человек, бабушки – бабушка, убивать – убийство, близких – близкие, в бою – бой, далека – далеко, старуха с косой – женщина с косой, образ смерти с косой, матери – мать, свеча – свечи, темнота – тьма, умирать – умирание, уйти – уход*.

Главное отличие данных РАС и наших данных заключается в том, что совпадает или является сходной лишь малая часть реакций (44 и 15), а

основная масса слов-ответов характеризуется несхожестью. Это свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости определенного числа реакций, собранных РАС и нами, а значит, доказывает прочность концептуальных связей, которые отражаются в данных ассоциациях. С другой стороны, большое количество разных реакций указывает на подвижность самого концепта «СМЕРТЬ», объективирующегося в разные временны́е промежутки разными языковыми средствами.

Следует также обратить внимание на то, что надежность основных, совпадающих реакций тоже подвергается сомнению, так как количественные показатели частотности реакций по данным РАС в ходе нашего эксперимента не подтвердились. В таблице представлены наиболее яркие случаи квантитативного расхождения.

Данные РАС (общее количество реакций – 526)	**Данные нашего эксперимента (общее количество реакций – 822)**
горе – **15** реакций	*горе* – **30** реакций
гроб – **10** реакций	*гроб* – **61** реакция
жизнь – **50** реакций	*жизнь* – **7** реакций
кладбище – **1** реакция	*кладбище* – **19** реакций
конец – **4** реакции	*конец* – **15** реакций
коса – **1** реакция	*коса* – **19** реакций
могила – **1** реакция	*могила* – **32** реакции
похороны – **1** реакция	*похороны* – **18** реакций
пустота – **3** реакции	*пустота* – **15** реакций
страх – **16** реакций	*страх* – **48** реакций
темнота – **3** реакции	*темнота* – **27** реакций
черный – **2** реакции	*черный* – **26** реакций

Так как количество полученных нами реакций превышает показатели РАС, можно обозначить значительное расхождение их частотности как тенденцию к ослаблению/усилению тех или иных концептуальных признаков концепта «СМЕРТЬ» в сознании молодежи.

Используя методику, предложенную И. А. Морозовой [см. Попова, Стернин 2002: 115-117], мы распределим основной материал по семантическим группам.

1. **Объектные ассоциаты** (всего 13): *бабушка* **2**, *близкие* **1**, *герой* **1**, *дедушка* **1**, *дети* **1**, *мать* **1**, *родители* **1**, *существо* **1**, *товарищ* **1**, *человек* **3**.

2. **Синонимы/антонимы, видовые имена** (всего 35): *возрождение* **1**, *жизнь* **7**, *исход* **1**, *конец* **15**, *конец жизни* **6**, *кончина* **1**, *начало* **2**, *небытие* **1**, *уход* **1**.

3. Чувственные ассоциаты (всего 62):

– по цвету (*алый* **1**, *белое* **2**, *белый* **8**, *красное* **1**, *красный* **3**, *серый* **2**, *темная* **1**, *чернота* **1**, *черный* **26,** *черное* **5** – 50);

– осязательные (*духота* **1**, *сырость* **1**, *холод* **8**, *холодная* **1** – 11);

– по запаху (*запах* **1**).

4. **Когнитивные ассоциаты** (всего 617):

– фольклорные (*женщина* **1**, *женщина с косой* **1**, *капюшон* **1**, *коса* **19**, *образ смерти с косой* **1**, *старуха* **2** – 25);

– религиозные (*ад* **2**, *ангел* **1**, *бесконечность* **4**, *бог* **3**, *вечность* **5**, *возрождение* **1**, *душа* **3**, *душа живет всегда, а тело – это только оболочка* **1**, *загробная жизнь* **1**, *загробный мир* **1**, *ислам* **1**, *начало* **2**, *небеса* **1**, *небо* **2**, *новая другая жизнь* **2**, *новый мир* **1**, *перерождение* **1**, *переход* **1**, *переход в другой мир* **1**, *переход в иной мир* **1**, *продолжение* **1**, *рай* **10**, *спасение* **1**, *уход в другой мир* **1** – 48);

– символические и обрядовые (*белая одежда* **1**, *венок* **3**, *гроб* **61,** *грязь* **1**, *деньги* **1**, *засохшее дерево* **1**, *кладбище* **19**, *кости* **1**, *крест* **22**, *круг* **1**, *мертвец* **1**, *могила* **32**, *морг* **1**, *недвижи́мость* **1**, *незнакомое* **1**, *обряд* **2**, *ограда* **1**, *песочные часы* **1**, *погребение* **2**, *покойник* **9**, *полет* **1**, *поминки* **2**, *похороны* **18**, *прах* **1**, *разложение* **2**, *саван* **3**, *свечи* **1**, *священник* **2**, *скелет* **7**, *слава* **1**, *сон* **2**, *сосновый* **1**, *тапочки* **2**, *тело* **1**, *траур* **1**, *труп* **2**, *фотография* **1**, *цветы* **2**, *церковь* **1**, *черви* **1**, *череп* **7**, *Чечня* **1**, *чума* **1**, *яма* **2** – 225);

– связанные с природными явлениями (*ветер* **1**, *закат* **1**, *затмение* **1**, *лес* **1**, *луна* **1**, *ночь* **1**, *осень* **2**, *пропасть* **1**, *снег* **1**, *туман* **1** – 11);

– связанные с какими-либо причинами (*бой* **1**, *болезнь* **5**, *война* **6**, *гибель* **4**, *землетрясение* **1**, *наркотики* **1**, *рак* **1**, *старость* **5**, *убийство* **2**, *цунами* **1** – 27);

– связанные с эмоциями и оценкой (*беда* **2**, *бедствие* **1**, *безысходность* **1**, *беспокойство* **1**, *беспонтово* **1**, *боль* **12**, *боль для родственников* **1**, *волнение* **1**, *всё* **3**, *горе* **30**, *горечь* **2**, *грусть* **6**, *дерьмо* **1**, *жутко* **1**, *жуть* **1**, *зависть* **1**, *замкнутость* **1**, *кайф* **1**, *крик* **1**, *любовь* **1**, *не хочу* **1**, *неверие* **1**, *невозможность что-либо изменить и исправить* **1**, *нелепость* **1**, *неприятность* **1**, *несправедливость* **1**, *несчастье* **3**, *неуспевание что-либо сделать* **1**, *новизна* **1**, *ну и ладно* **1**, *одиночество* **4**, *остро* **1**, *острота* **1**, *отчаяние* **2**, *переживание* **1**, *печаль* **6**, *плач* **5**, *плохо* **4**, *покой* **6**, *потеря* **18**, *прострация* **1**, *пустота* **15**, *радость* **1**, *разлука* **1**, *самоанализ* **1**, *свобода* **5**, *скорбь* **4**, *слезы* **28**, *сочувствие* **2**, *страдание* **2**, *страх* **48**, *страшное* **1**, *страшное слово* **1**, *тоска* **3**, *трагедия* **2**, *удар* **1**, *ужас* **20**, *умирать не хочу* **1**, *унылость* **1**, *утрата* **7**, *хорошо* **1**, я **2** – 277);

– индивидуальные ассоциаты (*готы* 1, *экран* 1, *black metal* **1**, *darkwatch* **1** – 4).

Характерно, что когнитивные ассоциаты – самая многочисленная группа. В количественном отношении это 617, то есть 75 % от всех полученных реакций. Эти ассоциаты составляют базовый слой концепта – «культурный» образ смерти. Компоненты когнитивного слоя появляются в процессе познания, культурного развития человека.

Нужно сказать, что в РАС имеют место реакции иронического характера (*фашистам, попугая, легка, моя идет, ох, под балконом, прекрасна на виду, приди, слона, Сталину* и т. д.), реакции-ассоциации на литературные произведения или героев (*поэта, Тарелкина, Гобсек, Ивана Ильича, Марии* и т. д.), подтверждающие определенные настроения молодежи, далекие от явления смерти. Данные нашего ассоциативного эксперимента показывают полное отсутствие и тех, и других. Почти все реакции содержат мрачные коннотации, позитивные же единичны (*кайф, любовь, радость, хорошо*). Более того, частотными становятся реакции, которых вообще нет в РАС (ср. *слезы* **28**, *крест* **22**, *боль* **12**, *земля* **11**, *рай* **10**, *мрак* **9**). Это связано с тем, что в последнее десятилетие смерть стала неотъемлемой частью развития современного общества (в отличие от общества середины 80-х гг. XX в.), данное явление прочно вошло в будничную жизнь каждого отдельного человека посредством предоставления ежедневной информации мортального характера телевидением и другими средствами массовой информации. Смерть стала утрачивать элемент культовости, особой трагичности, избирательности и даже нереальности (касательно сознания молодого человека). В связи с этим мы не совсем согласны с точкой зрения Ю. Н. Караулова, который утверждает, что «анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых <…> исследователь может прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие 20-30 лет, т. е. на период, когда нынешние наши испытуемые будут составлять активное ядро общества» [РАС Кн. 1, ч. 1: 193]. Реалии сегодняшней жизни в России доказывают, что состояние массового сознания меняется гораздо быстрее, вместе с изменением экономики, культуры, политики и другими факторами жизни, влияющими на человека.

Исходя из анализа сочетаемости слова *смерть* и его ассоциативных связей, мы можем сделать вывод о том, какие единицы имеют семантические связи с именем анализируемого концепта, находясь на периферии его ПВ, а также какие концепты связаны с концептом «СМЕРТЬ». Мы считаем, что семантические отношения соответствуют терминальным узлам фрейма, представляющего концепт, а слова, выражающие эти отношения, – слотам фрейма. Следовательно, на периферии ПВ *Смерть* располагаются группы слов, значения которых выражают следующие семантические отношения со значением *‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’*:

– объект смерти;
– возможный субъект смерти;
– наблюдатель смерти;
– причины смерти;
– характеристики смерти;
– эмоции и оценка смерти.

Таким образом, проведенное нами исследование концепта-константы «СМЕРТЬ» показало, что этот концепт постоянно развивается, отражая сознание носителей языка, и имеет огромное значение в культуре и в системе этических ценностей народа.

Одним из источников информации об инвариантном языковом концепте служит толкование лексического значения имени концепта. В ходе анализа имени (ключевого слова) концепта «СМЕРТЬ» по данным русских словарей периода до XIX в. и XIX-XX вв. нами было выявлено 9 ЛСВ слова *смерть* и определено минимальное содержательное ядро (или инвариант) концепта (*'прекращение жизнедеятельности, переход из состояния бытия в состояние небытия'*). В результате было показано, что концепт – сложное, то есть многослойное ментальное образование, так как он состоит из ядра и ядерных признаков, базового (центрального) слоя и базовых признаков и периферийного слоя, строящегося от более конкретного слоя к более абстрактному.

Анализ лексических значений имени концепта, его эпидигматических, парадигматических и синтагматических связей позволил выявить основные терминальные узлы фрейма *смерть*: 1) участники процесса (объект, субъект, наблюдатель действия); 2) модификатор (изменяемость, проявляющаяся в переходе объекта из одного состояния в другое); 3) процесс перехода объекта из состояния бытия в состояние небытия, который может носить естественный или неестественный характер; 4) протяженность процесса во времени (стадии); 5) причины смерти; 6) характеристики смерти; 7) эмоции и оценка смерти; 8) результатив (результат смерти, оцениваемый наблюдателем). Кроме того, анализ сочетаемости и ассоциативных связей слова *смерть* позволил определить некоторые варианты слотового наполнения этих терминальных узлов. В структуре исследуемого фрейма *смерть* объединяются элементы неязыковых знаний, также входящие в единый когнитивный образ.

С. А. Анохина

КОНЦЕПТ «РАЗВИТИЕ» В РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ (по материалам лексикографических источников)

*1. 1. Структура лексического значения слова **развитие** как источник информации о концепте «РАЗВИТИЕ»*

Концепт непосредственно соотносится со значением слова, выступающего именем данного концепта. Н. Ф. Алефиренко, характеризуя содержание концепта и слова пишет, что «языковые знаки обладают семантикой, а концепты – смысловым содержанием. Семантика номинативных единиц (семема) – продукт целостного (интегративного) структурирования мельчайших элементов языкового сознания (сем), смысловое содержание концепта объединяет и упорядочивает мыслительные признаки познаваемой действительности <...> Взаимосвязь концепта и семемы имеет функциональное основание: семема как элемент реальной коммуникации – средство объективирования в языковом сознании смыслового содержания соответствующего концепта» [Алефиренко 2002: 244]. Следовательно, анализ лексического значения слова позволяет получить информацию о признаках концепта, объективированного данной лексической единицей. Возможность изучения концепта посредством анализа лексического значения обусловливается не только содержательной близостью этих явлений, но и сходством их структуры. «Концепт как единица структурированного знания имеет определенную, но не жесткую организацию: он состоит из *компонентов (концептуальных признаков),* которые образуют различные концептуальные слои. Концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы, а концептуальные слои иногда могут совпадать с семемами (но далеко не всегда, концептуальных слоев обычно больше, чем семем). Слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня» [Попова, Стернин 2002: 60]. Здесь следует отметить, что существует и иное мнение о соотношении концепта и лексического значения слова, которое высказал Д. С. Лихачёв: «…я полагаю, что концепт существует не для самого слова, а <...> для каждого основного (словарного) значения слова отдельно» [Лихачёв 1993: 4]. Мы не можем согласиться с последней точкой зрения. Во-первых, потому, что зачастую невозможно однозначно определить, какое из значений многозначного слова реализовано в том или ином контексте (см. об этом [Баранов, Добровольский 1997: 13]). Во-вторых, семемы многозначного слова взаимосвязаны, и это не может не найти отражения в концепте, в его связях со смежными концептами, объективированными другими значениями этого же слова. Эта связь достаточно тесная, а концепты, как признают все их исследователи, не имеют чёткой структуры. Отсюда возникает закономерный вопрос: на основании чего можно различить тесно связанную, имеющую многочисленные пересечения группу концептов, соответствующих отдельным значениям много-

значного слова, и один концепт, соответствующий всем значениям слова, учитывая, что концепт является ментальным образованием, не поддающимся непосредственному восприятию? По нашему мнению, принципиального различия между двумя подходами к анализу связи между концептом и лексическим значением нет, а следовательно, более логично и экономно сразу учитывать все возможные лексико-семантические варианты (далее ЛСВ) многозначного слова, вербализующего концепт, чтобы иметь более полное представление о его признаках и об организации этих признаков.

Исходя из данных теоретических предпосылок, перейдём к анализу лексических значений слова *развитие*, а через них – к установлению признаков соответствующего концепта и их организации.

В современном русском языке слово *развитие* является многозначным, в толковых словарях представлено различное количество его лексико-семантических вариантов (ЛСВ):

РАЗВИТИЕ 1. к *Развить–развивать* и *Развиться–развиваться.* 2. Степень умственной, духовной зрелости, просвещённости, широта кругозора; развитость [БТС: 1063].

РАЗВИТИЕ 1. *см.* развить[2], -ся[2]. 2. Процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему. 3. Степень сознательности, просвещенности, культурности [СОШ: 643].

РАЗВИТИЕ 1. Действие по глаголу *развить–развивать* (во 2, 3, 4, 5 и 6 знач.); действие и состояние по глаголу развиться–развиваться (во 2, 3, 4 и 5 знач.); 2. Ход, протекание. 3. Процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное. 4. Степень умственной, духовной зрелости, просвещённости, широта кругозора [МАС т. 3: 593].

Таким образом, в результате сопоставления данных толковых словарей мы отмечаем у слова *развитие* следующий набор семем: 1) некое количество значений действий и состояний, соответствующих значениям глаголов *развивать/развить* и *развиваться/развиться* (БТС, СОШ, МАС); 2) ‘ход, протекание’ (МАС); 3) ‘процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное’ (СОШ, МАС); 4) ‘степень умственной, духовной зрелости, просвещённости, широта кругозора’ (БТС, СОШ, МАС). При этом в толкованиях значений глаголов, на которые указывают первые дефиниции во всех словарях, наблюдаются определённые разногласия.

Попытаемся определить, на какие именно значения слова *развитие* указывают отсылочные дефиниции словарей. Большинство значений невозвратного и возвратного глаголов соотносятся друг с другом, являясь согипонимами. Их значения отличаются только объектом действия, совпадая во всём остальном. Особенно чётко эта соотнесённость прослеживается в СОШ. Известно, что отглагольные существительные в отличие от глаголов обозначают действия опредмеченные, не связанные с категорией залога, то есть отношением действий к их субъектам и объектам. Следовательно, в

значениях существительного *развитие* объектные семантические различия, свойственные соответствующим значениям глаголов, могут считаться несущественными. Другими словами, от взаимосвязанных возвратного и невозвратного значений глагола формируется одно значение отглагольного существительного.

Чтобы сформулировать значения слова *развитие*, условимся, что они отличаются от значений производящего глагола семами ‘действие, направленное на то, чтобы’ и ‘состояние как результат действия, направленного на то, чтобы’, то есть значение состояния является вторичным, производным от значения действия, как результат метонимического переноса.

Опираясь на данные различных толковых словарей, можно установить, что у слова *развитие* в современном русском языке имеются следующие значения:

1) ‘действие, направленное на то, чтобы постепенно усилить, укрепить кого/что-либо; сделать обширнее что-либо’;

2) ‘состояние кого/чего-либо как результат усиления, укрепления данного объекта’;

3) ‘действие, направленное на то, чтобы довести кого/что-либо до определённой степени духовной, умственной зрелости, сознательности, культурности’;

4) ‘степень умственной, духовной зрелости, просвещённости, широта кругозора’;

5) ‘действие, направленное на то, чтобы распространить, расширить, углубить содержание или применение чего-либо; последовательно и подробно изложить что-либо’;

6) ‘действие, направленное на то, чтобы довести что-либо до определенной степени силы, мощности, совершенства, поднять уровень чего-либо’;

7) ‘состояние чего-либо как результат доведения объекта до определенной степени силы, мощности, совершенства, поднятия уровня чего-либо’;

8) ‘действие, направленное на то, чтобы вырасти, видоизмениться в результате жизненного процесса // достичь физической зрелости // принять законченную форму; сложиться, созреть’;

9) ‘состояние как результат действия, направленного на то, чтобы вырасти, видоизмениться в результате жизненного процесса // достичь физической зрелости // принять законченную форму; сложиться, созреть’;

10) ‘возникновение, появление, образование чего-либо’;

11) ‘ход, протекание’;

12) ‘процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное’.

Итак, по данным словарей, слово *развитие* в современном русском языке представлено двенадцатью ЛСВ. Их нумерация в вышеприведённом

перечне условна и используется как рабочая до установления отношений между ЛСВ.

Значения многозначного слова, как известно, характеризуются непрерывностью семантических связей. Между ЛСВ многозначного слова возможны отношения двух типов – включения и пересечения. «Отношения **включения** между значениями многозначного слова базируются на последовательной («цепочечной») их деривации. Центром и исходным пунктом деривационной цепочки всегда является основное значение. <...> В основе **пересечения** лексико-семантических вариантов лежит параллельная («радиальная») их деривация <...> И при включении, и при пересечении значений многозначного слова в центре образованного ими семантического (или ассоциативного) поля всегда находится основное значение. Ему прямо или косвенно подчинены все остальные значения» [Васильев 1990: 143]. Среди значений слова *развитие*, которые зафиксированы в современных толковых словарях, выявить основное значение не представляется возможным. Можно предположить, что в слове *развитие* основным является значение ‘процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное’ (ЛСВ-12 в нашем перечне). Действительно, с ним прямо или косвенно, через другие семемы связано большинство значений анализируемого слова: значения ЛСВ-1, 3, 5, 6, 8 относятся к значению ЛСВ-12 как видовые наименования к родовому, с которыми, в свою очередь, связаны значения ЛСВ-2, 4, 7, 9. Однако неясной остаётся семантическая связь между значением ЛСВ-12 и семемой ‘ход, протекание’, называющей процесс смены любых состояний, а не только поступательное движение, а также семемой ‘возникновение, появление, образование чего-либо’, так как переход от несуществования к существованию не может оцениваться как переход в более совершенное состояние.

Здесь стоит упомянуть проблему общего (инвариантного) значения многозначного слова. Исследователи лингвистической семантики слова высказывают разное отношение к данному типу значения (обзор основных точек зрения см. [Васильев 1990: 143–146]). Общее значение представляет собой неизменную основу, которая присутствует во всех значениях многозначного слова: «<...> общее значение – теоретическое построение, имеющее ценность как некоторый инвариант смысла, определяющий основу и границы смысловой структуры, её суть» [Новиков 2001: 538]. Таким инвариантом значений слова *развитие* нам представляется ‘процесс перехода из одного состояния в другое’. Именно эта часть значения присутствует во всех перечисленных выше семемах слова *развитие*. Более того, мы предполагаем, что семема ‘процесс перехода из одного состояния в другое’ является не только теоретическим инвариантом, но и ещё одним, причём основным, значением анализируемого слова.

Слово *развитие* появилось в русском языке в XVIII в. как словообразовательная калька немецкого *Entwicklung* (*ent- – раз-, -wickl- – ви-, ung- – -тие)*, которое в свою очередь калькирует латинское *ēvolūtiō* или француз-

ское *dévelopment*, которое восходит к латинскому *ēvolūtiō* [Шанский, Боброва 2000: 265]. Внутренняя форма слова *развитие* связывает его с глаголом *развивать/развить* в значении ‘разделять/разделить, распрямлять/распрямить части чего-нибудь свитого, свившегося’ [СОШ: 643]. Это значение относится к этимологическому, «пассивному» (по терминологии Ю. С. Степанова) признаку концепта, который «открывается лишь исследователям и исследователями. Но это не значит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концепта вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений» [Степанов 2001: 48].

Данное значение перестало быть актуальным признаком концепта «РАЗВИТИЕ» после того, как многозначный глагол *развивать/развить* распался на омонимы, хотя омонимичность этих глаголов в современном русском языке признаётся не во всех толковых словарях (см., например, [МАС т. 3: 593]). В морфемной структуре существительного *развитие* произошло опрощение: с точки зрения синхронного словообразования, в слове не выделяется префикс, имевший значение ‘аннулировать результат предшествующего действия, отказаться или заставить отказаться от чего-либо’ [Ефремова т. 2: 422]. Однако мы предполагаем, что исходные значение и словообразовательные связи в качестве пассивных признаков сохраняются в концепте «РАЗВИТИЕ» (вспомним утверждение З. Д. Поповой и И. А. Стернина о том, что «концептуальных слоев обычно больше, чем семем» [Попова, Стернин 2002: 60]). Вероятно, в анализируемом концепте благодаря этимологической памяти слова имеют место представления и о процессе развития как о разрушении, хотя преобладает представление о развитии как созидании.

Подтверждение тому, что в сознании носителей русского языка присутствуют представления о процессе развития как изменении, имеющем восходящее и нисходящее направления, мы получили в ходе проведённого нами эксперимента. 211 студентам I–V курсов Магнитогорского государственного университета было предложено выбрать из двух определений слова *развитие* то, которое, по их мнению, наиболее соответствует данному понятию. В качестве первого определения предлагалась дефиниция из толкового словаря – ‘закономерное изменение, переход из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему’; в качестве второго – ‘необратимое, направленное, закономерное изменение, в результате которого возникает новое качественное состояние объекта – его состава или структуры и которое имеет восходящую линию (прогресс) и нисходящую (регресс)’, соответствующее философскому понятию развития. 111 респондентов из 211 выбрали из предложенных определений второе.

Таким образом, лексическое значение слова *развитие*, зафиксированное в толковых словарях, представляется нам неполным. Толкование слова *развитие* следует расширить, введя в него ЛСВ ‘закономерный переход кого/чего-либо из одного состояния в другое’.

Ещё одно подтверждение того, что существительное *развитие* наряду с зафиксированными в толковых словарях значениями в современном словоупотреблении имеет значение перехода из одного состояния в другое, не обязательно более совершенное, мы находим в «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой [СС: 365]. Согласно этому словарю, слово *развитие* разными ЛСВ входит в 4 синонимических ряда:

1) развитие, развитость, кругозор;

2) развитие, формирование, становление, эволюция;

3) ход, течение, развитие, протекание, процесс;

4) прогресс, поступательное движение, продвижение, движение вперёд, совершенствование, развитие, рост, сдвиг, шаг (вперёд), подвижка.

Первый, третий и четвёртый синонимические ряды соответствуют зафиксированным в толковых словарях значениям. Второй ряд нельзя соотнести ни с одним из перечисленных выше ЛСВ, что, на наш взгляд, доказывает наличие у слова *развитие* не зафиксированного современными толковыми словарями ЛСВ, синонимичного словам *формирование, становление, эволюция*.

Наше предположение нашло подтверждение в опубликованном в 2006 г. «Русском толковом словаре» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной. Этот словарь, содержащий «наиболее употребительную лексику русского языка конца XX – начала XXI века», фиксирует у слова *развитие* значение ‘процесс перехода из одного состояния в другое’ [Лопатин, Лопатина 2006: 628].

Таким образом, мы считаем, что слово *развитие* в современном русском языке представлено 13 ЛСВ, основным из которых является ‘закономерный переход кого/чего-либо из одного состояния в другое’. Нумерация ЛСВ должна быть подчинена логике эпидигматических отношений между семемами:

1) ‘закономерный переход кого/чего-либо из одного состояния в другое’;

2) ‘ход, протекание’;

3) ‘процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное’;

4) ‘возникновение, появление, образование чего-либо’;

5) ‘действие, направленное на то, чтобы постепенно усилить, укрепить кого/что-либо; сделать обширнее что-либо’;

6) ‘действие, направленное на то, чтобы довести кого/что-либо до определённой степени духовной, умственной зрелости, сознательности, культурности’;

7) ‘действие, направленное на то, чтобы распространить, расширить, углубить содержание или применение чего-либо; последовательно и подробно изложить что-либо’;

8) ‘действие, направленное на то, чтобы довести что-либо до определенной степени силы, мощности, совершенства, поднять уровень чего-либо’;

9) ‘действие, направленное на то, чтобы вырасти, видоизмениться в результате жизненного процесса // достичь физической зрелости // принять законченную форму; сложиться, созреть’;

10) ‘состояние кого/чего-либо как результат усиления, укрепления данного объекта’;

11) ‘степень умственной, духовной зрелости, просвещённости, широта кругозора’;

12) ‘состояние чего-либо как результат доведения объекта до определенной степени силы, мощности, совершенства, поднятия уровня чего-либо’;

13) ‘состояние как результат действия, направленного на то, чтобы вырасти, видоизмениться в результате жизненного процесса // достичь физической зрелости // принять законченную форму; сложиться, созреть’.

Структура отношений между данными семемами представляется нам следующей: ЛСВ-1 мотивирует ЛСВ-2, 3, 4; ЛСВ-3 мотивирует ЛСВ-5 , 6, 7, 8, 9; ЛСВ-5 мотивирует ЛСВ-10, ЛСВ-6 мотивирует ЛСВ-11, ЛСВ-8 мотивирует ЛСВ-12, ЛСВ-9 мотивирует ЛСВ-13.

Исходя из анализа соотношения значений слова *развитие*, мы можем сделать предварительные выводы о модели концепта «РАЗВИТИЕ», существующего в сознании обобщённого носителя русского языка, хотя необходимо отметить, что представить чёткую структуру слоёв концепта «РАЗВИТИЕ», как и любого другого, практически невозможно. «Лингвист может установить общенародное ядро концепта, а все текучие и перемещающиеся слои концепта можно лишь в той или иной степени обнаруживать, указывать на них, но четкая организация <...> для них не характерна, поэтому и моделировать концепт как структуру (подобно фонологической, лексико-семантической, грамматической структуре) в принципе невозможно. Можно, видимо, перечислить признаки и концептуальные слои, представить их положение в поле концепта, но не более того, поскольку концепт все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. В этом и заключается смысл мышления» [Попова, Стернин 2002: 61].

Концепт «РАЗВИТИЕ» соотносится со всеми ЛСВ многозначного слова и, кроме этого, в качестве этимологического, «пассивного» признака включает в себя представления о развитии как ‘разделении, распрямлении части чего-либо свитого, свившегося’ (по значению омонимичного глагола). Ядро концепта составляют наиболее обобщённые представления о развитии как процессе закономерного изменения, перехода кого- или чего-либо из одного состояния в другое. Этот слой в одной плоскости (если представлять концепт как трёхмерную модель) соотносится с представлениями о развитии как ходе, протекании чего-либо, в другой – с представлениями о развитии как возникновении чего-либо, в третьей – с представлениями о видах развития, прогрессивном (преобладающем по данным

толковых словарей) и регрессивном. Эти группы представлений составляют базовый слой концепта «РАЗВИТИЕ».

Представления, соответствующие ЛСВ со значением состояний объекта как результатов действий, относятся, по нашему мнению, к ближней периферии исследуемого концепта, так как не имеют непосредственной связи с ядром.

Рассматривая концепт «РАЗВИТИЕ» как фрейм, на данном этапе исследования мы можем установить, что его терминальными узлами являются:

1) объект,

2) два отличающихся друг от друга состояния объекта (состояние$_1$ и состояние$_2$),

3) изменение объекта, заключающееся в его переходе из состояния$_1$ в состояние$_2$ и наоборот.

Лексическое значение слова *развитие* не даёт информации о существовании субъекта действия, позволяя судить только о том, что в некоторых случаях объект развития одновременно является и его субъектом, что нашло отражение в собственно возвратных значениях глагола *развиваться/развиться*, мотивирующего имя анализируемого концепта. Этот факт связан с тем, что, как уже отмечалось, отглагольные существительные обозначают действие вне категории залога, связанной с субъектно-объектными отношениями.

Схематично концепт «РАЗВИТИЕ» можно представить как переход какого-либо объекта из состояния$_1$ в состояние$_2$. Слотовое наполнение терминальных узлов фрейма по данным толковых словарей можно восстановить лишь фрагментарно и приблизительно. Ниже мы показываем, чем отличаются друг от друга состояние$_1$ и состояние$_2$:

состояние$_1$	**состояние$_2$**
менее совершенное, низшее по отношению к состоянию$_2$;	более совершенное, высшее по отношению к состоянию$_1$;
Характеризуется меньшей крепостью, силой объекта;	характеризуется большей крепостью, силой объекта;
отсутствие значительной степени силы, мощности, совершенства объекта;	достижение объектом значительной степени силы, мощности, совершенства;
отсутствие определенной степени духовной, умственной зрелости, сознательности, культурности объекта;	достижение объектом определенной степени духовной, умственной зрелости, сознательности, культурности;
отсутствие широкого размаха, энергии;	широкий размах, энергия при развертывании чего-либо;
узость в применении чего-либо;	более глубокое, распространенное содержание или употребление чего-либо.

Повторим, что развитие рассматривается нами как процесс, имеющий два направления, поэтому к фрейму *Развитие* относится и обратное движение – от состояния$_2$ к состоянию$_1$ (нумерация состояний, таким образом, является условной).

Уточнение состава терминальных узлов фрейма *Развитие* и их слотового наполнения мы получим, обратившись к анализу парадигматических, синтагматических и ассоциативных связей слова *развитие*.

1. 2. Структура лексико-фразеологического поля Развитие

В данном параграфе ставится задача построить ЛФП, ядром которого является основной ЛСВ слова *развитие* – ‘закономерный переход кого/чего-либо из одного состояния в другое’, с целью уточнения состава терминальных узлов фрейма, представляющего концепт в сознании носителей русского языка.

Согласно модели семантического поля, предложенной Ю. Н. Карауловым, основными компонентами поля являются имя поля (значение, для которого строится поле), синонимы, родовое имя, видовое имя, значения, имеющие общие компоненты с ядром, антоним к имени поля [Караулов 1972: 61].

Значения, входящие в ЛФП, могут находиться по отношению друг к другу в оппозиции четырёх видов:

1) нулевая оппозиция – отношение равенства между ЛСВ (синонимические отношения);

2) привативная оппозиция – отношение строгого включения (родовидовые отношения);

3) эквиполентная оппозиция – пересечение двух ЛСВ (антонимические отношения, отношения между ЛСВ многозначного слова и др.);

4) дизъюнктивная оппозиция – отсутствие общих элементов у двух сопоставляемых ЛСВ [Караулов 1972: 57–58].

Если включение в поле ЛСВ, вступающих в оппозицию 1–3 типов, не вызывает сомнения, то значения с дизъюнктивной оппозицией, включаемые в поле, требуют разъяснений. «Лексические отношения в языке могут быть как непосредственными отношениями между значениями (синонимия, антонимия, полисемия и др.), так и отношениями между значениями лексических единиц, опосредованными отношениями между соответствующими реалиями или концептами (субъектное, объектное, атрибутивное и другие отношения). Иными словами, реалии в действительности связаны предметными отношениями, концепты в мышлении связаны логическими отношениями, а отношения между значениями лексических единиц (непосредственные и опосредованные), обозначающих данные реалии и концепты, относятся к сфере языка и могут быть названы семантическими» [Скиданенко 1984: 355]. Можно установить отношения между любыми двумя произвольно выбранными словами. Как известно, цепочка поиска общей части значений членов отношений может иметь от одного до шести шагов. По мнению Ю. Д. Скиданенко, «целесообразно за предел глубины отношения принять три шага. Если глубина отношения превышает три шага, то есть основание считать такое семантическое отношение недостаточным, а данное слово избыточным в составе словарной статьи дескриптора [и

ЛФП – С. А.]» [Скиданенко 1984: 358]. Таким образом, учитывая не только одно-, но и двух-, а также трёхшаговые семантические отношения, можно утверждать, что в ЛФП могут объединяться значения, находящиеся в дизъюнктивной оппозиции.

При таком понимании структуры ЛФП в него включаются значения, находящиеся не только в отношениях синонимии, антонимии, полисемии, рода и вида, но и всевозможные разновидности ассоциативных и тематических отношений (в модели ЛФП, предложенной Ю. Н. Карауловым, последняя группа отношений соответствует рубрике «значения, имеющие общие компоненты с ядром»).

Восстановить все существующие связи слова *развитие* с другими словами представляется нам нереальным и избыточным в рамках данного исследования. Наша задача – охарактеризовать концепт «РАЗВИТИЕ» и указать на его ближайшие связи с другими концептами.

В данном параграфе мы рассматриваем семантические отношения, традиционно включаемые исследователями в семантическое поле: родовидовые, синонимические, антонимические. Другие типы отношений, также включаемые в поле слова, рассматриваются в следующем параграфе при анализе сочетаемости слова *развитие* и его ассоциативных связей.

Слово *развитие* к качестве видового имени входит в ЛФП слова *изменение* (родовое имя).

В эквиполентной оппозиции с именем анализируемого концепта находятся его согипонимы по полю *Изменение* – существительные (преимущественно отглагольные): *движение* в значении ‘форма существования материи, непрерывный процесс развития материального мира’; *поворот* в значении ‘полное изменение в развитии чего-нибудь, перелом’; *перелом* в значении ‘резкое изменение в развитии чего-нибудь’. Наличие в значении данных слов семы ‘развитие’ свидетельствует о том, что они входят не только в ЛФП *Изменение*, но и в более узкое ЛФП *Развитие*.

Кстати, чтобы отграничить развитие от других видов изменений, мы вынуждены выйти за рамки лингвистического значения и привлечь энциклопедическую информацию о развитии. Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», развитие – это изменение материальных и идеальных объектов, характеризующееся **необратимостью, направленностью** и **закономерностью**. «Только одновременное наличие всех трёх указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений: обратимость изменений характеризует процессы функционирования (циклличное воспроизведение постоянной системы функций); отсутствие закономерности характерно для случайных процессов катастрофического типа; при отсутствии направленности изменения не могут накапливаться и поэтому процесс лишается характерной для развития единой, внутренне взаимосвязанной линии» [ФЭС: 561].

Семема, которую мы считаем ядерной в ЛФП *Развитие* (‘закономерный переход кого/чего-либо из одного состояния в другое’), имеет сино-

ним – *эволюция* как ‘процесс постепенного непрерывного количественного изменения; вообще развитие’, который находится с ядром в нулевой оппозиции. К антонимам ядерной семемы мы относим единицы, обозначающие отсутствие развития: *неизменность* ‘отсутствие изменений, постоянство’; *постоянство* ‘неизменность, одинаковость во всё время’; *застой* в значении ‘остановка, задержка, неблагоприятная для развития, движения чего-нибудь’ (все они находятся в эквиполентной оппозиции с ядром ЛФП). Единицы, которые рассматриваются ниже как элементы ЛФП *Развитие*, в основном относятся к видовым наименованиям по отношению к ядру и находятся с ним в привативной оппозиции.

Значение ЛСВ-1 слова *развитие* является ядром конструируемого в данном параграфе ЛФП. Остальные ЛСВ распределяются в пространстве поля в соответствии с тем, насколько близки их значения к ядру поля: ЛСВ-2, 3, 4, находящиеся в одношаговых семантических отношениях с ядром, занимают околоядерную зону, образуя три её сектора; ЛСВ-5, 6, 7, 8, 9, находящиеся в двухшаговых семантических отношениях с ядром, составляют основу центральной части ЛФП; ЛВС-10, 11, 12, 13, находящиеся в трёхшаговых семантических отношениях с ядром, занимают периферийное положение в ЛФП.

Синонимы, антонимы, видовые имена каждого из ЛСВ слова *развитие* занимают в ЛФП место, соответствующее расположению ЛСВ, с которым они связаны наиболее тесно.

Так, околоядерную зону в ЛФП *Развитие* занимают синонимы трёх ЛСВ, находящихся в одношаговых семантических отношениях с ядром:

синонимы ЛСВ-2 ‘ход, протекание’:

- *протекание* в значении ‘ход, развитие какого-нибудь явления, последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь’;

- *процесс* в значении ‘ход, развитие какого-нибудь явления, последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь’;

- *ход* в значении ‘развитие, развёртывание чего-нибудь’;

2) синонимы ЛСВ-3 ‘процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное’:

- *прогресс* ‘поступательное движение, улучшение в процессе развития’;

- *совершенствование* ‘изменение, направленное на то, чтобы сделать кого/что-либо лучше, совершеннее’;

- *рост* в значении ‘увеличение в числе, размерах, развитие’, ‘усиление, укрепление’ и ‘совершенствование в процессе развития’;

- *поступательное движение* ‘движение, направленное вперёд’;

- *сдвиг* в значении ‘заметное улучшение, изменение в состоянии, развитии чего-нибудь’;

- *улучшение* ‘изменение, перемена к лучшему’;

3) синонимы ЛСВ-4 ‘возникновение, появление, образование чего-либо’:

- *возникновение* ‘образование, зарождение’;

- *появление* ‘возникновение’;

- *становление* ‘возникновение, образование чего-нибудь в процессе развития’;

- *формирование* ‘процесс придания определённой формы, законченности кому-чему-либо; порождение кого-чего-либо’.

Все названные здесь синонимы находятся с соответствующими ЛСВ в нулевой оппозиции, что отражается в словарных дефинициях, большинство из которых синонимические.

Антонимы есть только у двух околоядерных ЛСВ:

1) антонимы ЛСВ-3 ‘процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное’:

- *регресс* ‘упадок в развитии чего-нибудь, движение назад’;

- *деградация* ‘процесс постепенного ухудшения, ведущий к вырождению’;

- *ухудшение* ‘изменение, перемена к худшему’;

- *спад* в значении ‘ослабление хозяйственной деятельности или общественной активности’;

- *упадок* ‘состояние ослабления деятельности, спада активности’;

2) антонимы ЛСВ-4 ‘возникновение, появление, образование чего-либо’:

- *исчезновение* в значении ‘прекращение существования’;

- *смерть* в переносном значении ‘конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности’.

Как и все антонимы, названные единицы находятся в отношениях эквиполентной оппозиции с соответствующими семемами слова *развитие*.

Особое внимание следует уделить соотношению синонимов и антонимов ЛСВ-3, значения которых являются оценкой двух состояний, исходного и конечного пунктов развития:

прогресс	*регресс*
совершенствование	*деградация*
улучшение	*ухудшение*
рост	*спад*
поступательное движение	*упадок*
сдвиг (в значении ‘заметное улучшение, изменение в состоянии, развитии чего-нибудь’)	

Если состояние$_1$ оценивается как менее совершенное, чем состояние$_2$, то имеет место представление о восходящей линии развития, которое объективируется словами *прогресс, улучшение* и пр. Если же состояние$_1$ оценивается как более совершенное, чем состояние$_2$, то имеет место представление о нисходящей линии развития, которое объективируется словами *регресс, деградация* и пр. Здесь возникает проблема объективности/субъективности оценки состояний. Вероятно, фрейм *Развитие* содер-

жит ещё один терминальный узел – «наблюдатель», тот, кто оценивает исходное и конечное состояния объекта развития.

ЛСВ-3 и ЛСВ-4, а также их синонимы и антонимы связаны с представлениями о протяжённости процессов, что обусловливает эквиполентную оппозицию данных компонентов с ЛСВ-2 и его синонимами.

Центральная часть ЛФП представлена пятью ЛСВ, состоящими в привативной оппозиции с ЛСВ-3, так как являются его видовыми наименованиями. Синонимы и антонимы ЛСВ-5, 6, 7, 8, 9 составляют обширную центральную часть ЛФП. Приведём некоторые компоненты поля (синонимы и, где это возможно, антонимы), семантически связанные с каждым ЛСВ данной группы:

1) ЛСВ-5 ‘действие, направленное на то, чтобы постепенно усилить, укрепить кого/что-либо; сделать обширнее что-либо’

- синонимы *усиление, укрепление, расширение*;

- антонимы *ослабление, сужение, ограничение*;

2) ЛСВ-6 ‘действие, направленное на то, чтобы довести кого/что-либо до определённой степени духовной, умственной зрелости, сознательности, культурности’

- синонимы *воспитание, образование*;

3) ЛСВ-7 ‘действие, направленное на то, чтобы распространить, расширить, углубить содержание или применение чего-либо; последовательно и подробно изложить что-либо’

- синонимы *распространение, расширение, углубление*;

- антоним *сворачивание*;

4) ЛСВ-8 ‘действие, направленное на то, чтобы довести что-либо до определенной степени силы, мощности, совершенства, поднять уровень чего-либо’

- синоним *совершенствование*;

5) ЛСВ-9 ‘действие, направленное на то, чтобы вырасти, видоизмениться в результате жизненного процесса // достичь физической зрелости // принять законченную форму; сложиться, созреть’

- синонимы *рост* в значении ‘увеличение организма или отдельных органов в процессе развития’, *созревание*.

ЛСВ, находящиеся в трёхшаговых семантических отношениях с ядром, состоят друг с другом и с соответствующими ЛСВ центральной части поля в эквиполентной оппозиции. Друг с другом их связывает интегральная сема ‘состояние объекта’, а с семемами центра ЛФП – отношения «результат–действие».

До сих пор мы отмечали в качестве компонентов ЛФП *Развитие* лишь ЛСВ имени поля и их синонимы и антонимы. Однако семантические отношения, позволяющие рассматривать единицу как компонент ЛФП, разнообразны. Как уже отмечалось, можно выявить семантическую связь между любыми произвольно выбранными словами. Однако мы не ставим перед собой цели описать максимальное количество единиц, имеющих ка-

кую-либо связь с ядром ЛФП *Развитие*. Наша задача – охарактеризовать лишь структуру данного поля, а не его полный состав (что сделать практически невозможно). Поэтому отметим, что, кроме названных существительных, компонентами поля являются глаголы, мотивирующие эти существительные (*развивать/развить, развиваться/развиться, усиливать, укреплять, расширять и т. д.*), и другие родственные производящим глаголам слова.

Рассмотрим, какое место в ЛФП *Развитие* занимают однокоренные с именем поля слова:

Развить II

– развиться II – развиваться II – развивающийся – саморазвивающийся
– развивать II – развиваться II – развиватель
– развитие – неразвитие
– саморазвитие
– развитой
– развитый – развитость – неразвитость
– высокоразвитый
– малоразвитый – малоразвитость
– слаборазвитый
– доразвить – доразвиться – доразвиваться
– доразвивать
– доразвитие
– недоразвить – недоразвиться – недоразвиваться
– недоразвивать
– недоразвитие
– недоразвитый – недоразвитость [Тихонов т. 2 1990: 12].

Деривационные связи, зафиксированные в словообразовательном гнезде, наглядно демонстрируют глубину семантических отношений между однокоренными словами. Так, в наиболее близких, одношаговых семантических отношениях с существительным *развитие* находятся производящий глагол *развить* и производные существительные *неразвитие* и *саморазвитие*. Эти элементы входят в околоядерную зону ЛФП. Существительное *неразвитие* выступает в роли антонима к имени поля, а *саморазвитие* – в роли видового наименования, обозначающего разновидность развития, в которой субъект и объект совпадают (на это же указывает периферийный компонент *саморазвивающийся*).

Остальные компоненты словообразовательного гнезда связаны с именем анализируемого поля косвенно (через значение производящего глагола) и находятся на периферии, выражая различные семантические отношения с именем поля. Субъектные семантические отношения выражают существительные *развиватель*, (косвенно) *саморазвитие* и прилагательное *саморазвивающийся*. Значение признака объекта как результата развития имеют причастие *развивающийся* и прилагательные *саморазвивающийся,*

развитой, развитый, высокоразвитый, малоразвитый, слаборазвитый, недоразвитый (четыре последних слова объединены семой ‘мера’). Значение состояния объекта как результата развития имеют существительные *развитость, неразвитость, высокоразвитость, малоразвитость, недоразвитость* (четыре последних слова так же, как и в предыдущей группе, объединены семой ‘мера’). Сему ‘предел развития’ имеют глаголы *доразвить, доразвиться, доразвиваться, доразвивать* и существительное *доразвитие*.

Таким образом, анализ деривационных связей слова *развитие* позволяет уточнить и расширить состав терминальных узлов фрейма, представляющего в сознании носителей русского языка концепт «РАЗВИТИЕ». Во-первых, слово *развиватель* подтверждает существование представлений о субъекте развития. Во-вторых, компоненты словообразовательного гнезда с морфемами *высоко-, мало-, слабо-, недо-* свидетельствуют о наличии во фрейме *Развитие* терминального узла меры данного процесса. Однако нерешённым остаётся вопрос о том, кем определяется мера развития объекта. Здесь мы вновь выскажем предположение о существовании третьего актанта развития – наблюдателя, которое на данном этапе анализа средств вербализации концепта не может быть ни доказано, ни опровергнуто.

*1. 3. Синтагматические и ассоциативные связи слова **развитие** как характеристика концепта*

Концепты в сознании человека не изолированы друг от друга. Концептосфера представляет собой сложнейшее переплетение концептуальных признаков разных концептов. Описать фрейм определённого концепта без анализа соотношения со смежными концептами невозможно. Выявление синтагматических связей между словами, вербализующими концепты, с одной стороны, уточняет значение слов, состав ЛФП, с другой стороны, позволяет сделать выводы об организации фрагмента концептосферы, центром которого является интересующий нас концепт. Поэтому следующим необходимым шагом в описании концепта «РАЗВИТИЕ» является анализ сочетаемости и ассоциативных связей ключевого слова, тех «нитей», которыми любое слово тянется к другим словам в поисках своей пары, в стремлении превратиться в «модель двух слов» [Караулов 1994: 191]. Способность слова сочетаться определённым образом с другими словами, то есть его валентность, является одним из трёх основных компонентов значения слова (наряду с отнесённостью слова к какому-либо отрезку внеязыковой действительности и значимостью слова) [Морковкин 1970: 49]. Следовательно, чтобы иметь более полное представление о значении слова, а следовательно, и о концепте, который объективируется этим словом, необходимо проанализировать валентность слова, выяснить, как именно организован тот фрагмент семантического пространства, в котором находится интересующая нас лексическая единица, и «по отношению между значениями в семантическом пространстве языка можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере» [Попова, Стернин 2002: 90].

В качестве основных источников материала для анализа на данном этапе нами были выбраны два словаря: «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина (далее УСС) и «Русский ассоциативный словарь» (далее РАС). Дополнительным источником информации о связях слова *развитие* в сознании носителей русского языка служат результаты проведённого нами ассоциативного эксперимента.

УСС и РАС являются словарями тезаурусного типа в трактовке Ю. Н. Караулова: «Будем называть тезаурусом всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами» [Караулов 1981: 148]. В первом из названных словарей зафиксированы регулярно встречающиеся в различных высказываниях синтагматические связи слов русского языка, связи, отражённые в речевой практике и зафиксированные в письменных текстах. В РАС отражены связи слов, существующие в сознании, в памяти носителя русского языка, то есть «язык в его предречевой готовности» [Караулов 1994: 191]. Таким образом, сопоставление материала данных двух словарей позволяет проследить связи значений слов (а следовательно, и концепта с другими концептами) как на этапе подготовки высказывания, так и в речи. Кроме того, временной промежуток, разделяющий подготовку к изданию и публикацию УСС (1978 г.) и РАС (1994–1998 гг.), а также проведение нашего эксперимента (2003 г.) позволяет анализировать изменения в синтагматических связях слов, то есть говорить об эволюции признаков концепта.

Связи слова *развитие*, зафиксированные в УСС и РАС, уточняют состав терминальных узлов фрейма и их слоты.

В УСС зафиксирована сочетаемость двух ЛСВ слова *развитие*: ‘процесс роста, укрепления, созревания, совершенствования кого-чего-либо, а также ступень, результат такого процесса’ и ‘степень духовной, умственной зрелости, просвещённости, широта кругозора’.

Относительно сочетаемости первого ЛСВ, представленного в УСС, следует уточнить нашу позицию: мы считаем, что сочетаемость слова *развитие*, отражённая в УСС, в полной мере относится к основному (по нашей иерархии значений) ЛСВ этого слова – ‘закономерный переход из одного состояния в другое’, тем более что в словаре зафиксировано сочетание *поступательное развитие*, которое должно расцениваться как тавтология, если под *развитием* понимать только ‘процесс роста, укрепления, созревания, совершенствования кого-чего-либо, а также ступень, результат такого процесса’ (*поступательный* – ‘направленный вперёд’).

По данным УСС, слово *развитие* в значении ‘процесс роста, укрепления, созревания, совершенствования кого-чего-либо, а также ступень, результат такого процесса’ синтаксически сочетается с прилагательными, существительными и глаголами в словосочетаниях следующих моделей:

1) прилагательное + *развитие*,

2) *развитие* + существительное в р. п.,

3) существительное + *развития*,
4) существительное + *в развитии*,
5) существительное + *к развитию*,
6) существительное + *о развитии*,
7) глагол + *развитие* (в. п.),
8) глагол + *развитию*,
9) глагол + *развитием*,
10) глагол + *в развитии*,
11) глагол + *за развитием*,
12) глагол + *к развитию*,
13) глагол + *на развитие*,
14) глагол + *на развитии*.

Рассмотрим, какие именно семантические отношения между анализируемым именем концепта и другими словами выражаются в перечисленных моделях словосочетаний.

Самую большую группу составляют прилагательные и существительные, называющие объект процесса развития. Объектные семантические отношения выражаются в словосочетаниях 1-й и 2-й моделей. Причём в словосочетаниях 2-й модели с главным словом *развитие* управление является предсказуемым и обязательным: зависимое слово, называющее объект развития, может быть только в форме родительного падежа без предлога и является необходимым для толкования значения главного слова.

По данным УСС, объектом развития могут быть:

– человек (*развитие ребёнка, человека, личности*);

– отдельные свойства человека (*развитие психики, сознания, мышления, каких-либо навыков, каких-либо свойств, характера, воли, речи, ума, таланта, способностей, памяти, силы, мускулатуры, ловкости; физическое, психическое, умственное, нравственное развитие*);

– совокупность людей (*развитие коллектива, общества, человечества; социальное, общественное развитие*);

– отношения между людьми (*развитие каких-либо связей, каких-либо отношений, контактов с кем-чем-либо, производственных отношений*);

– отдельные отрасли деятельности человека (*развитие промышленности, сельского хозяйства, строительства, торговли, экономики, техники, науки, культуры; научное, техническое, экономическое, хозяйственное, культурное развитие*);

– продукты человеческой деятельности, как правило, духовной (*развитие теории, идеи, концепции, производительных сил*);

– явления, не связанные с деятельностью человека (*развитие природы, жизни, какого-либо движения*).

Исходя из анализа сочетаемости слова *развитие*, делаем вывод, что в русской концептосфере понятие развития прежде всего связано с человеком как типичным **объектом** развития в различных высказываниях.

В отличие от объекта, **субъект** развития в перечне слов, сочетающихся с названием данного процесса, не назван, хотя развитие, по данным УСС, предстает как процесс, на который может влиять некий субъект. Мы предполагаем, что в одних случаях субъект и объект развития совпадают, в других различаются. Это находит отражение в сочетаниях: *самостоятельное, естественное, искусственное развитие*. В тех случаях, когда в высказываниях упоминается субъект развития (причём неважно, совпадает он с объектом или нет), внимание сосредоточивается прежде всего на его возможном влиянии на процесс. Это выражается в словосочетаниях, в которых существительное *развитие* управляется объектными глаголами лексико-фразеологической группы (далее ЛФГ) «Воздействие»:

– со значением позитивного воздействия (*направлять, обеспечивать, ускорять развитие; содействовать, помогать, способствовать развитию*);

– со значением негативного воздействия (*замедлять, приостанавливать, сдерживать, тормозить развитие; мешать развитию*);

– со значением воздействия, результат которого может оцениваться как негативный или позитивный в зависимости от контекста (*направлять развитие; заниматься, руководить развитием; участвовать, принимать участие в развитии; влиять на развитие; что-либо отражается, сказывается на развитии; стремление к развитию, забота о развитии*).

Здесь следует отметить приблизительно равное количество сочетаний с глаголами, имеющими семы как позитивного, так и негативного влияния, то есть роль субъекта в процессе развития в равной мере представляется носителям русского языка как полезной, так и вредной. Кроме того, существует значительное количество контекстов, в которых нельзя однозначно оценить влияние субъекта как положительное или отрицательное.

Анализ сочетаемости слова *развитие* доказывает высказанное нами ранее предположение о существовании некоего **наблюдателя**, который, в свою очередь, может совпадать с объектом и/или субъектом действия, а может быть и «третьим лицом». Развитие предстаёт как процесс, который можно наблюдать и объяснять, описывать, что находит отражение в сочетаниях с глаголами ЛФГ «Восприятие» (*наблюдать развитие; наблюдать, следить за развитием; интересоваться развитием*) и «Представление объекта» (*объяснять развитие; учение о развитии*).

В ходе наблюдения за развитием устанавливаются следующие черты этого процесса, отражённые в сочетаниях, зафиксированных в УСС:

- развитие является процессом, протяжённым во времени (*путь, ход, процесс развития*);

- протяжённость во времени может быть различной (*медленное, долгое, быстрое, скорое, ускоренное, бурное, стремительное, интенсивное, постоянное развитие*);

- развитие может характеризоваться через временну́ю отнесённость к другому процессу или явлению (*раннее, позднее, своевременное, опережающее развитие*);

- способы протекания развития различны (*постепенное, равномерное, пропорциональное, планомерное, последовательное, скачкообразное развитие; скачок, отклонение, изменение в развитии*);

- в ходе развития выделяются этапы (*начало, продолжение, конец, этап, период развития*);

- на каждом из этапов развитие имеет разные результаты (*уровень, степень развития*);

- развитие оценивается наблюдателем в зависимости от результата (*хорошее, плохое, заметное, гигантское, громадное, сильное, слабое, высокое, низкое, полное, правильное, неправильное, своеобразное, необходимое, поступательное развитие*);

- развитие – процесс, подчиняющийся законам, имеющий свои закономерности и зависящий от определённых условий (*закон, закономерность, теория, условие, форма развития; историческое, диалектическое развитие*).

Сочетаемость периферийного ЛСВ (‘степень умственной, духовной зрелости, просвещённости, широта кругозора’) во многом совпадает с сочетаемостью основного ЛСВ, отличаясь лишь меньшим количеством возможных синтаксических конструкций.

В целом анализ сочетаемости слова *развитие* подтверждает определённый на предыдущих этапах исследования состав терминальных узлов фрейма. Кроме того, в контексте нашего исследования данные УСС можно рассматривать как варианты слотов, которые в различных комбинациях представляют многочисленные ситуации развития.

Анализ ассоциативных связей слова *развитие* позволяет проследить отношения между значениями лексических единиц в семантическом пространстве русского языка и концептов, объективированных данными словами, в концептосфере. «Ассоциации являются одним из основных механизмов памяти. В определённом смысле их можно назвать естественными классификаторами понятийного содержания лексики языка» [Морковкин 1970: 44]. Ассоциативное поле является «не только фрагментом вербальной памяти (знаний) человека, фрагментом семантических и грамматических отношений, но и фрагментом образов сознания, мотивов и оценок русских» [РАС кн. 1, ч. 1: 6].

Ассоциативное поле слова, как правило, состоит из тех же элементов, что и его ЛФП [Залевская 1990: 103–107]; [Караулов 1994: 193]. В ходе свободного ассоциативного эксперимента, результаты которого были положены в основу РАС, не дифференцировались значения многозначных слов-стимулов, то есть словарь фиксирует ассоциации на все ЛСВ слова. С одной стороны, это осложняет построение поля, с другой – не противоречит пониманию концепта как ментального образования, объединяющего в

себе представления обо всех ЛСВ многозначного слова. Мы вынуждены признать, что при построении ассоциативного поля слова *развитие* имела место определённая доля субъективности в определении соотношения между представленными в РАС лексемами и ЛСВ, которые они объективируют. При решении вопроса о том, какое из значений того или иного многозначного слова лежит в основе ассоциации, мы руководствовались собственным представлением о связи значений стимула и реакции как единственно доступным в данном случае приёмом.

По данным РАС, на слово-стимул *развитие* было дано 76 реакций-ответов, из них 62 – единичных; *развитие* и однокоренные ему слова (*развивать, развиваться, развивающийся, развитый, развитой* и их формы) явились реакцией на 84 слова-стимула. Абсолютное большинство реакций соответствует уже отмеченным нами семантическим связям слова *развитие* и терминальным узлам фрейма, представляющего соответствующий концепт (слова-реакции приводятся в той форме, которая зафиксирована в РАС, полужирным курсивом выделены зеркальные ассоциации, то есть пары слов, взаимно вызывающих друг друга в качестве реакции):

1) объект развития – *общества; половое, ребёнок, **умственное;** ребёнка, речи, **ума, физическое,** человека; Вселенной, года, головного мозга, зародыш, зародыша, **капитализма**, кораблестроения, **личность**, малолетних, мира, мозга, **мысли**, жизнь, **мышления, наука**, науки, образования, **плод**, производства, промышленности, психическое, растение, события, сотрудничество, способность, **страны**, тела, техники, **ум**, ума и силы, цветок, человек, цивилизация; аппетит, болезнь, воображение, государство, грудь, действие, диалект, Европа, индивид, индивидуальность, интеллект, история, капиталист, коммунизм, кругозор, культура, маразм, связь, сеть, скулы, содействие, социализм, спина, фантазия, череп, экономика, Япония;*

2) различные характеристики процесса развития: ***бурное**, вглубь, высшее, заторможенное, научное, недостаточное, неполное, плохое, полное, полноценное, постепенное, стабильное; ранний, слабо, средний;*

3) воздействие субъекта на процесс развития: *затормозить, содействие, тормозить, ускорение;*

4) синонимы: *движение, формирование, эволюция;*

5) видовые имена слова *развитие*: ***прогресс**, рост, расцвет, деградация, **регресс**, упадок, процесс, ход.*

Среди ассоциаций на слово *развитие* мы не обнаружили его антонимов (например, *неизменность, постоянство, застой*). Тем не менее, в ассоциативном поле присутствуют слова, которые отражают представление о процессах, обратных развитию: *невозможно, бездействовать*. Эти слова входят в ЛФП антонимов слова *развитие*. Наличие этих реакций в рассматриваемом ассоциативном поле свидетельствует о существовании связи между концептами «РАЗВИТИЕ» и «НЕИЗМЕННОСТЬ», «ПОСТОЯНСТ-

ВО», «ЗАСТОЙ», а их немногочисленность указывает на периферийность данной связи.

Особенно важными для анализа концепта нам представляются, с одной стороны, зеркальные ассоциации, а с другой – те ассоциации, которые не дублируют семантические отношения, выявленные нами в ходе анализа сочетаемости слова *развитие* по данным УСС, а отражают новое в представлении об анализируемом концепте.

Зеркальные ассоциации свидетельствуют об устойчивой связи между концептами, объективированными данными словами, поэтому они несут наиболее важную информацию о соотношении концептов в концептосфере. Согласно этим ассоциациям, типичными объектами развития являются *личность, ум, мышление, мысль, физические свойства человека, наука, плод, страна, капитализм*, то есть именно эти реалии в первую очередь воспринимаются носителями русского языка как способные развиваться, а развитие представляется их обязательным свойством. Устойчивыми являются представления о *бурном* характере развития и двух противоположных его направлениях – *прогрессе и регрессе*.

Анализ ассоциаций позволяет выделить ещё один терминальный узел фрейма, представляющего концепт «РАЗВИТИЕ», – **средства** данного действия. Ассоциации фиксируют средства духовного (*воспитание, институт*) и физического (*зарядка*, *тренировка*, *ходить*) развития человека.

Таким образом, ассоциации на слово *развитие* подтверждают выявленные нами ранее представления о концепте и расширяют их. Исходя из анализа сочетаемости слова *развитие* и его ассоциативных связей, мы можем сделать вывод о том, какие единицы имеют семантические связи с именем анализируемого концепта, находясь на периферии его ЛФП, и, следовательно, какие концепты связаны с концептом «РАЗВИТИЕ». Семантические отношения соответствуют терминальным узлам фрейма, представляющего концепт, а слова, выражающие эти отношения, – слотам фрейма. Следовательно, на периферии ЛФП *Развитие* располагаются группы слов, значения которых выражают следующие семантические отношения со значением ‘закономерное изменение, переход из одного состояния в другое; переход от старого качественного состояния к новому’:

– объект развития,
– возможное воздействие субъекта на развитие,
– средства развития,
– характеристики протекания процесса развития,
– оценка результатов развития,
– наблюдатель развития.

Семантическую связь между словом-стимулом и реакциями охарактеризовать представляется возможным не во всех случаях. Об этом пишет И. М. Кобозева: «<...> в связи с наличием у каждого человека помимо общекультурных ещё и сугубо индивидуальных представлений, связанных с денотатом слова (индивидуальных ассоциаций), в ассоциативное поле лек-

семы у конкретного носителя может попасть слово, семантическое отношение которого к слову-стимулу можно объяснить только на основе индивидуального жизненного опыта данного лица» [Кобозева 2000: 108]. В ассоциативном поле слова *развитие* к таким индивидуальным ассоциациям относятся, по данным РАС, реакции *счастье* и *юбилейный*, а по результатам проведённого нами ассоциативного эксперимента, реакции *два человека*, *двигатель*. Незнание индивидуального жизненного опыта респондентов, обусловившего данные реакции, не позволяет установить их семантические отношения со словом *развитие*.

С целью дополнить ассоциативное поле слова *развитие*, отражённое в РАС, и выявить изменения ассоциативных связей имени анализируемого концепта мы провели свой ассоциативный эксперимент. Эксперимент проводился в октябре 2003 г., то есть через 15 лет после начала эксперимента, ставшего основой РАС.

Испытуемыми являлись 211 студентов первого–пятого курсов факультета педагогики и методик начального образования Магнитогорского государственного университета, для которых русский язык является родным. Возраст опрашиваемых – 17–25 лет.

Испытуемым в ходе эксперимента предлагалось дать по 3 реакции на слово-стимул *развитие*. 189 респондентов выполнили это условие. В одной анкете не дано ни одной реакции, в 2-х – по 1 реакции, в 10-ти – по 2. В 9-ти анкетах дано бóльшее, чем требовалось, количество реакций (в 5-ти анкетах – по 4 реакции, в 3-х – по 5, в одной – 6). «Лишние» реакции учитывались нами при составлении общего перечня компонентов ассоциативного поля слова *развитие*.

Общее число реакций на слово-стимул *развитие* – 630, число разных реакций – 219, единичных реакций – 149. 70 неединичных реакций имеют частоту от 2 до 47:

– ***ум*** 47;

– ***рост*** 45;

– *прогресс* 31;

– *ребенок* 21;

– *взросление, учение* 13;

– *знание,* ***процесс*** 12;

– *изменение,* ***интеллект****, совершенствование* 11;

– *возраст,* ***воспитание****,* ***мышление****, обучение, учёба,* ***физическое****,* ***человек*** 10;

– *образование, познание* 9;

– ***движение****, улучшение* 8;

– *книги* 7;

– *личность, наука, умственное* 6;

– *будущее, усовершенствование* 5;

– *движение вперёд, духовное, интеллектуальное,* ***ребёнка****, самообразование, становление, физиология, школа,* ***эволюция*** 4;

– вперёд, дерево, дети, жизнь, ***мозг****, понимание, прогрессия, продвижение вперёд, разум,* ***речь****,* ***рождение****,* ***человека*** 3;

– быстрое, время, интерес, ***культуры****, моральное,* ***мысли****, образованность,* ***общество****, организма, педагогика, продвижение, рост человека, сила, спираль, спорт, стремление вперёд,* ***ума****, умение, успеваемость, успех, учитель,* ***формирование*** 2.

Значительная часть (40) реакций, данных студентами в ходе нашего эксперимента, дублирует реакции, отражённые в РАС. Такие реакции в перечне выделены полужирным шрифтом. Среди единичных (в нашем эксперименте) реакций совпадающими с данными РАС оказались следующие: *воображение, детское, жизнь, зародыш, институт, история, мысль, плод, психическое, раннее, расти, стремление, темп, тренировка, экономика*. Подобное совпадение реакций, данных в ходе ассоциативных экспериментов, проводимых в разные годы, в разных группах опрашиваемых, можно считать показателем устойчивости концептуальных связей, которые отразились в данных ассоциациях.

Обращает на себя внимание то, что в составленном по результатам нашего эксперимента ассоциативном поле слова *развитие* большое место занимают слова-реакции, тематически связанные со сферой образования: *задержка психического развития, занятия, знания, игры, институт, наука, образование, образованность, обучение, обучение углублённое, обучения, памяти, педагог, педагогика, познание, познание нового, познание чего-либо, получение знаний, понимание, просвещение, речь, самообразование, университет, успеваемость, учёба, учебник, учение, учитель, чтение, школа, школа→ институт→ работа, школьник.* Эти ассоциации отражают актуальные для реципиентов связи между концептами: с одной стороны, это представления о связи между собственным развитием и учёбой в вузе (такие ассоциации представлены и в РАС: *институт, наука*,), с другой – о связи между развитием школьника и его учёбой в школе. Ассоциации, отражающие связь между концептами «РАЗВИТИЕ» и «ШКОЛА», в ассоциативном поле, составленном по результатам нашего эксперимента, многочисленны, тогда как в РАС подобные реакции практически не представлены. Этот факт можно объяснить тем, что все участники нашего эксперимента – студенты факультета педагогики и методики начального образования. В их концептосфере концепты «РАЗВИТИЕ» и «ШКОЛА», «ОБУЧЕНИЕ» имеют устойчивые связи в силу специфики их учебной деятельности. В эксперименте же, который был положен в основу РАС, участвовали студенты различных вузов, в концептосфере которых связь развития и школы не столь актуальна.

В целом результаты проведённого нами ассоциативного эксперимента подтверждают выводы о соответствии структуры ЛФП и ассоциативного поля *Развитие*, проиллюстрированные нами на основе анализа данных РАС.

Уточнением семантических связей слова-стимула не ограничиваются возможности анализа ассоциаций. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «<...> в ассоциативном поле всегда имеется некоторый “остаток”, некоторый набор реакций, выходящих за пределы лексической семантики и грамматических отношений стимула и несущих когнитивную или прагматическую информацию, то есть передающих знания о мире или отношение к миру носителей языка» [Караулов 1994: 193]. К такому «остатку» относятся, к примеру, реакции на стимул *развитие Дарвин* (РАС) и *эволюция* (РАС и результаты нашего эксперимента), свидетельствующие о существовании в сознании носителей устойчивой связи представлений о развитии с теорией Дарвина о происхождении видов путём естественного отбора.

Среди связей слов-стимулов и реакций, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *развить* (по материалам РАС), выделяется особая группа, отражающая экстралингвистическую информацию об общественных и политических процессах второй половины 80-х гг. XX в. (ассоциативный эксперимент, положенный в основу РАС, проводился с октября 1988 до мая 1990 гг.). Мы восстановили словосочетания, представленные в РАС в «предречевой готовности»: *развитая Европа, развивающийся капитализм* и *развитой капитализм, развитая страна, развивающиеся страны, развивающийся социализм* и *развитой социализм, ускорение развития, экономика развивается, развивающаяся экономика, развитая экономика, развитая Япония, японский (вариант, путь?) развития*. Вторая половина 80-х гг. XX в. – время начала бурных общественно-политических реформ в СССР, период, когда произошли резкие изменения в мировоззрении советского человека, были разрушены прежние идеалы и начали формироваться новые, сменились ориентиры в экономике и политике. Это было время, когда наша страна из государства *развитого социализма* превращалась в *развивающуюся страну* с *развивающейся экономикой*, а критикуемый советской пропагандой капиталистический мир стал восприниматься как *развитая Европа*, *развитая Япония*, *развитой капитализм*, *развитая экономика*. Эти ассоциации отражают частичную трансформацию связей концепта «РАЗВИТИЕ» с другими («СТРАНА», «ЭКОНОМИКА» и пр.), произошедшую в конце 80-х гг. XX в. под влиянием общественно-политических реформ.

Результаты ассоциативного эксперимента, проведённого нами, показывают, что общественно-политические ассоциации в сознании студентов начала XX в. стали менее актуальными, чем были в сознании студентов конца 1980-х–начала 1990-х гг.: среди реакций на слово-стимул *развитие*, которые давали молодые люди в 2003 г., нет слов *страна, государство, социализм, капитализм, капиталист, коммунизм, ускорение, Европа, Япония, японский* и пр. Данный факт свидетельствует, на наш взгляд, о том, что политические проблемы, вопросы, относящиеся к развитию государства, в начале третьего тысячелетия стали меньше волновать молодое поколение и, возможно, общество в целом. На смену интересу к развитию об-

щества, государства пришло повышенное внимание к различным сферам развития человека: духовной (*духовное, задержка психического развития, изменение в умственном и психическом плане, интеллектуальное, обучение, одарённость, познание, получение знаний, психики, размышлять, разум, сознания*), физической (*беременность, организм, организма, рост организма, рост человека, спорт, физиология, эмбрион, эмбрион → младенец → ребёнок → подросток → взрослый → старый*), социальной (*достижение, карьера, статус, успех, школа → институт → работа*).

Следует обратить внимание на группу сложных слов-реакций с корнем *сам-*: *самовоспитание, самообразование, самопознание, самосовершенствование*, – возвращающих нас к вопросу о соотношении объекта и субъекта развития. В РАС подобные ассоциации не отражены, зато зафиксированы отсутствующие в составленном нами перечне ассоциации *затормозить, содействие, тормозить*, отражающие представления о влиянии субъекта на развитие объекта. Наличие среди ассоциаций 2003 г. слов с корнем *сам-* свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в концепте «РАЗВИТИЕ» молодёжи начала третьего тысячелетия значительное место занимают представления о саморазвитии, о свободе данного процесса от влияния извне, на что, кстати, указывает и реакция *свобода*, также не зафиксированная РАС.

1. 4. Интерпретационное поле концепта «РАЗВИТИЕ» по данным русских пословиц и поговорок

Знания о каких-либо реалиях, зафиксированные в пословицах и поговорках, составляют периферию соответствующих концептов. Необходимость исследования паремий как одного из средств объективирования концепта обосновывает в своей монографии Л. Б. Савенкова: «<...> концепт как понятие-представление в своём выражении с языковых позиций не может быть ограничен исключительно лексическим или лексико-фразеологическим уровнем. Его реализация многопланова. Тонкости концептуального смысла проявляются и в языковых единицах, и в пространстве речи. При этом, на наш взгляд, особое, чрезвычайно значимое место в воссоздании семантики культурных, принадлежащих целым этносам концептов следует отвести паремиям, потому что они заключают в себе не камерное, а общее для всех (или значительного множества) носителей конкретного языка знание» [Савенкова 2002: 127].

Следует отметить, что лексема *развитие* не встречается ни в одной пословице или поговорке, отмеченных нами как вербализаторы анализируемого концепта, но это не означает, что концепт «РАЗВИТИЕ» не может быть описан по данным паремий. З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что при описании концепта следует рассматривать «пословицы и поговорки, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта, хотя бы самого имени концепта там и не было» [Попова, Стернин 2002: 14]. Подобного мнения придерживается и

Л. Б. Савенкова: «Необходимо помнить, что соединение в сознании носителей языка ядерной части концепта с определенным лексическим или фразеологическим выражением не означает обязательного наличия данного слова или фразеологической единицы в составе паремии, хотя иногда это имеет место. Возможны разные другие варианты проявления концептуальной сущности паремии в ее лексическом составе. К примеру, возможно употребление слов того же корня, что и у слова-концепта, включение в устойчивую фразу лексических синонимов этих однокоренных слов или даже их антонимов, наконец, обнаружение логического единства анализируемой паремии и паремии, включающей концепт на лексическом уровне при отсутствии каких бы то ни было слов, близких по значению к концепту» [Савенкова 2002: 127–128].

Представления о закономерном, направленном, необратимом изменении чего-либо издавна существовали в концептуальной картине мира русского человека, что и нашло отражение в таких пословицах и поговорках, как *Всё минётся, одна правда останётся; Старое старится, а молодое растет; Это еще цветочки, а ягодки впереди; Беды мучат, да уму учат* и др.

Тот факт, что слова *развитие* нет в исследуемых пословицах и поговорках, объясняется тем, что оно появилось в русском языке лишь в XVIII в. (концепт «РАЗВИТИЕ» до XVIII в. не имел имени). Следовательно, слово *развитие* могло быть представлено только в пословицах и поговорках, возникших после XVIII в., тогда как паремиологический фонд русского языка, как отмечет Л. Б. Савенкова, в основном сформировался к XIX в.

Основанием для выделения тех или иных пословиц и поговорок в качестве единиц, представляющих концепт «РАЗВИТИЕ», является наличие в их значении указания на смену одного состояния другим или на ее отсутствие там, где она в принципе возможна. Представление об отсутствии развития, по нашему мнению, в качестве периферийного элемента входит в поле концепта «РАЗВИТИЕ».

Оценки явлений, отраженные в пословицах и поговорках, составляют периферию поля любого концепта, или его интерпретационное поле. «Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей» [Попова, Стернин 2002: 60]. В связи с этим можно говорить о различном слотовом наполнении при инвариантном наборе терминальных узлов соответствующего фрейма.

Пословицы и поговорки, зафиксированные в словаре В. П. Жукова [8], отражают следующие терминальные узлы развития:

– объект развития;

– субъект и его роль;

– причины развития;

– направление и результат развития;

– скорость осуществления изменений.

Рассмотрим, какие слоты характеризуют терминальные узлы концепта «РАЗВИТИЕ» в русском паремиологическом фонде.

По данным пословиц и поговорок, представления русского народа о развитии прежде всего связаны с человеком: *Терпи, казак, атаманом будешь; Женится – переменится*. Большинство пословиц и поговорок, характеризующих развитие человека, описывает изменения его внутреннего мира под воздействием возраста (*Седина в бороду, а бес в ребро*) или неблагоприятных условий жизни (*Нужда научит калачи есть; Беда даёт ума*). Причем, народная мудрость говорит, что, только преодолевая различные трудности, человек становится лучше, чем он был (*Беды мучат, да уму учат; Горе научит лучше, чем отец с матерью; Бедность учит, а богатство портит; Небитый – серебряный, битый – золотой*). А под воздействием лишь прожитых лет в человеке либо усиливаются недостатки (*Смолоду прореха, под старость дыра*), либо утрачиваются какие-то достоинства (*Был конь, да изъездился*), либо не происходит ожидаемых изменений к лучшему (*Горбатого одна могила исправит; Каков в колыбельку, таков и в могилку; Велик вырос, а ума не вынес; До седой бороды дожил, а ума не нажил*).

В анализируемой группе пословиц и поговорок нет указания на скорость развития человека. Вероятно, в народном сознании понятия *развитие человека* и *жизнь человека* совпадают по протяженности. Не случайно выделяются две крайние «точки» человеческой жизни – *колыбелька* и *могилка*. На жизненном пути человека, по данным пословиц и поговорок, существуют лишь два события, которые воспринимаются как грань между одним состоянием и другим, – свадьба (*До свадьбы заживет; Женится – переменится*) и достижение определённого возраста, который определяется как «седина в бороду» для мужчин и сорок лет для женщин (*Сорок лет – бабий век; В сорок два года баба ягода, в сорок пять – баба ягодка опять*). При этом если свадьба, как правило, представляется рубежом, перейдя который человек становится лучше, то достижение зрелого возраста благотворно лишь для женщин, а у мужчин оно связывается с возможностью уступить «бесу в ребре». В этой группе пословиц и поговорок вновь обращает на себя внимание тот факт, что народ подмечает в первую очередь нравственное, а не физическое развитие человека.

Итак, в народном сознании, по свидетельству пословиц и поговорок, существует следующее представление о развитии человека. Народ обращает бóльшее внимание на изменения внутреннего мира, чем на развитие внешнего облика человека. Внутренний мир способен изменяться, причем как в лучшую, так и в худшую стороны. Человек становится мудрым, опытным, только преодолевая неприятности, трудности, лишения (*За одного битого двух небитых дают, да и то не берут*). В то же время с годами в человеке могут проявиться с большей силой недостатки, свойствен-

ные ему в молодости. Процесс развития, как правило, происходит постепенно, в течение всей жизни (*Человек переменяется не вдруг*). И лишь иногда в этом процессе имеют место резкие скачкообразные изменения, связанные со свадьбой или переходом в определенную возрастную категорию. Роль самого человека в его развитии, как правило, пассивна – он должен лишь «терпеть», и все старания развиться самому ни к чему не приводят (*Век живи, век учись, а дураком помрешь*). Влияние других людей на развитие кого-либо чаще всего тоже не дает результата (*Дурака учить, что мертвого лечить; Всех дураков на свете не переучишь*).

Несколько иначе в народном сознании представляется развитие дел человека. Если в пословицах и поговорках о развитии человека основное внимание уделяется результату, то при характеристике развития дел важным является ход этого процесса, его скорость. Русский народ, по свидетельству пословиц и поговорок, предпочитает неторопливость в развитии важных дел (*И Москва не сразу строилась; Тише едешь, дальше будешь; Капля камень долбит (точит); Терпение и труд все перетрут; За один раз дерева не срубишь*). Излишняя поспешность приводит не к тем результатам, которые планировались (*Воробьи торопились, да маленькими уродились; Тяп-ляп – да и корабль; Что скоро, то и не споро; Быстрая лошадь скорее станет*). Поступательное развитие дел, по мнению русского народа, может быть только медленным. Подтверждение этому мы находим в работе Г. Д. Гачева, описывающего русский национальный образ мира: «Народ тяготеет к натуральному развитию медленным шагом времени, что органично для русского медведя (кому ещё и в спячку надо погрузиться долгою зимою) или даже мамонта – таким животным телам могут быть народ и страна русская уподоблены. И это естественно, что ритм сердцебиения и кровообращения и всех функций в таком огромном туловище должен быть иным, нежели в средне-нормальных зверях – таких как волк Германии, лиса Франции <...> или дог Англии» [Гачев 1998: 220]. Скорость выполнения дела напрямую связана с количеством произведённого продукта. Количество же сделанного для русского человека вторично. В. В. Колесов, характеризуя русский менталитет, обращает внимание на эту черту: «Качество дела или исполнения важнее, чем количество произведённого. Категорию «качество» как основную категорию славянского менталитета особенно отстаивали славянофилы» [Колесов 1999: 124].

Начало какого-либо дела, как правило, вызывает опасения из-за того, что этому делу придется посвятить много времени и приложить к нему немало усилий, но народная мудрость ободряет: *Глаза страшатся (боятся), руки делают; Лиха беда начало; Есть дыра, будет и прореха* – начинать дело, которому не видно конца, трудно, но нужно превозмочь себя, и потом будет легче. В этом отношении народные представления о развитии дел человека накладываются на представления о развитии самого человека: превозмогая трудности, человек не только развивает свое дело, но и развивается сам.

Следует, однако, отметить, что, по народным представлениям, человеку не свойственно горячее желание браться за развитие какого-либо дела прежде, чем его вынудят к этому обстоятельства – *Гром не грянет, мужик не перекрестится*. А тот, кто добровольно берет на себя хлопоты, доставляет себе неудобства, затруднения в связи с выполнением какого-либо дела, вызывает у окружающих ироничную улыбку – *Не знала баба горя, купила баба порося*.

Безусловно, концепт «РАЗВИТИЕ» не мыслится без представления о результате, направлении этого процесса. По данным пословиц и поговорок, результаты развития дел человека различаются в зависимости от сути этих дел: злые, неблаговидные дела ждет бесславное завершение (*Сколько веревку (веревочку) ни вить, концу быть*); дела бесполезные, бессмысленные не принесут никакого результата (*Воду в ступе толочь – вода и будет*); а вот дела полезные, добрые, несмотря на трудности, принесут ожидаемый результат (*Где хозяин ходит, там земля (хлеб) ро́дит*). Важность моральной оценки любого действия в русском менталитете отмечает В. В. Колесов: «Всякое дело, мысль или слово (три ипостаси логоса) окрашены нравственным идеалом. Нет ничего, что не сопрягалось бы с моральным в поведении и мыслях человека. Д е й с т в и е нравственно или не нравственно, а каждый результат деятельности, то есть продукт, предмет, вещь и т. д., окрашен признаком красоты. В оценке действия присутствует критерий “хорошо” – “плохо”, а в оценке его результата критерий “красиво” – “некрасиво”» [Колесов 1999: 123]. Ради достижения «красивого» результата в «хорошем» деле можно простить и оправдать некоторые ошибки, недостатки, жертвы, не затрагивающие существа дела (*Лес рубят – щепки летят*).

Объектом развития в третьей группе пословиц и поговорок являются различные события, факты личной или общественной жизни человека. В этой группе нет единиц, указывающих на отсутствие перехода чего-либо из одного состояния в другое. Вероятно, значимой для народного сознания является динамика событий, а не ее отсутствие. Динамика может быть как положительной, так и отрицательной: *Будет и на нашей улице праздник; Всё минётся, одна правда останётся; Кто с вечера плачет, тот поутру смеяться будет; После ненастья вёдро бывает; Взойдёт солнце и перед нашими воротами* и *Не всё коту масленица, бывает и великий пост; Это еще цветочки, а ягодки впереди; Было тихо, будет и лихо.*

В семантике данной группы пословиц и поговорок нет указания ни на скорость, ни на причины развития событий. Для русского менталитета «в последовательности изменений важно условие (цель), а не причина» [Колесов 1999: 132]. Процесс развития событий в основном мыслится как не зависящий от воли человека (*Бог даст день, даст и пищу; Всё хорошо, что хорошо кончается*).

Обращает на себя внимание тот факт, что развитие, по данным паремий, чаще мыслится как процесс, возможный в будущем, а не как осуще-

ствившийся в прошлом или происходящий в настоящем. Это выражается в активном использовании в пословицах и поговорках форм будущего времени глаголов (*минётся, останётся, научит, исправит, заживёт, женится, переменится, помрёшь, будешь, перетрут, будет*).

Определенные противоречия в отражении концептуальных признаков «РАЗВИТИЕ» посредством пословиц и поговорок объясняется тем, что в этих языковых единицах зафиксированы представления и «выводы» из установок разных групп людей [Попова, Стернин 2002: 60]. Но все вместе рассмотренные пословицы и поговорки отражают признаки общенародного концепта «РАЗВИТИЕ».

Концепт – это когнитивное (мыслительное) образование полевой структуры, объединяющее в себе понятия, представления, знания, ассоциации, переживания, образы, связанные с каким-либо явлением, часть которых составляет инвариантное коллективно выработанное и понятийно структурированное, оформленное ядро, а остальные – индивидуальную ассоциативно-мерцающую периферию.

Концепт как когнитивная единица является составной частью концептосферы, или концептуальной картины мира, и включает в себя вербализованную (языковой концепт) и невербализованную части. Вербализованная часть концепта может быть описана в ходе анализа различных источников информации о концепте: толковых, этимологических, фразеологических, словообразовательных, энциклопедических, ассоциативных словарей, результатов ассоциативного эксперимента, пословиц и поговорок (дающих информацию об инвариантном коллективно выработанном ядре концепта) и текстов, созданных определённой личностью (дающих информацию об индивидуальной периферии концепта). В данном фрагменте монографии исследовалась вербализованная составляющая концепта «РАЗВИТИЕ», то есть языковой концепт «РАЗВИТИЕ». На основе анализа вышеперечисленных источников охарактеризовано инвариантное для всех носителей современного русского языка, или для совокупной языковой личности, ядро языкового концепта.

Исследовав семантику слова, являющегося именем концепта, можно получить представление о самом концепте. С опорой на данные, полученные в ходе анализа лексического значения слова *развитие*, восстановлен фрейм, в виде которого концепт «РАЗВИТИЕ» существует в сознании носителей русского языка.

Помимо имени концепта «РАЗВИТИЕ», появившегося в русском языке с XVIII в., вербализаторами концепта являются другие языковые единицы словного и сверхсловного характера. Лексические и фразеологические средства вербализации концепта «РАЗВИТИЕ» объединяются в ЛФП, ядро которого составляют единицы, обладающие тем же значением, каким обладает имя концепта. ЛФП *Развитие* включает в себя все значения имени концепта, а также родовые, видовые, синонимические, антонимические наименования, связанные с каждым из этих значений. Кроме то-

го, в поле входят единицы, имеющие другие семантические отношения с ядром, что демонстрируется на примере слов, входящих в одно словообразовательное гнездо с именем поля. Компоненты ЛФП в соответствии с глубиной семантических отношений с ядром составляют околоядерную (одношаговые семантические отношения), центральную (двухшаговые семантические отношения) и периферийную (трёхшаговые семантические отношения) зоны поля.

Терминальными узлами фрейма *Развитие* являются: 1) участники процесса (объект, субъект и наблюдатель, которые могут совпадать или различаться); 2) два качественно отличающихся друг от друга состояния объекта (состояние$_1$ и состояние$_2$), из которых первое оценивается (наблюдателем) положительно, а второе – отрицательно; 3) изменение объекта, заключающееся в его закономерном переходе из состояния$_1$ в состояние$_2$ или наоборот; 4) сохранение системного качества развивающегося объекта; 5) протяжённость процесса во времени; 6) средства развития; 7) поэтапность развития; 8) уровень развития, оцениваемый наблюдателем.

Данные терминальные узлы составляют схему фрейма, сопоставляя с которой то или иное событие, носитель русского языка относит или не относит данное событие к развитию. Возможное наполнение этих узлов вариативно, конкретные ситуации, представляющие фрейм, многочисленны и разнообразны.

А. Н. Михин

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Дмитрий Сергеевич Мережковский, один из признанных «мэтров» и родоначальников русского символизма, литературный критик и религиозный философ, будучи писателем европейского масштаба, оставался, несомненно, русским человеком. Имеет свои национальные, русские корни и его индивидуальная художественная картина мира. Ее анализ позволяет глубже понять этого интересного, неоднозначно оцениваемого художника, чье творчество отличается стройностью, логичностью мысли, отмечено искренней болью за судьбы родины и несет на себе отпечаток мучительных поисков ответа на «вечные вопросы».

Термин «художественная картина мира», как и прочие термины, которые включают компонент «картина мира» и представляют собой названия «различных проекций мира в существующих картинах» [Флиер 2000: 252], является производным от философского понятия «(обще)научная картина мира». Как свидетельствуют философские словари и справочники, «основными компонентами научной картины мира являются представления о фундаментальных объектах, о типологии объектов, об их взаимосвязи и взаимодействии, о пространстве и времени» [ШФС: 15]. Исходя из этого, можно утверждать, что «фундаментальным объектом» в художественной картине мира должен быть человек в его отношении к обществу и природе, человек во времени и в пространстве. Неслучайно исследователь-культуролог Н. Н. Петрухинцев метафорически обозначил «картину мира» как сетку координат, которая набрасывается человеком на мир». К числу таких координат он отнес «личность, пространство и время», которые, по его мнению, «влияют друг на друга, видоизменяются, образуя единую систему восприятия мира» [Петрухинцев 2001: 15-16]. В искусствоведении предлагается сходное с предыдущим понимание «художественной картины мира», основанное на антропо- и социоцентрической ее интерпретации. «Все объекты и процессы, вовлеченные в деятельность и познание людей», получают в «художественной картине мира» «социальную и личностную интерпретацию», пишет Л. Ю. Писарчик [Писарчик http] и приходит к выводу о том, что одной из важнейших составляющих картины мира является выражение автором своего *идеала* и составляющих его *оценок и норм.* Лингвисты так же кладут в основу своего понимания специфического термина *языковая картина мира* человеческую субъективность. Для лингвистики «языковая картина мира» – это «тезаурус данной личности», «результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками», а проявляется она «в текстах, создаваемых данным человеком» [Котюрова 2003: 660 – 661].

Важный материал, с точки зрения выбранного нами ракурса исследования, содержат работы, посвященные литературно-критическому творчеству Д. С. Мережковского. Их авторы (Ю. Айхенвальд, С. Поварцов, В. Келдыш, И. Усок и др.) говорят 1) о концепции двойственности творчества русских писателей – Лермонтова, Достоевского, Толстого и др., развиваемой Мережковским; и 2) о «двойственности» мышления и методологии самого Мережковского как «субъективного критика», который «в диалектическом контрапункте» стремится осознать фигуры русских классиков [Сборник 1999: 22, 26, 86, 151-155]. Амбивалентность Мережковского и его произведений рассматривается как имманентное свойство его художественного мышления. Из современников писателя об этом кратко и веско сказал прот. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии»: «Мышление Мережковского движется в антитезах, в острых противоречиях…» [Зеньковский 2001: 731]. «“*Антиномическая конструкция биполярного художественного мира*” писателя <…> предопределила тяготение к заостренным контрастам на всех уровнях текста» [Задражилова 1999: 20]. Для описания подобного художественного мышления и порожденной им картины мира целесообразно оперировать системой *бинарных оппозиций.*

Антиномичность художественного мира Д. С. Мережковского и его художественной картины мира отнюдь не случайна. Она является характерной чертой русского менталитета, русского национального характера. Об этом в эссе «Душа России» и в работе «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века. О России и русской философской культуре» писал в свое время Н. А. Бердяев [Бердяев 1990: 10-23, 10, 43-45]. Известный русский философ – богослов и этнограф Г. Федотов вторит Бердяеву: «Формула нации должна быть дуалистична. Лишь внутренняя напряженность полярностей дает развитие, дает движение – необходимое условие всякой жизни» [Бердяев 1990: 11 – 12]. Единственный выход в изображении коллективной души Г. Федотов видит «в отказе от ложного монизма»: «Чтобы не утонуть в многообразии, можно свести его к полярности двух несводимых далее типов. Схемой личности будет тогда не круг, а эллипсис. Его двоецентрие образует то напряжение, которое только и делает возможным жизнь и движение непрерывно изменяющегося соборного организма» (цит. по [Бердяев 1990: 158]).

Однако дуализм мышления Д. С. Мережковского выходит за рамки стереотипов русской души: его дуализм практически не знает границ, что отразилось на художественной картине мира этого своеобразного художника слова.

Тенденция к диалектичности/метафизичности.

Исследователи давно заметили, что Дмитрию Мережковскому свойственно было расчленять целое на тезис и антитезис, во всем видеть противоположности и полярности, искать синтеза, но не всегда находить его. В русле генеральной для него концепции – Третьего Завета – Мережков-

ский во всех своих построениях стремился к «преодолению безысходной, взрывоопасной дихотомии», к «замене диады (конфликтной, конфронтационной) триадой, двоичности – троичностью картины мира» [Кондаков 1999: 155]. Ярко выраженная наклонность писателя к диалектическому мышлению не мешала ему опираться всего лишь на несколько культурофилософских констант, неизменных понятий, обычно парных: Христос – Антихрист, дух – плоть, христианство – язычество и пр. Как отмечает В. Рудич, Мережковский в своих исканиях и отступлениях, которые многим современникам его казались ренегатством, «оставался верен себе, ибо исходил из одних и тех же *метафизических предпосылок*, и, когда обстоятельства переставали этим предпосылкам соответствовать, он правомерно менял свои прежние оценки этих обстоятельств» [Рудич 1995: 219]. Все это означает, во-первых, что на разных этапах творческой эволюции писателя, в различных его произведениях мы встретимся с разнообразием диад и триад, т.е. с ищущей авторской мыслью, со сложным контрапунктом идей. Как заметил А. Белый, «идеи Мережковского только, видимо, сковывают богатство его образов: они преломляют образы, направляя их к одному фокусу» [Рудич 1995: 379 – 380]. Закономерно, во-вторых, что иногда эти поиски и построения Мережковского, основанные на подобном типе мышления, неизбежно становились спекулятивными, своего рода интеллектуальной игрой, к которой вообще столь склонны были писатели-символисты. И тогда принцип *диалектичность/метафизичность* «вырождается» в прием-схему, набор антитез, так раздражавших критиков рубежа веков. Характеризуя «силу воображения» Мережковского, Иван Ильин использовал даже особый термин – «диалектическая схоластика» [Ильин 1990: 194].

Рассматриваемый принцип мышления Д.С. Мережковского помогает исследователю постичь общую авторскую концепцию романов, указывает тот путь, по которому движется мысль Мережковского. Несколько упрощая (что, как представляется, неизбежно при обращении к произведениям Мережковского), можно сказать, что в основе художественных созданий писателя (их идейного содержания, а также в трактовке образов, в архитектонике) всегда лежит несколько схем (метафизических положений), «простая и ясная идеология» (А. Белый). Однако эстетическое наполнение этих схем зачастую неоднозначно и противоречиво и оказывается богаче исходных тезисов автора. Приведем такой пример. Представления Дмитрия Мережковского о русском самодержавии в романе «Александр I» воплощены в основном в «триаде» героев: Александр I – Аракчеев – А. Голицын. В обоих своих любимцах император нуждался одинаково: «в Аракчееве для дел земных, в Голицыне – для дел небесных» [Мережковский: 109][*]. Но это лишь нить, на которую нанизываются: отношения

[*] Роман Д.С. Мережковского «Александр I» здесь и далее цитируется по изданию: Мережковский Д. Павел I, Александр I. – М.: «Слово» СП, 1991 - с указанием в скобках страниц.

Александра с церковью (фигура Фотия); понимание царем истоков заговора, его мысли об отце и об отречении; отношение заговорщиков к самодержавию и к самому Александру I; «домашняя жизнь» императора (образы Елизаветы Алексеевны, Марьи Антоновны, Софьи); характеристика Аракчеева и пр.

Тенденция к *диалектичности/метафизичности* проявляется также в том, *как* Мережковский строит художественный образ и систему взаимоотражений, устанавливающуюся между персонажами его произведений. Так, например, «парные» герои (связанные отношениями дружбы, вражды, любви) и герои-«двойники» не являются, конечно, изобретением Д. Мережковского. Но именно в его романах эти приемы – «парности» и «двойничества» – нарочито подчеркнуты, сам же принцип «двойственности» становится предметом рефлексии автора и его героев. Примеров из обеих трилогий писателя – десятки; мы обратимся только к «Александру I». В этом романе Мережковский создает целую систему «взаимных отражений» героев. Валериан Голицын прямо называет своим двойником Грибоедова; особо выделен мотив дружбы В. Голицына с *Александром* Одоевским и «несостоявшейся» дружбы, через «посредничество» Софьи, с императором *Александром*; «братьями названными» и «вечными друзьями» (с. 111-112) считают друг друга Александр I и Аракчеев; явно противопоставлены друг другу Рылеев и Пестель; два «отца» и две «матери» у Софьи Нарышкиной; мотив «двойника» появляется в финале романа – фигура Федора Кузьмича. Наверное, не изобретением Д.С. Мережковского являются и «триады» героев, однако трудно назвать кого-либо из его современников-писателей, кто бы сделал «троичность» важнейшим конструктивным принципом своего художественного мира. Больше всего в романе образных триад с участием императора Александра: Аракчеев – Александр – А. Голицын, Елизавета Алексеевна – Александр – Марья Антоновна, Софья – Александр – В. Голицын, Павел I – Александр – заговорщики и др. Сложнее вписать в триады путь познания Валериана Голицына, однако несомненно, что «прокладывается» этот путь внутренними противоречиями героя (близкого автору), от тезиса к антитезису, диалектически: тайное общество ↔ общество Татариновой, скопческие радения ↔ беседы с Н. М. Карамзиным ↔ возвращение в тайное общество. Заметим, что «диадами» и «триадами» образный мир романов Д. С. Мережковского далеко не исчерпывается, и какая-либо одна типология героев всего их многообразия описать не может.

В идеологическом плане иллюстрируя эзотерические и религиозно-мистические искания Мережковского, связанные с его религией Третьего Завета (т. е. комплекс метафизических идей), принцип *диалектичность/метафизичность* отражает гносеологические установки писателя и его героев, равно взыскующих истины и мечущихся в поисках некоего синтеза от одной крайности к другой. Как правило, это персонажи, наиболее близкие автору: Юлиан Отступник, Леонардо да Винчи, Тихон Запольский

ский, Валериан Голицын. Бытует мнение, что дилеммы, которые стоят перед этими и другими героями, как правило, не разрешаются Мережковским в пределах сюжетов его произведений. Это не совсем точно. Во-первых, потому, что чаемый писателем синтез – это (как проницательно заметил А. Белый) даже не идея, а символический образ, который может быть воплощен либо риторически – путем изложения автором, устами его героев, своей идеологии («проповеди» или «схоластики», сказали бы критики начала XX в.); либо в пластическом образе, возвещающем возможность этого синтеза (статуя Венеры; Иоанн Предтеча, похожий на Вакха, в «Воскресших богах»); либо в намеках на муже-женское, андрогинное начало в некоторых персонажах (Леонардо да Винчи или Александр I, например). Во-вторых, центральные персонажи трилогий всегда делают свой, жизненно важный для них и сюжетообразующий для книги, выбор. Юлиан, безусловно, «выбирает» красоту язычества, прелесть «умерших» богов, пытаясь повернуть историю вспять. Созерцание и одиночество избирает своим уделом Леонардо. Петр I, решая страшный вопрос: «простить сына – погубить Россию; казнить его – погубить себя» – делает свой роковой выбор. Император Павел также выбирает – власть, когда подписывает указ об аресте всех членов царской фамилии. Драматические метания цесаревича Александра Павловича («Павел I») между «нельзя и надо» завершаются подписанием манифеста об отречении императора Павла и о своём восшествии на престол. Принято считать, что в романе «Александр I» заглавный его герой проявляет малодушие, не решаясь «действовать» [Ильин 1990: 192] – казнить заговорщиков, вновь, как и 23 года назад, не в силах выбрать между «убий» и «не убий». Но ведь выбор-то император делает – «не убий». Второй протагонист книги – Валериан Голицын – также совершает свой жизненный выбор – признает правоту заговорщиков, возвращается к ним.

Броские антитезы, которыми очерчено движение персонажей в сюжете, далеко не исчерпывают содержание их образов, и мнение о схематизме душевной жизни героев Д. Мережковского представляется нам сильно преувеличенным. Другое дело, что для самого автора тот «синтез», те итоги, к которым приходят его герои, могут казаться неокончательными, не до конца истинными, лишь предсказывающими то желанное и идеальное разрешение их, которое, по Мережковскому, лежит уже за пределами человеческой истории. Но и здесь метафизика писателя не довлеет над его диалектикой, но сосуществует с ней.

Историзм/мифологизм

Этот принцип мышления характеризует уже не гносеологию Мережковского, а его онтологию, его представление о бытии и способ восприятия и воспроизведения последнего. Собственно в художественных текстах данный принцип реализует себя в том, как писатель выстраивает хронотоп (художественное время-пространство); в вопросах художественного пси-

хологизма; в принципах создания образов людей; в решении автором проблем художественного историзма и исторической достоверности его «исторических» романов; в том, с какой целью и как Д. Мережковский вводит в свои произведения «чужое слово», «цитаты»; в функциях художественной детали. Остановимся на перечисленных аспектах подробнее.

Дореволюционными критиками входящие в состав трилогий Мережковского романы и драма либо рассматривались как исторические, либо механически расчленялись на «археологию» и «схоластику» (А. Белый), т. е. на исторический антураж (изображение конкретно-исторических эпох, реально-исторических деятелей, обилие достоверных фактов, «вещей» в форме многочисленных цитат и бытовых подробностей и т. д.) и на символический, религиозно-философский замысел. В обоих случаях Мережковскому как историческому романисту ставилось в вину слишком буквальное следование источникам, перегруженность книг «бытовыми мелочами», неумение проникать «в душу» героев, странность развиваемой им идеологии и т. д. Некоторые особо не расположенные рецензенты приходили даже к выводу о том, что Д. Мережковский – «не художник» (Н. Энгельгардт, Р. Иванов-Разумник). И хотя благожелательных отзывов и вдумчивых читателей у писателя также было немало, вплоть до признания его «несомненной заслуги возрождения у нас исторического романа» [Батюшков 1912: 3], новое качество в истолковании романного творчества Д. С. Мережковского было достигнуто лишь к концу XX в. Только сейчас стало ясно, что Мережковский явился «создателем исторического романа нового типа» [Колобаева 1991: 7, 16]. В настоящее время устойчивым и, на наш взгляд, адекватным объекту является обозначение дореволюционных романов писателя как «*историософских*» (З. Минц, Л. Колобаева, С. Исаев, В. Полонский, А. Петров и др.). Содержание этого термина совпадает для нас с сутью рассматриваемого здесь бинарного принципа *историзм/мифологизм*. Рассмотрим его более детально.

Проблема историзма по отношению к трилогиям Мережковского ставится современными исследователями вполне закономерно [Сборник 1999]. Младший современник великих реалистов последней трети XIX столетия, «века истории», прошедший увлечение позитивизмом с его установкой на факт и жесткую причинно-следственную связь событий, Дмитрий Мережковский унаследовал историческое мышление, ориентированное, как известно, на эволюционный принцип развития, идею прогресса и на способность сопрягать в процессе познания любого явления все три модальности времени [Левада 1969: 191, 204], [Барг 1987: 3 – 10]. Сошлемся на одно характерное высказывание самого Мережковского. В статье «Семь смиренных» он размышляет о «двух пониманиях всемирной истории»: 1) научное, эволюционное, основанное на «бесконечности и непрерывности развития, ненарушимости закона причинности»; 2) религиозное, революционное, «утверждающее «конец», «прерыв», преодоление внешнего закона причинности внутренней свободою, то вторжение трансценден-

тального порядка в эмпирическое, которое кажется «чудом», а на самом деле есть исполнение иного закона, высшего, несоизмеримого с эмпирическим …» [Мережковский 1911: 74]. Явно тяготеющий к «религиозному» (второму) пониманию, Д. Мережковский, тем не менее, вполне усвоил уроки историзма как метода мышления, в той же, например, гегелевской его интерпретации. Хорошо известно, какое место в сознании автора двух трилогий занимала временная связка-триада: прошлое–настоящее–будущее. Приведем еще одно суждение Мережковского. В статье периода первой русской революции «Головка виснет» не без пафоса, но вполне искренне он писал: «Нам нужно выбрать одно из двух: или <…> сказать: «исчезни, Россия моя!» – или найти в бывшем, *каково бы оно ни было* (курсив Д. С. Мережковского – А. М.), не только временную, но и вечную правду, которая соединит бывшее с будущим» [Мережковский 1911: 68]. «Общее в воззрениях Мережковского, – отмечала Л. Щеглова, – творить из настоящего – будущее, единство всех со всем и со всеми, объединить тело и дух, язычество и христианство, культуру прошлого и настоящего с будущим» [Щеглова 1910: 30]. Глеб Струве, анализируя позднее творчество Д. Мережковского, писал о его исследовании «Тайна Трех. Египет и Вавилон»: «Как и все экскурсы Мережковского в историческое прошлое человечества, эта книга навеяна думами о настоящем и вместе с тем обращена к будущему» [Струве 1956: 92].

Для критиков начала XX в. понятие «историзм» совпадало с понятием «историчность», которое понималось как передача «общего колорита эпохи» [Библиолог: 319], «дух эпохи и духовные интересы ее современников» [Мережковский 1908: 674; Краснов 1901: 674], «историческое и психологическое правдоподобие» [Мережковский 1908: 762] строгое следование фактам, объективное изображение событий [Брюсов 1908: 50 – 53], «картина нравов данной эпохи» и соответствующая ей «психика действующих лиц» [Богданович 1904: 9 – 10], обращение к прошлому, собственно историческая тематика [Садовской 1913: 115]. Нетрудно заметить, что к поэтике трилогий, и в частности к проблемам историзма и психологизма, рецензенты подходят с позиций реалистической эстетики. Как отмечает автор одной из последних по времени монографий о Дмитрии Мережковском, Я. Сарычев, «критики конца XIX – начала XX веков, исходя из теоретических предпочтений *позитивистского* характера, предпочитали (за редким исключением) давать отвод на *агностической* основе непонятной для них ввиду своих религиозно-мистических устремлений «философии» Мережковского …» (курсив Я. Сарычева – А.М.). Иными словами, всё, что соответствовало установкам реалистического искусства, критиками принималось (но далеко не всегда им нравилось), «все же, что имело у Мережковского самоочевидный трансцендентный характер, – отвергалось и считалось однозначно привнесенным, заимствованным, портящим целостность творчества». Сложился даже шаблонный «алгоритм» анализа произведений писателя – «по принципу эклектического сопряжения» в них

«достоинств» и «недостатков» [Сарычев 2001: 8]. Чем большей исторической точности в изображении эпохи и ее деятелей – с точки зрения критика – достигает Мережковский, тем больших похвал он удостаивается. Высокую оценку исторической точности романов «Юлиан Отступник» и «Леонардо да Винчи» дал, например, А. Ловягин [Библиолог 1901: 319]. Ф. Белявский, назвав «Петра и Алексея» «замечательной хроникой», отметил у ее автора «тонкое и верное понимание эпохи, обстоятельное знание относящегося к ней исторического материала, набросанные яркою и сильною кистью бытовые картины», что ставит «книгу Мережковского на одно из первых мест в ряду исторических хроник и романов нашей литературы…» [Белявский 1905: 5]. Победой Мережковского – исторического драматурга – считал «хронику» «Павел I» В. Брюсов [Брюсов 1908: 49 – 53]. Особенно характерны отзывы о романе «Александр I», которые строились обычно на сравнении собственно исторических источников (писем, мемуаров и т. п.), легших в основу романа, с текстом последнего. В зависимости от того, насколько точным был, по мнению рецензентов, Мережковский в передаче исторических реалий, варьировались оценки романа 1911 г. С другой стороны, как «исторический» романист и драматург Мережковский заслужил упреки в перегруженности своих произведений «историей» – историческими реалиями, «фактами», «вещами»; в слишком буквальном следовании ходу реально-исторических событий в построении фабулы (т. е. в отсутствии художественного воображения); в субъективной трактовке исторических фигур и эпох в угоду извне привнесенной идее и т. п. Приведем лишь два примера – из работ проницательных недоброжелателей Мережковского – К. И. Чуковского и И. А. Ильина. Последний, в частности, пишет: «…Мережковский - художник, романист и драматург всегда держится за исторически-данный материал. Он всегда занят крупными или великими фигурами истории <…> и замечательными, сложными и смутными в духовном отношении эпохами». Подходя к «историческим» произведениям Мережковского с позиций реалистической эстетики, Ильин, естественно, не находит в них «исторической истины» и отказывает писателю в «творческом воображении». Его искусство для критика «слишком исторически иллюстративно, слишком эмпирически схематично для того, чтобы быть в художественном отношении на высоте» [Ильин 1990: 191 – 192]. Мысль И. А. Ильина о слабой фабулирующей способности Мережковского-художника, «безмерно прибегающего к исторической фабуле», в более корректной форме развивает З. Г. Минц: «Сюжет в каждой из частей трилогии подчинен ходу отображаемых исторических событий, воспроизводимых с огромной эрудицией и в целом достаточно точно …»; сюжеты романов, в сущности, заданы «до начала чтения – самим ходом истории, известным читателю» [Минц 1989: 9]. К. И. Чуковский в соответствии со своим представлением о «равнодушии» Мережковского к человеку, к «живой жизни» высказывает, тем не менее, интересные суждения о способе воспроизведения автором трилогий «той культуры, в недрах которой при-

ходится жить человеку». Не называя самого термина – «историзм», Чуковский в сущности говорит о своеобычности художественного историзма произведений писателя: «…так как всякая культура – ее стиль, ее дух – находит свое отражение в вещах, романист и составляет такие подробные перечни разных вещей, воплощающих в себе ту или иную культуру». В этом ключе К. И. Чуковский рассматривает «странную привычку» героев трилогий использовать «в разговорах и мыслях» большое количество цитат [Чуковский 1969: 191 – 193]. Говоря современным языком, установка на интертекстуальность явилась особым качеством исторического мышления Д. С. Мережковского и, шире, символистского этоса. Объективный подход к этому вопросу наметился только в 1990-е гг. Выяснению исторической достоверности произведений Мережковского, и в частности в аспекте интертекста, посвящены две диссертации: Ю. В. Круглова «Историческая реальность и художественный вымысел в романе “Антихрист” и драме “Павел I” Д. С. Мережковского» (1996) и А. В. Петрова «Историческая традиция русской литературы XIX века и драма Д. С. Мережковского “Павел I” (проблема власти)» (1999). При всей научной ценности и значимости выводов исследователей, предложенный в данных диссертациях метод – сопоставления исторических источников с художественной трансформацией их в текстах Мережковского – не представляется нам перспективным по отношению к роману об Александре I. В свое время С. П. Мельгунов проделал немалый труд, сопоставив роман «Александр I» с его историческими источниками, хронологию художественную – с хронологией реально-исторической, слова и характеры действующих лиц – с их историческими прототипами и т. п., и пришел к неожиданному выводу, перечеркивающему, в сущности, всю сделанную им работу: «Разбирать весь роман Мережковского с исторической точки зрения, особенно со стороны тех деталей, которым сам Мережковский придает такое большое значение, нет возможности. Пришлось бы написать едва ли не больше страниц, чем их имеется в романе, ибо ошибка громоздится над ошибкой» [Мельгунов 1914: 55–56]. Не станем повторять то, что уже сделано критиками, тем более что принципы работы писателя с источниками, «цитатами» оставались неизменными (совершенствуясь, конечно) на протяжении всего его дореволюционного творчества (до 1917 г.) и достигли своего пика, как убедительно доказывает А. В. Петров, в драме «Павел I» (1908).

Но почему же мы все-таки говорим об историзме и историчности трилогий Д. С. Мережковского, признанных большинством мережковсковедов «не-историчными»? Помимо приведенных выше аргументов, у нас есть и *слово* самого Мережковского, его вполне четкие и недвусмысленные представления о художественном историзме, которые, как это ни парадоксально, во многом совпадают с позициями критиковавших его за «неисторичность» современников. Свои взгляды на эту проблему Дмитрий Мережковский изложил в исследовании «Лев Толстой и Достоевский», рассматривая 1) вопрос о том, «в какой именно мере “Война и мир” – роман

все-таки прежде и после всего *исторический* – действительно историчен?» (курсив Мережковского – А.М.), а также 2) образ Наполеона в изображении Толстого [Мережковский 1995: 80–83, 167–168]. Приведем две цитаты: 1) «При чтении <…> очень трудно отделаться от мало удивляющего, но тем более, ежели вдуматься, удивительного впечатления, будто бы все изображаемые события, несмотря на их знакомый исторический облик, происходят в наши дни, все описываемые лица, несмотря на портретность, – наши современники». 2) «Мы видим <…> облик Истории, остов ее; но облечены ли эти некогда живые кости все еще живою плотью, дышит ли в ней дух живой?» [Мережковский 1995: 167–168].

Кажется, что читаешь критические отзывы о романах Мережковского, но это сам Дмитрий Мережковский – в роли литературного критика, и приговор его – Льву Толстому – достаточно суров. Прежде всего Мережковский пытается определить, что такое – «дух истории, дух времени», «историческая окраска», «исторический запах». (Обратим внимание на почти импрессионистический подход критика к исследуемому явлению, поскольку отсюда становится ясной роль запахов и звуков (прежде всего музыки) в художественных произведениях Мережковского). Прямого ответа на свой вопрос автор не дает (слишком неуловимо, идеалистично само понятие), переходя от сущности к явлениям, к «особенным отблескам исторического часа», под которыми Д. Мережковский, как это следует из всего контекста, понимает «*культурно-бытовую окраску*», «так называемые «*вещи*», смиренные и безмолвные спутники человеческой жизни, неодушевленные, но легко одушевляющиеся, отражающие образ человеческий …». Вполне очевидно, что «дух истории» воплощается для автора «Льва Толстого и Достоевского» и двух трилогий, добавим, в «подробностях исторического быта». К последним относятся не только «вещи», т. е. то, что называется художественной, или предметной, деталью (примеры Мережковского: языковой слог, будь то воззвания Наполеона или статьи законодательного кодекса; одежда; внутренняя обстановка жилищ; уличная жизнь тех городов, в которых обитают герои). Заметим, что «вещи» в этом смысле воспринимаются Мережковским как продолжение «внутреннего существа» героев, т. е. в их психологической функции. В понятие «историчность» Мережковский включает в целом «всё культурное, всё человеческое, искусное», «всё изобретенное людьми, не только художественное, но и ремесленное, промышленное», «искусное». Особую роль в воссоздании «запаха» эпохи играет «умственная и нравственная атмосфера», «культурно-исторический воздух», свойственный каждому времени (в качестве примера, единственного и неудачного в этом роде у Толстого, Мережковский указывает на масонство Пьера Безухова). Для воссоздания этой «атмосферы» совершенно необходимо, по мнению Мережковского, оговаривать круг чтения литературного героя и его отношение к произведениям искусства. Общий вывод критика таков: всей этой «культурной оболочки», «исторических пятнышек и черточек» герои «Войны и мира» почти лишены, а сама «культурно-бытовая окраска» эпопеи очень скудна.

Что касается Наполеона в трактовке Л. Н. Толстого, то несколько страниц Мережковский посвящает защите Наполеона (и это понятно в свете увлечения Мережковского в эти годы культом «героев», «сверхчеловеков», обожествления им фигуры Антихриста), доказательству того, что Толстой просто «уничтожает» личность Наполеона, «*нарочно*, искусственно» собирает в этом Наполеоне все черты *«анти-героя»* (курсив Мережковского – А. М.). Приведем полностью главный аргумент, с помощью которого Мережковский «уличает» Толстого в неисторичности его подхода, поскольку цитата эта будет необходима нам для рассмотрения понятия «мифологизм». – «Ведь если бы речь шла о каком-нибудь полусказочном лице, скрытом за далью тысячелетий, вроде Фалариса, сжигавшего людей живьем, или царя Навуходоносора, ходившего на четвереньках, – художник, *толкуя легенду по-своему*, мог бы сохранить в глазах читателя положение *бесстрастного изобразителя*. Но личность Наполеона слишком близка, определима и, несмотря на свою загадочность, которая происходит от размеров, *превышающих естественные человеческие размеры*, слишком доступна нашему исследованию: мы имеем о ней *точные и неопровержимые свидетельства истории*». (Отметим еще раз, что буквально те же мысли были высказаны критиками по поводу «русских» частей трилогий Д.С. Мережковского.) Курсивом мы выделили те выражения, которые свидетельствуют о *сосуществовании* в сознании Мережковского исторического и мифологического дискурсов, двух равно возможных подходов к изображению истории, исторических личностей. Парадокс, но Д. Мережковский, мифологизируя в своем трактате образ Наполеона (впрочем, и других персонажей Толстого и Достоевского), требует в то же время от автора «Войны и мира» исторической точности в обрисовке французского императора (а от эпопеи в целом – «исторического запаха»). Парадокс этот можно снять, только признав, что художественное мышление Дмитрия Мережковского действительно антиномично. Хотя в антиномии «одна сторона» «всегда превалирует (доминирует) над другой, включает в себя другую» [НФС 1998: 31], мы не можем отдать предпочтение какой-либо из них. Около 50-ти лет в мережковсковедении преобладал *исторический* (т. е. с позиций историзма) подход к художественному наследию писателя. На данный момент более плодотворна *мифопоэтическая* трактовка творчества Мережковского, все активнее утверждающаяся в науке. Однако недостаточность и односторонность ее также очевидна, как и истолкование трилогий как произведений реалистических (оба подхода – лишь две стороны антиномии), и, следовательно, использовать данную методологию необходимо во взаимосвязи с традиционным «историческим» литературоведением.

Одним из первых исследователей, кто заговорил о «неомифологизме» литературы русского символизма, ее сознательной ориентации на мифологическое мышление, была З. Г. Минц [Минц 1979: 77–105]. Интересные замечания о «мифе и символе» как «качестве сознания героев» Ме-

режковского находим в главе «Реализм и символизм» (автор – Е. Старикова) коллективной монографии «Развитие реализма в русской литературе» [Развитие 1974: 213]. Мифопоэтическую трактовку романа «Петр и Алексей» предлагает Л. Долгополов; исследуя складывание «мифа о Петербурге» в русской литературе, он указывает на различия между *темой* Петербурга и *мифом* о Петербурге. «И в том и в другом случае, – пишет Л. Долгополов, – мы имеем дело с образом города, создаваемым на основе действительных впечатлений». Однако «тема Петербурга подразумевает прежде всего наличие социальных аспектов в ее решении, здесь проблема должна рассматриваться с точки зрения общественной и исторической. Понятие же мифа, легенды не требует такой определенности в плане социальном и историческом; здесь выдвигаются более отвлеченные и общие категории и мотивы (например, нереальности, призрачности города, его неминуемой гибели; мотив проклятия, тяготеющего над ним, и т. д.)» [Долгополов 1985: 183–185]. «Миф Петербурга» Мережковский творит и в романе об Александре I.

Мифологизация в литературе заключается в том, замечает позднейший исследователь, «что то или иное явление, событие, лицо или даже вещь сознательно или бессознательно возводятся на уровень мифа, оформляются в миф» [Приходько 1999: 201]. «В мифе, – пишет А. Ф. Лосев, – мы находим субстанциальное тождество образа вещи и самой вещи» в отличие от других «структурно-семантических категорий» (символа, метафоры, аллегории), которые «говорят только о том или другом отражении вещей в их образах». Мысль Лосева проясняет смысл многих эпизодов и образов в романах Мережковского (в том числе в «Александре I»), например, образов-пейзажей, которые по большей части не мифологичны, а символичны, поскольку они лишь указывают на «какую-то действительность, не данную прямо и непосредственно» [Лосев 1971: 11–12], а не являются самой этой действительностью. В целом для мифологического сознания характерно «иллюзорное преодоление реально-значимых противоречий», «восполнение» действительности, «творение в воображении или с помощью воображения иной действительности – субъективной и иллюзорной». В мифологическом сознании имеются «свои категории времени, пространства, действий и деятелей» [Левада 1969: 196 –197; Маковский 1975: 15–17].

Мифологическое и историческое неразрывно связаны в сознании Д. С. Мережковского и определяют двойственное прочтение его книг. В этом смысле важны замечания Ю. Левады о способах мифологической трансформации истории, которые (иногда очень опосредованно) можно найти в трилогиях Мережковского. Социальной функцией мифологического сознания, пишет исследователь, является «*заведомая трансформация исторического материала*, приводящая к его *актуализации*, т. е. заведомого подчинения прошлого сегодняшним – притом, мифологическим – оценкам, требованиям, нуждам». Собственно же способы трансформации таковы: «1) прошлое рисуется как адекватное настоящему; время снимается, и

«сегодняшний» миф выступает извечным; 2) конструируется картина мифологического времени, прямо противоположного нынешнему <…>; 3) настоящее выступает неким исключением из хода событий (хаос, упадок, гибель), которое существует благодаря вмешательству исключительных факторов – культурных героев и сил; 4) настоящее выступает результатом всех предшествующих состояний общества» [Левада 1969: 198–201].

Мифопоэтический анализ произведений Д. Мережковского широко практикуется в западной славистике (С. Бедфорд, Б. Розенталь, В. Рудич, Э. Клаус, О. Матич). Как считает, например, С. Бедфорд, в основе первой трилогии лежит «философская концепция конфликта между человеческим «эго» и богом», целью же трилогии было «показать столкновение христианства и язычества в прошлом, раскрыть, почему попытки примирения окончились неудачей, и в конечном итоге создать арену, на которой Мережковский мог бы обстоятельно разобраться в проблеме сам, а затем представить панацею для нее». Кстати, западный исследователь высоко оценивает именно исторический колорит трех романов, полагая, что Мережковский «смог воссоздать сам дух каждой эпохи» и что изобилие «археологических деталей» является достоинством трилогии «Христос и Антихрист» [Bedford 1975: 65]. Более определенно высказывается В. Рудич. По его мнению, Мережковский одним из первых в русском символизме «сознательно встал на позицию *мифотворчества* в эпическом повествовании». Свой тезис критик расшифровывает на примере анализа принципов историзма и психологизма, отводя привычные обвинения трилогий Мережковского в «неисторичности» и «слабом психологизме». Исследователь полагает, что «факты, а значит, и последовательность их во времени, т. е. история, представляют для Мережковского, *по крайней мере в идеале* (существенная оговорка – А. М.), ценность лишь относительную. Основные события развиваются на метафизическом уровне – вне времени. Предмет его (Мережковского – А. М.) штудий, философских и художественных, есть, таким образом, «сверхистория», или *метаистория*». Правда, В. Рудич оказывается непоследователен, когда упрекает писателя в статичности его романов. За «вещами» (здесь Рудич развивает идеи К. Чуковского) «невозможно различить пульсирующее сердце эпохи, трепещущую плоть ее» и т. п. «Так метафизический конфликт, будучи перенесенным во временное и материальное, может отомстить за себя в искусстве», – едва ли не в духе дореволюционных оппонентов Мережковского делает вывод исследователь. Что касается вопроса о художественном психологизме, то критик считает, что Мережковский-прозаик «никогда не ставил перед собой психологических задач», объектом же его «медитаций была «сверхпсихология», или *метапсихология*» [Рудич 1995: 220–222].

В русле рассуждений о «метаисторизме» и «метапсихологизме» движется мысль и отечественных мережковсковедов, сторонников мифопоэтического истолкования наследия писателя. З. Г. Минц отмечает, например, что трилогия «Христос и Антихрист» «совершенно не преследует

«образовательных» целей, а детали и реалии в ней зачастую оказываются символами. За потоком зримого и слышимого открывается мир духовных сущностей». «Именно Мережковский первым соединил универсализм символистской картины мира с интересом к истории и тем самым вывел все направление на магистральные пути русской культуры XX века». Однако З. Минц противоречит самой себе (на наш же взгляд, высказывает совершенно верную мысль), когда говорит, что «символы» (метаистория) и «вещи» (история) *равноценны* в художественном мире писателя, который «*и отрицает и принимает историю*» [Минц 1989: 10, 25]. Для другой исследовательницы, Л. А. Колобаевой, уже аксиомой является то положение, что «в истоке исторических романов Мережковского лежит *мифопоэтическое мышление*». Движимо оно «прежде всего не рационалистическим знанием, а вольной интуицией, которая влечет за собой символику бессознательного. Романы Мережковского, как это характерно для модернистского романа вообще, насыщены образами вещих снов, видений, фантастических слухов, предчувствий и чудесных откровений. Образный строй романов, их композиционное целое держится в значительной степени символическими лейтмотивами, скрепляющими между собой звенья собственно событийного, эпического сюжета». Главный предмет и главное смысловое ядро романов Мережковского, утверждает Л. Колобаева, – «вечные, духовные, *метаисторические* тенденции в развитии человечества». «Характеры его исторических персонажей – это характеры-символы…». Мережковский «соединяет знание и фантазию, факт и миф», – подводит итог исследовательница [Колобаева 1991: 8–12].

О «*символизированном* пространстве» в исторической прозе Д. Мережковского подробно и убедительно пишет М. Задражилова. «*Фантазией* на тему бурной биографии Леонардо» называет роман «Воскресшие боги» Э. Бацциарелли. О «погруженности Мережковского в мифы» размышляет Б. Розенталь. И. Приходько, П. Карден, И. Усок и др. считают, что в своих литературно-критических работах Дмитрий Мережковский также создает «образы-мифы великих» писателей [Мережковский 1999: 19 – 29, 52, 133, 199 – 202, 228, 263 – 265]. Особенно информативной и содержательной является статья В. В. Полонского «“Наполеон” Мережковского: к вопросу о типологии биографического жанра в XX веке» [Мережковский 1999: 105]. Один из главных тезисов исследователя состоит в том, что «метод исторического познания» Мережковского в его поздних романах-биографиях является мифопоэтическим. Применительно к авторской задаче это означает подчиненность «жизнеописательного», т. е. эмпирического, материала «историософско-проповедническим и политико-активистским целям». «Критерием истинности биографического изображения становится не его соответствие внутренней логике личностной индивидуальности, а строгая «вписанность» в систему публицистико-неорелигиозной мифологии». Такая задача снимает саму проблему психологизма, поскольку биографическая цель Мережковского – создать «символическую маску без лица, ико-

нического героя». Естественно, что герой писателя оказывается «совершенно статичен», «а потому временной принцип последовательности определенных стадий эволюции персонажа заменяется пространственным принципом сосуществования, рядоположенности». Этот же принцип сохраняется и в работе Д. Мережковского с источниками, «чужим словом». Цитаты в его произведениях «символизируются», т. е. «отрываются» от автора, «становясь индикатором строго закрепленного смысла, превращаясь в лейтмотив». Источник «лишается собственного «голоса», и исторический факт начинает использоваться анахронически, дабы подтвердить авторскую мифологию. Соглашаясь в целом с выводами В. Полонского, заметим, что то, что является верным (но не безусловным) для позднего творчества Д. С. Мережковского, должно быть существенно скорректировано в отношении его дореволюционных произведений, и в частности трилогии «Царство Зверя». Жанр ни одной из ее частей – драмы «Павел I» и романов «Александр I» и «14 декабря» – не может быть сведен к «историософской мифологизированной биографии» (термин В. Полонского), вообще к историософскому мифу. Исторический и мифопоэтический подходы к действительности (недавнему прошлому) в них если не сливаются, то сосуществуют.

По своим выводам близок к работам «мифопоэтиков» и Я. В. Сарычев (противопоставляющий свою методологию мифопоэтическому истолкованию творчества Д. Мережковского). Исходя из понимания романов писателя как «умозрительных гностико-эротических» текстов, исследователь предлагает рассматривать «структуру творчества» Мережковского так: «***эзотерическое ядро*** и “обволакивающие” его ***экзотерические слои*** …», – добавляя, что «для художественных произведений Мережковского «ядром» будет являться его «новая религия». Проецируя данный тезис на архитектонику романов художника, Я. Сарычев приходит к выводу, что «***фабула*** выстраивается Мережковским как реальная («историческая» – А. М.), даже документированная ***биография*** героя, а ***сюжет – как мистерия***» [Сарычев 2001: 89–108] (выделено Я. Сарычевым – А. М.).

Исследователь и читатель историософских романов и драм Д. С. Мережковского должен, таким образом, постоянно учитывать ту дихотомию, которую «предлагают» ему художественные тексты писателя:

во-первых, обостренное чувство истории, конкретного ее момента – и обращение Д. Мережковского к сверхисторическим началам. *Реально-исторические* факты, *подлинные* документы, свидетельства современников и пр., не утрачивая своей самоценности, призваны создать *мифологизированный* образ или представление об эпохе. «Плоть» исторической эпохи окружает надысторический ее «дух»;

во-вторых, цитаты – это и «*знаки» эпохи* (и функции их в этом смысле многообразны [Петров 1999: 5–9], и в то же время свойственное мифопоэтическому мышлению оперирование *аналогиями и соответствиями*, исключенными из диахронии и включенными в синхронию, соответствия-

ми, которые иллюстрируют вечность неких повторяемых и неизменных во времени идей, идеологем, ситуаций и т. п.;

в-третьих, хотя сквозь образы реально-исторических деятелей, их отношения и поступки просвечивает иной, *метафизический* смысл, это не умаляет *самоценности* их как образов художественных. Читатель действительно получает не научно-художественные биографии героев, не беллетристику, а *биографический миф* о них. Такова мифологизированная биография императора Александра I (его отношение к жене, дочери, Аракчееву, Фотию, заговорщикам, власти и пр.; миф о «подмене», фигура Федора Кузьмича в финале и т. д.). Таковы в «Александре I» мифологизированные фигуры заговорщиков – Пестеля, Рылеева, Каховского, Батенькова; русских писателей – Крылова, Карамзина, Грибоедова и др. Однако мы должны сделать две оговорки. Первая: автор любого художественно-исторического произведения всегда предлагает читателю «миф» об изображаемой эпохе и ее деятелях, субъективную трактовку их; различна лишь степень субъективности и художественной убедительности этого «мифа». Вторая: все биографические «мифы» Дмитрия Мережковского основываются на реальных фактах и ситуациях (что признают даже недоброжелатели писателя), и в лучших своих созданиях ему удается создать исторически и психологически достоверные, художественно убедительные образы, например, во второй трилогии: Павла I («Павел I») и, как мы считаем, Александра I и Аракчеева («Александр I»). В «чистом» виде примерами биографий-«мифов» являются выстроенные Мережковским судьбы близких ему самому героев-богоискателей, с которыми связан «мистериальный» план сюжетов романов: Джованни Бельтраффио («Леонардо да Винчи»), Тихона Запольского («Петр и Алексей»), Валериана Голицына («Александр I» и «14 декабря»).

Все сказанное о рассмотренных выше двух принципах художественного мышления Д. С. Мережковского влечет за собой постановку двух проблем: 1) читательского восприятия произведений писателя и 2) своеобразия его творческого метода.

Первая проблема видится нам так. Читатель должен полностью принять дихотомический мир, создаваемый Мережковским, весь его религиозный поиск, всю его историософию, все его противоречия и т. д., иначе мир этот будет вызывать отторжение. Как показывает столетняя история восприятия произведений Дмитрия Мережковского, для большей части читателей его художественный мир остается чуждым, а отношение к эстетическим достоинствам тех же трилогий – двойственным. Вот, например, одна из самых восторженных оценок трилогии «Христос и Антихрист». Принадлежит она А. М. Ловягину (псевдоним – Библиолог): «… романы местами прямо очаровывают» [Библиолог 1901: 318]. Но заметим: «очарование» это какое-то избирательное – «местами». А вот восприятие романа «Александр I» А. Блоком (запись в дневнике от 23 октября 1911 г.): «Все эти вечера читаю «Александра I» (Мережковского). Писатель, который ни-

кого никогда не любил по-человечески, – а *волнует*. Брезгливый, рассудочный, недобрый, подозрительный даже к историческим лицам, сам себя повторяет, а *тревожит*. Скучает безумно, так же, как и его Александр I в кабинете, – а *красота местами неслыханная*. Вкус утончился до последней степени: то позволяет себе явную безвкусицу, дурную аллегорию, то выбирает до бесконечности, оставляя себе на любование от женщины – вздох, от декабриста – эполет, от Александра – ямочку на подбородке – и довольно…» [Блок 1928: 25]. Вся характеристика эта построена на контрастах и уступках («а волнует», «а тревожит» и т. д.). Подобных свидетельств можно привести десятки, и везде мы встретимся с тем впечатлением, которое точно обозначил А. Белый: «… Мережковский при всей огромности дарования *нигде не довоплощен* …» [Белый 1994: 377].

Феномен этот объясним, на наш взгляд, той ролью, которую Д. С. Мережковский в своем «поиске» истины отводил художественной литературе, пониманием ее целей и задач, а значит, своеобразием поэтики писателя, и в первую очередь специфики художественной образности, ее способностью вызывать непосредственное эстетическое переживание. И здесь следует обратиться ко второй проблеме – художественного метода Дмитрия Мережковского.

В свое время Андрей Белый специально ставил вопрос о «формах творчества», используемых Мережковским, и пришел к выводу о том, что «его нельзя мерить чисто эстетическим масштабом». «Настаивать на том, что «Трилогия» Мережковского страдает многими художественными недочетами, и при этом смотреть на Мережковского только как на художника – значит совершать бестактность: надевать на него «тришкин кафтан». Анализировать его идеологию – значит укорачивать рукава этого кафтана». Свою парадоксальную формулу: Мережковский «не художник только», – Белый расшифровывает так: «Для уяснения его деятельности приходится придумать какую-то форму творчества, не проявившуюся в нашу эпоху» [Белый 1994: 381]. А. Белый был одним из немногих критиков 1900–1910-х гг., кто корректно и проницательно вынес художественное творчество Д. Мережковского за рамки «чистой» литературы. Его современники делали это в основном механистично, более пристрастно и категорично: расчленяя трилогии на «идеологию» и «художественные образы», «новое» содержание и «старую» форму. Приведем (без комментариев) несколько характерных отзывов о романах: они «представляют собой попытку исторически иллюстрировать некоторую религиозно-философскую идею» [Розанов 1905: 3]; «…мертвые схемы давят многообразную серию его дивных образов…» [Лундберг 1914: 34]; «…к исторической основе исторического романа примкнул отвлеченный тезис религиозно-философского характера…» [Батюшков 1912: 3]; «…несвязанность исторических условий с законами художественного творчества, причем те и другие равно приносятся в жертву извне возникнувшей основной идее» [Садовский 1913: 115]; в исторических романах Мережковского «психологии мало, а

история подчинена априорной религиозно-философской концепции» [Струве 1956: 118]; «настоящим художником, историческим романистом (да и романистом вообще) Мережковский не был. Его область – политико-философские мудрствования, а не живое воплощение через фантазию и сопереживание. Исторические романы для него – в главном – повод высказывать идеи» [Зайцев 1991: 486]. Современная точка зрения на проблему изложена в работе Я. В. Сарычева «Религия Дмитрия Мережковского». Анализируя «характер соотношения теоретического (религиозно-философского) и художественного уровней в совокупном творческом наследии» писателя, он приходит к выводу о том, что «в своем идеале творчество Мережковского стремится оформиться как полноценная религия гностического толка». Задача «новой религии», продолжает исследователь, понималась Мережковским в «действенно-практическом духе», писатель показывал «реальные пути обожения человеческой природы». В соответствии с этим, заключает Я. Сарычев, «литература» представлялась Мережковскому «оптимальным технологическим средством приобщения к «истине»; и в другом месте: «литература» для Мережковского – «некая идеализированная (символическая) матрица реального человеческого религиозного действия» [Сарычев 2001: 171-172].

Проблема художественного метода Мережковского – одна из актуальных на данный момент. В современной науке постепенно утверждается мысль о «переходном» характере творческого метода писателя (см. работы З. М. Минц, Л. Колобаевой, Б. Бугрова, А. Петрова и др.). По мнению этих исследователей, его историософские романы и пьесы созданы «на стыке» реалистической и модернистской поэтик. «Совершенно очевидно, что вне русского реализма XIX века трилогия Мережковского («Христос и Антихрист» – А. М.) не могла бы быть создана» [Минц 1989: 8], – таково, например, авторитетное мнение З. Г. Минц. Другая исследовательница, И. И. Низова, полагает, что в творчестве Д. Мережковского, «как и во всем европейском символизме, настойчиво акцентировался индивидуальный авторский подход к усвоению культурно-исторической традиции, стремление, не отвергая опыта позитивно-научного освоения мира, художественно отразить и осмыслить субъективный момент в восприятии реальности». Еще в 1970-е гг. Е. Стариковой на материале романов Мережковского («Петр и Алексей») и Белого («Петербург») была развита мысль о парадоксальности путей развития символистского романа, сознательно отказывающегося, по сути, от художественного опыта ближайших идейных учителей и в поисках новых форм жаждущего вернуться к традиции основоположников классического реализма, недавно ими начисто отвергаемого. В соответствии с общей концепцией издания («Развитие реализма в русской литературе») исследователь рассматривает романы трилогии «Христос и Антихрист» как реалистические, внутри же «господствующей реалистической стихии» она усматривает иные, «противоположные по отношению друг к другу тенденции» – натуралистическую (в изображении бы-

та), символическую (на уровне идей и некоторых образов) и связанную с ней мифологическую.

По-видимому, ни один важный образ или сцена того же, например, романа «Александр I» не являются до конца ни реалистическими, ни символистскими. Эта двойственность обусловливает неповторимое своеобразие художественной картины мира, созданной в романе, но она же (двойственность) является препятствием на пути читателя. Несомненно, например, что читателю, воспитанному на русской классике XIX века (а это все критики рубежа веков и исследователи советской эпохи), образы романов Мережковского должны казаться схематичными, а его художественные приемы – нарочитыми. Д. Мережковский вполне усвоил достижения классического реализма (недаром исследователи обозначают общую его писательскую эволюцию как движение «от Достоевского к Толстому»): многомерность видения мира, историзм мышления, социальную типизацию вкупе с психологической индивидуализацией, принцип «самодвижения» художественного образа, объективную манеру повествования. Во многом это позволяло ему быть тонким критиком *реалистических* произведений. Однако создатель «нового течения» в русской литературе *сознательно отталкивался* в своем творчестве от принципов реалистического искусства, не сумев, тем не менее, преодолеть их полностью. Посмеем даже предположить, что органического синтеза двух методов Мережковский достигает далеко не всегда, и именно механическое, «на живую нитку», их соединение и порождает представление об эстетической неполноценности его творений и колебания читателей в оценке последних.

Обратимся к третьему принципу художественного мышления писателя, который отчасти прояснит специфику его поэтики и который мы условно обозначили как:

Рационализм/интуитивизм

Во многом этот принцип является проекцией двух рассмотренных выше принципов (диалектичность/метафизичность, историзм/мифологизм) собственно в сферу эстетического. Характеризует он особенности творческого процесса Д. С. Мережковского, и прежде всего специфику образности и построения им художественного целого. Саму формулу мы позаимствовали у А. Долинина, который, в свою очередь, подытожил суждения многочисленных критиков 1900 – первой половины 1910-х гг. Одной из посылок психологического истолкования творчества Д. С. Мережковского, развиваемого Долининым, было утверждение о том, что «Мережковскому ближе власть ratio, мир отвлеченных мыслей, обобщенных идей», тогда как область «живых конкретностей» остается ему чуждой. Уже в романе «Юлиан Отступник», замечает критик, «ratio окончательно побеждает интуицию в душе Мережковского». «Видеть, но не постигать, созерцать, но не уметь вчувствоваться»; «Мережковскому не удалось вырваться из власти рациональности, из сферы сознания» [Долинин 1914: 299–300, 308] и т.

п. – эти формулировки А. Долинина, похожие на приговоры, лишь варьируют аналогичные утверждения современных ему критиков. Напомним, что под «рационализмом» в философии понимается «приоритет разума человека как в познании, так и в деятельности по отношению к чувственным формам познания (ощущениям, восприятиям, представлениям)», в эстетике – интеллектуальный характер творчества, а шире – вера в разум, в силу доказательности. «Интуиция» же определяется как «способность непосредственного постижения истины», «непосредственное знание», «живое созерцание в его диалектической связи со знанием опосредованным»; «момент связи бессознательного и сознания» [НФС 1998: 171, 405].

Устойчивое представление как дореволюционных, так и современных исследователей о рационалистичности творческого мышления Д. Мережковского разворачивается ими – применительно к отдельным частям трилогий «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя» – в нескольких планах.

1) Во-первых, это касается суждений об общем характере творческого воображения Мережковского. Имея форму субъективных упреков, эти суждения сводятся в основном к тезисам о дидактичности и рассудочности Мережковского-художника: «Он стремится не только сказать, но и *доказать*…» [Брюсов 1912: 57]; «Мережковский не столько изображает, сколько *доказывает*, не столько видит рисуемую им картину, сколько *постигает ее умом*» [ЭС: 491]; «Что и требуется *доказать*» – вот что господствует над всеми эпическими приемами Мережковского, определяет весь план, композицию, построение образа и т.д.»; «почти всюду художество подавляется *философствованием*» [Долинин 1914: 310-311, 317]. Закономерно, что, не желая видеть в «рассудочности» Мережковского определенный художнический принцип, оппоненты лишали его права называться «художником»: «мертвым художником» без творческого дара называет Мережковского Р. Иванов-Разумник [Иванов-Разумник 1911: 125–127; 54, 24]. Не находит в трилогиях «художественной непосредственности и вдохновения» и решающей для творца способности «соединения частностей в органическое целое» Е. Лундберг [Лундберг 1914: 6, 32]. Доказательству тезиса о «малохудожественности» исторических романов Д. С. Мережковского посвятил свою рецензию с характерным названием «Классицизм в литературе» Н. Энгельгардт: «У него (Мережковского – А. М.) именно не хватило творческой, художественной фантазии, и романы его в общем носят характер педантизма начитанности и ремесленной заурядности. Эрудицией он заправляет бедность художественной фантазии, но живых людей, цельных исторических фигур у него не получается» [Энгельгардт 1904: 4]. В том же духе, напомним, высказывались В. Розанов, Г. Струве, Б. Зайцев. Из современных исследователей мысль о том, что Мережковский-романист не овладел своей идеей «вполне художнически», что «идея слишком заворожила, подчинила, поработила его», находим, как ни странно, у Л. Колобаевой [Колобаева 1991: 17]. Противореча собственной концепции и повторяя,

в сущности, дореволюционных критиков, занимает некую компромиссную позицию В. Полонский: «Но и в этом жестко цементированном авторской концепцией мифопоэтическом строении (книге “Наполеон” – А. М.) живая органика порой превозмогает идеологическую заданность, порождая ощущение исторической многомерности» [Полонский 1998: 104].

Однако некоторые мережковсковеды, и этому уже не удивляешься, занимают позицию, противоположную только что изложенной, говоря о силе и оригинальности творческого воображения Д. Мережковского. «Главное достоинство обоих романов (“Смерть богов” и “Воскресшие боги” – А. М.) Д. С. Мережковского – его *горячая поэтическая фантазия*, благодаря которой ему удается видеть картины отдаленного прошлого <…> и его описательное искусство, с помощью которого он описывает то, что видит в грезах фантазии, живо, ярко, точно и правдиво», – таково, например, мнение П. Краснова [Краснов 1901: 673]. Мережковский – натура «*воображающая, мыслящая и переживающая*», он «способен к сочувственному волнению», – считает Ф. Батюшков [Батюшков 1912: 3]. Даже А. Долинин признает, что Мережковский «умеет остро переживать», что ему знакомы «чувство тоски и одиночества, порою и ненависти, злобы». Хотя, именно этот критик одним из первых рационализмом мышления объяснил достоинства произведений Дмитрия Мережковского, в частности, его умение «освещать эпоху, ясно улавливать ее противоречивые течения», «приближать к нам даль магической старины» [Долинин 1914: 304, 324 – 325]. Как проблему попытался осмыслить противоречие «между *невольным чутьем* и *рассудочностью*» в произведениях Мережковского Б. Грифцов [Грифцов 1911: 109]. Более определенно высказываются о творческой фантазии писателя современные литературоведы [Мережковский 1999: 8, 55, 151, 300]: Мережковскому свойственна «особая, *интеллектуальная интуиция*» (Л. Колобаева), «незаурядная поэтическая сила и *интуиция*» (Э. Баццарелли). «Синтез научного и художественного способа мироосвоения» находит у Мережковского И. Низова. Особенно близка нашим представлениям позиция И. Кондакова: «…как художник Мережковский – более, чем кто-либо из его современников, был *рационалистичен*, подчас схоластичен, абстрактен, был слишком мыслителем, скованным отвлеченными схемами и антиномиями <…> В то же время как мыслитель (публицист, философ, моралист, теолог) он был *слишком художником*, эссеистом, что проявлялось в преобладании образно-ассоциативного мышления над логико-понятийным».

Если иметь в виду, что в художественных произведениях Мережковского синтезируются философское, публицистическое, религиозное и другие начала, то вывод о **слиянии *рационального*** и ***интуитивного*** (при ведущей роли первого) в художественном мышлении писателя представляется нам вполне обоснованным. Более того, в своем творчестве Д. С. Мережковский в той же степени обращался к рациональной способности читателя (логически «убеждая» его принять некие концепции), в ка-

кой и к его подсознанию, «художественной впечатлительности» («убеждая» художественно, обращая в свою «веру»);

Рационализм усматривают также в специфике художественной образности произведений Мережковского и, соответственно, в художественном психологизме. Именно здесь особенно сказывается влияние на критиков реалистической эстетической парадигмы. Исходят они, как правило, из двух априорных представлений: а) писатель должен создавать «живые», «самодвижущиеся» образы, а не риторические конструкции, «схемы» образов; б) замысел, идея образа не должна довлеть над ним, сковывая свободу его «движения» [Сборник 1999: 17]. Вот несколько примеров. Отсутствие у Мережковского «живой любви к людям», пишет Л. Козловский, влечет за собой «схематизм его образов, лишенных живых красок» [Козловский 1910: 146]; «… душевная драма Петра представлена в романе слишком схематично» [Ляцкий 1905: 827]. Особенно много места, напомним, занимает обсуждение тезиса о «безжизненности» образов трилогий в работах К. Чуковского, Р. Иванова-Разумника и И. Ильина. В связи с «отсутствием» у Мережковского таланта психолога постоянными становятся сравнения его персонажей с «куклами» и «манекенами» (например, в статьях В. Брюсова, М. Гершензона, В. Боцяновского, А. Долинина, Б. Садовского, А. Корнилова). К пониманию того, что «кукольность» – это своеобразный художественный прием, изначально не предполагающий глубокой психологической разработки образа, очень близко подошел А. Белый. Для современных исследователей прозы и драматургии русского символизма эта мысль – о статичности образов трилогий, о свойственной последним «масковой образности» [Исаев 2001: 98] – является уже аксиоматичной (см. работы [Борисова 1991], [Бугров 1993], [А. Петров 1999], [В. Полонский 1998]).

Приведем теперь полярные суждения (их меньше), авторы которых отдают должное Мережковскому именно как художнику-психологу. «… г. Мережковский вполне владеет художественной способностью проникать в душу исторических деятелей, в дух момента», – пишет А. Богданович об «Антихристе» [Богданович 1908: 9]. Мережковский «чувствует старые вещи, хорошо воссоздает старый язык, он психологически глубок и умеет чрезвычайно тонко, конгениально постичь разные фигуры …», – это мнение такого проницательного критика, как А.В. Луначарский о «русских» частях трилогий Д. Мережковского, в частности о драме «Павел I» [Луначарский 1924: 54 – 55].

Должно, безусловно, признать, что подавляющее большинство персонажей трилогий второго и третьего плана «силуэтны», выполнены Мережковским с помощью приема «маски» и не предполагают глубокой психологической разработки. Выстроены они, действительно, вполне рационально (напоминая отчасти персонажей литературы XVIII в.), но при этом не только «жизнеподобны», но и явно включают в себя суггестивный момент, выражающийся, например, в столь раздражавших критиков начала

XX в. повторяющихся деталях, фразах-лейтмотивах и т. п. Однако центральные персонажи пяти романов и драмы, несомненно, созданы Мережковским в манере углубленного психологического реализма с тем же суггестивным элементом. Конечно же, это не чисто реалистические образы, поскольку за ними всегда стоит символический замысел, мифологические подтексты и «религиозно-практическая» сверхзадача Д. С. Мережковского. «Идея», стоящая за этими персонажами, вновь позволяет говорить о рационализме Мережковского-художника.

Рационализм обнаруживается в размышлениях о соотношении факта и вымысла в «исторических» произведениях писателя. Об этом мы подробно писали выше, в разделе об «историзме/мифологизме», однако в данном случае речь идет не об историчности мышления и не о степени проникновения Мережковского в эпоху, а об «удельном весе» исторического материала («цитат») в художественном тексте, а также о способах его включения в текст и о принципах его отбора. Показательны в этом смысле характеристики исторических лиц в романах, целиком построенные на фактах, документах, цитатах. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, укажем на главное: взятая отдельно, характеристика какого-либо персонажа (например, М. А. Нарышкиной, или Фотия, или А. Бестужева) производит впечатление «сырых материалов» (выражение А. Блока), почти натуралистического нагромождения подробностей, исторического буквализма. Однако соотнесенные друг с другом, эти характеристики обнаруживают единый, и в этом смысле – рациональный, принцип подхода Д. Мережковского к построению образа. Сам же образ, как мы отмечали, обязательно включает в себя суггестивные, символические, а иногда и мифологические аспекты.

Рационалистические элементы находят и в художническом «видении» Мережковского, а именно в «пластичности» и «декоративности» его романов. «Классическим» образцом негативного, но подробного истолкования этой особенности художественного мышления писателя является прочитанная в 1934 г. лекция И. Ильина «Творчество Мережковского» [Ильин 1990: 184–185]. Как считает критик, многие плюсы и минусы творений Мережковского обусловлены тем, что последний, «человек *чувственного опыта и чувственного воображения* (экстравертированный субъект, прикованный к показаниям тела и материальным образам)», «болезненно-страстно интересуется и занимается – по крайней мере, *умом, отвлеченной мыслью* – теми проблемами, которые по силам только интровертированной душе, углубленной, ушедшей в свои колодцы и оттуда созерцающей мир *по-духовному*». Мережковскому близки «материальные облики земного мира»; его «ослепляет, его чарует пространственно-пластический состав мира и образов; больше всего ему говорят скульптура, архитектура и живопись…». Особенно удаются ему, по мнению Ильина, «красочные картины декоративного ансамбля» (описание массовых действ) и, соответственно, не удаются описания «внутренней жизни» геро-

ев. Здесь творит его рассудок, и Мережковский «остается беспомощно стоять перед тайнами человеческой души, в качестве *умственного рассудочника*». Мережковский дает только то, что может дать «внешнее наблюдение и умственное обобщение». Все размышления позднейших исследователей о декоративности, театральности, статичности и пр. романов Д. Мережковского, но уже в более позитивном ключе, своим источником имеют указанную работу И. Ильина.

Со своей стороны, мы хотели бы указать на то, что критик признает двойственность, пусть и негативно оцененную, особым *качеством* художественного мышления Д. С. Мережковского (экстраверт – интроверт, внешние описания – анализ внутренней жизни). На наш взгляд, Мережковский умело использует как дедукцию – в психологических анализах-описаниях, так и индукцию – в воссоздании «жизни вещей»; идет как «от идеи», рационально, так и «от впечатления», интуитивно;

Рационализмом проникнута архитектоника произведений Мережковского, взаимосвязи целого и частей. Здесь находим известные уже суждения критиков о любви Мережковского к симметрии и о господстве идеи над художественным целым. «Жесткую последовательность в проведении намеченного плана» обнаруживал у Мережковского Л. Козловский [Козловский 1910: 122]. «Силой, которая властна надевать тяжкие цепи на его (Мережковского – А. М.) душу», считал страсть к логическим схемам, формулам и силлогизмам Б. Грифцов [Грифцов 1911: 99]. «Некую схему в писаниях» автора трилогий замечал Б. Зайцев [Зайцев 1991: 484]. «Геометризированной» называет «структуру пространства романов Мережковского» М. Задражилова [Задражилова 1999: 28]. Примеры этого рода в мережковсковедении бесчисленны. Но только в последнее время, например, в работе Я. Сарычева, четко поставлен вопрос: «Следует ли считать рационализм и схематизм “проблемами творчества” Мережковского»? «Или же это *осознанные творческие принципы*», «особое качество художественности»? Исходя из своего понимания эстетики Мережковского (гностической), Я. Сарычев отдает предпочтение второму ответу, разъясняя, что «рационализм» Мережковского «крайне противоречив и двойствен, да вдобавок мистифицирован» и что «принудительной логической убедительности» в таком рационализме «не чувствуется» [Сарычев 2001: 88–89, 183].

Итак, следует, по-видимому, согласиться с исследователями в том, что Мережковский склонен накладывать свои априорные схемы («идеологию») на «живой» материал; что художественное целое его произведений зиждется на жестком каркасе авторских идей; что иногда его приемы нарочиты и однообразны. Объяснения этому мы уже приводили. Но вот еще одно, последнее замечание. Все так называемые «концепции» и «схемы» Д. С. Мережковского абсолютно не верифицируемы, они – плод веры и надежды, и сопутствует им некий провидческий пафос (дар пророка признавали за Мережковским многие современники и констатируют современные исследователи), отнюдь не основанный на позитивном, рациональном знании.

В целом же выделенные нами принципы художественного мышления Дмитрия Мережковского позволили всесторонне исследовать художественную картину мира, которую писатель воссоздает в романе «Александр I», и которая является неотъемлемой частью русской национальной картины мира рубежа XIX – XX вв. Д. С. Мережковский, будучи русским писателем, носителем русского менталитета, все же является оригинальным художником. И в его художественной картине мира русская картина мира по некоторым ключевым позициям представлена на более высоком уровне экспрессии, чем у обобщенного носителя русского языка; она часто гиперболизирована. Явления жизни, доведенные до абсолюта, до «точки кипения» предстают перед исследователем более рельефно и это позволяет яснее видеть и понимать общее, отталкиваясь от частного.

Источники

Мережковский, Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. Мережковский. – М. : Республика, 1995. – 624 с. (Прошлое и настоящее).

Мережковский, Д. С. Полн. собр. соч. / Д. Мережковский. – СПб. ; М. : изд-во М. О. Вольфа, 1911. – Т. XII. – С. 74.

Мережковский, Д. Павел I // Вестник Европы / Д. Мережковский. – СПб. – 1908. – Т. 4. – Кн. 8. – 74 с.

О. В. Гневэк, М. В. Мусийчук

РОЛЬ ИРОНИИ В ОСВОЕНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

В процессе многовекового употребления значительная часть евангельских цитат превратилась в крылатые выражения (КВ), используемые с высокой степенью частотности в современном русском языке. При этом многие КВ подверглись коннотативному изменению, проявляющемуся чаще всего в смене высокой торжественной окрашенности звучания на ироническую оценку, на презрительное отношение к конкретным фактам действительности, отсутствующие в первоисточнике. В этой связи любопытным представляется рассмотрение причин «иронизации» евангельских выражений, ставших крылатыми, а также исследование самого механизма смены их коннотативного значения.

Ирония является органичной частью смеховой вербальной культуры, созданной человеческим сообществом и как результат накопления речемыслительного опыта, и как результат его обобщения. Это обстоятельство великолепно обосновано в работах А. Ф. Косарева и Л. В. Карасева [Косарев 2000; Карасев 1991]. Ученые указывают, что смех возникает одновременно с языком и мышлением; первоисточником его рождения служило событие, имеющее важный символический контекст. Символический контекст предлагает и эмоционально окрашенные способы освоения действительности, на основе которых сформировалась смеховая культура. Смеховая культура уже на тотемистическом и анемистическом уровнях развития сознания древнего человека предлагает новый, нестандартный с точки зрениями имеющихся приемов способ освоения обнаруженного смысла [Косарев 2000: 26–27, 19–21; Карасев 1991: 88]. Новое осмысление отрицает старый способ, рождая противоречие: наличная форма познания действительности осмеяна, признана ущербной, а новую следует выводить из нового значения формируемого контекста. Концепция А. Ф. Косарева и Л. В. Карасева перекликается с точкой зрения М. М. Бахтина, полагавшего, что смеховая культура представляет собой модель мира в перевернутом виде, которая «очищает от догматизма, односторонности, окостенелости, от фанатизма и категоричности <…> от дидактизма, от наивности и иллюзий, от дурной однoплановости и однозначности, от глупой истошности» [Бахтин 1990: 137]. Опора на представленное понимание природы смеха позволяет определить иронию как металогическую фигуру скрытого смысла текста, построенную на основе расхождения смысла как объективно наличного и смысла как замысла. В данной трактовке ирония отличается от других металогических фигур речи тем, что она является семантически амбивалентной: с одной стороны, она есть высмеивание и в этом отношении профанация некой реальности, основанная на сомнении в истинности или даже неистинности этой реальности, с другой же, ирония есть проба этой реальности на прочность, оставляющая надежду на ее возможность

или – при уверенности в обратном – основанная на сожалении об отсутствии таковой [Грицанов 1998: 280]. Выступая в качестве скрытой насмешки, ирония отличается от сатиры и пародии, в которых процесс осмеяния эксплицируется.

Анализ языка Нового завета обнаруживает, что первые иронические опыты содержатся в текстах четвероевангелий, в которых авторы то усиливают, то низводят до минимума скрытую насмешку над предъявляемыми ситуациями. При этом доля иронического контекста в разных авторских трактовках представлена в разной степени. Большим пластом она присутствует в благовествовании от Матфея, значительно минимизирована в трех других частях Нового завета. Подобное соотношение позволяет думать, что выражение иронического отношения и оценки к поступкам окружающих со стороны Богочеловека не входило в планы авторов Нового завета как цель, как часть замысла. Появление иронического контекста связано не с образом Иисуса Христа, созданного в целом в своем отстраненном величии, а с ненамеренной, непроизвольной экспликацией позиции авторов благовествований, откровенно сопереживающих идеям христианства и трудностям его становления*.

Как уже указывалось, в евангелии от Матфея удельный вес иронического контекста является существенным, что позволяет рассмотреть случаи использования этой фигуры в сопоставлении с аналогичными случаями отказа от нее авторов других описаний земного пути Христа.

Так, в евангелии от Матфея рассуждения о неподсудности человеческих поступков самими людьми ведутся в явно иронической форме: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазу не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: “дай я выну сучок из глаза твоего”, а вот в твоем глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» [Новый завет 1999: 7]. Почти дословно повторяется этот фрагмент в евангелии от Луки [Новый завет 1999: 70]. При этом подобный контекст отсутствует в евангелиях от Марка и от Иоанна.

Отсутствие иронического контекста в текстах двух благовествований, вероятно, обусловлено тем, что в евангелии от Матфея образ Иисуса Христа в определенной мере очеловечен, поскольку многие свои деяния и поступки Иисус сопровождает высказываниями, которые квалифицируются в своем металогическом содержании как горькая ирония. Горькой иронией принято называть сожаление о том, что должно или может присутствовать в мире как явление и все же не представлено.

Так, сожалея о судьбе народа, не имеющего собственного пастыря, и осознавая ограниченность своих возможностей и неподготовленность учеников, Иисус восклицает: «Жатвы много, а делателей мало» [Новый завет

* Правда, позиционирование авторского отношения к событиям, воссоздаваемым в тексте, косвенным образом влияет на нюансы воплощения образа Богочеловека

1999: 10]. В другом месте евангелия Иисус, рассуждая о слепоте человеческого сердца, о неспособности увидеть пророков в своем отечестве, вновь для выражения своего разочарования обращается к метафорическому языку горькой иронии: «Но кому уподоблю род человеческий? < … > Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: “в нем бес”. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: “вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам”, и оправдана премудрость чадами ее» [Новый завет 1999: 12].

Иисус, реализуя мысль о необходимости любить врагов своих, в качестве аргумента приводит довод: «И если вы приветствуете братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» [Новый завет 1999: 5]. Сожаление о людском неумении «возлюбить врагов своих» и пренебрежение к этому неумению и делает фразу иронической. Ироничность другой фразы («если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царствие Небесное» [Новый завет 1999: 4]) открывается в контексте размышлений Христа о сущности христианской веры, не сопоставимой с соблюдением определенных традиций, идущих не от сердца, а от желания прослыть благочестивым. Прямые обращения к блюстителям Ветхого завета пронизаны почти открытой насмешкой: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царствие Небесное» [Новый завет 1999: 25]; «Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!» [Новый завет 1999: 28].

Иисус Христос от Матфея может ввести элементы иронии в ход объяснительной беседы; в этом случае ирония является вектором, направляющим понимание слушателей на сущность текста: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» [Новый завет 1999: 27].

В уста противников веры христовой Матфей вкладывает такое оружие, как сарказм – открытую уничижительную насмешку, – позволяющую изобразить врагов Иисуса в самом неприглядном свете (сцена с облачением Христа в багряницу и венчания терновым венцом, издевательское величание его «царем иудейским»). В контекстном противопоставлении ирония Иисуса выступает как орудие мудрости против беспомощного сарказма мучителей.

Использование иронии в трех других благовествованиях сведено до минимума, но те эпизоды, которые содержат скрытую насмешку, созданы на основе использования фраз, которые сразу же воспринимаются как афоризмы благодаря глубокому уровню обобщения и оценки описываемых событий.

Так, в благовествовании от Марка фраза «Сын Человеческий есть господин субботы» превращается в ироническое обобщение, вскрывающее непрактичность ветхозаветных традиций: «Суббота для человека, а не человек для субботы» [Новый завет 1999: 95]. Меткое выражение «Врачу!

Исцелися сам!» в благовествование от Луки не только удачно заменяет пространные размышления о необходимости самосовершенствования, но и одновременно содержит презрительную оценку того, что подобные попытки отсутствуют у сторонников Ветхого завета.

В целом же, обобщение фактов создания иронии в Новом завете позволяет думать, что именно наличие этого явления в первоисточнике во многом обусловило последующее формирование иронической окраски библеизмов, которые возникли совершенно в ином, чаще сакральном, окрашенном торжественной раздумчивостью, звучании[*]. Анализ подобных

КВ предполагает выявление конкретного механизма иронического переосмысления фраз, по определению не подлежащих подобной процедуре. Для выявления механизмов иронического переосмысления библейских КВ использовались материалы двух словарей: «Библейская цитата: словарь-справочник» [Арапов и др. 1999], и «Большой словарь крылатых слов русского языка» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежковой [БСКС]. В результате сопоставления был выявлен значительный пласт библеизмов, утративших сакральное звучание и переосмысленных в языковой практике как иронические.

Сразу следует оговориться, что ироническое переосмысление КВ евангельского происхождения протекает в рамках языковой игры в понимании Л. Витгенштейна как неограниченный выбор правил языка и способов их контаминации с учетом сохранения конвенциональности речевого акта [Витгенштейн 1958]. В этой связи ирония является языковой игрой, предполагающей такое нарушение фоновых знаний, которое заставляет отказаться от привычных версий развертывания мысли и постигать формируемый смысл, рожденный новыми значениями известных слов в творимом контексте.

В практике иронического переосмысления библейских КВ задействован целый спектр приемов реализации языковой игры. Наиболее частотным стало перемещение смыслового центра фразы на один из ее компонентов, благодаря чему и возникли условия для внедрения насмешливого

---

[*] Наличие иронии в первоисточнике и использование ее «по образцу» в процессе коннотативного переосмысления библейских цитат выступает не единственной причиной «иронизации» КВ евангельского происхождения. Так, появление иронического оттенка в значении выражения *власти предержащие*, означающего ‘представители высшей власти’, обусловлено весьма сложной исторической судьбой взаимоотношений русского народа со своими вождями и руководителями. Поскольку неуважительное отношение к представителям власти стало частью ментальности российского общества, вербальное выражение исключительно этого отношения находит примеры в языковой практике: «*Все больше власть предержащих поддерживают, покровительствуют, шефствуют, подбадривают, похлопывают по плечу, а попадись они в беду, им помогают выпутаться»; «Но проходит время, и в сознании миллионов ничего не остается от творений недавних любимцев* ***власть предержащих****, популярных авторов «на подхвате» [БСКС: 80]*.

отношения к явлению, обнаруженному посредством проведенного перемещения.

Так, выражение *агнец (божий, непорочный*) восходит к Ветхому завету, где, кроме значения ‘жертвенное животное’, формируется и переносное именование кроткого послушного человека. Ироническое отношение к человеческим слабостям, в частности, к незащищенности, привело к развитию иронического отношения к лицу, обладающему качеством незащищенности. На этой основе свойство незащищенности стало трактоваться как притворное, а человек, им обладающий, – как прикидывающийся кроткой, беззащитной жертвой. Формирование нового иронического отношения нашло отражение в употреблении данного КВ в иронической тональности: *Наступило вторичное потепление, как будто вторичное похолодание, явление золотого века, когда* ***робкий агнец*** *становился задушевным другом и доверенным лицом волка* [БСКС: 21].

Образец подобного иронического переосмысления сакральной библейской фразы *блаженны алчущие и жаждущие правды (ибо они насытятся*), возникшей для характеристики людей, стремящихся обрести истину, содержится в произведении И. Тендрякова «Пара гнедых»: *За нашими спинами раздался глуховато-монотонный голос: - Блаженны плачущие, ибо они утешатся.* ***Блаженны алчущие, ибо они насытятся***. ***Блаженны милостивые, ибо помилованы будут****...И мужики обеспокоились, разом заговорили. –* ***Блаженны алчущие****?!.. Выходит, что по-божески нынче забирают. –* ***А милостивые блаженны****, как тут понять? – Эй, дедко растолкуй: бог твой за нынешнюю власть или против? – Все равны перед богом,- пробубнил дед Санько сквозь волосяную паутину* [БСКС: 47]. Буквализация метафорического выражения не привела к утрате самой метафоры, она способствовала соположению двух смыслов: старого и вновь формируемого в процессе буквализации, – а сам факт соположения и стал основой возникновения нового иронического оттенка ‘характеристики жадных людей, ненасытных в своем желании’ [БСКС: 47]. Таким образом, сам факт буквализации метафоры стал возможен в результате перемещения смыслового центра фразы на компонент *насытятся* с привнесением значения безмерности этого процесса.

Выражение *часть благую избрать* возникло в Новом завете в значении ‘посвятить себя чему-либо возвышенному’ (в евангелии от Луки: «Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее»). В процессе употребления языковая практика выделяет из суждения мысль, не являющуюся основной, и развивает ее до абсурда: быть замеченной богом – значит, удачно устроить свою судьбу. Эта часть из второстепенной становится главной, и в результате такой языковой игры с иконическим контекстом формируется новое, ироническое в своей коннотативной части значение ‘удачно устроить свою жизнь, ловко воспользоваться ситуацией’: *Эх... по-*

*смотрю я на вас – **благую часть избрали**: снимаете пенки со сливок Европы, сегодня тут, завтра там* [БСКС: 47].

Буквализация другого евангельского КВ *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* в произведениях И. Тендрякова привело также к формированию нового, иронического в своей основе суждения о вреде ума, интенсивной духовной жизни, мешающих непосредственной вере в бога: *Христос не ценит достоинство ума в человеке, считает – «**блаженны нищие духом**», им, бездуховным, легче уверовать в бога…* [БСКС: 47]. Неевангельское понимание выражения встречается у многих мастеров слова: *День шел за днем и не вносил в их жизнь ничего, что развлекало бы их. Иногда, по праздникам, они ходили в гости к таким же **нищим духом**, как сами…* (М. Горький «Супруги Орловы»)*; Нет у меня сердца! Я жалок, **нищ духом**!* (И. А. Гончаров «Обыкновенная история») [БСКС: 330].

В благовествованиях от Матфея и от Луки *нищие духом* характеризуются как люди, не испорченные книжным учением Ветхого завета и иудаизмом и в силу этого способные воспринимать сущность христианского вероучения во всей его полноте. К таковым евангелисты, вслед за Христом, причисляют и детей, способных в силу возрастного целомудрия отделить зерна от плевел. Синонимизация единиц *целомудрие* и *нищие духом* в новозаветном тексте поддерживается соположенностью метафоры со значениями других, высоких в своей торжественности аттестаций людей, достойных Царствия Небесного: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» и т. п. [Новый завет 1999: 4]. В отрыве от контекста метафора утрачивается и словосочетанию возвращается исходное значение – ‘люди бездуховные’. Такая языковая игра с евангельским смыслом становится механизмом порождения иронического звучания в сакральном по своей природе КВ.

КВ *избиение младенцев* служит символом памяти о кровавых событиях, связанных с рождением Иисуса Христа. В своем основном значении ‘жестокая расправа над беззащитными неопытными и т. п. людьми’ данное КВ используется довольно часто. Одновременно одна из его смысловых частей, а именно ‘жестокость, беспощадность расправы’ стала основой для переосмысления данного выражения в новом ключе: ‘жестокость как неоправданность меры наказания за какой-либо проступок’. На этом фоне сформировалось новое ироническое значение у КВ – ‘неумеренность наказания, излишняя придирчивость критики, оценки в отношении чьих-либо действий’: *Заседание общества начиналось обычно с новых опусов* заикающихся *авторов, а заканчивалось беспощадным **избиением младенцев,** возомнивших себя поэтами* [БСКС: 196]. Дополнительным вербализатором иронии в данном примере является избыточное с точки зрения функциональной стилистики определение *беспощадное*. Новое ироническое значение фразы может возникать в результате совмещения в контексте прямого и фразеологи-

чески связанного значения: *Мальки ликовали. Тогда Биндюг ринулся на них. Он швырнул наземь их чемпиона и занялся потом* ***избиением младенцев****. Он загнал мальчиков в угол и сложил их штабелями* [БСКС: 196].

Введение понятия *меры* в процесс осмысления библейских КВ привело к ироническому переосмыслению оборота *семь смертных грехов.* В начальном, евангельском контексте оно означало ‘грехи, влекущие за собой духовную смерть’. Процесс неоднозначной трактовки таких качеств, как высокомерие, скупость, распутство, гнев, чревоугодие, зависть и леность, привел к появлению оценки ‘так уж это плохо наличие того или иного качества’, а на ее фоне – и к рождению нового значения ‘чрезмерность наказания за отступление от принятых норм поведения’ при наличии собственной субъективной оценки этих норм. Новое значение в своей откровенной негативной оценочности меры наказания стало содержанием иронической коннотации: *Нас обвиняли* ***в семи смертных грехах***, *чтобы наказать достойно. Культура нужна редактору и для того, чтобы не пугаться иных оборотов, которые взяты, допустим, из церковного обихода, но давно и прочно вошли в сокровищницу народного языка. Вы пишете: «Меня упрекают* ***в семи смертных грехах****» – редактор упрекает: «Здесь набожность ни к чему»* [БСКС: .444].

Самым любопытным случаем порождения иронии является переосмысление исходного смысла евангельского контекста, когда сакральное значение полностью заменяется на профанно-ироническое. Такова судьба КВ *левая рука не ведает (не знает), что делает (творит) правая.* В тексте Нового завета это выражение является символом необычайной скромности при совершении добрых дел, тайности совершения добрых поступков: «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» [Новый завет 1999: 6]. В процессе перемещения смыслового центра фразы на явление несогласованности в действиях одного механизма (*рука - руки*) и оценки этого явления как отрицательного формируется новое значение: ироническая аттестация людей, коллективов или организаций, чьи действия являются непоследовательными. Напр., *Ну и порядки в нашем министерстве! Месяц назад отправляли им все документы, а они снова их требуют, хотя отосланные в соседнем отделе лежат. У них* ***левая рука не знает, что делает правая –*** *отсюда и беспорядо*к [БСКС: 245]**.**

В целом, в рассмотренных примерах иронического переосмысления исходного значения евангельских КВ основным приемом языковой игры становится перемещение смыслового центра выражения на один из его компонентов, протекающее как параллельное формирование нового смысла и его оценки. Данный прием языковой игры трудно назвать лингвистическим, поскольку он в большей мере реализуется как прием смысловой игры.

Таковым же является и прием абсолютизации отношения к явлению, обнаруживаемый в практике употребления КВ. Сущность данного приема целесообразно рассмотреть на примерах.

Выражение *аллилуйю петь* в первичном значении служило восклицанием, восхвалением бога, заканчивающим многие библейские молитвы. Традиция многократного повторения восхваления бога стала восприниматься как эффект неумеренности, на основе чего возникло новое ироническое значение ‘чрезмерно восхвалять, превозносить кого-либо, осыпать кого-либо неумеренными похвалами’: *При чтении подобных рецензий может возникнуть впечатление, что этот жанр своего рода* ***аллилуйя*** [БСКС: 25].

Выше уже анализировалось КВ *алчущие и жаждущие,* когда шла речь о реализации приема перемещения смыслового центра оборота на один из компонентов. У этого же выражения дополнительно сформировалась значение ‘страстно желать чего-либо’ [БСКС: 25]. Абсолютизация одного чувства обусловила возможность выработки насмешливого отношения к подобной абсолютизации, что привело к возможности трактовать в языковой практике данное чувство как гротескное: *В приемной набралось человек тридцать просителей****, алчущих и жаждущих*** *драгоценную подпись, но начальник «был занят» уже третий час, и обстановка накалялась* [БСКС: 25].

Другим способом осуществления языковой игры, предполагающим рождение иронии, является совмещение нескольких приемов в процессе расширения сферы употребления евангельских КВ. Благодатным материалом для ее осуществления стало выражение *будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*, предполагающее в первоисточнике следующее значение: ‘руководствуйтесь в своих поступках разумом, но не теряйте душевной чистоты, искренности, простосердечия’ [БСКС: 57]. Ироническое переосмысление значения фразы пошло по двум основным путям: противопоставления заявленных качеств по принципу «хуже-лучше» (*Слишком часто* ***мудрым змиям не хватает голубиной чистоты,*** *а чистым* ***голубям – змеиной мудрости****;* Н. К. Михайловский Соч. СПб, 1986, т. 1, Предисловие), противопоставления качеств не как самостоятельных характеристик, а как частей одного целого свойства (*Господь пречистыми устами Своими повелел верным иметь не токмо* ***чистоту голубину****, но и* ***мудрость змеину****;* П. И. Мельников-Печерский «На горах») [БСКС: 57].

В пантеоне евангельских КВ ни одна фраза не подвергается такой широкой «иронизации», как оборот *козел отпущения (искупления*). Талантливые опыты широко представлены в известной песне В. С. Высоцкого (*дорогой козел отпущения*), не менее удачны публицистические находки: ***Козлом отпущения*** *всегда бывает какой-нибудь осел; Козел на привязи мечтал об отпущении*; *Увеличим поголовье* ***козлов отпущения***! [БСКС: 227]. В каждом из примеров реализован уникальный прием языковой игры, посредством которой рождается подлинная ирония. В первом случае осно-

вой порождения иронического смысла становится десемантизация фразеологически связанного значения слова *козел* посредством противопоставления с синтаксически обусловленным значением слова *осел*; во втором случае основой иронии служит употребление слова *отпущение* в прямом значении, а дополнительным вербализатором выступает не санкционированное сферой употребления использование книжного слова в нейтральном контексте. В последнем случае комический эффект достигается посредством разложения КВ на самостоятельные компоненты и одновременной эксплуатацией в контексте двусмысленного содержания.

В целом, совмещение приемов языковой игры редко является самостоятельным способом иронического переосмысления библейского наследия. Чаще оно дополняет процесс переосмысления наличного фонда значений и смыслов, протекающего как лингвистический эксперимент над возможностями сложившегося средства и способами его употребления в общении.

Степень лингвистической природы трех рассмотренных приемов осуществления языковой игры различна. Прием перемещения смыслового центра выражения на один из его компонентов и прием абсолютизации отношения к явлению, обнаруживаемому в практике употребления КВ, характеризуют иронию как языковую игру в контексте культурных смыслов; прием совмещения – языковую игру со сложившимися способами употребления языковых единиц, предусматривающую рождение нового, не совпадающего с наличными способа познания окружающего мира.

Четвертый прием языковой игры, служащей механизмом порождения иронии, – лингвистический по природе способ замены одного из компонентов КВ. В этом случае происходит наложение значения библеизма и значения нового выражения, в результате чего формируется скрытая насмешка. Так осуществляется «иронизация» выражения *все в руце божией*. В евангелии оно характеризует ситуацию, исход которой непредсказуем, когда надо положиться на судьбу [БСКС: 98]. Уподобление богу любого конкретного лица (*все в руце начальства, все в руце плотника*), являясь в определенной мере богохульством, служит непосредственным языковым инструментом создания иронии: *Но есть и другое правило: пока завод-изготовитель сам не признает, что сотворил брак, мы справки не даем. Так что все, как говорится,* ***в руце изготовителя*** [БСКС: 97]. В предложенном примере становится очевидным, что степень иронизации увеличивается за счет сохранения торжественности псевдокнижного стиля, не соответствующего целям и сфере высказывания.

«Иронизация» выражения *кесарево кесарю, а божие богу*, означающего ‘пусть каждому воздается, платится по его заслугам’, осуществляется за счет замены второго компонента или путем построения нового выражения по заданной в КВ модели. Так появились выражения *Слесарю – слесарево, Детективу – детективово, Кесарю кесарево, а слесарю – слесарево* [БСКС: 221].

Способом подмены одной из частей КВ иронические оттенки привносятся в значения многих библеизмов. Такова судьба выражения *отойди от зла и сотвори благо*. В результате трансформации второй части изречения появилась шутливая пословица *Уклонись от зла, да купи козла*, где вторая часть – намек на библейский оборот *козел отпущения* [БСКС: 356]. Использование выражения в измененном варианте (замена компонентов второй части) для описания бытовой ситуации также становится в конкретном контексте средством создания иронии: ***Отыди от зла**… и **сотвори нам закуску*** (М. Горький «Фома Гордеев») [БСКС: 356].

Языковая игра, являясь механизмом порождения иронии, способна снять сакральные одежды с выражений, компоненты которых в силу постоянной принадлежности к высокому стилю, сопротивляются формированию иронической коннотации. Так, КВ *божьей милостью (милостию*) в обычных условиях не употребляется для презрительной и уничижительной оценки, поскольку появление ее связано с фундаментальным переосмыслением отношений к миру. В языковой же практике и это выражение стало полем действия языковой игры, благодаря которой исходная форма осталась не нарушенной, а новое паронимическое образование открыло способ преобразования самых сакральных выражений: *Как-то в компании, где был Корней Иванович Чуковский, одна восторженная дама стала немотивированно расхваливать <…> писателя. Она даже воскликнула: «Поэт **милостью божьей**!» Корней Иванович поправил: «Поэт не **милостию, а милостыней божьей»*** [БСКС: 57].

Таким образом, сущность пятого, лингвистического по своей природе приема языковой игры, направленной на создание иронии, состоит в паронимической замене одного из компонентов КВ.

Лингвистическими по природе являются и два других приема создания иронии посредством языковой игры. Это прием намеренного столкновения прямого и фразеологически связанного значения одного из компонентов КВ и прием изменения синтаксической модели устойчивого сочетания как основы для появления нового иронического оттенка в значении КВ.

Столкновение в рамках одного контекста прямого и переносного, фразеологически связанного значения слова реализуется в приведенном ниже примере: *Институтская проектная группа, с которой работал Рытов <…> предложила схему отсыпки перемычки под котлован. Для подобной работы требовалось непомерное количество грунта и камня. Вот **этот-то камень** и стал поистине **камнем преткновения*** [БСКС: 216]. Противопоставление значений одного слова составляет содержание языковой игры, приводящей к появлению иронического смысла. Эту языковую игру продолжает и замена компонентов КВ *камень преткновения*: название одной из статей «Литературной газеты» – «***Мрамор преткновения***» [БСКС: 216].

Как уже указывалось, к появлению иронического оттенка в значении КВ может привести изменение синтаксической модели словосочетания, в

рамках которой существует библеизм. Так, выражение *беречь как зеницу ока* не утратило в целом своего исходного значения ‘тщательно, чрезвычайно заботливо оберегать кого- или что-либо’. Однако изменение модели *как зеницей ока* позволило И. А. Бунину сформировать иронический оттенок в значении этой в целом сакральной фразы: *Он дорожил им (наследством*) ***как зеницей ока***. *И, конечно, совсем не в силу нежных чувств к покойной: оно давало ему сознание, что у него есть, не в пример прочим, имущество* [БСКС: 529].

Смешанным по своей природе, точнее – языкоречевым, является прием контекстной антонимизации значения КВ, приводящий к появлению иронического смысла. На практике ироническое переосмысление библейского КВ может осуществляться посредством его использования в прямом значении, но в таком контекстном окружении, которое «заставляет» осмысливать библеизм в прямо противоположном значении. Таким образом часто используется в публицистике выражение *заблудшая овца (овечка)*, характеризующее сбившегося с верного, праведного пути человека: *Генеральный секретарь НАТО пытался в последние недели выступать в образе эдакого евангельского проповедника. Ставил он перед собой, судя по всему, задачу вернуть на путь истинный (то есть натовский) тех* ***«заблудших овец»*** *на Западе, которые выступают за мир, за сокращение обычных и ядерных вооружений* [БСКС: 172]. Следует отметить, что вербализаторами нового значения библеизма в контексте выступают слова, возвращающие читателя к исходному контексту, намеренное использование дополнительной религиозной лексики, а также использование графических средств (кавычек).

Собственно речевыми приемами осуществления языковой игры для создания иронии являются расширение символического смысла фразы и намеренное столкновение ментального и евангельского смыслов. Почти хрестоматийным примером может служить судьба выражения *тридцать сребреников*. Возникнув как символ предательства, само КВ стало означать ‘цена предательства’. Уже в узуальном смысле выражение имеет огромный потенциал для развертывания в языковой практике презрительной иронии: *Ростислав смотрел на Рубина непритворенным взглядом. Лицо его дышало чистотой: ...Господа! Я пришел вам предложить: хотите завтра в обеденный перерыв я продам всех христопродавцев в тот самый момент, когда они будут получать свои* ***тридцать сребреников*** [БСКС: 499]. Средством создания иронии является также наложение символического смысла и прямого значения оборота: *Старый фермер, пропахший навозом, может стать источником особой важности, и за* ***тридцать сребреников*** *продаст все, что желаете* [БСКС: 499].

Большим потенциалом для иронического переосмысления обладает любое библейское выражение, содержащее сравнение с каким-либо живым существом из мира животных и птиц, поскольку в менталитете народа складывается параллельное представление о жизни и предназначении

братьев наших меньших. Птицы характеризуются как помощники людей, охраняющие посевы от насекомых и других вредителей. Библейский образ *птицы небесные (божьи) не сеют, не жнут – сыты бывают* не совпадает с ментальным, что и становится основой иронического переосмысления этой метафоры. Она превращается в символ беззаботности. Люди, которые не трудятся, живут за чужой счет, ассоциируются с птицами небесными, а самому выражению присваивается иронический статус: *Жили по-прежнему, как птицы небесные. Ссорились, мирились, пропадали, появлялись, нигде не учились, нигде не работали. Эти люди не привыкли думать, за них это делали хозяева, а потому последствия обещанной беззаботности их не смущали* - «***птицы небесные***» [БСКС: 412].

Итак, изучение причин и содержания «иронизации» значительной части новозаветных КВ позволяет утверждать следующее.

1. К ряду причин формирования иронических оттенков или исключительно иронических значений у ряда КВ евангельского происхождения относятся наличие иронии в первоисточнике; несовпадение евангельского и ментального смыслов, обнаруживающееся в практике употребления библеизмов. На это обстоятельство указывает К. Ф. Седов, отмечающий, что удаляясь от контекста, КВ приобретает свойство самости, текстовой самостоятельности [Седов 2005: 8]. Другими словами, КВ превращаются в нарративы – микротексты, которые могут быть в конкретных ситуациях поняты по-новому.

2. Нарративация КВ протекает как реализация конкретных приемов языковой игры. Языковая игра, в свою очередь, приводит к появлению иронических оттенков и значений в развивающейся паремии. По меткому выражению Р. Рорти, игра, являясь механизмом осуществления иронии, выступает как та форма отношения к миру, которая позволяет избежать абсолютизации одной из версий возможного опыта и задает подлинное пространство свободы [Грицанов 1998: 281]. В этом контексте результатом нарративации КВ становится существенное расширение сферы их употребления за счет формирования либо иронического оттенка в исходном значении КВ, либо формирования нового значения, сущностью которого становится скрытая насмешка над конкретным явлением.

3. Языковая игра как механизм создания иронии осуществляется разнообразнейшими способами. Они делятся на три типа: речевые, языковые (лингвистические), смешанные (языкоречевые). К первому типу относятся прием перемещения смыслового центра фразы на один из ее компонентов; абсолютизация отношения к явлению как способ доведения исходного смысла до абсурда; совмещение нескольких приемов разрушения смысла как замысла в исходном тексте; прием столкновения евангельского и ментального смыслов; прием расширения символического смысла фразы. К языковым приемам иронической языковой игры относятся прием замены одного из компонентов фразы; паронимическая подмена компонента фразы; намеренное столкновение исходного и вновь формируемого в контек-

сте значения; изменение синтаксической модели КВ. Смешанным приемом является прием контекстной антонимизации исходного значения КВ.

4. Разнообразие приемов осуществления языковой игры как механизма порождения иронии позволяет думать, что библеизмы живут полнокровной жизнью в современном русском языке.

Источники

Новый завет. – М. : Гедеоновы братья, 1999. – 294 с.

С. Г. Шулежкова

СУДЬБА СВЕРХСЛОВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ *ПРАХ* (от старославянских устойчивых комплексов X–XI вв. к фразеологизмам современного русского языка)

В древнейших славянских рукописях можно найти корни множества современных русских фразеологизмов. Их судьбы настолько сложны и причудливы, что современному носителю русского языка порой трудно восстановить генеалогическую цепочку того или иного оборота, даже если его состав как будто очень «прозрачен», а этимологическая природа ясна. К такого рода единицам относится целое гнездо фразеологических единиц (ФЕ), объединённых компонентом *прах*: ***отрясти/отряхнуть от (с) своих ног прах*** *кого, чего, чей* «Книжн. Совершенно, окончательно, навсегда порвать с кем-либо или чем-либо; отречься от кого-либо или от чего-либо» [Молотков 1987: 306]; ***мир праху*** *кого, чьему* «Пусть мирно покоится. Пожелание умершему» [Молотков 1987: 249]; ***превращать/превратить в прах*** *кого, что* «Уничтожить совершенно, до основания; прекращать существование кого-либо или чего-либо» [Молотков 1987: 351]; ***повергать/повергнуть в прах*** *кого, что* «Книжн. Умерщвлять, убивать; уничтожать совершенно» [Молотков 1987: 325]; ***повергаться/повергнуться в прах*** «Книжн. 1. Падать, валиться мёртвым <...> 2. перед кем. Покоряться кому-либо, выражать свою полную покорность, признавая себя побеждённым, зависимым; подчиняться» [Молотков 1987: 326]; ***в прах*** «Устар. Экспрес. Совершенно, полностью»; ***как прах*** «Книжн. Совершенно, полностью, без следа (рассеяться, исчезнуть); ***прах (бы) его (вас) взял (возьми)*** «Устар. Прост. Вид незлобивой брани: пропади ты, пусть пропадёт кто-либо»; ***прах разберёт*** *кого* «Устар. Разг. Можно ли понять, едва ли поймёшь кого-либо» [Фёдоров т. 2: 85]; ***гори прахом*** «Пусть гибнет. Выражение полного безразличия к тому, что может случиться, произойти» [Молотков 1987: 117]; ***идти/пойти прахом*** «1. Окончательно разрушаться, разваливаться, погибать <...> 2. Проходить впустую, даром, безрезультатно. О времени» [Молотков 1987: 182]; ***в пух и в прах*** «1. Совершенно, окончательно, полностью, совсем (разбить, разгромить, разругать, проиг-

раться, разориться и т. п.) <...> 2. Очень нарядно, пышно, богато (разодетый, расфранченный и т. п.)» [Молотков 1987: 372] и др.

Корпус устойчивых словесных комплексов (УСК), извлечённых из старославянских памятников X–XI вв., содержит только один из перечисленных выше оборотов – **отътрѫсати/отътрѫсти прахъ отъ ногъ** *чьихъ*, который встречается и в варианте **прахъ отътрѫсати/отътрѫсти отъ ногъ** *чьихъ* [Проспект 2006: 209, 228].

Тайна многообразия и многочисленности ФЕ с компонентом *прах* в современном русском языке кроется в природе самого слова *прах*. В древнейших христианских текстах это слово обладало многогранным символическим смыслом. Он никак не ограничивается той скупой характеристикой, какая ему дана, например, в «Старославянском словаре», опубликованном в 1994 г.: «Прахъ. **-а** –м (18) κονιορτός, χνους, χους, σποδός пыль, prach» [Ст.-сл. сл. Цейтлин: 498]. В Ветхом и Новом завете это слово используется множество раз. В справочнике «Симфония на Ветхий и Новый завет» указывается около 80 случаев его использования в самых разных книгах Священного писания [Симфонія ч. II: 128–129]. Как справедливо пишет Н. Г. Николаюк, «Понятие «прах» (брение, грязь, персть, скудель (глина), тлен) примыкает к ряду понятий, символизирующих в тексте Б[иблии] недолговечность, хрупкость человеческой природы, таких, как туман, дым, пар, солома, сор. Как вещество бесструктурное, распадающееся на неуловимые малые частицы, – это *знак физического небытия*, – праху уподоблена плоть, телесная организация человека <...> Как вещество, лишенное формы, изменяющееся под внешним воздействием, выражает *крайнюю степень пассивности*. Как вещество, рассыпающееся от малейшего прикосновения, подчёркивает *бессилие человека, его неспособность сопротивляться, противостоять чему-либо*. Как вещество, лежащее внизу (она же грязь, пыль), попираемая ногами, означает *ничтожность, низменность, приниженность* кого-либо, чего-либо. Прахом, бренными *останками* называют то, что остаётся от человека после смерти» (выделено мною – С. Ш.) [Николаюк 1998: 338–339].

В старославянских памятниках X–XI вв. (в Зографском, Мариинском, Ассеманиевом евангелиях, в Саввиной книге, в Супрасльской рукописи), а также в Остромировом евангелии лексема **прахъ** употребляется по преимуществу в своём первичном значении ‘пыль’ [Slovnik vyp. 28: 353, vyp. 5: 498] и изредка вступает в синонимические отношения с лексемами **зємл"** и **пьрсть,** которые, наряду со своими основными значениями, обладали и переносным значением ‘пыль’. Однако это «усеченное» проявление семантических возможностей слова **прахъ** в древнейших памятниках славянского письма можно объяснить лишь ограниченностью дошедших до нас источников. И. И. Срезневский в древнерусских памятниках, датируемых более поздним временем, отмечает у слова **прахъ** четыре значения: ‘пыль’, ‘пепелъ’, ‘?’ в контексте **Оцєтъ и прахъ мнѣ акы мєдъ и сотъ**

Х<рист>а ради (κονια, venenum). Муч. Викт. 6; ‘ничтожество’; ‘ср. порохъ’ [Срезневский т. II: 1373]. Нет сомнения в том, что эти значения, как и значения, отмеченные в Старославянском словаре 1994 г., были известны нашим предкам в X–XI столетиях. И каждому из этих значений можно найти соответствия в Священном писании. Во 2-й Книге Бытия [2: 7] говорится о том, что Господь Бог создал человека *из праха* (то есть из земли, из глины). Екклезиаст утверждает, что всё произошло *из праха* и всё возвратится *в прах* [3: 20, 12: 7], при этом даёт уточнение: возвратится *в землю*. В Псалтири нечестивые сравниваются с *прахом*, возметаемым ветром с лица земли [1: 4], то есть с пылью, чем подчеркивается бессмысленность существования нечестивых и ничтожность их веры. В Книге пророка Исайи Бог предрекает Исайе: «И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать *прах* ног твоих» [49: 23] (имеется в виду грязь, пыль, прилипшая к ногам, лизать которую означает высшее проявление покорности и униженности). В этой же Книге читаем: «Он [муж правды] обратил их [царей] мечом его *в прах*, луком его в солому, разносимую ветром» [41: 2], где под прахом понимается ‘то, что уничтожено физически, умерщвлено и размельчено’, ‘то, что низвержено, лишено прежней силы и власти’ ‘то, что унижено, неспособно к сопротивлению, попираемо’. В Книге Иова встречаем такие строки: «гробу скажу: ты отец мой, червю: ты мать моя и сестра моя. Где же после этого надежда моя? и ожидаемое мною кто увидит? В преисподнюю сойдёт она и будет покоиться со мною в *праxе*» [17: 14–16]. Здесь под прахом подразумеваются останки человека.

В древнерусском языке слово *прах* осваивалось вместе с текстами Священного писания. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» описывает уже восемь его значений: «1. Пыль, прах; грязь; тж. Образно.<…> 2. Пепел; кучка золы. <…> 3. Останки умерших; прах; тлен.<…> 4. Перен. Пыль, прах; нечто ничтожное, малоценное.<…> 5. Мелко истолчённые частицы твёрдого вещества, порошок.<…> 6. Опилки. <…> 7. Пыльца; споры. 8. Передача греч. τὸ κωνειον ‘сок цикуты (которым отравляли осуждённых на смерть)» [СРЯ XI–XVII вып. 18: 139-140]. Из этих восьми значений, пожалуй, только 6-е и 7-е можно признать новыми. Но и они содержат сему, известную для полисеманта *прах* в канонических христианских текстах, – ‘мелкие частицы какого-либо вещества, чего-либо’. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук, который должен был отразить состояние русского литературного языка конца XVIII – первой трети XIX в., называет только два значения лексемы *прах*: «1) Пыль, персть. *И прахъ отъ ногъ вашихъ отрясите.* Лук. IX. 5. 2) Бренные человеческіе останки» [Словарь Имп. АН т. 1: 423]. Словарь живого великорусского языка В. И. Даля фиксирует несколько новых значений у слова *прах*: «сухая гниль, тлѣнъ, перегнившіе останки; чернозёмъ, земля; скудель, плоть, тѣло, природное вещество <…> // *Прахъ*, кулакъ, см. прасóлъ» [Даль т. 3:

382]. Как и в предыдущем случае, здесь можно говорить о развитии библейских значений многозначного слова, которое продолжает сохранять свою ядерную сему ‘мелкие частицы какого-либо вещества’, поддерживаемую первичным прямым значением слова *прах* ‘пыль’. Вопреки утверждению В. В. Виноградова, слово *прах* не перестаёт употребляться в значении ‘пыль’ в конце XVIII в. [Виноградов 1994: 77]. Напротив, оно продолжает актуализировать это своё значение и в конце XVIII, и в XIX столетии, служа опорой для функционирования многочисленных фразеологизмов с компонентом *прах* в русской поэзии и прозе. Так, например, А. С. Пушкин, который великолепно чувствовал семантическую глубину и многогранность символа *прах,* широко использовал слово *прах* и в целом ряде свободных, фразеологически не связанных значений (‘пыль’, ‘земля’, ‘грязь’, ‘пепел’, ‘останки человека’, ‘могила’) [Шулежкова 2004: 45–54], и как символ всего непрочного, преходящего, бренного, тленного; и как символ унижения; и как символ недолговечности всего земного, в том числе власти. В этом отношении национальный русский поэт следовал за Г. Р. Державиным, И. И. Дмитриевым, И. А. Крыловым и другими поэтами XVIII в.

В русской поэзии конца XVIII – первой трети XIX в. с точки зрения результатов фразеологизации особенно интересны те сверхсловные единицы с компонентом *прах*, которые передают широкий спектр оценок поведения, состояния человека, его места на социальной лестнице, превратностей его судьбы. Как правило, компонент *прах* актуализирует в подобных оборотах одновременно целую гамму своих потенциальных сем – прямых, переносных, символических. Обязательной составляющей семантической структуры данных ФЕ являются семы ‘земля’, ‘то, что попирается ногами’, ‘грязь’, ’пыль’. Кроме того, компонент *прах* вносит во ФЕ семы униженности, ничтожности, бесславия, позора, поражения, которые постигают человека, оказавшегося «во прахе». Ср.: *Когда надеждой озаренный / От рабства пробудился мир, / И галл десницей разъярённой / Низвергнул ветхий свой кумир; / Когда на площади мятежной / **Во прахе** царский труп **лежал,** / И день великий, неизбежный – / Свободы яркий день вставал...*» (Наполеон, 1821 [Пушкин т. 2: 63]). *Лежать во прахе* означает здесь и ‘валяться в пыли, в грязи, на земле’, и ‘быть низвергнутым’, и ‘быть униженным’, и ‘быть уничтоженным, умерщвленным’.

Сам процесс, который переживает субъект либо из внутренней готовности покориться кому-либо, либо под воздействием различных обстоятельств (поражения в бою, предательства, нашествия врагов, стихийного бедствия или собственных злодеяний), может передаваться в русском языке с помощью ФЕ *пасть / упасть во прах*: *Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд / Умильно вслед за ним стремит усердный взгляд; / Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья, / Как будто дивного богов благословенья; / И дети малые, и старцы в сединах, – / Все ниц пред идолом безмолвно **пали в прах**: / Для них и след колёс, в грязи напечатлен-*

ный, / Есть некий памятник почётный и священный ((К) Лицинию, 1815 [Пушкин т. 1: 117]); *О Ромулов народ! пред кем ты* ***пал во прах?*** */ Пред кем восчувствовал в душе столь низкий страх? <...> / Развратный юноша воссел в совет мужей; / Любимец деспота сенатом слабым правит, / На Рим простёр ярем, отечество бесславит; / Ветулий римлян царь... О стыд, о времена! / Или вселенная на гибель предана*? ((К) Лицинию, 1815 [Пушкин т. 1: 117, 479]); *Вещали книжники, тревожились цари, / Толпа пред ними волновалась, / Разоблаченные пустели алтари, / Свободы буря подымалась / И вдруг нагрянула...* ***Упали в прах*** *и в кровь, / Разбились ветхие скрижали, / Явился муж судеб, рабы затихли вновь. / Мечи да цепи зазвучали* (Зачем ниспослан был.., 1824 [Пушкин т. 2: 182]); *Когда твой друг на глас твоих речей / Ответствует язвительным молчаньем <...> Не говори: «Он болен, он дитя, / Он мучится безумною толпою»; / Не говори: «Неблагодарен он; / Он слаб и зол, он дружбы недостоин; / Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»... / Ужель ты прав? Ужели ты спокоен? / Ах, если так, он* ***в прах готов упасть****, / Чтоб вымолить у друга примиренье* (Коварность, 1824 [Пушкин т. 2: 201]); *Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье. / Рыдай – твой бич восстал – и всё* ***падёт во прах****, / Всё сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье, / Царём воссяду на гробах!* (Наполеон на Эльбе, 1815 [Пушкин т. 1: 124]).

Действия виновников унижения, уничтожения, насильственного погружения кого-либо, чего-либо в страдания в таких случаях характеризуются ФЕ *низвергать / низвергнуть в прах, свергать / свергнуть в прах* кого, что, которые обозначают ‘унизить’, ‘уничтожить физически или морально’, ‘дискредитировать’ кого-либо, что-либо: *Тот, верный своему мятежному союзу, / На сцену возведя зевающую музу, / Бессмертных гениев сорвать с Парнаса мнит. / Рука содрогнулась, удар его скользит, / Вотще бросается с завистливым кинжалом, / Куплетом ранен он,* ***низвержен в прах*** *журналом, – / При свистах критики к собратьям он бежит* (К Жуковскому, 1816 [Пушкин т. 1: 202–203]); *Идут – их силе нет препоны, / Всё рушат, всё* ***свергают в прах****, / И тени бледные погибших чад Беллоны, / В воздушных съединясь полках, / В могилу мрачную нисходят непрестанно / Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...* (Воспоминания в Царском селе, 1814 [Пушкин т. 1: 85]).

Будучи *низвергнутым в прах*, человек может повести себя поразному. Чаще всего, деморализованный, лишённый силы, власти, независимости, состояния или уверенности (например, из-за неразделённой любви), человек вынужден выказывать почтение к виновнику своего падения или своего страдания, и русская литература XVIII – первой трети XIX в. передаёт эти действия выражениями, в составе которых вновь оказывается компонент *прах*: *праха ног* чьих *коснуться*, *прах ног* чьих *целовать*, *прах ног* чьих *лизать*. Компоненты *коснуться, целовать, лизать,* помимо процессуальной семы, вносят в общее значение каждого из оборотов сему градационную, которая отражает степень униженности или почтительности

субъекта действия, направленного на объект почитания: *А на тебя, Абдулъ! бросаю дерзки взоры! / Раскаешься тогда, chдой прелюбодhй! / Что разлучил меня с Фатимою моей, / Съ которой около трёх дней / Я жилъ душею въ душу! / О, я уже тебя не трушу, / А ты передо мной дрожишь! / Блhднеешь, падаешь,* ***прахъ ногъ*** *моихъ* ***цhлуешь*** *– / Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь...* (Картотека XVIII [Дмитриев И. И. Воздушные башни, 1794: Соч., ч. II: 18]); *... оба мы счастливы твоею щедростію, и* ***лизать прахъ ногъ*** *твоихъ есть священнейшая и важнейшая моя должность, коею наградилъ (!) ты слабые мои способности* (Картотека XVIII [Крылов И. А. Каиб / Зритель, 1792, ч. III: 262]); *Прошу великого Пророка, / Да* ***праха ногъ*** *твоихъ* ***коснусь****, / Да словъ твоихъ сладчайша тока / И лицезрhнья наслаждусь* (Картотека XVIII [Державин Г. Р. Соч., 1808, ч. I: 48].

Любопытно, что языковых единиц, характеризующих процесс «возрождения» униженного, низвергнутого в прах человека или восстановления, возвращения из забвения чего-либо некогда разрушенного или забытого в текстах XVIII – первой трети XIX в. немного. Чаще всего с таким значением употребляются обороты *восставать / восстать из праха и являть(ся) / явить(ся) из праха*: *Странная картинка! Два великих народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно вре<мя>* ***восстают из праха*** *– и возобновлённые, являются на политическом поприще мира* (Письмо А. С. Пушкина В. Л. Давыдову?, 1-я полов. марта 1821 г. [Пушкин т. 10: 24]); *Меж ветхих песен альманаха / Трике, догадливый поэт, / Его на свет* ***явил из праха****, / И смело вместо belle Nina / Поставил belle Tatiana* (Евгений Онегин, 1833, XXVII [Пушкин т. 5: 111]).

В XX в. у полисеманта *прах* произошло сокращение числа самостоятельных (прямых и переносных) значений. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» описано только 4 его лексико-семантических варианта: «1. Мельчайшие частицы чего-либо; пыль <…> 2. Устар. То же, что пепел <…> 3. Перен. То, что недолговечно, малоценно, ничтожно <…> 4. Тело человека после смерти; труп, останки». Однако составители отметили более двух десятков устойчивых словесных комплексов, у которых компонент *прах* имеет фразеологически связанное значение: *рассыпаться прахом, в прах; падать в (во) прах; в пух и прах; пойти прахом; отряхнуть прах от (с) своих ног; разлететься прахом; превращать, превратить в прах; превращаться, превратиться в прах; Мир праху; На кой прах?; Прах (тебя, его и т. п.) знает* и пр. [БАС т. 11: 62-64]. Наибольший интерес для истории языка в этом ряду представляет выражение *отряхивать / отряхнуть прах* чего-либо *от (со) своих ног; отрясать / отрясти прах* чего-либо *от (со) своих ног* – ‘навсегда порывать / порвать с кем-, чем-либо’ [Тихонов т. 1: 769]. Оборот возник на основе евангельского «отрясти прах от ног своих»: «Если кто не примет всё и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или города того, отрясите прах от ног ваших» (Мф. 10: 14; также: Мк. 6: 11; Лк. 9: 5). Слова эти обращает

Иисус к двенадцати апостолам, призывая их не обращать внимания на тех, кто не внимает его учению. Оборот связан с древним обычаем: отрекаясь от прежней дружбы, родства и покидая ставшее ненавистным место, люди ударяли ногой о землю у порога дома или на границе владения, словно отряхивая пылинки. Тем самым уходящие стремились подчеркнуть, что они не желают уносить с собой даже мельчайшей частички этого места и стремятся к окончательному разрыву с прежними привязанностями.

Оборот *отрясти прах от (со) своих ног* как самостоятельная языковая единица не попал в Словарь церковнославянского и русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук в 1847 г., зато, даже без толкования (скорее всего из-за общеизвестности) в целом ряде вариантов он приведён в справочнике М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии», опубликованном в 1902–1903 гг. и отразившем языковую практику XIX в. Здесь можно найти варианты *отряхнуть прах от сандалий [моих]* (П. Д. Боборыкин «Дома»), *прах, прилипший к ногам [нашим], отрясти* (Д. Л. Мордовцев. Великий раскол), *отрясти прах от [моих] сапогов* (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково), *пыль [чужую] с [усталых] ног стряхнуть* (А. И. Одоевский. К отцу), *[чужбины] прах [с презреньем] отряхаю с [моих] одежд* (А. С. Пушкин. Борис Годунов) [Михельсон т. I: 765].

В последней трети XIX в. (1875) оборот *отрясти прах от (со) своих ног* вошёл в зачин «Рабочей марсельезы», боевого пролетарского гимна, сочинённого П. Л. Лавровым в качестве русского варианта «Марсельезы» Руже де Лиля (1792): «*Отречемся от старого мира, / **Отряхнем его прах с наших ног.** / Нам не нужно златого кумира, / Ненавистен нам царский чертог*». Вместе с первой строкой он стал частью лозунга революционного пролетарского движения конца XIX — начала XX в., что обеспечило ему активную жизнь в русской публицистике на протяжении всего XX столетия и, что следует отметить особо, способствовало более устойчивому положению в структуре ФЕ *отряхнуть прах от (с) ног* чьих компонента *ног,* который ещё в конце XVIII в. превратился практически в переменный компонент оборота или вообще мог опускаться, редуцироваться. Ср., например, *Се небо безъ угрюмыхъ тучь! / Туда, гласитъ, простритесь прямо, / Там нивы плодоносны, тамо / Екатерининъ блещетъ лучь. / **Отъ ногъ прахъ** Крыма **оттрясите**, / Ей дань духъ чистый принесите* (Картотека XVIII [Петров В. Ода Потёмкину. Соч., т. 1: 181]); *Гряди къ намъ, новый неба житель! / И **отрясая прахъ земной**, / Войди в нетленную обитель, / И съ высоты ея святой / Воззри на долъ твой смертный, слезный...* (Картотека XVIII [Державин Г. Р. Соч., 1808, ч. II: 58]); ***Отрясая правила схоластики** или паче заблуждения, преподанные ему въ монашескихъ училищахъ, он твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхождению во храмъ любомудрія* (Картотека XVIII [Радищев А. Н. Путешествие.., 1790: 428]).

В XX же веке, при масштабном цитировании фрагмента «Рабочей Марсельезы» *Отречёмся от старого мира, / Отрясём его прах с наших*

ног! позиции компонента *ног* укрепились: *Вот это и есть тот самый «свободный» русский народ, который за час перед тем, как испугаться самого себя, «отрекался от старого мира» и «**отрясал его прах с ног своих**»* [Горький М. Несвоевременные мысли, 1917]; *Человек несёт на себе вериги прошлого, и **отряхнуть его прах с наших ног** гораздо легче сказать, чем сделать* [Трифонов Ю. Наши интервью. В кратком — бесконечное. Вопросы литературы, 1974, № 8]; ***Отрекаясь от старого мира**, люди у власти не очень могут **отряхнуть его прах со своих ног**, а тащат в новую жизнь привычные мусор и пыль* [Сараскина Л. «Наши» у власти, или За что ругают демократов. МН, 1990, № 33].

ФЕ *отрясать / отрясти (отряхать / отряхнуть) прах от (с) ног своих*, сохраняющая генетическую память о своём библейском прошлом благодаря прежде всего компоненту *прах* с его сложной символикой, широко используется в современном книжном языке, оставаясь в арсенале публицистических средств. Она появляется всякий раз, когда речь (в высоком стилистическом регистре) идёт о решительном разрыве с отжившим прошлым, страшным, нелепым или вредным. Так, В. Солоухин в статье «Не наливай новое вино в старые мехи», рассуждая о политической ситуации в социалистическом лагере после развала СССР, пишет: *«Словно наперегонки коммунистические партии Восточной Европы пытаются **отрясти прах прошлого со своих ног**, сделать это простейшим способом – сменить название»* [Огонёк, № 29, 1991: 20]; В. Быков в предисловии («Маршрутом страдания и гнева») к книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут. Хроника времён культа личности» (М., 1990) призывает: «*Не отвернёмся же и мы от этой правды, постигнем её – иного выбора на пути человечества не существует. Если только оно действительно жаждет **отряхнуть прах со своих ног** и вступить мудрым и просветлённым в своё новое светлое завтра*».

Таким образом, пройдя через два тысячелетия, библейский символ *прах* продолжает питать русскую фразеологию, играя роль катализатора, средоточия глубокого смысла в целом блоке ФЕ, характеризующих поведение, состояние человека, его взгляды на свою судьбу и судьбу человечества в целом.

Источники

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. – М. : Изд-е Московской патриархии, 1983. – 1372 с.

Дмитриевъ, И. И. Сочинения: въ 3-хъ ч. / И. И. Дмитриев. – М., 1803–1805.

Картотека XVIII: Картотека русского языка XVIII века (Институт лингвистических исследований РАН).

Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : Изд. АН СССР, 1956-1958.

Симфонія на Ветхій и Новый завѣтъ : в 2-х ч. – СПб. : Типографія А. П. Лопухина, 1900 ; репринт. – СПб. : АО «Интерцентр», 1994.

Литература

Абрамов, В. П. Семантические поля русского языка : Монография / В. П. Абрамов. – М. – Краснодар : Акад. пед. наук РФ, Кубанский гос. ун-т, 2003. – 338 с.

Акимов, В. В. Христианское мученичество и монашество в интерпретации церковных историков IV-V веков / В. В. Акимов. – http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/Page0365.html

Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.

Антоний Сурожский. Беседы о вере и церкви / Митрополит Антоний Сурожский. – М. : СП «Интербук», 1991. – 317 с.

Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 3 – 6.

Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. … д-ра. филол. наук / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.

Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. – № 1, т. 56, 1997. – С. 11–21.

Барг, М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – М. : Мысль, 1987. – 348 с.

Батюшков, Ф. Пророки и праотцы русской свободы / Ф. Батюшков // Речь. – 1912. – № 6. – С. 3-4.

Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народна культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : «Худ. лит.», 1990. – 176 с.

Белый, А. Мережковский. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 528 с. – (Мыслители XX в.)

Белявский, Ф. Над бездной. «Петр и Алексей» / Ф. Белявский // Слово. – 1905. – № 172 (9 июня). – С. 5–6.

Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. О России и русской философской культуре / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С. 77–144. – №2. – С. 87–154.

Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М.: изд-во МГУ, 1990. – 240 с.

Библиолог [Ловягин А. М.]. Трилогия о Христе и Антихристе / Библиолог. – Литературный Вестник. – 1901. – Т. II. – Кн. VIII. – С. 317–322.

Биловус, Г. Особенности воспроизведения паремий в украинских переводах русскоязычных повестей Т. Шевченко / Г. Биловус // Слово. Фраза. Текст : сб. науч. ст. к 60-летию проф. М. А. Алексеенко. – М. : Азбуковник, 2002. – С. 62 – 70.

Блок, А. Дневник (1911–1913) / под ред. П. Н. Медведева / А. Блок. – Л. : изд-во писателей в Л., 1928. – 125 с.

Богатырев, П. Г. К вопросу о сравнительном изучении народного словесного, изобразительного и хореографического искусства у славян // Богатырев, П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. – М. : Наука, 1971. – С. 422 – 431.

Богданович, А. И. Годы перелома. 1895–1906. Сб. критических статей / А. И. Богданович. – СПб, 1908. – С. 429–435.

Богданович, А. И. Критические заметки. «Петр и Алексей» г. Мережковского. Сходство этого романа по построению с «Воскресшими богами» // Мир Божий / А. И. Богданович. – 1904. – № 3. – С. 9–10.

Болотов, В. В. Лекции по истории древней Церкви / В. В. Болотов. – http://www.kds.ru/bibliot.istorserkvi/bolotov/glava1/part1.html

Бондаренко, Э. О. Праздники христианской Руси : русский народный православный календарь / под ред. Г. А. Спасских. – 2-е изд., стер. – Калининград : Калининградское книжное изд-во : ГИПП «Янтарный Сказ», 1998. – 416 с.

Борисова, Л. М. Драматургия русского символизма (художественные особенности) / Л. М. Борисова. – Киев : изд-во УМКВО, 1991. – 75 с.

Брюсов, В. Я. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней / В. Я. Брюсов. – М. : Книгоизд-во «Скорпион», 1912. – 214 с.

Брюсов, В. Я. Две книги. Д. Мережковский. Павел I. Ф. Сологуб. Пламенный круг // Весы / В. Я. Брюсов. – 1908. – № 6. – С. 50–53.

Бугров, Б.С. Драматургия русского символизма / Б. С. Бугров. – М. : Скифы, 1993. – 64 с.

Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие для вузов / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Рус. словари, 1997. – 416 с.

Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.

Виноградов, В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // ТОДРЛ. Т. 14 / В. В. Виноградов. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1957. – С. 371–379.

Виноградов, В. В. Прах // Виноградов В. В. История слов / Российская Академия наук. Отделение литературы и языка : Науч. совет «Русский язык: история и современное состояние». Ин-т рус. яз. РАН / Отв. ред. чл.-корр. РАН Н. Ю. Шведова. / В. В. Виноградов. – М. : Толк, 1994. – С. 793.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат (пер. с нем.) – М.: Наука, 1958. – 153 с.

Волков, С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные эпитеты и стилевые средства / С. С. Волков. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1974. – 167 с.

Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» / Е. М. Вольф // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98 – 106.

Ганцкая, О. А. Поляки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники / О. А. Ганцкая. – М. : Наука, 1977. – С. 202 – 220.

Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Курс лекций / Г. Д. Гачев. – М. : Академия, 1998. – 432 с.

Гашева, Л. П. Порядок расположения компонентов во фразеологизмах процессуальной семантики в современном русском языке (модель словосочетания) : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л. П. Гашева. – Л., 1985. – 16 с.

Грифцов, Б. Три мыслителя. В. Розанов, Д. Мережковский, Л. Шестов / Б. Грифцов. – М.: изд-во В. М. Саблина, 1911. – 189 с.

Гуревич, А. Я. История и сага / А. Я. Гуревич. – М. : Наука, 1972. – 289 с.

Гусев, В. Е. Заметки о стиле Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 13 / В. Е. Гусев. – М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1957. – С. 273–281.

Дзюба, Е. В. Концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии М. Цветаевой : дис. … канд. филол. наук / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург, 2001. – 255 с.

Добрыднева, Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии : Монография / Е. А. Добрыднева / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2000. – 224 с.

Долгополов, Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века / Л. Долгополов. – Л. : Сов. писатель, 1985. – 352 с.

Долинин, А. Д. Мережковский // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова / А. Д. Долинин. – М., 1914. – Т. 1. – Кн. 3–4. – С. 295–356.

Духовный фольклор на Южном Урале / под общей ред. проф. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2005. – 224 с.

Зайцев, Б. Памяти Мережковского. 100 лет // Мережковский Д.С. В тихом омуте : Статьи и исследования разных лет / Б. Зайцев. – М. : Сов. писатель, 1991. – 496 с.

Залевская, А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж : изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 208 с.

Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Харьков : Фолио; М. : изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 895 с.

Зеньковский, С. А. Житіе духовидца Епифания // Возрождение / С. А. Зеньковский. – 1966. – № 5 (№ 173). – С. 67–87.

Золотые россыпи русского разговора: Пословицы, поговорки, меткие выражения / сост. Ю. Ф. Овсянников. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1998. – 365 с.

Иванов-Разумник, Р. В. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912-13 гг. / Р. В. Иванов-Разумник. – Пбг. : Эпоха, 1922. – С. 22–24, 107–122, 159–164.

Иванов-Разумник, Р. В. Творчество и критика Р. В. Иванов-Разумник. – СПб. : Прометей, 1911. – Т. 2. – С. 110–179.

Ильин, И. А. Творчество Мережковского // Москва / И. А. Ильин. – 1990. – № 8. – С. 187–197.

Исаев, С. Г. «Сознанию незнаемая мощь…» Поэтика условных форм в русской литературе XX века. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. – 213 с.

Июльская, Е. Г. «…И сведохся в сон тонок…». Образ тайнозрителя в видениях инока Епифания // Русская речь. – 2000. – № 6. – С. 64–67.

Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. – Т. 1. – 524 с. – Т. 2 – 468 с.

Карасев, Л. В. Мифология смеха // Вопросы философии. – 1991 – № 7. – С.68 – 88.

Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 335 с.

Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 368 с.

Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь: В 6 кн., 3 ч. Кн. 1, ч. 1./ Ю. Н. Караулов [и др.]. – М. : Помовский и партнеры, ИРЯ РАН, 1994. – С. 190–218.

Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филол. науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.

Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1986. – 280 с.

Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Козловский, Л. Д. С. Мережковский как художник и мыслитель // Журнал для всех / Л. Козловский. – 1910. – № 8–9. – С. 120–147.

Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова…» / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с. – (Язык и время. Вып. 2).

Колобаева, Л. А. Мережковский-романист // Известия АН СССР. Серия литературы и языка / Л. А Колобаева. – 1991. – Т. 50. – № 5. – С. 445–453.

Кондаков, И. В. К феноменологии «грядущего хамства» // Д. С. Мережковский. Мысль и слово / И. В. Кондаков. – М. : Наследие, 1999. – С. 150–163.

Косарев, А. Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость : учеб. пособ. для вузов / А. Ф. Косарев. – М. : ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2000.– 304 с.

Костомаров, Н. И. Увеселения, игры, забавы // Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров. – М. : Экономика, 1993. – С. 185 – 198.

Котюрова, М. П. Языковая личность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной / М. П. Котюрова. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.

Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.

Краснов, П. Д. С. Мережковский. Трилогия «Христос и Антихрист» // Литературные вечера «Нового мира» / П. Краснов. – 1901. – № 12. – С. 672–678.

Крейдлин, Г. Е. Голос, голосовые признаки и оценка речи / Г. Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 141 – 153.

Кудрина, Н. В. Фразеосемантическое поле смерти в поэзии Анны Ахматовой / Н. В. Кудрина // Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской / отв. ред. Н. Б. Усачева. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – Вып. 2. – С. 114 – 118.

Левада, Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Ю. А. Левада. – М. : Наука, 1969. – С. 186–224.

Левонтина, И. Б. Время для частных бесед // Логический анализ языка. Язык речевых действий / И. Б. Левонтина. – М. : Наука, 1994. – С. 71 – 75.

Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия Акад. наук. Серия литер. и яз. Т. 52. – 1993. – № 1. – С. 3–9.

Лосев, А. Ф. Символ и художественное творчество // Известия АН СССР. Серия литературы и языка / А. Ф. Лосев. – 1971. – Вып. 1. – С. 3–14.

Луначарский, А. В. Театр и революция / А. В. Луначарский. – М. : Госиздат, 1924. – С. 53–58.

Лундберг, Е. Мережковский и его новое христианство / Е. Лундберг. – СПб. : тип. Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера, 1914. – 192 с..

Ляцкий, Е. Литературное обозрение («Петр и Алексей» Д.С. Мережковского) // Вестник Европы / Е. Ляцкий. – 1905. – № 12. – С. 824–829.

Макеева, Н. Н. Этика речевого поведения в русской культуре / Н. Н. Макеева // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. : Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М. : Языки рус. культуры, – 2000. – С. 352 – 362.

Мельгунов, С. П. Роман Мережковского «Александр I» // Голос минувшего / С. П. Мельгунов. – 1914. – № 12. – С. 39–80.

Мельчук, И. А. Русский язык в модели «Смысл – Текст» : монография / И. А. Мельчук. – Москва; Вена : Языки рус. культуры, Венский славистический альманах, 1995. – 682 с.

Миловатский, В. С. Об экологии слова / В. С. Миловатский. – М. : Просветитель, 2004. – 63 с.

Минц, З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та / З. Г. Минц. – Тарту, 1979. – Вып. 459. Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сб. III. – С. 77–105.

Минц, З. Г. О трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Д. С. Мережковский Христос и Антихрист: Трилогия / З. Г. Минц. – М. : Книга, 1989. – Т. 1. – С. 5–26.

Михайлова, О. А. Ограничения в лексической семантике : семасиологический и лингвокультурологический аспекты / О. А. Михайлова. – Екатеринбург : УрГУ, 1998. – 240 с.

Михельсон, М. И. Русская мысль и речь : Своё и чужое : Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : ТЕРРА, 1994.

Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1980. – 207 с.

Морковкин, В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1970. – 72 с.

Никитин, М. В. Метафора : уподобление vs. интеграция концептов / М. В. Никитин // С любовью к языку : сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. – М. – Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 256 – 269.

Никитина, С. Е. Пение и говорение в народном восприятии // Логический анализ языка : Язык речевых действий / РАН. Ин-т языкознания; Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М. : Наука, 1994. – 188 с.

Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1993. – 189 с.

Николаюк, Н. Г. Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник / Н. Г. Николаюк. – СПб.: ООО «Светлячок», 1998. – 448 с.

Новиков, Л. А. Семантика русского языка : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / Л. А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.

Новиков, Л. А. Основы семантики / Л. А. Новиков // Новиков Л. А. Избранные труды : в 2 т. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – Т. 1. Проблемы языкового значения. – С. 341 – 672.

Павлович, Т. Семантика слов с корнями «-жи/в/-» и «-мер/мор-» в русском и сербскохорватском языках на фоне культурных концептов «жизнь» и «смерть» : дис. … канд. филол. наук / Т. Павлович. – М., 1996. – 218 с.

Панченко, А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. / А. А. Панченко. – М. : Объединённое гуманитарное изд-во, 2002. – 544 с.

Петров, А. В. Историческая традиция русской литературы XIX века и драма Д.С. Мережковского «Павел I» (проблема власти): дис. … канд. филол. наук / А. В. Петров. – М., 1999. – 174 с.

Петрухинцев, Н. Н. XX лекций по истории мировой культуры / Н. Н. Петрухинцев. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 399 с.

Писарчик, Л. Ю. Гуманистические основы взаимосвязи науки и искусства / Л. Ю. Писарчик. – **http://www.orenburg.ru/culture/credo/17/2.html**.

Полонский, В. В. Биографический жанр в творчестве Д. С. Мережковского 1920 – 1930-х годов : автореф. дис. …канд. филол. наук / В. В. Полонский. – М., 1998. – 26 с.

Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике: Изд. 2-е, стер. / З. Д. Попова, И. А. Стернин – Воронеж : Истоки, 2002. – 192 с.

Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 189 с.

Приходько, И. С. «Вечные спутники» Мережковского (к проблеме мифологизации культуры) // Д. С. Мережковский. Мысль и слово / И. С. Приходько. – М. : Наследие, 1999. – 349 с.

Развитие реализма в русской литературе: в 3 т / гл. ред. У. Р. Фохт. – Т. 3. – М. : Наука, 1974. – Гл. V (Реализм и символизм). – 356 с.

Робинсон, А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в / А. Н. Робинсон. – М. : Наука, 1974. – 407 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).

Розанов, В. Окончание трилогии г. Мережковского (Петр и Алексей) // Новое время / В. Розанов. – 1905. – № 10470. – С. 3–4.

Ротова, М. С. Лексико-фразеологические поля обозначения смеха и плача в современном русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук / М. С. Ротова. – Воронеж, 1985. – 21 с.

Рудич, В. Дмитрий Мережковский // История русской литературы: XX век: Серебряный век / В. Рудич. – М. : изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1995. – С. 214–225.

Русский театр и драматургия начала XX века : сб. науч. тр. – Л. : изд-во ЛГИТМиК, 1984. – 154 с.

Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону : изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.

Садовской, Б. А. Оклеветанные тени (О романе Д. С. Мережковского «Александр I») // Северные записки / Б. А. Садовской. – 1913. – № 1. – С. 115–119.

Сарычев, Я. В. Религия Дмитрия Мережковского : «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. – Липецк : «ГУП «ИГ ИНФОЛ», 2001. – 223 с.

Сборник: Мережковский Д.С. : Мысль и слово // РАН. Ин-т мировой лит./ ред. В. А. Келдыш [и др.]. – М. : Наследие, 1999. – 349 с.

Седов, К. Ф. Психолингвистика в анекдотах: учеб. пособ. / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2005. – 112 с.

Скиданенко, Ю. Д. О некоторых нестандартных семантических отношениях в лексике // Известия АН СССР. Серия литер. и яз. Т. 43. / Ю. Д. Скиданенко. – 1984. – № 4. – С. 355–360.

Соловьева, О. И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях А. Т. Аверченко и Тэффи : дис. … канд. филол. наук / О. И. Соловьева. – Магнитогорск, 2001. – 180 с.

Степанов, Ю. С. Семиотика концептов // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 603–612.

Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. ст. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 58 – 65.

Струве, Г. П. Русская литература в изгнании : Опыт исторического обзора зарубежной литературы/ Г. П. Струве. – Нью-Йорк : изд-во им. Чехова, 1956. – 408 с.

Телия, В. Н. «Говорить» в зеркале обиходного сознания / В. Н. Телия // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 93 – 98.

Толстой, Н. И. Религиозные верования древних славян. Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян / Н. И. Толстой. – М. : «Индрик», 1996. – С. 45 – 160.

Уразаева, Н. Р. Структура молитвенных текстов (на материале немецкого языка) / Н. Р. Уразаева // Наука – вуз – школа: сб. науч. трудов молодых исследователей. – Магнитогорск, 2002. – Вып. 7. – С. 420 – 424.

Флиер, А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – М. : Академический Проект, 2000. – 495 с.

Франчук, О. В. Танцевальная лексика в русском и польском языках // Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс : сб. статей участников междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 18 – 19 нояб. 2005 г.) / отв. ред.-сост. С. Г. Шулежкова / О. В. Франчук. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – С. 211–221.

Хо Сон Тэ, Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.

Чернейко, Л. О. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты языковой картины мира / Л. О. Чернейко // Филол. науки. – 2001. – № 5. – С. 50 – 59.

Чуковский, К. И. Сквозь человека (О романах Д. С. Мережковского) // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 6 т. / К. И. Чуковский. – М. : Худ. лит., 1969. – Т. 6. – С. 190–201.

Чурилина, Л. Н. Лексическая структура художественного текста : принципы антропоцентрического исследования : монография / Л. Н. Чурилина. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 283 с.

Шестак, Л. А. Русская языковая личность : коды образной вербализации тезауруса : монография / Л. А. Шестак. – Волгоград : Перемена, 2003. – 312 с.

Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 495 с.

Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 1973. – 280 с.

Шулежкова, С. Г. Выражение *чадо праха* и слово *прах* в сочинениях А. С. Пушкина // Пушкин : альманах / под ред. проф. С. Г. Шулежковой / С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск : МаГУ, 2004. – С. 45–54.

Щеглова, Л. В. Мережковский. Публичная лекция, прочитанная в феврале 1909 г. в С.-Петербурге, в зале Соляного Городка / Л. В. Щеглова. – СПб., 1910. – 43 с.

Энгельгардт, Н. Классицизм в литературе // Новое время / Н. Энгельгардт. – 1904. – № 10086. – С. 4–6.

Юминова, А. Б. Культурологический аспект развития семантики идиом поля «смерть» в современном русском языке (по результатам психолингвистического эксперимента) / А. Б. Юминова // Фразеология в контексте культуры : матер. междунар. симпозиума. – М. : «Языки рус. культуры», 1999. – С. 221 – 226.

Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы яз-я / Е. С. Яковлева. – 1998. – № 3. – С. 41–73.

Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) : монография / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

Bedford, C. H. The Seeker : D. S. Merezhkovskiy / C. H. Bedford. – Lawrence : University Press of Kansas, 1975. – 222 p.

Словари

Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М. : Рус. словари, 1999.

БАС: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : изд. АН СССР, 1946–1965.

Библейская цитата. Словарь-справочник / сост.: М. В. Арапов, Л. М. Барботько, Э. М. Мирский – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 224 с.

БСКС: Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : изд-во «Рус. словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 624 с.

БТС: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

БЭ: Библейская энциклопедия. Иллюстрированная, полная, популярная. Труд и издание архимандрита Никифора. – М., 1891 (репринт. : М. : ТЕРРА, 1990. – 902 с.).

Даль: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989 – 1991.

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000.

Живов, В. М. Краткий словарь агиографических терминов / В. М. Живов. – http://www.loukin.ru/glossary/agio.htm

Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок: Ок. 1 200 пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 5-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1993. – 537 с.

Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В. И. Зимин [и др.]. – М. : Сюита, 1996. – 544 с.

Лопатин, В. В. Малый толковый словарь русского языка. Ок. 35 000 слов / В. В. Лопатин [и др.]. – М. : Рус. яз., 1990. – 704 с.

Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин [и др.]. – М. : изд-во Эксмо, 2006. – 928 с.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 415 с.

МАС: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985 – 1988.

Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.

НОСС: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / авторы словарных статей : В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.] – 2-е изд., испр. и доп. – М.; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.

НФС: Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицианов. – Мн. : изд-во В. М. Скакун, 1998. – 896 с.

Парамонова, М. Ю. Мученики // Словарь средневековой культуры / М. Ю. Парамонова. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 331 – 336.

Прадид, Ю. Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь эмоций человека / Ю. Ф. Прадид. – Симферополь : Редотдел Крымского комитета по печати, 1994. – 242 с.

Проспект: Фразеологический словарь старославянского языка : более 4000 единиц. Проспект / под ред. С. Г. Шулежковой. – М.; Магнитогорск : ООО «Издательство ЭЛПИС»; Магнитогорск. гос. ун-т, 2006. – 340 с.

ПЦСС: Полный церковно-славянский словарь / сост. Г. Дьяченко. – М. : изд. отдел Моск-ого патриархата, 1993. – 1120 с.

РАС: Русский ассоциативный словарь: в 6 кн., 3 ч. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М. : Помовский и партнеры, ИРЯ РАН, 1994–1998.

РСС: Русский семантический словарь / Ю. Н. Караулов [и др.]; под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Наука, 1983. – 564 с.

Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь / В. И. Зимин, С. Д. Ашурова и др. – М.: Школа–Пресс, 1994. – 320 с.

РЭ: Русская энциклопедия. – http://ewiki.info/article.html

СА: Введенская, Л. А. Словарь антонимов русского языка / Л. А. Введенская. – Р/нД : Феникс, 1995. – 543 с.

САР: Словарь Академии Российской 1789 – 1794 : в 6 т. / ред. Л. В. Тычинина [и др.]. – М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001. – Т. 1. – 688 с.; М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004. – Т. 4. – 784 с.

Сл. др.-р. яз. XI–XIV: Словарь древнерусского языка XI – XIV вв. : в 10-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. (Андрианова и др.) Гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1987 – 2004 (изд-е продолжается).

Сл. ц.-сл. яз: Словарь церковнославянского языка, сост. Вторым отделением имп. Академии наук : в 4-х т. – Т. 1. – СПб., 1847.

Словарь церковнославянскаго и русскаго языка, составленный Вторым отделеніем] Императорской Академіи наукъ. Репринт. изд. по изд. 1847 г. : в 2-х т. – СПб. : изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001.

СОШ: Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская Академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

Срезневский: Срезневский, И. И. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1893 – 1895.

СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975 – 2005. – Вып. 1 – 27 (изд-е продолжается).

СРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII в. / ред. кол. Ю. С. Сорокин, С. Г. Бархударов. – Т. 1 – 14. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1984 – 2004 (изд-е продолжается).

СС: Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / З. Е. Александрова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1989. – 495 с.

ССРЯ: Словарь синонимов / гл. ред. А. П. Евгеньева. – Л.: Ленингр. отд-е «Наука», 1975. – 648 с.

Ст.-сл. сл. Цейтлин: Старославянский словарь (по рукописям X – XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин и др. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.

СЭ: Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – 671 с.

Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – Т. 2. – 886 с.

ТСУ: Толковый словарь современного русского языка : в 4 т. / гл. ред. Д. Н. Ушаков. – М. : ОГИЗ, 1935 – 1938.

УСС: Учебный словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2 500 словарн. ст. / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1978. – 688 с.

Фасмер: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964 – 1973.

Федоров: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. : в 2-х т. / под ред. А. И. Фёдорова. – Новосибирск : «Наука», Сибирское отделение, 1991.

Фелицына, В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомрова / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров. – М. : Рус. яз., 1980. – 240 с.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост. : А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное изд.: в 2-х т. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2. – 832 с.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А. И. Федорова. – М. : Топикал, 1995. – 608 с.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л. А. Воронова и др.; Под ред. и с посл. А. И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп.– М.: АСТ: Астрель, 2001. – 512 с.

ФЭС: Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

Христианство : Словарь / под ред. Л. Н. Митрохина и др. – М. : Республика, 1994. – 559 с.

Черных: Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1993.

Шанский, Н. М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. Н. Зимин, А. В. Филиппов. – М. : Рус. яз., 1987. – 237 с.

Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Прохорова. – 3-е изд., испр. – М. : Дрофа, 2000. – 400 с.

ШФС: Школьный философский словарь / Т. В. Горбунова, Н. С. Гордиенко, В. А. Карпунин [и др.]. – М. : Просвещение : Учеб. лит., 1995. – 399 с.

ЭС: Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат / под ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского [и др.]. Т. 28. – М. : б. и., б. г.

ЭССС: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / отв. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 1 – 31. – М. : Наука, 1979 – 2006.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд. – М. : Наука, 1993. – Вып. 18. – 255 с.

Brücner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brücner. – Warzawa : Wiedza Powszechna, 1970. – 570 s.

Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. Vyp. 1 – 52. – Praha : Academia, 1956 – 1997.

Научное издание

Под ред. **С. Г. Шулежковой**

ОТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СЛАВЯНИНА К СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Коллективная монография

Издается в авторской редакции

Регистрационный № 1348 от 09.03.2004 г. Подписано в печать 23.06.2006 г.
Формат 60×841/16. Бумага тип № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,76. Уч.-изд. л. 14,12. Тираж 1000 экз. Заказ № 326.
Цена свободная.

Издательство Магнитогорского государственного университета
455038, Магнитогорск, пр. Ленина, 114
Типография МаГУ